

1300.
М 69

Государственный музей-заповедник А.С.Пушкина
«Михайловское»

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 31

С.В.Белецкий

ПУШКИНОГОРЬЕ ДО ПУШКИНА
Историко-археологические очерки

2004

**Памяти В.Д.Белецкого (†1997) и С.С.Гейченко (†1993),
заложивших основы археологического изучения Пушкиногорья**

В.Д.Беленкий и С.С.Гейченко. Фото 1980-х годов

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С.Пушкина
«Михайловское»

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 31

С.В.Белецкий

ПУШКИНОГОРЬЕ ДО ПУШКИНА
Историко-археологические очерки

Пушкинские Горы – Москва
2004

ББК 83.3 (2Рос-Рус)

Михайловская пушкиниана. Выпуск 31: Белецкий С.В. Пушкиногорье до Пушкина. Историко-археологические очерки. - Пушкинские Горы. - М., 2004. - 320 с.

ISBN 5-94595-039-4

Данный выпуск сборника «Михайловская пушкиниана» включает монографию доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института истории материальной культуры РАН, профессора Санкт-Петербургского университета культуры и искусств С.В.Белецкого, посвященную археологическим исследованиям, проводившимся в разные годы на территории Государственного Пушкинского заповедника.

Издание рассчитано как на специалистов, занимающихся исследованием древней и средневековой истории России, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

ББК 83.3 (2Рос-Рус)

ISBN 5-94595-039-4

© Текст, Государственный музей-заповедник
А.С.Пушкина «Михайловское», 2004.
© Оформление, оригинал-макет,
ООО «ПроФИнтер», 2004.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пушкинский заповедник на Псковщине — одно из самых почитаемых мест в России. Здесь жил и творил Александр Сергеевич Пушкин, здесь он нашел и свое последнее упокоение. Именно к Пушкину приезжают в Заповедник ежегодно тысячи паломников и сотни волонтеров-доброхотов, своим безвозмездным трудом помогающие музейщикам — хранителям Пушкиногорья.

Но Пушкинский заповедник — это не только усадьбы Михайловское, Тригорское и Петровское, не только Святогорский монастырь и могила поэта. По берегам Сороти и в окрестностях озер Кучане, Маленец, Белогуль известны десятки памятников археологии — курганы, селища, городища. Только некоторые из них — такие как городище Воронич или Савкина Горка — упомянуты в путеводителях, и о них паломникам рассказывают во время экскурсий¹. По сути дела, посетители Заповедника почти ничего не узнают о далеком прошлом Пушкинского уголка, свидетелями которого являются памятники археологии «допушкинской поры».

Между тем археологические работы в Пушкиногорье на протяжении последнего столетия производились неоднократно. В 1900 г. В.Н.Глазов предпринял раскопки средневекового могильника близ д.Арапово: во время этих раскопок были найдены бронзовые женские украшения и каменный нательный крест. В начале XX в. курган в Михайловском парке раскопал Г.А.Пушкин, младший сын поэта. В те же годы еще один курган в этом могильнике исследовал И.К.Линлеман. В 1912 г. разведки в Посоротье проводила В.В.Гольмстен, а в 1950-е годы — экспедиции под руководством С.А.Таракановой, Н.Н.Гуриной и П.А.Раппопорта.

Однако все эти работы носили эпизодический характер. Регулярные исследования памятников археологии Пушкиногорья начались только в конце 1960-х годов. Инициатором систематического археологического изучения Пушкинского уголка стал Хранитель Заповедника Семен Степанович Гейченко, пригласивший для проведения этих работ Василия Дмитриевича Белецкого (рис.1). В 1969 - 1973 гг.

экспедиция Эрмитажа под руководством В.Д.Белецкого провела раскопки городищ Воронич и Савкина Горка, а также обследовала селища рядом с обоими городищами и могильники близ Михайловского. В 1970–1990-е годы систематические разведки в Пушкиногорском районе Псковской области проводил старейший сотрудник Заповедника М.Е.Васильев. В 1980–1982 гг. составлением археологической карты Пушкинского заповедника занимался автор: во время этих работ были повторно обследованы курганы близ Михайловского, городища Воронич и Савкина Горка, а также открыты многочисленные селища эпохи средневековья. В 1997 г. курганы рядом с усадьбой Михайловское раскапывал С.В.Степанов. С 1998 г. по настоящее время разведки и раскопки памятников археологии Пушкинского уголка проводит Псковская областная экспедиция ИИМК РАН под руководством автора². В результате всех этих работ появилась возможность достаточно полно восстановить некоторые страницы «далекого прошлого Пушкинского уголка», остававшиеся еще несколько десятилетий назад практически неизвестными.

В предлагаемых вниманию читателей очерках я попытался рассказать о разновременных памятниках археологии Пушкиногорья и их изучении. В основу книги положены специально переработанные для настоящего издания статьи, опубликованные в различных, порой малотиражных изданиях, а также неопубликованные научные отчеты.

Предваряя рассказ об археологических работах в Пушкинском заповеднике, необходимо хотя бы вкратце сказать о том, что такое «культурный слой»³, поскольку это понятие будет постоянно встречаться на страницах книги.

Попадая на раскопки, человек, незнакомый с археологией, в первый момент недоумевает. Почему оказались под землей остатки древних жилищ и хозяйственных строений, мостовые улиц, дворовые замощения и ограды, печи и многочисленные предметы: орудия труда и оружие, бытовые вещи и украшения? Их что, специально засыпали землей?

Ответ на этот вопрос прост: та земля, в которой обнаруживают и остатки древних строений, и разнообразные предметы, накапливавшаясь постепенно в процессе хозяйственной, строительной и бытовой деятельности человека. Это – так называемый «культурный слой».

Ничто не исчезает бесследно. От любого строительства, большого или малого, всегда остаются следы – щепы или обломки камней, изве-

стковый раствор или кирпичная крошка, глина или цемент и т. п. От жилых построек, отслуживших «свой век», остаются нижние венцы срубов, различные фундаменты, подвалы, развалы или основания печей, каменные, глинобитные или дощатые полы и т. п. Следами хозяйственных строений являются напластования навоза, соломы; производственных – шлаки, фрагменты горнов, лячки, тигли, развалы производственных печей и т. п.

Культурный слой образовывался в древних городах, да и в настоящее время образуется на всех современных поселениях: вспомним о деревенских домах, «врастающих в землю» на один-два венца, или о городских домах, окна цокольных и полуподвальных помещений которых постепенно «уютят под землю».

Процесс формирования культурного слоя связан с интенсивностью жизнедеятельности обитателей поселения. Попробуем проследить это на условном примере (рис.2). С момента возникновения поселка (рис.2, 1) начинается более или менее интенсивное слоеобразование – возводятся жилища, роются колодцы (рис.2, 2). В период существования поселения вокруг построек за счет выметенного из домов мусора, выброшенных за окно объедков и проч. нарастает культурный слой (рис. 2, 3). В том случае, если поселение гибнет в пожаре (рис.2, 4), культурный слой предшествующего времени перекрывается зольно-угольным стоем, причем этот слой заполняет подвалы сгоревших домов и колодцы, а среди углей оказываются несгоревшие или обугленные предметы быта – все то, что не удалось снести (рис.2, 5). Если поселение возродилось на пепелище, то вновь образующийся культурный слой перекрывает слой пожара, и все повторяется сначала (рис.2, 6).

Разумеется, приведенный пример достаточно схематичен, и в реальности стратиграфия культурного слоя на поселении оказывается значительно более сложной: разновременные ямы (подвалы построек, помойки, колодцы) прорезают друг друга, при строительных работах образуются разнообразные линзы и прослойки строительного мусора, какие-то из прослоек уничтожаются при планировочных работах, предшествующих новому строительству, а периоды запустения материализуются стерильными от следов жизнедеятельности человека прослойками погребенного дерна.

Мощность культурного слоя на различных памятниках археологии колеблется от нескольких сантиметров до десяти метров и более. Она зависит от многих обстоятельств: долговременности существования

поселка, плотности застройки, интенсивности хозяйственной и производственной деятельности, характера строительных материалов, влажности почвы и некоторых иных факторов. В русских средневековых городах, в которых почти все строилось из дерева, толщина культурных напластований колеблется от 1 до 7–8 м. Так, в Новгороде культурный слой имеет толщину до 4–7 м. Толщина культурных отложений в Пскове весьма различна: в центре города, где в силу влажности грунта сохраняется древнее дерево, культурный слой достигает 3–5 (до 10) м, а на городских окраинах он составляет от 0,5 до 2–3 м.

Для неспециалиста культурный слой представляется просто серой, черной или коричневой землей. В действительности культурные отложения имеют очень сложное строение и состоят из множества порой слабо заметных прослоек, разнообразных включений и пятен, различаемых археологами по плотности, консистенции и структуре. Задача археолога – тщательно раскопать и не менее тщательно зафиксировать при помощи фотографий, чертежей, рисунков и дневниковых записей сложное строение культурного слоя, восстановить все детали истории исследуемого участка древнего поселения. Так выявляются следы жилых и хозяйственных построек, ремесленные мастерские, отопительные устройства, дворы и усадьбы, улицы и переулки, сады и огорода, незастроенные участки, оборонительные сооружения и многое другое. В культурных отложениях городов Северной Руси из-за насыщенности слоя влагой более или менее хорошо сохраняются остатки деревянных построек – нижние венцы срубных строений, столбы, мостовые улицы и дворовые вымостки, частоколы, разграничающие дворы и усадьбы, дренажные сооружения и др. Это значительно облегчает «чтение» культурного слоя.

При исследовании культурного слоя обнаруживаются самые различные предметы. Это орудия труда, предметы быта, украшения и детали одежды, обувь, посуда и утварь, предметы вооружения и др. Исключительно важным является точная регистрация каждой находки – в каком слое или прослойке она обнаружена, на какой глубине, как лежала. Вещевые находки дают возможность определить, чем занимался хозяин того или иного жилища, как питалась его семья, как одевались члены семьи и какие они носили украшения и т. д.

С другой стороны, вещевые находки дают возможность ученым проникнуть в тайны средневекового ремесла и строительной деятельности, изучить военное дело, выяснить внутренние и международные

торговые и культурные связи, познать духовную жизнь горожан во всем ее многообразии.

Культурные напластования содержат обычно карпологические и остеологические материалы – важный источник для изучения сельскохозяйственной деятельности, промыслов и питания жителей. Карпологические материалы – остатки зерна сельскохозяйственных растений и сорняков, им сопутствующих, – являются надежной основой изучения аграрного дела, в том числе систем земледелия.

Пыльцевые анализы, взятые из культурного слоя, позволяют определить окружающую растительность – характер лесов, лугов, болот, обезлесенных участков.

Остеологические материалы – кости животных – служат важным источником информации о животноводстве (включая анализ породности и молочности отдельных видов домашнего скота), а также являются важнейшим источником для изучения охоты и рыболовства. Они же позволяют судить о питании горожан, о роли мясной пищи, об употреблении рыбы и птицы.

Одной из основных задач археологов является установление хронологии исследуемых отложений культурного слоя. От точности определения, когда (а по возможности, и при каких обстоятельствах) сформировалась та или иная прослойка, зависит достоверность конкретных, в том числе сугубо исторических, выводов. Основной и наиболее частый в практике работы археолога путь определения хронологии отложений культурного слоя – установление даты найденных предметов.

За многие десятилетия археологических исследований, проводимых в древнерусских городах, на сельских поселениях и курганных могильниках, специалисты научились определять время бытования самых разных предметов. Женские украшения – браслеты, перстни, бусы, нагрудные привески, височные украшения, застежки, которые носили, скажем, в X–XI вв., заметно отличались от аналогичных предметов XII–XIII вв., не говоря уже о XIV–XV столетиях. Двери домов и сараев в XIV в. запирали на замки, которые сильно отличаются от замков предшествующих и последующих столетий. В XII в. причесывались совсем не такими гребнями, какие были в употреблении в IX–X или в XIV–XV вв. Таким образом, после тщательного анализа найденных при раскопках предметов можно определить, в каких столетиях (а иногда и десятилетиях) они были потеряны или выброшены за не-

надобностью. А это значит, что можно определить время формирования слоя либо дату той или иной постройки или мостовой.

Кроме вещевых находок надежным источником для хронологических определений являются фрагменты глиняных сосудов, в очень большом количестве находимые при раскопках. Археологи называют их обычно «керамикой». Именно массовость находок керамики придает ей особую ценность для исследователей. Глиняный сосуд — вещь в быту недолговечная. Горшки часто разбивались, и их выбрасывали. С течением времени происходили заметные изменения формы сосудов и технологии их изготовления. Менялась также орнаментика сосудов: от роскошных узоров, покрывавших всю поверхность стенок горшков от венчика до днища, гончары постепенно переходили к более простым приемам орнаментации, а потом орнамент на сосудах вообще исчезает.

Естественно, что на материалах только керамики точно определить время формирования культурного слоя вплоть до лет и месяцев невозможно: керамика позволяет фиксировать, что та или иная прослойка культурного слоя сформировалась в XII–XIII, или в XIII–XIV, или в XIV–XV столетиях, иногда — в XII или XIII, XIII или XIV веках. Но для того, чтобы можно было переходить от археологических наблюдений к историческим выводам, необходима более точная хронологическая картина. Установление узких дат, то есть дат с точностью до десятилетий или даже лет, требует иных методов. Главнейший из них — «метод узких дат». Что это такое?

После того, как мы выявили в культурном слое перекопы и установили, какие из датирующих предметов происходят из неподревоженного перекопами слоя, мы начинаем анализировать хронологию культурных напластований. Каждая из датирующих находок имеет определенный период своего существования в обиходе. В одном и том же слое могут оказаться предметы, каждый из которых обладает своим периодом бытования, и периоды эти совсем не обязательно должны совпадать друг с другом.

Но так как мы уже установили, что все вещи попали в один и тот же слой и оказались в нем не случайно, а в период формирования данного слоя, они, следовательно, одновременно находились в быту. Если так, то время наиболее вероятного существования предметов и есть узкая дата слоя, определяющая время его отложения. Иными словами, датировка слоя определяется не временем появления наиболее ранней вещи и не временем исчезновения из обихода наиболее поз-

дней вещи, а тем временем, когда эти вещи могли находиться в обиходе совместно.

Таким путем определяется датировка для слоя, в котором плохо сохраняется дерево. Ну а в тех случаях, когда остатки деревянных строений в культурном слое сохраняются хорошо, имеется иной, еще более точный метод датирования – дендрондикация. Давно подмечено, что годичные кольца на спилах деревьев различаются по толщине. Толщина каждого из годичных колец соответствует тому, каким был этот год для дерева – теплым или холодным, дождливым или засушливым. Специалисты-биологи вместе с археологами разработали на основании изучения спилов с бревен, найденных при археологических раскопках, так называемую «дендрохронологическую шкалу». По этой шкале удается датировать бревна, обнаруженные при раскопках. Датировать, естественно, тем годом, когда дерево было спилено. К сожалению, далеко не все спилы пригодны для дендрондикации: требования к образцам, поступающим на определение, очень строгие. И все-таки в распоряжении археологов оказываются даты, установленные с точностью до года. Такая точность в археологической практике крайне редка.

Еще одним способом установления хронологии формирования культурного слоя является использование метода радиоуглеродного датирования органических материалов, найденных при раскопках, – дерева, угля, костей и т.п. Метод основан на определении возраста по остаточному радиоактивному изотопу углерода-14 (^{14}C), период полу-распада которого равен 5730 лет. Конечно, для каждого отдельно взятого образца в процессе лабораторного исследования получают широкую дату – от нескольких десятилетий до двух-трех столетий. Но серия датированных образцов из неподревоженных напластований на многослойных поселениях позволяет определять для периодов накопления культурного слоя достаточно узкие даты.

Есть и еще один путь установления более или менее точных датировок для отдельных прослоек культурного слоя. Давно замечено, что разновременные прослойки культурного слоя различаются между собой по толщине. Они не бывают и строго горизонтальными. Однаковые по мощности прослойки могли откладываться и на протяжении сравнительно длительного времени, если жизнь текла равномерно и ничто не нарушило этого течения, и за короткий срок – от нескольких дней до нескольких часов. В результате крупного пожара, например, выгорали целые кварталы деревянной городской застройки и прослой-

ки пожарищ по толщине часто превышали отложения культурного слоя, формировавшиеся за предшествующие 50–100 лет.

Вот эта самая неравномерность формирования культурного слоя и оказывается ключом для археологического исследования. О крупных пожарах, например, или же о нашествии врагов (и связанных с этим событием массовых разрушениях, произошедших в городе) часто имеются сообщения в летописи. Крупные пожары, в которых порой выгорал весь город, летописец называл даже «карой Божьей», «энамением», «карой за грехи». Установив «узкую дату» времени формирования прослойки пожара (с точностью до четверти столетия, например), мы можем попытаться сопоставить ту или иную прослойку с конкретным событием, зафиксированным письменной историей. То же самое может быть отнесено и к прослойкам, сформировавшимся при строительных работах по возведению крепостных стен или каменных храмов либо при перестройке подобных монументальных сооружений. И тогда отдельные прослойки получают, благодаря сведениям письменных источников, абсолютные даты с точностью до нескольких лет или даже нескольких часов, а другие – датируются промежутками времени между точно датированными прослойками.

Особый интерес при анализе культурного слоя и датировке его прослоек представляют выявляемые изредка «лакуны», то есть отсутствующие в культурном слое напластования за более или менее длительные отрезки времени. То есть когда на слоях, скажем, X в. лежат отложения начала XII в., перекрытые, в свою очередь, отложениями начала XIV в. Отсутствие культурного слоя может означать, что в этот период в данном конкретном месте постоянное население отсутствовало.

Ну, а если мы можем с уверенностью утверждать, что такого перерыва в освоении участка под застройку не было? Если письменные источники именно для этого места фиксируют существование постоянной застройки, а слоя мы не обнаруживаем? В таких случаях можно констатировать, что культурные слои оказались уничтоженными в результате земляных работ, связанных с нивелировкой поверхности. Такие земляные работы могли и не найти отражения в письменных источниках. Но сам факт их проведения указывает нам на то, что рассматриваемый участок привлек горожан и для каких-то целей здесь была проведена планировка современной для древних горожан дневной поверхности. Следовательно, необходимо искать в материалах как археологических раскопок, так и в письменных источниках ответ на вопрос:

когда и зачем могли быть проведены зафиксированные «лакуной» земляные работы. Ну, а время проведения планировочных работ можно определять по хронологии нерекрывающего «лакуну» культурного слоя.

Культурный слой является важнейшим источником для изучения истории и культуры далекого (и даже не очень далекого) прошлого. Повреждения культурного слоя приводят к уничтожению этого важнейшего исторического источника и резко сокращают его информативные возможности. Именно поэтому культурный слой находится под охраной государства. Его повреждения караются Законом об охране и использовании памятников истории и культуры.

¹ Именно эти памятники учтены в методических разработках экскурсионных маршрутов «Люблю сей темный сад...» (Лобанова Э.Ф. «Люблю сей темный сад...». Методическая разработка экскурсии по парку с.Михайловское // Михайловская пушкинница. Вып.10–11. М.. 2000, с.56–57), «Везде передо мной подвижные картины» (Буковский А.В. «Везде передо мной подвижные картины». Ландшафт в округе с.Михайловского: Михайловское – Савкина горка – «Три сосны». Методическая разработка музеино-ландшафтной экскурсии // Там же, с.95), «По следам Пушкина и Онегина» (Лобанова Э.Ф., Тихонова Л.П., Пицрук Г.Н. «По следам Пушкина и Онегина». Методическая разработка экскурсии по Тригорскому парку // Там же, с.110) и «Минувшее проходит передо мною...» (Лобанова Э.Ф. «Минувшее проходит передо мною...». Методическая разработка экскурсии по городицам Савкино, Воронич и сельскому кладбищу деревни Воронич // Там же, с.252).

² Финансирование работ Нековской областной экспедиции ИИМК РАН осуществляется из средств Государственного пушкинского заповедника при поддержке Федеральной целевой программы «Интеграция» (проекты К-0389 и Э-0336). В работах принимали участие студенты и выпускники кафедры музееведения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства, учащиеся Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета, а также волонтеры («доброхоты», по терминологии Пушкинского заповедника) из Зеленограда, Набережных Челнов, Перми, Ижевска и Пикалева.

³ См.: Седов В.В., Белецкий С.В. Культурный слой // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып.5. СПб., 2000, с.5–13.

ГОРОД ВОРОНОЧ

Письменные источники

Впервые о существовании города Вороноча (Воронача, Воронича) мы узнаем из летописной статьи 1349 г. Рассказывая о разрыве псковичей с князем Андреем Ольгердовичем, сыном великого литовского князя Ольгерда, летописец отмечает: «Андрей с иолочаны (жителями Полоцка. — С.Б.) ...повоеваша неколико сел Вороначькой волости»¹. Правда, в этом сообщении говорится не о городе Вороноче, а о Воронческой волости, однако в конце XIV в. город Вороноч безусловно существовал: он упомянут в перечне русских городов², составленном около 1381 г.³

В XV в. город дважды назван в псковских летописях в связи с военными действиями на литовско-псковском рубеже. В конце зимы 1406 г., когда Псковскую землю «воевал» великий литовский князь Витовт, его войска два дня осаждали Вороноч⁴, причем во время осады «под городом Вороначем наметаша ратницы мертвых детей две лодии»⁵. В августе 1426 г. Вороноч вновь осаждали войска Витовта, стоявшие под городом три недели и снявшие осаду только после переговоров с псковскими посадниками и обещания псковичей выплатить «князю Витовту мзды тысячу рублей»⁶.

Летом 1440 г. Вороноч упоминается в Псковской летописи в рассказе о знамении от иконы св. Николы — «ис суха древа напрасно изыде кровь из леваго ока»⁷; икона была торжественно перевезена в Псков, где ее встречали священники всех трех соборов и архимандрит Геласий, возглавлявший в это время псковскую церковь⁸.

В XVI в. Вороноч вновь упоминается в летописи в связи с военными действиями на литовском рубеже. Осенью 1518 г. польско-литовские войска почти месяц осаждали город Оночку, и тогда же литовские отряды «повоевали» города Вороноч, Велье и Красный⁹. В 1521 г. Вороноч стал местом сбора русских войск, ожидавших начала военных действий против Литвы¹⁰. 29 ноября 1546 г. в Вороноче останавливался московский царь Иван IV Васильевич (Грозный), совершивший поезд-

ку в Новгород и Псков¹¹. Весной 1565 г., когда большой отряд литовцев подошел к городу Велье, а русские войска отступили, преследовавшие их литовцы «за пять верст не доходили до Вороноча»¹².

Летом 1581 г., в разгар Ливонской войны, мимо Вороноча прошла польско-литовско-венгерская армия под командованием короля Стефана Батория, двигавшаяся на Псков. В четырех-пяти верстах от Вороноча был устроен сборный пункт войск Батория. В Ватиканском архиве хранится копия с карты, присланная «в Рим в начале 1582 г. папским пунцием А. Поссевино... Присланный им в Рим рисунок, очевидно, копия с плана королевской походной канцелярии»¹³. На карте (рис.3) обозначены Псков и города, находившиеся на пути войск Батория, — Опочка, Красный, Заволочье и Вороноч, а королевский лагерь показан на левобережье Сороти к востоку от Вороноча (рис.3, врезка). Опираясь на сведения, содержащиеся в надписях на карте, А.Н.Кирличников убедительно доказал, что карта была составлена между 18 и 20 августа 1581 г.¹⁴

Любопытно, что ни в дневнике Пиотровского, ни в надписях на карте 1581 г. нет сведений об осаде Вороноча, хотя сообщено о захвате Заволочья, сожженном Красном городке и осаде Острова. Секретарь Батория ксендз Пиотровский записал 8 августа 1581 г. в своем дневнике: «Провел ночь в пяти милях от Вороноча; там обилие во всем, селения расположены густо, хотя нигде не видно ни одного человека; на полях большой урожай и много хлеба». Аналогичная запись появилась в дневнике через неделю: «Мы ночевали в 4 милях (от Вороноча) над рекою Великой... Мы уже вступаем в веселую и плодородную страну, но что пользы от этого? Везде пусто, мало жителей»¹⁵. Возможно, Вороноч, как и соседний Красный городок, был сожжен покинувшими его русскими еще до подхода королевской армии.

Но, так или иначе, в 1585–1587 годах, когда «писцы» Григорий Мещанинов-Морозов и Иван Дровнин составляли описание Пскова и его пригородов¹⁶, они зафиксировали здесь запустение. «Города лежали в развалинах; в уезде вместо пашен и нив были сплошные перелоги и земля в пусте и пожни оброчные, а ныне их на оброк не взял никто»¹⁷. Вороноч обозначен в писцовой книге 1585–1587 гг. как «городище, что был город»¹⁸; на посаде Вороноча «7 дворов, а людей в них 9 человек... А по старому писму в Вороноче было... 371 двор... и убыло... 364 двора»¹⁹. Запустение царит и в округе Вороноча²⁰.

Только-только Вороноч начал приходить в себя после «Баториева разорения», как «новые беды пришли на берега Великой»²¹. В годы

Смутного времени города Псковской земли неоднократно подвергались разорению и опустошению. Так, в 1611 г. на обширных пространствах Псковщины от Печор до Опочки хозяйничал большой (до 2 тысяч человек) литовско-немецкий отряд «полковника» Лисовского, некоторое время «стоявший» на Вороноче²². «Из эпохи Смуты... псковские пригороды вышли в состоянии разорения. Войны Москвы с Речью Посполитой в XVII веке снова и снова разоряли этот край»²³. И хотя в 1627 г. Вороноч обозначен в «Книге Большому Чертежу» как «город»²⁴, он так, по-видимому, и не сумел оправиться после Смутного времени. В 1634 г. «на Вороноче... было посадишко, а крепости... никакие, и ратных людей не было»²⁵. Правда, в летописи отмечено, что зимой 1633–1634 г. «литва... Вороноч выжгли и высекли»²⁶, однако речь здесь идет о разорении посада и окрестностей города, а собственно «город» уже не упоминается²⁷.

Через четверть столетия, когда Вороноч начал восстанавливаться, его вновь постигла беда: весной 1661 года город был «выжжен» в результате нападения польского отряда, а весной 1664 г. «вражеский набег повторился, причем вторгнувшийся отряд... устроил там свой обоз»²⁸. После этого разорения Вороноч, по-видимому, так никогда и не оправился. В 1706–1708 гг. Петр I трижды проезжал по Псковщине от Пскова до Великих Лук, однако «в официальных записях» Вороноч не упоминается ни разу²⁹. В 1720-е годы Вороноч являлся пригородом г. Острова, а к моменту образования г. Новоржева в 1777 г. потерял и этот статус³⁰. В начале XIX в. это была уже глухая провинция, где о прежних бурях напоминали лишь «одинокий древний храм среди бесплодной поляны» и «благородные курганы по зеленеющим брегам»³¹.

Археологические исследования города Вороноча

Комплекс археологических памятников, сохранившихся до наших дней от средневекового псковского пригорода Вороноча, находится на левом берегу р. Сороть у ее излучины, на окраине и в черте д. Воронич близ усадьбы Тригорское. Он включает городище и три селища (рис.4).

Городище Воронич – детинец средневекового города (рис.5) – занимает мыс коренного берега Сороти, образованный двумя оврагами.

С напольной стороны городище защищено валом (высота от поверхности площадки 8 м) и рвом. Склоны эскарпированы. Площадка городища имеет размеры 110×100 м. Высота над поймой 15–19 м. Центральная часть площадки овальная. С мысовой стороны, противоположной рву, к ней примыкают два террасообразных выступа, придающих площадке трапециевидную форму. Вдоль северо-западного склона городища на площадку ведет въезд (рис.6). Аналогичный въезд, сохранившийся в виде тропинки, поднимается вдоль северо-восточного склона.

Селище 1 (рис.7) находится на левом берегу р. Сороть в черте д. Воронич, отделено от городища оврагом. Площадь памятника превышает 10 га. В XIII–XVI вв. это селище являлось Великим посадом города.

Селище 2 (рис.8) находится на левом берегу р. Сороть к северо-востоку от городища, от которого оно отделено заболоченным руслом старицы. Площадь селища около 1,6 га. Границы памятника определяются руслом старицы и современным руслом реки.

Селище 3 (рис.9) находится в пойме правого берега р. Сороть. Площадь его достигает 6,7 га. С юго-востока, юга и юго-запада селище ограничено берегом Сороти, с северо-запада границей селища является ручей, с севера и северо-востока — цепочка прудов.

Селища 2 и 3 соответствуют Козмодемьянскому посаду города. Возможно, правы М.Е.Васильев и Б.Н.Харлашов, предполагавшие, что цепочка прудов является остатками искусственного ряда³². Однако не исключено, что это следы почти персохшего рукава реки Сороти, ограничивавшего Козмодемьянский посад с севера и северо-востока и превращавшего его в остров.

Раскопки на городище Воронич

Городище известно в научной литературе с конца XVIII в. В 1951 г. щурф на его площадке заложила С.А.Тараканова³³, в 1956 г. — П.А.Рашпопорт³⁴. В 1969 г. небольшие раскопки здесь провела экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством В.Д.Белецкого: на площадке городища было заложено два шурфа (№ 1 и № 2), а также сделаны две зачистки обнажений слоя, обозначенные как шурфы № 3 и № 4 (рис.10). В шурфе № 2 выявлен темно-серый (до темно-коричневого и интенсивно черного) культурный слой с прослойками угля, золы, древесного тлена и прокаленной почвы (рис.11). В основании

слоя вскрыты деревянные настилы со следами пожара (рис.12). В слое найдена круговая керамика XIII–XVI вв., ледоходный шип, шиферные пряслица, ножи, точильные камни (рис.13)³⁵.

Таким образом, шурфовка 1969 г. показала, что поселение на площадке городища возникло не позднее XIII в.³⁶ Однако шурфы выявили значительные различия в стратиграфии и хронологии культурного слоя на разных участках площадки городища. Если в шурфе № 2, заложенном в юго-восточной части городища, зафиксирован мощный хорошо стратифицированный слой с находками керамики XIII в. в нижних частях напластований, то в шурфе № 1 и в зачистках № 3 и № 4, размешавшихся в юго-западной и центральной частях площадки городища, мощность слоя не превышала 0,6 м, стратиграфия отложений носила аморфный характер, а собранные керамические материалы относились по преимуществу к XV–XVI вв.³⁷ Иными словами, картина стратиграфии и хронологии культурного слоя на городище Воронич в целом оставалась не вполне ясной.

В 2002 г. Псковская областная экспедиция ИИМК РАН под руководством автора возобновила раскопки на площадке городища Воронич³⁸. Раскоп II³⁹ площадью 20 кв. м был заложен в юго-восточной части площадки городища у подошвы вала (рис.14–15).

Мощность культурного слоя в разных частях раскопа заметно различалась: в северной⁴⁰ оконечности его она не превышала 0,7 м, в то время как в южной части достигала 2,6 м (рис.16). Под тонким (5–10 см) слоем дерна залегал серый пахотный слой мощностью 40–70 см (рис.21). В этом слое собраны фрагменты сильно измельченной керамики XIV–XVI вв. и более позднего времени (рис.17–19)⁴¹. Из этого же слоя происходят разновременные индивидуальные находки: кремни, фрагменты железных ножей, железные пробой и гвозди, фрагмент ошлакованного печного изразца, оплавленные оконные стекла, точильный камень, половинка пастовой боченковидной бусины печного цвета.

Ниже пахотного слоя открыты отложения темно-серого (до черного) цвета с обильной примесью угольков. Этот слой практически не стратифицирован и в основном лишен объектов. Только в южной оконечности раскопа в основании слоя открыто скопление обожженных камней, выделенных в *горизонт 1* (рис.20; рис.22). В темно-сером слое собраны фрагменты разновременной керамики – от XIII до XVI в. (рис.23–27), причем преобладают обломки сосудов XV–XVI вв. Кера-

ника XV - XVI вв. найдена и при разборке скопления камней (рис.24, 1-11), так что можно думать, что фрагменты сосудов более раннего времени попали в этот слой из более ранних отложений.

В основании темно-серого слоя по всей площади раскопа зафиксирован слой пожара (*горизонт 2*), прослеженный в виде пятен угля и золы, а также прослойки прокаленной почвы (рис.28-30). При расчистке и разборке слоя пожара найдены, главным образом, фрагменты керамики XIV-XV вв., хотя встречены также обломки сосудов более раннего времени (рис.31-36). В слое пожара собраны также немногочисленные индивидуальные находки — кремень, железные гвозди, крица, скорлупа от лесного ореха, литейная формочка (рис.37; рис.38, 1).

Под слоем пожара залегал черный слой с включением частиц прокаленной почвы и обожженных камней. В этом слое зафиксированы скопления валунных камней, фрагменты истлевшего и обугленного дерева, пятна золы, выделенные в *горизонт 3* (рис.39-40). При расчистке и разборке объектов горизонта 3 собраны фрагменты круговой керамики XIII-XIV вв. (рис.41-46), единичные обломки примитивнокруговых (рис.41, 12) и лепных (рис.46, 1) сосудов, а также немногочисленные индивидуальные находки (кремни, железный предмет, половника жернова).

Под черным слоем залегали отложения темно-серого предматерикового слоя, лишенные объектов. В этом слое найдены фрагменты круговой керамики XIII в. (рис.47), единичные обломки лепных сосудов (рис.47, 24), глиняное шаровидное грузило, крицы, два пищерных пряслица.

В южной части раскопа открыта подошва городищенского вала, сложенного из серо-желтого суглинка (рис.48, 1). В черном слое, накрывавшем подошву вала, собраны фрагменты круговых сосудов XIII в. (рис.49), обломки лепных сосудов (рис.49, 14-15). В теле вала и непосредственно под ним (в слое темно-коричневого цвета, обильно насыщенному древесным тленом) обнаружены ренистчатые конструкции из досок и бревен (рис.48, 2-3; рис.50). Они были положены на поверхность предматерикового темно-серого слоя, лишенного находок, частично «вдавились» в этот слой. При расчистке и разборке деревянных конструкций найдены фрагменты круговой керамики XIII в. (рис.51).

В поверхности материка выявлены пять ям (рис.52-53). В четырех из них найдены фрагменты керамики. Из придонной части ямы № 1 происходят обломки сосудов XIII в. (рис.54, 3, 7, 8), в то время как в

верхней части заполнения этой ямы найдены, наряду с фрагментами XIII - XIV вв. (рис.54, 2, 4-6), также обломки сосудов XV в. (рис.54, 1). Немногочисленные фрагменты керамики, найденные в заполнении ям № 2 (рис.54, 9 - 10) и № 4 (рис.54, 11), также могут быть отнесены к XIII-XIV вв., кроме того, в яме № 4 обнаружена бусина. Наиболее представительная серия фрагментов керамики происходит из ямы № 3: все найденные обломки можно датировать XIII в. (рис.55).

Заметим, что придонная часть заполнения ям № 1 и № 4 представлена предматериковым темно-серым слоем, и, следовательно, эти ямы появились раньше, чем был возведен вал городища. Ямы № 2 и № 3 были опущены с поверхности предматерикового слоя, и, таким образом, они появились несколько позднее, чем ямы № 1 и № 4. При этом яма № 2 заполнена черным слоем с примесью частиц прокаленной почвы и обожженных камней, в то время как яма № 3 была засыпана глиной, причем дневной поверхностью, с которой производилась засыпка, являлась поверхность предматерикового слоя. Вероятно, что засыпка ямы № 2 происходила в момент сооружения фортификаций городища. В любом случае, позднейшей из ям можно считать яму № 2, в то время как яма № 3 относится к несколько более раннему времени.

В яме № 5, заполненной предматериковым слоем, находки отсутствовали, а сама яма, вероятнее всего, представляла собой начало овражка на южном склоне городища.

Очевидно, что зафиксированная в раскопе 2002 г. стратиграфия культурного слоя соответствует стратиграфии в шурфе № 2 1969 г.: позднейший из строительных горизонтов шурфа соотносится с горизонтом 1; слой пожара сопоставим с горизонтом 2; открытое под прослойкой пожара скопление обгорелых камней и сгоревшие деревянные конструкции соотносятся с горизонтом 3. Два уровня деревянных настилов, открытые в основании слоя в шурфе № 2 и обозначенные В.Д.Белецким как «строительные горизонты», определенно соотносятся с решетчатыми внутривальными конструкциями. Заметим, что в шурфе № 2 1969 г. деревянные конструкции были перекрыты глиняной прослойкой, причем верхняя часть конструкций залегала в глине, а нижняя – под этой прослойкой.

Хронология исследованных в раскопе 2002 г. напластований затруднена исключительной бедностью культурного слоя. Основным датирующим материалом является керамика. Аналогии для единственного обломка орнаментированного лепного сосуда (рис.49, 15) мне не

известны. Некоторой параллелью для этого орнамента является орнамент на фрагменте лепного сосуда из слоев последней четверти I тысячелетия по Р.Х., найденном при раскопках 1978 г. на поселении Кияжая Гора в Новгородской области⁴², однако сходство слишком отдаленное, чтобы делать на этом основании какие-либо уверенные выводы. Судя по находкам фрагментов неорнаментированных лепных сосудов (рис.47, 24; рис.49, 14), а также обломков раннекруговой керамики (рис.41, 12; рис.46, 11) площадка городища посещалась людьми и позднее – в середине и в конце I тысячелетия по Р.Х. Однако непотрэвоженные слои этого времени в раскопе отсутствуют. Кроме того, в раскопе серийно представлены находки кремней, некоторые из которых несут следы использования⁴³. Однако свидетельств существования здесь поселения эпохи камня также не выявлено.

Начало непрерывного формирования отложений культурного слоя, судя по находкам круговой керамики, приходится на XIII в., а процесс интенсивного накопления слоя приходится на XIV–XVI вв. Фрагменты сосудов более позднего, чем XVI в. – времени, происходящие из пахотного слоя, немногочисленны, и это свидетельствует о недостаточной интенсивности жизни на площадке городища в XVII–XVIII вв. и в более позднее время.

Безусловно, уточнить и детализировать датировку позволит серия образцов угля и дерева⁴⁴, однако изучение этих образцов пока не завершено.

К числу датирующих находок в раскопе относятся два шиферных прядильца, две бусины и литейная формочка. Прядильца традиционно считают хронологическим индикатором домонгольского времени⁴⁵, однако в Новгороде подобные находки обнаружены не только в домонгольских слоях, но и в слоях более позднего времени – вплоть до рубежа XIV–XV вв.⁴⁶ Одно из прядильц из найдено в северной части раскопа в предметиковом слое, второе – в черном слое, перекрывавшем полу вала. Таким образом, оба прядильца выпали в слой ранее, чем сформировался горизонт 3 – наиболее ранний из зафиксированных в площади раскопа строительных горизонтов. Широкая дата предметов не позволяет использовать их для датировки слоя. Можно лишь отметить, что находки прядильц не противоречат датировке найденной в слое керамики.

Половинка пастовой боченковидной бусины печеночного цвета, обнаруженная в пахотном слое, датируется VIII–X вв.⁴⁷, а доживают по-

добныс бусины до XII в.⁴⁸ Тем же временем датируется найденная в материковой яме № 4 желтая пастовая бусина, принадлежащая к группе рубленого бисера⁴⁹. Вероятность доживания обеих бусин до XIII в. крайне мала, что позволяет в предположительной форме связывать обе находки со временем бытования на городище примитивнокруговой керамики, то есть с переотложенным слоем конца I тысячелетия по Р.Х.

Особо следует отметить найденную в слое пожара литейную форму (рис.38, 1)⁵⁰ из мелкозернистого песчаника. Нахodka принадлежит кругу раннесредневековых формочек, предназначавшихся для отливки мелких нашивных и подвесных украшений из свинцово-оловянного сплава. На рабочую плоскость формочки нанесены углубленные негативы двух изделий – полусферической бляшки диаметром 5 мм и плоской подвески или нашивки диаметром 25 мм. К обоим углублениям вели литейные каналы. По-видимому, негатив еще одного изделия был нанесен на боковую сторону каменной пластины, но он настолько зашлифован, что почти не прослеживается.

Маленькие полусферические бляшки, отливавшиеся в форме, нашивались на ткань через небольшое ушко с оборотной стороны (рис.38. 2). Такие бляшки были широко распространены в конце I тыс. н.э. в Восточной Европе как в славянских, так и в финно-угорских культурах. Несмотря на нестойкость и хрупкость мелких изделий из свинцово-оловянных сплавов, до нас дошли отливки подобных предметов. Так, в кладе второй половины VII в. н.э. в Великих Будках Сумской обл. таких бляшек найдено более 400⁵¹.

Формочки для отливки плоских круглых медальонов или нашивных блях диаметром около 25 мм часто встречаются в раннесредневековых памятниках Северо-Запада России: они найдены в Пскове, на городище Камно, на городище Любша в Поволховье (там же имеется и соответствующая отливка⁵²). Подобные медальоны с простым или двойным крестом и рубчатым краем обнаруживаются ближайшие соответствия в более ранних и синхронных памятниках в Северо-Восточной Болгарии⁵³ и в Поднестровье⁵⁴. Однако на юге формочек для гладких медальонов не встречено, а на изделиях из Любши⁵⁵ и Камно⁵⁶, напротив, можно проследить, как постепенно утрачивается центральное изображение креста. Наиболее близкие рассматриваемой формочеке предметы найдены на Псковском городище⁵⁷. Иногда такие формочки интерпретируются как формы для отливки подражаний дирхемам⁵⁸, но этому противоречит логика развития типологического ряда, в

который включены предметы, а также то, что все они, за редким исключением, представляют собой формы для подвесок с ушком. Все известные аналогии относятся к VIII–IX вв. или более раннему времени, как, например, формочка из Бернашевки на Днестре, где также сочетаются негативы полусферических бляшек и плоских подвесок⁵⁹.

Важной особенностью публикуемой литейной формы является наличие следов вторичного использования: формочка была тщательно зашлифована с рабочей стороны и по бокам так, что негативы первоначальных изображений стали значительно мельче или совсем стерлись. Затем попрек негатива круглой подвески по ее диаметру была процарапана глубокая канавка, позволяющая вставлять проволочный сердечник, при удалении которого после отливки в изделии получался длинный сквозной канал. Кроме того, со стороны противоположной старому, зашлифованному литейному каналу, к негативу изделия не слишком аккуратно был подведен новый, глубокий и широкий конический литейный канал, который, возможно, уничтожил негатив ушка подвески. Из такой формы, при подборе соответствующей второй створки, мог выйти достаточно грубый плоский свинцовый кружок с выпуклым валиком над сквозным внутренним каналом – заготовка для актовой печати. Диаметр выемки для отливки печати 25 мм, глубина выемки 1 мм, глубина желобка под канал для нитей 3 мм. Таким образом, отливавшаяся в формочке заготовка должна была иметь следующие размеры: диаметр 25 мм, толщина до 2 мм, диаметр валика для канала до 6 мм, что определяет диаметр канала в 2 мм (рис.38, 3). Подобные заготовки, но меньшего диаметра (20–21 мм)⁶⁰, имеются в составе архива второй половины XV – начала XVI в. из раскопок в Домонтовом городе Пскова⁶¹.

Формы для отливки металлических заготовок для актовых печатей принадлежат к числу редчайших археологических находок: подобные предметы на территории древней Руси были найдены как будто бы только при раскопках в Пскове⁶² и на Рюриковом городище под Новгородом⁶³.

Случаев, когда из литейных формочек, вырезанных в мягком камне, изготавливались оселки (Любша) или пряслица (Старая Ладога, Коробовы хутора в Подонье), можно найти достаточно много. Однако хронологический разрыв между первоначальным и вторичным использованием предмета в этих случаях обычно небольшой, а исходная функция изделия утрачивается. По-другому обстоит дело с находкой из Во-

ронича – хронологический разрыв между двумя периодами использования литейной формы превышает половину тысячелетия, но в то же время после переделки формочка вновь используется по своему первоначальному назначению.

Слой пожара, из которого происходит формочка, датирован по находкам керамики XV в. Этот пожар может быть сугубо предварительно соотнесен с летописным рассказом 1426 г. об осаде города Вороноча войсками великого литовского князя Витовта: «Того же лета князь Витовт Литовский мир разверзе с Псковом на Петров день; по том изоиде три недели и 4 дни, месяца августа в 1 день, в четверк, прииде князь Витовтъ с силою великою литовскою и с Татарами воевати Псковскаа волости.. Сталь под Вороначам в понедельник, месяца августа в 5, и стоял под Вороначам три недели, пороки исцинивше и шибаочи на град... И псковичи... послаша к Витовту под Воронач своих послов... и взяще мир с Витовтом, месяца августа 25»⁶⁴. Очевидно, что в начале XV в. в псковском пригороде Вороноче имелась постоянная потребность в заготовках для актовых печатей. Это указывает на присутствие в городе должностного лица или учреждения, располагавшего правом юрисдикции⁶⁵.

Исследование посадов Воронича

Селища Воронич 1–3, являющиеся остатками городских посадов эпохи средневековья (рис.4), неоднократно осматривались археологами⁶⁶. В частности, в 1969 г. поиски подъемного материала на территории деревни Воронич, по берегам Сороти в окрестностях городища, а также на территории Тригорского парка проводил В.Д.Белецкий⁶⁷. В 1980 и 1998 гг. посады Вороноча обследовал автор. В том же 1998 г. на селище Воронич 1 были проведены небольшие раскопки⁶⁸.

Раскоп площадью 128 кв. м был заложен в северо-западной оконечности деревни на склоне плато, обращенном к долине Сороти. Зафиксированная в площади раскопа мощность культурного слоя не превышала 0,5 м (рис.56–58). Слой представлял собой практически не стратифицированный темно-коричневый гумусированный суглинок (рис.59). В процессе раскопок установлено, что культурный слой перепреложен распашкой огорода, а также нарушен современными перекопами. В слое⁶⁹ найдены фрагменты круговой керамики XIII–XVIII вв.

(рис.60–61), а также обломок лепного сосуда конца I тысячелетия по Р.Х. (рис.62).

При зачистке материковой красной глины выявлены разновременные ямы (рис.63–64). В большинстве из них датирующие материалы не найдены, а некоторые ямы являются позднейшими перекопами (ямы № 1, № 3, № 5), хотя и содержат, наряду с современным мусором, фрагменты средневековых сосудов (рис.65, 1–6).

Однако ряд ям безусловно относится к эпохе средневековья: в ямах № 4а и № 12 найдены фрагменты керамики XV в. (рис.65, 7–15), а в заполнении ям № 2, 4, 7 собраны фрагменты сосудов XV–XVI вв. (рис.65, 16–26; рис.66, 1–13).

В северной части раскопа раскрыта донная часть небольшого овражка на склоне плато (яма № 8). Ширина овражка от 1,7 до 3 м. В заполнении его собраны фрагменты круговой керамики XV–XVIII вв. и зафиксирована прослойка пожара, при разборке которой найдены фрагменты круговой керамики XV–XVI вв. (рис.66, 14–26).

Таким образом северная оконечность Великого посада города Ворончча хотя и входила в зону хозяйственного освоения уже в XIII–XIV вв., но была занята под застройку не ранее XV в.

По просьбе дирекции Государственного Пушкинского заповедника в 1998 г. было проведено обследование места, отведенного под строительство часовни – на фундаментах ц. Воскресения Христова, музее-финицированных в 1980-е годы (рис.67–68). Установлено, что внутреннее пространство в пределах фундамента имеет современную подсыпку (светло-коричневая гумусированная супесь), мощность которой не превышает 0,45–0,5 м. Подсыпка содержит единичные фрагменты разновременной (XIII–XX вв.) керамики. Здесь найден также фрагмент изразца XVII в.

Начиная с глубины 0,45 м от современной поверхности характер слоя меняется – на смену светло-коричневой супеси приходит серо-желтый песок, содержащий разрозненные человеческие кости. Очевидно, что серо-желтый песок представляет собой собственно кладбищенский слой. Этот слой вскрытию не подвергался.

Сплошной сбор подъемного материала проведен в непосредственной близости от городища Ворончча. На селище Воронч 2 собраны фрагменты сосудов XV – XVI вв. (рис.69, 1–3, 5–8; рис.70, 1–10). Аналогичная керамика найдена у подошвы городища Воронч (рис.69, 4). Многочисленные фрагменты сосудов XIV – XVI вв. (рис.71) происхо-

дят из размываемого водой правого берега Сороти слоя напротив городища (селище Воронич 3).

В 1998 г. был проведен также сбор подъемного материала в парке усадьбы Тригорское. Здесь найдены фрагменты керамики XIII–XVI вв. (рис. 72). Выходы культурного слоя здесь, однако, не обнаружены. Учитывая, что при аналогичном осмотре территории парка, проведенном в 1969 г., ни слоя, ни находок зафиксировано не было, есть основания полагать, что фрагменты средневековых сосудов попали сюда вместе с грунтом, перемещенным на территорию парка во время реконструкции, проводившейся здесь в 1990-е годы.

Результаты археологического изучения комплекса археологических памятников у д. Воронич позволяют высказать несколько соображений, уточняющих наши представления о городе. При сравнительно небольшой длине раскопа II 2002 г. (10 м) мощность слоя в противоположных концах раскопа заметно различалась: в северной части слой сдва превысил 0,8 м, в то время как в южной оконечности он достигал 2,3 м (без учета глубины материковой ямы). Перепад глубинных отметок поверхности материка также составил почти полтора метра. Конечно, размещение раскопа близ юго-восточного края городища позволяет расценивать понижение поверхности материка по направлению с севера на юг как начало склона городища. Однако есть все основания ожидать, что при продолжении работ толщина слоя по направлению к центральной части городища будет уменьшаться, а затем вновь начнет увеличиваться, достигнув наибольшей мощности близ северо-западного края городища. Осмотр обнажений на площадке городища показал, что в центральной части слой имеет светло-коричневую окраску за счет обильной примеси материкового песка, в то время как слой, зафиксированный в обнажениях к северу и югу от центра, имеет интенсивно-черную окраску, насыщен частицами угля и золы. Шурфы 1969 г., заложенные в центральной части городища и близ вала, также выявили сравнительно небольшую мощность слоя, а найденная здесь керамика относится по преимуществу к XV–XVI вв. Иными словами, площадка городища фактически разделяется на три зоны – центральную, в пространстве которой культурный слой имел небольшую толщину, и две боковые, в пределах которых слой достигал значительной мощности и содержал не менее трех разновременных горизонтов застройки.

Разумеется, какая-то часть напластований средневекового слоя в «центральной зоне» площадки городища могла быть (и наверняка была)

уничтожена в процессе многолетней распашки городища, а также во время вероятных планировочных работ, производившихся здесь в эпоху Нового времени. Тем не менее решусь предположить, что в «центральной зоне» городища слой накапливался заметно менее интенсивно, нежели в «боковых зонах». В пользу такого предположения свидетельствуют особенности рельефа площадки городища – длительное сохранение центрального «гребня», по обе стороны от которого размещались «низины». Учитывая объем земляных работ, связанных с созданием городских фортификаций, – насыпка поистине грандиозного городищенского вала – провести нивелировку площадки городища и ее выравнивание не составляло особого труда. И, коль скоро гребень «центральной зоны» оставался не снивелированным на всем протяжении средневековой истории города, можно думать, что неровности площадки у детинца города Ворончча являлись функционально необходимыми.

Показательно, что именно на гребне «центральной зоны» городища в XVIII–XIX вв. находилась Георгиевская церковь и прицерковное кладбище, занимавшее в середине XIX в., как это отчетливо видно на плане 1857 г. (рис.73), практически все пространство «центральной зоны». При этом огороды и сады размещались почти исключительно в пространстве «боковых зон». Разумеется, к этому времени городище Воронч давнo перестало быть городским детинцем, а сама площадка городища в уже основном утратила первоначальный рельеф. Тем не менее функциональное обоснование «центральной зоны» заслуживает самого пристального внимания.

«Боковые зоны» площадки городища, до сих пор остающиеся низинными по отношению к «центральной зоне» и, следовательно, постоянно заливавшиеся в эпоху средневековья дождевой и талой водой, малопригодны для постоянного проживания. Не исключено, что в эпоху средневековья площадка детинца вообще не была занята жилой застройкой, являясь, прежде всего, местом сосредоточения административных учреждений и складских помещений. В таком случае получает объяснение бедность культурного слоя, невероятная для многократно погибавших в пожаре городских кварталов. Напомню, что в XVI в. на городище размещались «житницы» и «клети»⁷⁰, в то время как городская застройка была вынесена за пределы детинца – на территорию городских посадов.

Археологическое изучение посадов Ворончча, по сути дела, только начато. Очевидно, что селище Воронч 1, почти совпадающее по своим

размерам с существующей деревней Воронич, являлось Великим посадом средневекового города: современная уличная планировка деревни соответствует описанию Великого посада, содержащемуся в писцовой книге 1585–1587 гг. Очевидно и то, что селища Воронич 2–3 в XIV–XVI вв. составляли Козмодемьянский посад города, расположавшийся на правом берегу (на острове?) Сороти напротив городища. В настоящее время этот посад разрезан на две части новым руслом реки. Собранные по берегу Сороти фрагменты керамики определенно указывают на то, что посад существовал с XIV по XVI–XVII вв. Следы пожара, зафиксированные в обрезе берега Сороти сразу под дерном, свидетельствуют, что Козмодемьянский посад после очередного пожара не возродился. Не исключено, что гибель его связана с событиями 1607 или, что вероятнее, 1634 г.

- ¹ Цит. по Псковской первой летописи (Псковские летописи. Вып.1. М.-Л., 1941, с.20–21, далее Псковские летописи. Вып.1...). В Псковской третьей летописи о набеге Андрея Ольгердовича сообщено под 1348 г., но с уточнением «на другое лето» (Псковские летописи. Вып.2. М., 1955, с.99, далее Псковские летописи. Вып.2...). В Псковской второй летописи это событие отнесено к 1350 г. (Там же, с.26).
- ² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950, с.475–477 (далее Новгородская первая летопись...).
- ³ Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XIV веков. М., 1998. с.61–70.
- ⁴ Новгородская первая летопись, с.396, 399.
- ⁵ Псковские первая и третья летописи (Псковские летописи. Вып.1, с.28–29; Вып.2, с.111–113). В Псковской второй летописи об осаде Вороноча в 1406 г. не упоминается.
- ⁶ Цит. по Псковской первой летописи (Псковские летописи. Вып.1, с.35–37). Те же сведения содержатся в Псковских второй и третьей летописях (Псковские летописи. Вып.2, с.40–42, 121–123).
- ⁷ Цит. по Псковской первой летописи (Псковские летописи. Вып.1, с.44–45). Те же сведения содержатся и в Псковской третьей летописи (Псковские летописи. Вып.2, с.133). Согласно Псковской второй летописи кровь «истече... из левого уха» (Псковские летописи. Вып.2, с.46; выделено мною. – С.Б.).
- ⁸ Еще одно «знамение» произошло в окрестностях Вороноча в середине XVI в. Под 1566 годом в Псковской третьей летописи сообщается о чудесных исцелениях, начавшихся «в Вороноччине, на Синичых горах на городищи» (Псковские летописи. Вып.2, с.248). Именно после этих «чудес» на Синичих горах был основан Успенский Богородицкий монастырь, а сами Синичые горы стали называть Святыми. Дата основания монастыря была предметом дискуссии. Митрополит Евгений (Болховитинов) полагал, что Успенский монастырь был основан в 1569 г. (Евгений Болховитинов. История княжества Псковского с присовокуплением плана города Искова. Ч.III. Киев, 1831, с.107–108). Н.И.Серебрянский, детально изучивший «Повесть о явлениях чудотворных икон» на Синичьей горе, относил основание монастыря к 1566 г. (Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле // ЧОИДР,

- 1908, кн. III, с.354–358; кн. IV, с.552–561). С.Ф.Платонов подметил, что псковский воевода князь Юрий Токмаков, сообщивший в Москву о чудесных исцелениях на Синицких горах, отправлял свои должностные обязанности в Пскове в 1569–1570 гг., и на этом основании принял «за начало существования монастыря 1569 год» (Платонов С.Ф. Далекое прошлое Пушкинского уголка. Исторический очерк. Л., 1927; здесь и далее цит. по перепечатке: Платонов С.Ф. Далекое прошлое Пушкинского уголка. Исторический очерк // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып.1. СПб., 1998. с.35, далее Платонов С.Ф. Далекое прошлое Пушкинского уголка...)
- ⁹ Псковские летописи. Вып.1, с.99–100.
- ¹⁰ Там же, с.102.
- ¹¹ В Псковской третьей летописи ошибочно указано, что Иван IV совершил поездку в конце декабря 1546 г. (Псковские летописи. Вып.2, с.230). Дата поездки уточнена С.Ф.Платоновым (Платонов С.Ф. Далекое прошлое Пушкинского уголка, с.35–36).
- ¹² Псковские летописи. Вып.2, с.247.
- ¹³ Кирячников А.Н. Оборона Пскова в 1581–1582 годах и его крепостные сооружения в период Ливонской войны // Археологическое изучение Пскова. Вып.2. Псков, 1994, с.195.
- ¹⁴ Там же, с.195; Кирячников А.Н. Иностранные о Пскове XVI в. Новые исследования // Древний Псков. История, искусство, археология. М., 1988, с.232.
- ¹⁵ Дневник последнего похода Ст. Батория на Россию. Псков, 1882, с.66, 85, 127.
- ¹⁶ Псков и его пригороды. Кн.1 // Сборник МАМЮ, т. V. М., 1913 (далее Псков и его пригороды. Кн.1...).
- ¹⁷ Платонов С.Ф. Далекое прошлое Пушкинского уголка, с.27.
- ¹⁸ Псков и его пригороды. Кн.1, с.332.
- ¹⁹ Там же, с.333.
- ²⁰ Анализируя сведения писцовой книги 1585–1587 гг., С.Ф.Платонов подчеркивал: «Как озерки остались без рыболовов, так и пожни оставались без съемщиков» (Платонов С.Ф. Далекое прошлое Пушкинского уголка, с.27).
- ²¹ Платонов С.Ф. Далекое прошлое Пушкинского уголка, с.28.
- ²² Псковские летописи. Вып.2, с.275–276.
- ²³ Платонов С.Ф. Далекое прошлое Пушкинского уголка, с.28.
- ²⁴ «А от Острова 60 верст по Великой реке вверх город Воронча» (Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950, с.154).
- ²⁵ Отписка псковского воеводы Федора Еленского в Москву от 24 мая 1634 г. (Псков и его пригороды. Кн.2 // Сборник МАМЮ, т. VI, М., 1914, с.63, далее Псков и его пригороды... Кн.2...).
- ²⁶ Псковские летописи. Вып.2, с.283.
- ²⁷ В Отписке псковского дьяка Томилы Истомина в Москву от 26 апреля 1634 г. отмечено: «Литовские... люди тое ночи пришол на Вороноч, посал и в уездах деревни пожгли... и на Вороноче... литовские люди стояли ночь» (Псков и его пригороды. Кн.2, с.58).
- ²⁸ Платонов С.Ф. Далекое прошлое Пушкинского уголка, с.30–31.
- ²⁹ Там же, с.32–33.
- ³⁰ Там же, с.33–34.
- ³¹ Цит. по: Платонов С.Ф. Далекое прошлое Пушкинского уголка, с.15.
- ³² Васильев М.Е., Харлашов Б.Н. Посады Воронича // Памятники древности: Концепции. Открытия. Версии. Памяти В.Д.Белецкого. Т.1, СПб.-Псков, 1997. с.128, далее Васильев М.Е., Харлашов Б.Н. Посады Воронича...
- ³³ Архив ИА РАН, р.1, л.57, л.8–9.

- ³⁴ Архив ИА РАН, р.1, д.1246, л.2-3; *Рапорт П.А.* Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси // МИА, № 105, 1961, с.74.
- ³⁵ Белецкий В.Д. Археологические работы в Государственном заповеднике имени А.С.Пушкина // АСГЭ, № 18, 1977. Здесь и далее цитирую по перенесанию: Белецкий В.Д. Археологические работы в Государственном заповеднике имени А.С.Пушкина // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып.2, СПб., 1998, с.33-34, далее Белецкий В.Д. Археологические работы...
- ³⁶ В.Д.Белецкий не исключал, что древнейшие материалы в шурфе № 2 могут относиться к XII в. (Белецкий В.Д. Археологические работы, с.34).
- ³⁷ Белецкий В.Д. Археологические работы, с.33-34.
- ³⁸ См.: Белецкий С.В. Раскопки на городище Воронич в 2002 г. // Михайловская пушкинана (в печати).
- ³⁹ О раскопе I 2002 г. речь пойдет в очерке «Георгиевская церковь на Городище Воронич» (с.49-72).
- ⁴⁰ Для удобства северо-западная стена раскопа обозначалась как северная, северо-восточная – как восточная, юго-восточная – как южная и юго-западная – как западная.
- ⁴¹ На рис.17-19, 23-27, 31-36, 41-47, 49, 51, 54, 55, 180-185 помещены изображения практически всех венчиков круговых сосудов и профильных обломков лепных сосудов из раскопок на Ворониче 2002 г. При датировании круговой керамики Воронича я опирался на керамические материалы многолетних раскопок в Пскове, см.: Белецкий С.В. Керамика Псковской земли второй половины I – начала II тысячелетия н. э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона) / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. В настоящее время изучением керамики из раскопок на Ворониче в 2002 г. занимается В.И.Кильдюшевский (ИИМК РАН).
- ⁴² Благодарю А.В.Плохова (ИИМК РАН), указавшего мне на эту находку.
- ⁴³ Определение М.Н.Желтовой и С.А.Кулакова (ИИМК РАН).
- ⁴⁴ Образцы переданы для изучения в радиоуглеродную лабораторию ИИМК РАН.
- ⁴⁵ Например: Лабутина И.К. Изучение начальных отложений культурного слоя в пределах стены 1309 г. // Археологическое изучение Пскова. М., 1983, с.140, табл.1.
- ⁴⁶ Б.А.Колчин подчеркивал, что в Новгороде «к концу XIII в. они (пряслица. -- С.В.) практически выходят из употребления (Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982, с.174, далее Колчин Б.А. Хронология...). Однако на графике распределения пряслиц в слое Новгорода отчетливо видно, что «ложивание» пряслиц происходит на протяжении всего XIV в. и вплоть до рубежа XIV - XV вв. (там же, с.174, рис.9).
- ⁴⁷ Львова З.А. Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. I. Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ, т.10, Л., с.72-73 (далее Львова З.А. Стеклянные бусы Старой Ладоги...); Рябинин Е.А. Бусы Старой Ладоги (по материалам раскопок 1973-1975 гг.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. с.170 (далее Рябинин Е.А. Бусы Старой Ладоги...).
- ⁴⁸ Консультация Ю.М.Лесмана (Государственный Эрмитаж).
- ⁴⁹ Львова З.А. Стеклянные бусы Старой Ладоги, с.86-88; Рябинин Е.А. Бусы Старой Ладоги, с.167-169; Щеглова Ю.Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА, № 55, М., 1956, с.172-173; Колчин Б.А. Хронология, с.167, рис.6; консультация Ю.М.Лесмана (Государственный Эрмитаж).
- ⁵⁰ См.: Белецкий С.В., Щеглова О.А. Литейная форма из раскопок городища Воронич в 2002 г. // Новое в византийской сфрагистике. Международная научная конференция, посвященная юбилею В.С.Шандровской. СПб., 2002, с.6-11.

- ⁵¹ Горюнова В.М. Новый клад античного времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести. № 1, СПб., 1992, с.130.
- ⁵² Сообщение Е.А.Рябинина (ИИМК РАН).
- ⁵³ Тотев К. Средневековые византийские свинцовые иконы из Северо-Восточной Болгарии (к иконографии Святого Георгия – драконоборца) // Материалы по археологии, истории и этнографии Тараки. Т.VII. Симферополь, 2000, с.364–365 – IX–X вв.; Heming J. Pliska – Machtzentrum zwischen Byzanz und Abendland // Forschung Frankfurt. № 2, 2000, т.10.
- ⁵⁴ Винокур I.C. Словянські ювеліри Подністров'я. Каменец-Подольский, 1997, с.72–73 (далее Винокур I.C. Словянські ювеліри Подністров'я...).
- ⁵⁵ Раскопки Е.А.Рябинина, 1999 г.
- ⁵⁶ Фонды ПОМЗ, колл.2492, № 251.
- ⁵⁷ Фонды ПОМЗ, колл.2208, № 665; колл.2493, № 281.
- ⁵⁸ Например: Александров А.А., Грушана Л.Е., Закурина Т.Ю. Во времена княгини Ольги. Каталог выставки. Псков, 1995, с.29, рис.1.
- ⁵⁹ Винокур I.C. Словянські ювеліри Подністров'я, с.73.
- ⁶⁰ Древности северо-западной России. К 90-летию со дня рождения Г.П.Гроздилова. Каталог выставки. СПб., 1995, с.190, кат. № 583–584, фото на с.187.
- ⁶¹ Белецкий С.В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику // Исследования и музеефикация древностей Севера-Запада. Вып.4. СПб., 2001, с.138–142 (далее Белецкий С.В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику).
- ⁶² Там же, с.16, рис.9.
- ⁶³ Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990, с.129, 131, рис.51, 3; Носов Е.Н., Плохов А.В. Некоторые сфрагистические находки 1985–1988 гг. с Рюрикова городища // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002, с.252, рис.2.
- ⁶⁴ Псковские летописи. Вып.1, с.35–37; Псковские летописи. Вып.2, с.40–42, 121–123.
- ⁶⁵ Панинино, что в 1426 г. Псковская первая летопись вполне определенно характеризует систему управления Вороноча: «...мужи вороначани и посадник их Тимофеи, и Ермоя...» (Псковские летописи. Вып.1, с.36).
- ⁶⁶ Архив ИА РАН, р.1, д.1263, л.24–25. Возможно, селище Воронич 2 соответствует открытому Н.Н.Гуриной в 1956 г. местонахождению круговой «славянской» керамики, обозначенному в публикации как «левый берег р.Сорть ниже с.Тригорское», см.: Гурина Н.Н. Результаты работ неолитического отряда Прибалтийской экспедиции // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959, с.107, № 68 (далее Гурина Н.Н. Результаты работ неолитического отряда Прибалтийской экспедиции...). Зафиксированное Н.Н.Гуриной под № 67 местонахождение «славянской керамики» (там же, с.107, № 67), судя по карте (там же, с.78, рис.2), следует соотносить со сборами подъемного материала на пляже под городищем Воронич.
- ⁶⁷ Архив ИА РАН, р.1, д.3941, л.23.
- ⁶⁸ См.: Белецкий С.В. Новые исследования псковского пригорода Вороноча // Далекое прошлое Пущиногорья. Вып.4. СПб., 1999, с.23–32 (далее Белецкий С.В. Новые исследования псковского пригорода Вороноча...).
- ⁶⁹ В основном слой в площади раскопа был срезан землеройной техникой, и мощность нащастований составляла 0,1–0,3 м.
- ⁷⁰ Псков и его пригороды. Кн.1, с.303.

ОКРУГА ВОРОНОЧА

Территория, находившаяся в административном подчинении городу Вороночу, размещалась на правобережье Великой. На севере Вороначский уезд граничил с Бревским и Выборским уездами, на юге — с Опочецким уездом. От Велейского уезда на западе земли Вороноча были отделены рекой Великой. На востоке территория, административно подчиненная Вороночу, граничила с Пусторжковской землей Новгорода Великого¹. По сведениям писцовой книги 1585–1587 гг., Вороначский уезд был разделен на восемь губ (Егорьевская, Сласская, Михайловская, Богородицкая, Ильинская, Заклинская, Теребенская, Полянская) и включал также Богородицкий утretок. Детальное изучение сведений письменных источников позволило Б.Н.Харлашову локализовать на карте большинство населенных пунктов, упомянутых в писцовых книгах XVI–XVII вв. и определить границы губ (рис.74)².

Памятники археологии в окрестностях Вороноча³

Микрорегион, составлявший ближайшую округу города Воронича, находится в низовьях р. Сороть (рис.75) на границе между супесями и карбонизированными суглинками. Здесь известно городище, 22 селища и пять могильников⁴, однако сплошное разведочное обследование округи Вороноча не завершено. Сведения о памятниках приведены в алфавитном порядке, наименования памятников даются, как правило, по ближайшему населенному пункту.

Селище Бугрово. Открыто и обследовано автором в 1980 г. Найдется в черте деревни Занимает площадку высокого левого берега р. Луговка (рис.76). Высота площадки над урезом воды 7 м. Площадь распространения подъемного материала около 9 га. Культурный слой: темно-серый до темно-коричневого гумусированный суглинок мощностью до 0,5 м. Слой частично ополз по склону берега в пойму. В подъемном материале собраны фрагменты круговой керамики XV–XIX вв. (рис.77, 1–4).

Селище Дедовцы. Открыто и обследовано автором в 1980 г. Находится в 0,4 км к северо-западу от деревни. Занимает склон правого берега р. Сороть (рис.78). Площадь распространения подъемного материала около 2 га. Культурный слой: темно-серая до черного гумусированная супесь мощностью 0,1–0,4 м. В подъемном материале собраны мелкие фрагменты лепной керамики второй половины I тысячелетия по Р.Х. (?) и фрагменты круговой керамики XIII–XVI вв. (рис.77, 5–8).

Группа из шести селищ зафиксирована в окрестностях д. Железово (рис.79–80), на правом, противоположном Вороничу берегу Сороти.

Селище Железово 1. Открыто и обследовано автором в 1980 г. Находится в 0,5 км к востоку от деревни, на правом берегу р. Сороть. Площадь распространения подъемного материала 1 га (рис.82). Культурный слой: темно-серая, местами коричневатая супесь мощностью 0,4–0,5 м. В подъемном материале найдены фрагменты лепной керамики второй половины I тысячелетия по Р.Х. (рис.81, 30–32), круговой керамики XV–XVII вв. (рис.81, 1–11).

Селище Железово 2. Открыто и обследовано автором в 1980 г. Находится в 1,2 км к востоку от деревни, на правом берегу р. Сороть (рис.83). Площадь распространения подъемного материала превышает 4 га. Культурный слой: серая и коричневато-серая гумусированная супесь мощностью 0,1–0,4 м. В подъемном материале собраны фрагменты круговой керамики XV–XVI вв. (рис.81, 12–26).

Селище Железово 3. Открыто и обследовано автором в 1980 г. Находится в 0,2 км к западу от деревни, на правом берегу р. Сороть. Площадь распространения подъемного материала около 2 га. Культурный слой: темно-серая гумусированная супесь мощностью 0,1–0,3 м. В подъемном материале имеются мелкие фрагменты лепной керамики второй половины I тысячелетия по Р.Х. (?) и фрагменты круговой керамики XV–XVI вв. (рис.81, 29).

Селище Железово 4. Открыто в 1956 г. Н.Н. Гуриной⁵, повторно обследовано автором в 1980 г. Находится в 0,25 км к северу от деревни, на берегу почти полностью заболоченного пруда. Площадь распространения подъемного материала около 1,5 га. Культурный слой: темно-серая гумусированная супесь мощностью 0,1–0,3 м. В подъемном материале обнаружены мелкие фрагменты лепной керамики второй половины I тысячелетия по Р.Х. (?) и фрагменты круговой керамики XV–XVI вв. (рис.81, 27).

Селище Железово 5. Открыто в 1956 г. Н.Н.Гуриной⁶, повторно обследовано автором в 1980 г. Находится в черте деревни, на правом берегу р.Сороть. Площадь распространения подъемного материала около 5,5 га. Культурный слой: темно-серая до темно-коричневой гумусированная супесь мощностью 0,3 - 0,5 м. В подъемном материале встречен кремневый скребок, фрагменты лепной керамики конца I тысячелетия по Р.Х. (рис.81, 33), круговой керамики XV–XVI вв. (рис.81, 28).

Селище Железово 6. Открыто и обследовано автором в 1980 г. Находится в 0,75 км к востоку от деревни, на правом берегу р. Сороть. Площадь распространения подъемного материала около 1 га. Культурный слой: коричневато-серая гумусированная супесь мощностью 0,1–0,4 м. В подъемном материале собраны фрагменты лепной керамики второй половины I тысячелетия по Р.Х. и круговой керамики XIII–XVI вв.

Селище Зимари. Открыто и обследовано автором в 1980 г. Находится в 0,5 км к юго-западу от деревни, в черте бывшей д.Еремина. Занимает площадку и склон левого коренного берега безымянного ручья, правого притока р. Сороть (рис.84–85). Высота над урезом воды 7 – 13 м. Площадь распространения подъемного материала около 3 га. Культурный слой: темно-серая гумусированная супесь мощностью 0,2–0,4 м. Слой частично ополз по склону. В подъемном материале собраны мелкие фрагменты лепной керамики второй половины I тысячелетия по Р.Х. (?) и фрагменты круговой керамики XIV–XVII вв. (рис.86, 1–7). Найден также точильный камень.

Селище Косохново. Открыто и обследовано автором в 1980 г. Находится на юго-восточной окраине деревни. Площадь распространения подъемного материала около 6 га. Культурный слой: светло-серая гумусированная супесь мощностью до 0,3 м, прослежен пятнами. В подъемном материале найдены фрагменты круговой керамики XV–XVII вв.

Селище Луговка. Открыто и обследовано автором в 1980 г. Находится в черте деревни, на левом берегу р. Луговка. Площадь распространения подъемного материала около 10 га. Культурный слой: темно-серая до черной гумусированная супесь мощностью до 0,5 м, прослежен пятнами. В подъемном материале собраны фрагменты круговой керамики XV–XIX вв. (рис.87, 1–6). Здесь же найдены точильный камень и треугольная известняковая плитка с недосверленным отверстием (рис.87, 7). Подобный предмет, найденный при раскопках 1991 г. на Псковском городище в слоях последней четверти I тысячелетия по Р.Х. (ярус VI, постр. № 7)⁷, пока остается неизданным⁸. В часовне близ

д. Луговка находился культовый камень-следовик (так называемый «Богородицын камень»), ныне утраченный⁹.

Группа памятников археологии сохранилась в ближайших окрестностях усадьбы Михайловское (рис.88).

Селище Михайловское 1. Открыто в 1973 г. В.Д. Белецким¹⁰, повторно обследовано автором в 1980 г. Находится в 0,1 км к западу от дома-музея А.С. Пушкина. Занимает площадку первой надпойменной террасы левого берега р. Сороть в пространстве между рекой и оз. Маленец (рис.89–91). Площадь около 3 га.

В 1973 г. в восточной части селища был заложен шурф 1×2 м¹¹. Под слоем дерна (рис.90, 1) залегали отложения черной земли мощностью 0,30–0,45 м. В верхних частях отложений зафиксирована прослойка пожара в виде обильной примести к слою угольков. Найдено более 150 фрагментов лепных сосудов середины – второй половины I тысячелетия по Р.Х. и, возможно, более раннего времени (рис.90, 2–12). Под слоем чернозема залегала серая гумусированная супесь с исключением угольков, лишенная находок.

В 1980 г. при повторном обследовании селища к работам была привлечена группа специалистов под руководством А.К. Станюковича. В процессе геомагнитной разведки были выявлены ряды аномалий, над одной из которых в том же году был заложен шурф 1×1 м (рис.92–94). В шурфе открыты отложения черного слоя с обильной примесью угольков (рис.92). Найдены фрагменты грубой лепной керамики баночных и тюльпановидных форм, фрагменты сковород (рис.93, 1–15). В материке открыта яма, большая часть которой уходит за пределы шурфа; яма заполнена серо-коричневым слоем. В заполнении ямы найдены, паряду с фрагментами сосудов баночной формы, также обломки профилированных лепных сосудов, обломок точильного камня. В северо-западной оконечности селища при осмотре обнажений слоя собраны мелкие фрагменты круговой керамики XV–XVI вв. (рис.95, 1–2).

Селище Михайловское 2. Открыто и обследовано автором в 1980 г. Находится в 0,75 км к северо-западу от хоз. двора музея-заповедника, в 0,25 км к югу от южного берега оз. Кучане. Площадь распространения польемного материала около 4 га (рис.96). Культурный слой: коричневато-серая гумусированная супесь мощностью 0,3–0,5 м. В подъемном материале фрагменты круговой керамики XV–XIX вв. (рис.95, 3, 4, 6–8). Здесь же найден фрагмент радиокругового сосуда (рис.95, 5).

Селище Михайловское 3. Открыто и обследовано автором в 1980 г. Находится в 1,4 км к юго-востоку от дома-музея Пушкина. Площадь распространения подъемного материала 1,5 га. Культурный слой: се-рая гумусированная супесь мощностью 0,1–0,2 м. В подъемном ма-териале собраны фрагменты круговой керамики XIII–XVI вв. (рис.95, 9–14).

Могильник Михайловское 1. Памятник известен с конца XIX в.¹² Находится в парке усадьбы. Насчитывает 16 курганов: 7 круглых по-лусферических (диаметр 7–18 м, высота 0,7–1,6 м) и 9 длинных (11,5–21×5–6×0,9–1,5 м). Курганы располагаются двумя цепочками в направлении с юго-востока на северо-запад (рис.97–100), пересекают Еловую аллею парка, Липовую аллею («аллею Керн») и дорогу, ведущую от Большой поляны к «дороге, изрытой дождями». С юга могильник примыкает к селищу Михайловское 1.

Раскопки могильника производились в 1900-е годы И.К.Линдеманом и Г.А.Пушкиным (рис.101): в одном из курганов обнаружен железный нож, результаты раскопок второго кургана неизвестны.

В 0,1 км от перекрестка дороги и Еловой аллеи, к югу от могильника, в урочище «Поклонная горка» близ восстановленной часовни¹³ находятся каменный крест на валунном подпяточном камне. На кресте тра-диционные надписи «Царь Славы Иисус Христос Ника» (в сокраще-нии и под титлами), в средокрестии – изображение креста на голгофе. На валунном основании выбита многострочная надпись «В лѣ(то) 7022 поставиша рабъ Божеі Філіппъ Крюковъ кр(ес)тъ сії христяно(м) на поклоніе собе на память и роду своему» (рис.102–103). Крест пере-везен в Заповедник в 1967 г.; по данным М.Е.Васильева, раньше он на-ходился близ д.Стечки¹⁴.

Могильник Михайловское 2. Открыт и обследован автором в 1980 г. Находится в 0,2 км к северо-востоку от хоз. двора музея-заповедника (рис.104). Насчитывает 4 круглых полусферических кургана (диаметр 7–16 м, высота 0,8–1,5 м).

Могильник Михайловское 3. Открыт В.Д.Белецким в 1973 г.¹⁵, пов-торно обследован автором в 1980 г. Находится в 1,3 км к востоку от хоз. двора музея-заповедника (рис.105–106). Насчитывает 6 курганов: 4 круглых полусферических (диаметр 7–10 м, высота 0,9–1,3 м), овальный (10×7×1 м) и комбинированный (27×6–8×0,7–1,4 м). Воз-можно, еще один курган был полностью уничтожен траншеями време-ни Великой Отечественной войны.

Могильник Михайловское 4. Открыт В.Д.Белецким в 1973 г.¹⁶, повторно обследован автором в 1980 г. Находится в 0,25 км к востоку от хоз. двора музея-заповедника (рис.107–108). Насчитывает 6 курганов (2 длинных, 24–30×6–7×1 м; 4 круглых диаметром 7–10 м, высотой 0,9–1,5 м) и 4 круглых жальничных оградки (диаметр 2,5–3,5 м). Раскопками 1973 г. исследована жальничная оградка № 1: могильная яма ориентирована с севера на юг (рис.109), в заполнении ее встречены многочисленные частицы угля и золы, найден фрагмент стенки кругового сосуда. Погребение отсутствует.

Одиночный курган Михайловское. Открыт и обследован автором в 1980 г. Находится в 0,1 км к юго-западу от хоз. двора музея-заповедника (рис.110). Насыпь круглая, полусферическая. Диаметр 9 м, высота 0,8 м. Вершина уплощена.

Селище Носово. Открыто и обследовано О.Ю.Малиновой в 1998 г.¹⁷ Пятна культурного слоя (темно-серый до коричневого гумусированный суглинок, мощностью 0,1–0,3 м) зафиксированы в западной и южной частях территории деревни, однако, по-видимому, они являются следами одного поселения. Площадь распространения подъемного материала в целом составляет 300×150–200 м (до 5 га). В подъемном материале наряду с многочисленными обломками сосудов XVIII–XIX вв. (рис.111, 8) найдены также фрагменты сосудов XV–XVII вв. (рис.111, 6, 7, 9).

Селище Петровское 1. Открыто и обследовано автором в 1980 г. Находится в 0,4 км к югу от усадьбы Петровское, занимает площадку первой надпойменной террасы юго-восточного берега оз. Кучане. Площадь распространения подъемного материала около 3,5 га. Культурный слой: коричневато-серый гумусированный суглинок мощностью до 0,35 м. В подъемном материале имеются фрагменты круговой керамики XV–XVI вв. (рис.112, 5–7).

Селище Петровское 2. Открыто и обследовано автором в 1980 г. Находится в 0,6 км к югу от усадьбы Петровское, занимает площадку первой надпойменной террасы юго-восточного берега оз. Кучане. Площадь распространения подъемного материала более 1 га. Культурный слой: коричневато-серый гумусированный суглинок мощностью 0,35 м. В подъемном материале обнаружены фрагменты круговой керамики XV–XVI вв. (рис.112, 3–4).

Селище Ромашки. Открыто и обследовано автором в 1980 г. Находится на северной окраине деревни, в черте бывшей д.Бустыги. Пло-

шадь распространения подъемного материала около 3,5 га. Культурный слой: серо-коричневая гумусированная супесь мощностью 0,3–0,5 м. В подъемном материале собраны фрагменты круговой керамики XV–XVI вв. (рис.112, 1–2).

Городище Савкино («Савкина Горка»). Памятник известен с конца XIX в.¹⁸, неоднократно обследовался археологами¹⁹. Городище находится у восточной окраины деревни, занимает мыс коренного левого берега р. Сороть (рис.113–116). С запада оно отделено от плато оврагом, с юга – искусственным рвом. Слоны эскарпированы. Площадка городища овальная, размерами 90x52 м. Высота над поймой Сороти 13–15 м. Поверхность площадки имеет небольшое всхолмление в центральной части и общее понижение к северу, в сторону мыса.

В 1970–1973 гг. раскопки на Савкиной Горке проводила экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством В.Д.Белецкого (рис.117–118)²⁰. В шурфе № 1 1970 г. (3x3 м), заложенном в северной части площадки городища, зафиксирован «культурный слой мощностью 0,4–0,8 м, в основании которого прослеживались скопления обожженной глины и зольные пятна»²¹. Из слоя происходят фрагменты круговой керамики XIII–XVI вв. (рис.119, 3–6), обломки лепных сосудов конца I тысячелетия по Р.Х. (рис.119, 7, 8). Здесь найдены также ледоходный нипп (рис.119, 1) и инферное прядлище (рис.119, 2). Шурф № 3 1970 г. и раскоп 1973 г. выявили слой, нарушенный позднейшими захоронениями²². Сильно нарушенный слой зафиксирован также в раскопе Б 1972 г.

Мощный (до 1,7 м) не потревоженный позднейшими перекопами культурный слой был зафиксирован в шурфе № 2 1970 г., расширенном в 1971–1972 гг. до раскопа площадью 96 кв. м. Слой представлен темно-серой до черного супесью с включением прослоек угля, золы, песка, глины, древесного тлена (рис.120). Стратиграфически выделяются три слоя, соответствующие трем периодам жизни памятника.

Нижний слой (0,1–0,15 м) в непотревоженном виде сохранился только под насыпью вала (рис.121). В этом слое найдены фрагменты лепной керамики конца I тысячелетия по Р.Х. (рис.122, 1–2), обломки раннекруговых сосудов (рис.122, 3–5), роговой предмет (рис.122, 6), а также единичные фрагменты штихованной керамики эпохи раннего железного века. При этом под песчаной прослойкой, соответствующей подошве вала, найдены исключительно фрагменты лепных сосудов.

Началу формирования среднего слоя (1,4 м) предшествовало возведение на южном краю площадки городища подковообразного (?) в

плане вала, насыпанного из плотной глины. Слой содержал два горизонта застройки, погибшие в пожарах. От нижнего горизонта сохранились фрагменты обугленных деревянных сооружений (рис.123). При их расчистке собраны фрагменты раннекруговой и круговой керамики, в том числе – развалы двух сосудов (рис.124, 3–4). Здесь же найден железный нож (рис.124, 1) и каменная орнаментированная плитка со сквозными отверстиями (рис.124, 2).

В верхнем горизонте открыты фрагменты двух построек с печами в углу (рис.125). При расчистке и разборке остатков построек, а также в слое пожара найдены разнообразные железные предметы: ножи (рис.127, 1–4), цилиндрический замок типа В, по Б.А.Колчину (рис.126, 4)²³, и ключи от таких замков²⁴ (рис.128, 2–3), овальное кресало²⁵ (рис.126, 3), обломок косы (рис.128, 5), фрагмент железной дужки от ведра (рис.128, 6), плоский черешковый наконечник стрелы²⁶ (рис.126, 5), рыболовные крючки (рис.127, 5, 6; рис.128, 4), а также каменные грузила от сести (рис.127, 7; рис.129, 3).

Здесь же найдены разнообразные украшения из цветных металлов (витой²⁷ и пластинчатый²⁸ браслеты – рис.129, 1; рис.130, 6; рис.131, 6–7; лунницы²⁹ – рис.129, 2; рис.130, 1; подковообразная фибула³⁰ – рис.131, 3; витой³¹, плетеный³² и пластинчатый³³ перстни – рис.130, 4–5; рис.131, 2; хрустальная вставка от перстня – рис.130, 2; кресто-прорезной бубенчик – рис.130, 3; фрагмент шумящей привески³⁴ – рис.131, 4), крест-энколпион³⁵ (рис.131, 1), орудия труда ювелира (литейные формочки – рис.130, 9; рис.131, 5; молоточек – рис.126, 3), шиферные пряслица (рис.130, 7–8) и железная булавка³⁶ (рис.128, 1), а также фрагменты круговой керамики XII–XIII вв. (рис.132–136).

Верхний слой (0,3 м) и связанный с этим слоем погреб наземной постройки (рис.137) содержали многочисленные фрагменты круговой керамики XV–XVI вв. (рис.138–140, рис.141, 1, 3) и ряд предметов того же времени – фрагменты керамических дуг, предназначавшихся для оформления топочного проема печи³⁷ (рис.141, 4–5), медный крест-тельник XVI в.³⁸ (рис.142, 11), железный нож (рис.142, 6), обломок глиняного грузила от рыболовной сети (рис.142, 10), возможно – железная скоба (рис.142, 2).

После прекращения функционирования постройки земляные стеньки погреба, представлявшие собой средний слой городища, постепенно «оплыли», заполнив пространство погреба; вместе с землей в заполнение погреба попал ряд предметов XII–XIII вв. и более раннего вре-

мени — фрагменты лепной (рис.141, 2) и круговой (рис.142, 1) керамики, железные ножи (рис.142, 7–8), фрагмент железного ключа от цилиндрического замка (рис.142, 4), железная конская подкова³⁹ (рис.142, 3), обломок бронзовой блесны (рис.142, 9), железная шпора типа V, по А.Н.Кирпичникову⁴⁰ (рис.142, 5).

Таким образом, результаты раскопок, проведенных в 1970–1973 гг. на городище Савкина Горка, позволяют достаточно полно представить себе историю поселения. Судя по находкам керамики, Савкина Горка посещалась людьми уже в эпоху раннего железного века, а постоянное поселение здесь возникло не позднее конца I тысячелетия по Р.Х. и непрерывно существовало до XIII в. Проведенный Ю.М.Лесманом детальный анализ комплекса предметов из слоя пожара, уничтожившего постройки верхнего горизонта (рис.143)⁴¹, позволил установить «широкий» и «узкий» хронологические интервалы, в пределы которых попадает гибель поселения на Савкиной Горке: «узкий» интервал охватывает 1197–1224 гг., а «широкий» — 1177–1238 гг.⁴²

Повторное освоение площадки городища происходит, судя по керамическим материалам, в XV–XVI вв. Вещевые находки из верхнего слоя и из погреба, прорезавшего средний слой городища, не противоречат этой датировке. Возможно, именно на Савкиной Горке находился в XVI в. Михайловский монастырь «из Воронова с городища», упомянутый в писцовой книге 1585–1587⁴³ гг. и давший название Михайловской губе Вороначского уезда⁴⁴. В таком случае открытый раскопками погреб, вероятнее всего, принадлежал одной из монастырских построек. Судя по находкам фрагментов сосудов с зеленой поливой (рис.137, 4; рис.139, 3), эта постройка функционировала по крайней мере до XVII в.

С северной (мысовой) стороны от городища у его подошвы в 1973 г. был заложен шурф (1×1 м), обозначенный в полевой документации как «шурф № 1» (рис.144, 1–2). Под слоем дерна в шурфе открыты отложения светло-серого гумусированного песка (до 0,8 м). Ниже залегал слой погребенного дерна, содержащий единичные включения угольков; находки в этом слое отсутствовали. В песке найдены мелкие обломки круговой керамики XIII в. (рис.144, 3–5). Однако считать этот слой песка свидетельством существования на берегу Сороти к северу от городища посадской застройки не приходится — фрагменты сосудов, вероятнее всего, попали сюда вместе с культурным слоем, сползшим или смытым с площадки городища.

На центральном вехолмлении площадки городища в настоящее время восстановлена часовня, известная по фотографиям XIX в. Перед ней находится валунный камень с надписью «Лета 7021 поставил крестъ Сава иопль» (рис.145 -146). На поверхности камня имеется выемка под каменный крест. В 1960-е годы по инициативе С.С.Гейченко на Савкином камне был восстановлен крест. По сведениям Гейченко, крест, поставленный на камне, был найден на правом, противоположном от Савкиной Горки берегу р. Сороть близ усадьбы Дериглазово⁴⁵. Однако палеографические различия в надписях на кресте и камне и ошибки в формуле надписи заставляют взять под сомнение одновременность креста Савкиному камню.

Сомнение в одновременности креста Савкиному камню я высказал в печати в 1981 г.⁴⁶ Несколько годами спустя крест осмотрел А.Р.Артемьев. Ссылаясь на сведения С.С.Гейченко о месте и обстоятельствах обнаружения креста, исследователь признал, что крест вряд ли соответствует Савкиному камню, однако не согласился с моей оценкой надписей на кресте. Артемьев полагает, что «никаких искажений в надписи нет»⁴⁷, а в примечании к этой фразе поясняет: «С.В.Белещкий, по-видимому, счел ими (искажениями. – С.Б.) надпись восстановленной правой лопасти креста, являющейся простой копией с левой лопасти, и обратное справа налево написание слова «НИКА», что иногда встречается»⁴⁸.

Полагаю, что приписывать оппоненту объяснение высказанных им сомнений и затем опровергать это объяснение – это не лучший способ вести научную дискуссию. Но, коль скоро дискуссия уже началась, считаю необходимым прояснить свою позицию относительно креста на Савкином камне. Действительно, правая лопасть креста является копией левой лопасти – это хорошо видно на публикуемой фотографии (рис.145). Однако речь идет не о надписи, выбитой реставраторами на правой (восстановленной) лопасти кресте, а о грубых ошибках в тех надписях, которые помещены на левой лопасти, а также над и под голгофским крестом, изображение которого выбито в средокрестии: в слове «ИСЪ» на левой лопасти отсутствует буква «І»; в слове «СЛАВЫ» отсутствует буква «С», а вместо выносных букв выбит квадрат с диагональю; в зеркально выбитом на кресте слове «НИКА» вместо буквы «К» помещен геометрический знак.

Подобный «букет» грубейших ошибок в традиционных надписях на каменных крестах мне никогда не встречался. Добавлю к сказанному, что ни о какой «общности материала» у креста и Савкиного камня речи быть не может: Савкин камень изготовлен из крупнозернистого се-

рого гранита, поверхность которого изначально была неровной, в то время как крест высечен из мелкозернистого розового гранита (из такого же мелкозернистого розового гранита изготовлена и доделанная реставраторами правая лопасть креста), а его поверхность почти идеально ровная. Относить гладкую поверхность креста за счет окатанности водой не приходится, поскольку на ней хорошо видны следы обработки. Складывается впечатление, что крест, обнаруженный близ Дериглазова, представляет собой крайне неумело изготовленный новодел, у которого для убедительности была отбита правая лопасть.

На площадке городища находятся несколько каменных крестов (рис.147), перевезенных сюда с территории Пушкиногорского района (один из крестов происходит с уничтоженного жалничного могильника у д.Козляки⁴⁹). Здесь же стоит каменный антропоморфный идол (рис.148), перевезенный сюда из окрестностей с.Велье⁵⁰.

Селище Савкино 1. Открыто и обследовано В.Д.Белецким в 1973 г.⁵¹, повторно обследовано автором в 1980 г. Находится в 0,1 км к востоку от городища. Занимает площадку первой надпойменной террасы левого берега р. Сороть (рис.150). Площадь 0,6 га.

В 1973 г. на селище были заложены два шурфа, обозначенные в полевой документации как «шурфы № 7 и № 12». В шурфе № 12 (0,5×1 м) под слоем дерна залегал черный поддерновой слой (рис.151, 1–2), из которого происходят сильно измельченные фрагменты круговой керамики. В подстилавшем слое серой золистой земли, содержавшем включения угольков, найдены фрагменты круговой керамики XI–XIII вв. (рис.151, 3–8). В основании серого золистого слоя обнаружено несколько валунных камней и скопление обожженных булыжников, залегавших в пятне угля и золы (остатки печи?). В шурфе (рис.152–153) № 7 (1×3 м) обнаружилась аналогичная стратиграфическая картина (рис.152, 2). В слое наряду с фрагментами круговой керамики XI–XIII вв. (рис.152, 3–6, 8) найдены также венчик лепного сосуда (рис.152, 7) и два кремня со следами использования.

Селище Савкино 2. Открыто и обследовано автором в 1980 г. Находится в 0,5 км к востоку от городища. Занимает мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Сороть при протоке из реки в оз. Маленец (рис.154). Площадь 0,4 га. Культурный слой: светло-серая слабо гумусированная супесь мощностью 0,2–0,4 м. В подъемном материале встречен кремневый наконечник дротика (рис.155) и мелкие фрагменты круговой керамики XII–XIII вв.

Селище Савкино 3. Открыто в 1973 г. В.Д.Белецким, повторно обследовано автором в 1980 г. Находится в черте деревни (рис.156). Занимает площадку коренного левого берега р. Сороть. Площадь распространения подъемного материала около 1,5 га.

В 1973 г. на территории селища заложен ряд шурfov с целью поисков посада, одновременного поселению на Савкиной Горке. В шурфе № 4 ($1 \times 0,5$ м) под дерном открыты отложения черного слоя (рис.157, 5), содержащие фрагменты сосудов XV - XVI вв. (рис.158, 1-2). Слой черной земли зафиксирован также (рис.157, 3-4) в шурфах № 13 ($0,5 \times 0,5$ м) и № 14 ($0,5 \times 0,5$ м). В шурфе № 13 найдены фрагменты круговых сосудов XVI-XVII (?) вв. (рис.158, 7-8), а в шурфе № 14 – фрагменты круговых сосудов XIII и XV вв. (рис.158, 10-11) и обломок лепного сосуда (рис.158, 12).

В шурфах № 10 ($0,5 \times 0,5$ м) и № 11 ($0,5 \times 1$ м) под дерном залегал серый золистый слой (рис.157, 1-2). Из шурфа № 10 происходят фрагменты круговой керамики XVI и XVIII вв. (рис.158, 3-4) и кремень со следами использования, а из шурфа № 11 – фрагменты круговой керамики XV-XVI вв.

Таким образом, можно определенно говорить о том, что на территории с.Савкино поселение существовало с XV–XVI вв. Единичные фрагменты сосудов более раннего времени (конец I тысячелетия по Р.Х., XIII в.) могли попасть сюда случайно (с площадки городища?).

Селище Шаробыки. Открыто и обследовано О.Ю.Малиновой в 1998 г.⁵² (рис.159). В северной и южной частях территории д.Шаробыки зафиксированы выходы культурного слоя. Слой – темно-серый до черного гумусированный суглинок мощностью $0,1-0,4$ м – содержит фрагменты круговой керамики: в северной части деревни найдены исключительно обломки сосудов XVIII-XIX вв. (рис.111, 1, 2), в южной части деревни – на северном берегу оз.Шаробыки – собраны фрагменты сосудов XV–XVII вв. (рис.111, 3-5). Площадь распространения подъемного материала здесь достигает $350 \times 150-200$ м (до 5 га).

Заселение Нижнего Посоротья по данным археологии

Картирование известных в окрестностях Воронича памятников археологии⁵³ позволяет проследить постепенный процесс освоения этой территории (рис.160). К раннему железному веку и более раннему вре-

мени относятся единичные местонахождения (рис.160, 1). Стабильное освоение низовьев Сороти относится только к середине I тысячелетия по Р.Х., когда здесь появляются носители культуры длинных курганов: им принадлежали по крайней мере три могильника и три селища, однако велика вероятность того, что и другие селища, при обследовании которых найдены мелкие фрагменты лепной керамики, также относятся ко второй половине I тысячелетия по Р.Х. (рис.160, 2).

В конце I тысячелетия по Р.Х. появляется и вплоть до XIII в. функционирует поселение на площадке городища Савкино. В это время Савкина Горка – единственное укрепленное поселение в низовьях Сороти (рис.160, 3), контролировавшее водно-торговый путь из Великой по Сороти и далее по системе рек в Ловать. Напрашивается оценка этого поселения в качестве административно-политического и ремесленного центра округи в XI–XII вв.

Однако нельзя не заметить, что округа Савкиной Горки в XI–XII вв. представлена фактически двумя селищами, расположенными в топографической близости от городища, да еще на двух селищах найдены фрагменты сосудов XIII в. Очевидно, что поиски памятников домонгольского времени в Нижнем Посоротье продолжают оставаться важнейшей задачей полевых исследований⁵⁴.

Картина сельского расселения в Нижнем Повеличье заметно меняется в XIII–XIV вв. После того как в начале XIII в. гибнет и более в прежнем качестве не возрождается укрепленное поселение на Савкиной Горке, возникают городище Воронич и селище Воронич 1 – детище и Великий посад города Вороноча. Преемственная связь между Савкиной Горкой и Вороничем, установленная В.Д.Белецким, в настоящее время принята всеми исследователями⁵⁵: поселение на Савкиной Горке традиционно признано древнейшим Вороночем, сменившим в XIII в. местоположение.

Именно с этого времени начинает формироваться сельская округа города (рис.160, 4), окончательно сложившаяся в XV–XVII вв. (рис.160, 5). Площади распространения подъемного материала позволяют выделять три группы поселений – 1–2 га, 3–4 га и более 5 га (рис.160, 6). К XIV в. формируется и топографическая структура самого Вороноча, блестище реконструированная М.Е.Васильевым и Б.Н.Харлашовым⁵⁶. Отмечу некоторое сокращение количества поселений в XVII в. по сравнению с предшествующим временем: это, безусловно, соответствует зафиксированному в письменных источниках

запустению края в годы Ливонской войны, в Смутное время и вплоть до Андрушовского перемирия 1667 г.

Сформировавшееся в XV–XVI вв. размещение сельского населения в окрестностях Воронича зафиксировано картографическим материалом начала XX в.⁵⁷, при этом малые селища (размерами 2 га и менее) в тенденции соответствуют однодворным деревням, а крупные селища XV–XVII вв. – крупным (более 10 дворов) деревням. Очевидно, что сложившаяся к XVI в. система расселения оказалась оптимальной, способной существовать не только в качестве сельской округи города, но и вполне независимо от него – после утраты городом своих прежних функций.

⁵⁷ Бассалыго Л.А., Янин В.Л. Историко-географический обзор новгородско-литовской границы / Приложение к книге: Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998, с.130–131.

² Харлашов Б.Н. Уезд Воронича (о формировании территории) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады Международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории 11–14 мая 1999 г. Пушкинские Горы – СПб., 2000, с.235–245.

³ См.: Белецкий С.В. Пушкинский край по данным археологии // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып.2. СПб., 1998, с.54–77 (далее Белецкий С.В. Пушкинский край по данным археологии...). При подготовке настоящей публикации все датировки подъемного материала, собранного на селищах в окрестностях Воронича, заново проверены по полевым картотекам и в ряде случаев уточнены.

⁴ Не учитываются результаты раскопок могильника Михайловское 5, проведенных в 1997 г. С.В.Степановым (ПОМЗ). Как любезно сообщил мне автор раскопок, эти материалы подготавливаются к изданию.

⁵ Гурина Н.Н. Результаты работ неолитического отряда Прибалтийской экспедиции, с.107, № 70.

⁶ Там же, с.107, № 69.

⁷ Белецкий В.Д., Белецкий С.В., Попов С.Г. Stratigraphy and chronology of the lower layer of the Pskovskiy fortification // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып.5. СПб., 2000, с.26, 34, рис.3, табл.5 (далее Белецкий В.Д., Белецкий С.В., Попов С.Г. Stratigraphy...).

⁸ До обнаружения на памятнике фрагментов лепной керамики или иных свидетельств существования поселения в последней четверти I тысячелетия по Р.Х. вопрос о ранней дате селища остается открытым.

⁹ Васильев М.Е. «Минувшее проходит предо мною...» (исторические очерки) // Михайловская пушкиниана. Вып.9, ч.2. М., 2000, с.53–59 (далее Васильев М.Е. «Минувшее проходит предо мною...»).

¹⁰ Белецкий В.Д., Белецкий С.В. Псковская экспедиция // АО-1973, М., 1974, с.7.

¹¹ Шурфы, заложенные в 1973 г. в окрестностях городища Савкина Горка, получили в полевой документации сквозную нумерацию (от № 1 до № 15). В шурфах № 2, 3, 5, 6, 8, 9 отложения культурного слоя не выявлены. Шурф на селище Михайловское 1 был обозначен как «шурф № 15».

- ¹² Окулич-Казарин Н.Ф. Материалы для археологической карты Псковской губернии // Труды ПАО, вып.10. Псков, 1914, с.179 (далее Окулич-Казарин Н.Ф. Материалы для археологической карты...).
- ¹³ О поисках места часовни и ее восстановлении см.: Гейченко С.С. У Лукоморья. З-е изд. Л., 1977, с.264–267 (далее Гейченко С.С. У Лукоморья...).
- ¹⁴ Васильев М.Е. «Минувшее проходит предо мною...», с.52. По сведениям А.Р.Артемьевна, крест находился у с.Печане, у переправы через Сороть (Артемьев А.Р. Города Псковской земли XIII–XV вв. Владивосток, 1998, табл.55, далее Артемьев А.Р. Города Псковской земли в XIII–XV вв.). В книге С.С.Гейченко «У Лукоморья» о происхождении креста сообщается глухо: «Некогда стоял он... у дороги, ведущей со стороны Острова на Воронич» (Гейченко С.С. У Лукоморья, с.267), однако в письме С.С.Гейченко В.М.Звонцову от 7 октября 1966 г. специально отмечено: «Теперь иду искать другой камень – древний межевой крест. Я искал его в районе деревни Стречено (около Печан), а он, оказывается, стоит где-то в районе деревни Стёчки, км эдак в 8 от Печаней» (А у нас в Михайловском, или Домашняя история Пушкинского заповедника в письмах Семена Степановича Гейченко Василию Михайловичу Звонцову. М., 2000, с.171). Подробнее о переписке Гейченко и Звонцова см. с.101–102 данного издания.
- ¹⁵ Белецкий В.Л., Белецкий С.В. Псковская экспедиция. с.7.
- ¹⁶ Там же. с.7.
- ¹⁷ Малинова О.Ю. Обследование средневековых сельских поселений в окрестностях Воронича // Далекое прошлое Пущиногорья. Вып.4. СПб., 1999, с.34 (далее Малинова О.Ю. Обследование средневековых сельских поселений...).
- ¹⁸ Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (история Новгорода, Пскова и Вятки) // Исторические монографии и исследования. Т.8. СПб., 1886, с.76; Софийский Л. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. Псков, 1912, с.164–165.
- ¹⁹ Окулич-Казарин Н.Ф. Материалы для археологической карты, с.170, 184; Тараканова С.А. Древности Псковской земли // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, с.220; Тараканова С.А. Псковские городища // КСИИМК, вып.62, 1956. с.36.
- ²⁰ Белецкий В.Д. Археологические работы.
- ²¹ Белецкий В.Д. Археологические работы, с.36.
- ²² А.Р.Артемьев, ссылаясь на сведения В.Разлетовского (*Разлетовский В.* 300 километров по реке Великой на лодке // Познай свой край. Вып.IV. Псков, 1929, с.154), полагает, что захоронения, зафиксированные в пурпуре № 3 1970 г., – это «забытое кладбище для самоубийц» (Артемьев А.Р. Города Псковской земли, с.38). Погребения в раскопе 1973 г. он, вслед за В.Д.Белецким (Белецкий В.Д., Белецкий С.В. Псковская экспедиция, с.6), считает позднесредневековым кладбищем (Артемьев А.Р. Города Псковской земли, с.38).
- ²³ В новгородских древностях такие замки появляются в XII в. (Колчин Б.А. Железообрабатывавшее ремесло Новгорода Великого // МИА, № 65, 1959, с.81–82, далее Колчин Б.А. Железообрабатывавшее ремесло).
- ²⁴ Колчин Б.А. Железообрабатывавшее ремесло, с.81–82.
- ²⁵ По наблюдениям Ю.М.Лесмана, такие красала появляются в Новгороде после 1116 г. (Лесман Ю.М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое изучение Новгородской земли. Л., 1984, с.138).
- ²⁶ Аналогичные наконечники датируются в Новгороде временем не позднее XII в., см.: Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА, № 65, 1959, с.155, 162, 164–166 (далее Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого...).

- ²⁷ Подобные браслеты, по наблюдениям Ю.М.Лесмана, датируются в интервале 1055–1396 гг. (*Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (Х–XV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990, с.42–43.* далее *Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (Х–XV вв.)*).
- ²⁸ Узкопластичные неорнаментированные браслеты с обрубленными концами, по наблюдениям Ю.М.Лесмана, датируются XI – третьей четвертью XIII в. (*Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (Х–XV вв.), с.37–39.*)
- ²⁹ В Новгороде, по наблюдениям Ю.М.Лесмана, такие лупиницы относятся ко времени ранее 1238 г. (*Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (Х–XV вв.), с.62.*)
- ³⁰ Подковообразные спиралеконечные фибулы, имевшие треугольное сечение, бытуют в Новгороде, по наблюдениям Ю.М.Лесмана, до конца XII в. (*Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (Х–XV вв.), с.75.*)
- ³¹ Витые, утолщенные в передней части перстни со сканью, по наблюдениям Ю.М.Лесмана, датируются в интервале от конца XI до начала XIV в. (*Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (Х–XV вв.), с.51.*)
- ³² Цепетные перстни, по наблюдениям Ю.М.Лесмана, датируются второй половиной XI–XIV вв. (*Лесман Ю.М. К хронологии городища Савкина Горка // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб., 1994, с.148.* далее *Лесман Ю.М. К хронологии городища Савкина Горка...*)
- ³³ Широкосерединные широкие пластинчатые перстни с выпукло-вогнутыми валиками, по наблюдениям Ю.М.Лесмана, датируются второй – третьей четвертью XIII в. (*Лесман Ю.М. К хронологии городища Савкина Горка, с.148.*)
- ³⁴ Подобные привески появляются в Новгороде, по наблюдениям Ю.М.Лесмана, после 1161 г. (*Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (Х–XV вв.), с.68.*)
- ³⁵ По совокупности датирующих признаков Ю.М.Лесман датировал энколпион 1177–1281 гг. (*Лесман Ю.М. К хронологии городища Савкина Горка, с.151.*) По мнению А.А.Песковой (ИИМК РАН), энколпион из раскопок на Савкиной Горке вряд ли выходит из XIII в.
- ³⁶ Подобные булавки серийно представлены в Новгороде в слоях после 1281 г. (*Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло, с.106–107*), однако Ю.М.Лесман, ссылаясь на материалы раскопок в Торопце, отмечает возможность появления этих предметов уже в начале XII в. (*Лесман Ю.М. К хронологии городища Савкина Горка, с.150.*)
- ³⁷ В Пскове керамические дуги, подобные найденным на Савкиной Горке, появляются уже в XVI в., хотя в основном датируются XVII в. См.: *Спегальский Ю.П. О некоторых приемах устройства отопительных печей XVII в. (по находкам в Пскове) // КСИА. № 113, 1968, с.74–77; Кильдишевский В.И. К вопросу о керамических каменных «киотах» // Архитектурно-археологический семинар (Государственного Эрмитажа). Материалы заседания памяти Ю.П.Спегальского (1909–1969) 2 марта 2001 г. СПб., 2001, с.57. Синчук И.И., Зайцева О.Е. Заслонки и печная дуга XVII в. из Дисны // Памятники старины. Концепции, открытия, версии. Т.П. СПб–Псков, 1997, с.244–251.*
- ³⁸ Аналогичные крестики найдены в погребениях из скудельни, исследованной в Петровском 2 раскопе в Пскове (*Королева Э.В. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып.3. Псков, 1996. с.296–297, табл.XXV: 2, 3.*). Кресты-тельники сходных форм обнаружены также при раскопках кладбища конца XVI – начала XVII в. близ Радонежа (*Чернов С.З. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже по данным археологических исследований 1997–1998 гг. // РА. 2000. № 1, с.66–71, рис.2–7. далее Чернов С.З. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских...*)

- ³⁹ Аналогичные подковы из Новгорода происходят из слоев 21 и 13/14 ярусов (*Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого, с. 189–190, рис. 23, 8–9*), то есть могут быть датированы XII–XIII вв. По наблюдениям А.Н.Кирничникова подковы в виде полуокружности с одним пином и четырьмя или шестью прямоугольными отверстиями для гвоздей бытовали на Руки с XI и вплоть до XVII в. (*Кирничников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ, вып. Е1–36, Л., 1973, с.83–84. далее Кирничников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня...*).
- ⁴⁰ Шпоры типа V, имевшие в надпяточной части скобы расширение-кошурек, по наблюдениям А.Н.Кирничникова, датируются XIV–XV вв., но появляются уже во второй-третьей четверти XIII в. (*Кирничников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня, с.68*).
- ⁴¹ На рис.143 суммированы наблюдения о времени бытования предметов, найденных в слое пожара, уничтожившего постройки верхнего горизонта среднего слоя. В подрисуночную подпись включены отсылки к рисункам вещей, помещенным в настоящем издании.
- ⁴² Лесман Ю.М. К хронологии городища Савкина Горка, с. 146–153.
- ⁴³ Псков и его пригороды. Кн.1, с.350–352.
- ⁴⁴ Гейченко С.С. У Лукоморья, с.252–258.
- ⁴⁵ Там же, с.259–260.
- ⁴⁶ Белецкий С.В., Станюкович А.К. Разведка в Пушкинских горах // АО-1980, М., 1981, с.6.
- ⁴⁷ Артемьев А.Р. Города Псковской земли в XV–XVIII вв., с.37.
- ⁴⁸ Там же, с.71–72.
- ⁴⁹ Сведения получены от С.С.Гейченко в 1980 г.
- ⁵⁰ Сведения получены от С.С.Гейченко в 1980 г. Подробнее об идоле см.: Александров А.А. О следах язычества на Псковщине // КСИА, № 175, 1983. Замечу, что обозначенные на прорисовке А.А.Александрова «глаза» идола и «крестовидный знак» в центральной части изваяния при неоднократных осмотрах памятника мне так и не удалось увидеть.
- ⁵¹ Белецкий В.Д., Белецкий С.В. Исковская экспедиция, с.7.
- ⁵² Малинова О.Ю. Обследование средневековых сельских поселений, с.34.
- ⁵³ По сравнению с публикациями (*Белецкий С.В. Пушкинский край по данным археологии, с.75, рис.15; Белецкий С.В. Археологические памятники Пушкинского заповедника // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады Международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории, 11–14 мая 1999 г. Пушкинские Горы – СПб., 2000, с.47, рис.2*, далее *Белецкий С.В. Археологические памятники Пушкинского заповедника*) в хронологические карты на рис.152 внесены уточнения.
- ⁵⁴ Разведкой 1998 г. было открыто селище с находками круговой керамики домонгольского времени на южном берегу оз. Белогуль в черте д.Бирюли. В северо-западной части деревни пятна культурного слоя зафиксированы на площади 150×50 м. В подъемном материале собраны фрагменты разновременной керамики – от XIII–XIV вв. до XIX в. В восточной части деревни наряду с фрагментами круговой керамики XIII–XVII вв. найдены обломки сосудов XII в., кузнечные и керамические шлаки (*Малинова О.Ю. Обследование средневековых сельских поселений, с.35–36*).
- ⁵⁵ Артемьев А.Р. Города Псковской земли в XIII–XV вв., с. 36–40; Васильев М.Е., Харлашов Б.Н. Посады Веронича, с.127.
- ⁵⁶ Васильев М.Е., Харлашов Б.Н. Посады Веронича, с.127–130.
- ⁵⁷ Карты Генерального штаба, р. VIII, л. 7, 1913.

ГЕОРГИЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА ГОРОДИЩЕ ВОРОНИЧ

(по результатам раскопок 2002 г.)¹

Из истории ц. Св. Георгия на Ворониче

Георгиевская церковь являлась главной святыней средневекового псковского пригорода Вороноча. Правда, прямые указания на существование «Егорья святого из Воронача изнутри города»² имеются только в писцовой книге 1585–1587 гг.³ Однако псковские летописи в сообщениях о событиях XV в. отмечают обращение жителей города за помощью именно к Св. Георгию: «вороночане, помолившееся Богу и святому страстотерпцу Христову мученику Георгию»⁴, «вороночане... моляхуся Богу и святому великому мученику Христову Георгию»⁵. Поэтому факт существования в Ворониче Егорьевской церкви уже в начале XV в. сомнений не вызывает. С учетом же того, что пригородская печать города Вороноча в легенде, на реверсе которой обозначено «Печать снятого Егория»⁶, датируется XIV в., можно предположительно относить появление «Егорья святого из Воронача» к начальному периоду существования города.

До наших дней церковь на площадке городища не сохранилась. В литературе отмечалось, что храм погиб в пожаре 1913⁷ или 1915 г.⁸ Однако Н.С.Новиков детально проанализировал документы Великолукского филиала Государственного архива Псковской области и убедительно доказал, что ц. Св. Георгия существовала еще в 1917 г.; исследователь полагал, что «храм сгорел не от удара молнии, а после октябрьского переворота»⁹.

В советское время захоронения на кладбище городища Воронич прекратились, а площадка городища была музеефицирована. В центральной части кладбища, в частности, была устроена экспозиция каменных крестов, свезенных в разные годы с территории Пушкиногорского района (рис.161–164); в настоящее время компактная экспозиция крестов ликвидирована, а сами кресты «живописно» рас-

ставлены по территории кладбища, создавая у экскурсантов впечатление «глубокой древности» совершившихся на кладбище захоронений. В начале 1980-х годов по инициативе С.С.Гейченко псковский архитектор-реставратор М.И.Семенов (рис.165) разработал проект музеефикации фундаментов Георгиевской церкви на городище Воронич; консультировал эти работы В.Д.Белецкий (рис.166- 168). Валунные фундаменты храма были расчищены от дернового покрытия и обозначены на поверхности современной валунной кладкой (рис.169)¹⁰.

Самое раннее из известных изображений ц. Св. Георгия помещено на плане городища Воронич, снятом инженер-полковником И.Ф.Годовиковым в 1857 г.¹¹ (рис.73). В комментарии к плану отмечено, что на площадке городища находятся «деревянная церковь с колокольнею во имя Св. Великомученика и победоносца Георгия, построенная в 1794 г.», дома, службы и сады священно- и церковнослужителей, сельское кладбище¹². На плане изображена вытянутая с запада на восток деревянная постройка с апсидой, обращенной на восток, имевшая квадратный четверик, западный притвор и паперть, над которой была возведена колокольня. У храма было три входа, два из которых (северный и южный) вели непосредственно в четверик, а третий (западный) – через паперть в притвор; все три входа имели небольшие крылечки.

Очевидно, что описание именно этой постройки сохранилось в метрике церкви Св. Великомученика Георгия «в пригороде Ворониче, на горе при речке Сороти», составленной 8 января 1887 г. священником храма о. Андреем Великотиным¹³. В метрике отмечено, что «церковь основана в 1764 г., как видно из надписи на кресте, стоящем в алтаре при жертвеннике»¹⁴. К 1764 г. отнесено также строительство колокольни¹⁵. Храм деревянный, одноэтажный, одноапсидный, одноглавый, не имеет пристроек. У постройки имелись одна паперть и три двери – северная, южная и западная. Алтарная апсида храма была отделена от четверика деревянной стеной. Стена разделяла также четверик и притвор. В алтаре было два окна, забранных железными решетками. Двускатная кровля храма и купол были покрыты листовым железом. Крест на куполе железный, четырехконечный, пепей нет. Именно этот храм мы видим на фотографиях начала XX в., опубликованных в книге Л.И.Софийского¹⁶ и хранящихся в фондах Государственного Пушкинского заповедника (рис.170- 172)¹⁷.

Раскопки Георгиевской церкви

Топография и стратиграфия раскопа I

Раскоп I 2002 г. площадью 94 м² был заложен на участке кладбища, занятом валунной кладкой 1980-х годов, накрыл юго-восточную часть храма (рис.10, 1). Фундаменты постройки обнаружены на глубине 0,1 - 0,6 м от современной поверхности (рис.173–177). В площади раскопа открыты участки фундамента южной и восточной стен притвора, южной и западной стен паперти «под колокольню», а также часть западного крыльца храма (рис.178).

Валуны в фундаменте притвора положены насухо. Валуны фундамента восточной стены притвора перекрыты прослойкой серого слоя с обильной примесью кирличного щебня и частиц известкового раствора. Фундамент паперти представляет собой два уровня валунов. Первоначальная кладка положена насухо. Валуны поздней кладки были пролиты известковым раствором, а между ними встречены фрагменты кирпичей. Из валунов и битого кирпича на известковом растворе сложен и фундамент западного крыльца.

В дерновом и поддерновом слое (рис.179) найдены немногочисленные предметы XIX–XX вв., а также сильно измельченные фрагменты круговой керамики XIII - XVIII вв. (рис.180, 1–15). В слое пожара, перекрывающем фундамент храма, собраны многочисленные прокаленные гвозди, кости, скобы и куски кровельного железа, капли и мелкие слитки оплавленной меди¹⁸, фрагменты ошлакованных кирпичей, оплавленное оконное стекло и слитки стекла, а также куски цементной обмазки цокольной части здания. В этом же слое найдены немногочисленные фрагменты поливной керамики XIX – начала XX в., фрагменты стеклянных бутылок того же времени, а также единичные фрагменты сосудов XIII–XVI вв. (рис.180, 16–17). Подстилающий пожар аморфный слой серо-коричневой земли с обильной примесью песка и включениями угольков представляет собой многократно переотложенный лопатами могильщиками кладбищенский слой. В этом слое собраны фрагменты круговой керамики XIII–XVIII вв. (рис.181–184), фрагменты стеклянных бутылок (рис.183, 7). Кладбищенский слой подстипал материковый песок. При зачистке поверхности материка собраны единичные фрагменты керамики XIII–XV вв. (рис.185, 1–2). В заполнении материковых ям найдены фрагменты керамики того же времени (рис.185, 3–10).

Таким образом, исследованные раскопками 2002 г. фундаменты храма принадлежат Георгиевской церкви, известной по фотографиям начала XX в. и погибшей в пожаре после 1917 г. Очевидно также, что именно этот храм обозначен на плане 1857 г. Однако для ответа на вопрос о том, как соотносятся раскрытые раскопками фундаменты с Егорьевской церковью более раннего времени, необходимо сопоставление результатов раскопок со сведениями письменных источников.

Строительная история храма

Строительная история Георгиевской церкви в XVIII–XIX вв. была подробно рассмотрена в Исторической записке (далее – Записка), составленной Псковскими реставрационными мастерскими в связи с заказом Государственного Пушкинского заповедника на благоустройство городища Воронич¹⁹. Авторы Записки проанализировали описи имущества ц. Св. Георгия 1802–1803 и 1827 гг., клировые ведомости храма 1794–1914 гг. и лист страховой оценки 1910 г. В текст Записки в виде приложения включена краткая информация о содержании источников и пересказ некоторых из них²⁰.

Авторы Записки отметили, что в клировых ведомостях разных лет содержатся разные даты строительства храма²¹: в ведомостях 1803, 1817, 1836 и 1914 гг. указано, что церковь построена в 1760 г.; в ведомостях 1846, 1860 и 1900 гг. датой строительства назван 1764 г., а в ведомостях 1838 и 1865 гг. – 1765 г.²² В листе страховой оценки Георгиевской церкви 1910 г. строительство храма отнесено к 1760 г.²³ На основании содержащейся в письменных источниках информации в Записке выделено пять строительных этапов в истории здания.

Первый этап, по мнению авторов Записки, охватывает период от 1760 г., когда было получено разрешение на строительство храма, до 1764 г., когда храм был освящен. Таким образом, авторы Записки объяснили наличие в источниках двух дат строительства храма. Дата «1765 г.» в Записке никак не комментируется.

Вторым этапом строительной истории Георгиевской церкви авторы Записки считают интервал времени от 1764 до ремонтных работ 1822 г. Правда, в Записке отмечено, что «первый известный ремонт храма относится к 90-м годам XVIII в.»²⁵, однако эти работы авторы Записки «этапными» для строительной истории храма не считают, отмечая только: «Со времени ремонта церкви в 1790-х годах до 1815 г.

она оставалась в хорошем техническом состоянии»²⁶. К работам 1822 г. авторы относят покрытие храма тесом и закладку одного окна в апсиде²⁷, добавляя: «А вот на ремонт колокольни денег не хватило, и к 1827 г. она попросту была разобрана»²⁸. Правда, о закладке в 1822 г. окна в апсиде сведений в источниках нет: это заключение опирается на расхождение сведений разновременных описей о количестве окон в храме. Действительно, в описи 1802–1803 гг. отмечено, что «внутри церкви и притвора окон десять»²⁹, в то время как в описи 1827 г. перечислено «окон вверху четыре... внизу пять окон»³⁰, то есть на одно окно меньше. Однако в описи 1802–1803 гг. «три окна» в алтаре отмечены особо, наряду с десятью окнами «внутри церкви и притвора», так что остается не ясно, включены ли три алтарных окна в число десяти окон храма или же нет.

Завершение *третьего этапа*, согласно предлагаемой в Записке периодизации, приходится на 70–80-е годы XIX в., когда тесовое покрытие храма было заменено на покрытие листовым железом, на окнах были установлены железные решетки, а деревянный крест был заменен на железный.

Четвертый этап, по мнению авторов Записки, относится к 1890-м годам, когда были покрашены голубой масляной краской фасады храма и был отремонтирован иконостас.

Завершение *пятого этапа* авторы Записки связывают с ремонтными работами 1909 г., когда был декорирован барабан, обшиты железом двери и перестроена колокольня. В таком виде, по мнению авторов Записки, храм просуществовал до его разборки в первой половине XX в.³²

Сведения о гибели храма в пожаре авторы Записки считают сомнительными: «Время закрытия церкви и ее разборки не известно, но в списке религиозных объектов и молитвенных зданий Пушкиногорского района Ленинградской области на 1 июля 1931 года она уже отсутствует. Была ли она только закрыта или уже уничтожена – неизвестно»³³. Опираясь на наблюдения Н. С. Новикова, авторы Записки подчеркивают: «Мнение о том, что церковь Великомученика Георгия сгорела в пожаре 1913 или 1915 года, не подтверждается»³⁴.

Очевидно, что по крайней мере часть выводов, содержащихся в Записке (например, убежденность авторов в том, что храм не погиб в пожаре, а был разобран), находится в противоречии с результатами раскопок. И, следовательно, периодизация строительной истории Георгиевской церкви, предложенная авторами Записки, может рассматриваться как сугубо ориентировочная.

В источниках фигурируют разные даты строительства храма 1760, 1764, 1765 и 1794 гг. Как соотносится храм, возведенный во второй половине XVIII в., с храмом второй половины XIX – начала XX в., остается неясно, поскольку описания ц. Св. Георгия на Ворониче в источниках конца XVIII – начала XIX в. и второй половины XIX в. расходятся между собой³⁵. В свете сказанного решающее значение в определении времени строительства исследованной раскопками постройки приобретает то обстоятельство, что храм был возведен на участке действующего кладбища. В метрике 1887 г. отмечено, что пол в храме деревянный³⁶ и никаких надгробных памятников внутри постройки не имеется³⁷. Таким образом, все погребения, открытые под постройкой, были совершены до начала строительства храма.

Погребения в раскопе 2002 г.

В кладбищенском слое раскопа I, а также в ямах, прорезавших поверхность материка, открыто 30 погребений, сохранившихся (полностью или частично) в анатомическом порядке (рис.186–191). Погребения, судя по найденным предметам³⁸, хронологически близки друг другу. Основными находками в них были нательные кресты.

Прежде всего, следует отметить, что кресты-тельники XVI – начала XVII в.³⁹ и более раннего времени⁴⁰ в раскопе отсутствуют. Большинство найденных крестов соответствует типологии крестов-тельников XVII в., разработанной Э.П.Винокуровой⁴¹. В погр. № 13 найден крест типа VI, подтипа 2, варианта 1⁴² – с концами шлемовидной формы, дугами на средокрестии и лучами в дугах (рис.192, 5)⁴³. Такой же крест (рис.192, 6) происходит из погр. № 17а, открытого рядом с храмом.

В погр. № 19а обнаружен крест типа VI, подтипа 2, варианта 2 (рис.192, 7)⁴⁴. Винокурова не уточняет датировку подтипов и вариантов крестов типа VI, так что можно думать, будто речь идет о крестах-тельниках исключительно XVII в. И действительно, подобные кресты найдены при археологических раскопках памятников XVII в.⁴⁵ Однако четыре таких креста найдены в погребениях, открытых при раскопках некрополя 70-х годов XVII – первой половины XVIII в. Мойссеевского монастыря в Москве⁴⁶, так что ограничивать верхнюю дату исключительно XVII в. было бы рискованно. Замечу, что кресты, подобные кресту из погребения № 19а, датируют обычно XVII–XVIII вв.⁴⁷

В погр. № 3, 15, 17, 18 и № 22 (рис.192, 1, 8 - 11) найдены кресты, соответствующие варианту 1 типа I, по Э.П. Винокуровой⁴⁸. Подобные кресты серийно представлены на памятниках близ Звенигорода⁴⁹. Аналогичные кресты известны по материалам раскопок в Пскове⁵⁰, в том числе при раскопках скудельни у ц. Иоанна Милостивого⁵¹ и кладбища у ц. Богоявления с Запсковья⁵².

По мнению Э.П. Винокуровой, датировка крестов типа I в пределах XVII–XIX вв. затруднена⁵³. Однако сама же Винокурова отмечает, что «более крупные и грузные кресты с массивным ушком-бусиной, с широким буртом... относятся к позднему времени, скорее всего, к XIX в.», в то время как «кресты XVII в., более тонкие и изящные по формовке, имеют гладкое кольцевидное ушко, тонкий поясок обводки по контуру»⁵⁴, так что некоторые ориентиры для датировок имеются.

Действительно, при археологических раскопках тонкие и изящные кресты, аналогичные публикуемым, происходят по преимуществу из слоев или комплексов XVII в.⁵⁵ Но исключать из периода бытования этих предметов начало XVIII в. не приходится, поскольку подобные кресты серийно представлены в некрополе Моисеевского монастыря⁵⁶. Аналогичный крест найден также в погребении у ц. Богоявления XVII в. в Твери, сгоревшей в пожаре 1725 г. и более не восстановившейся⁵⁷.

В типологию Э.П. Винокуровой как будто бы не вписывается четырехконечный крест-тельник из погр. № 19, имевший трехлепестковые завершения концов (рис.192, 3). Правда, исследовательница оговаривает, что кресты, концы которых имеют вид трилистника, являются вариантом крестов с кринообразными (трехлоистными, лилиеподобными) концами, однако помещенная в таблицу схема креста имеет с публикуемым предметом мало общего⁵⁸. Кресты с концами в виде трилистника, совершенно аналогичные кресту из погр. № 19, известны по комплексам конца XVII и начала XVIII в.⁵⁹

Таким образом, кресты-тельники из раскопок кладбища на городище Воронич можно определению датировать концом XVII – началом XVIII в. Заметим, впрочем, что датировки для позднесредневековых крестов обычно определяются в широких пределах XVI–XIX вв.⁶⁰ Это объясняется тем, что подавляющее большинство подобных предметов, хранящихся в музеиных собраниях, депаспартизовано. Даже при раскопках позднесредневековых кладбищ большинство найденных крестов происходит из переотложенного кладбищенского слоя⁶¹, а предметы, обнаруженные в хорошо датированных комплексах⁶², единичны.

Прочие находки в погребениях единичны. Медная цельнолитая шаровидная пуговица с выступом из погр. № 18 (рис.192, 2), вероятнее всего, имитирует золотые и серебряные пуговицы XVI–XVII вв., украшенные драгоценными камнями и жемчугом⁶³. Близкие по форме медные шаровидные пуговицы (как гладкие, так и рифленые) найдены в братском захоронении, совершенном осенью–весной 1685–1686 гг. в Албазинском остроге⁶⁴. Там же найдены медные шаровидные пуговицы без выступа⁶⁵. Сходной формы шаровидные пуговицы без выступа известны с домонгольского времени⁶⁶. Перстень из погр. № 19 (рис.192, 4), по мнению Л.А.Завадской, следует относить к концу XVIII в. Однако изображение подобного перстня имеется на групповом портрете участников русского посольства в Англию 1662 г.⁶⁷ Кроме того, сходные перстни найдены в слоях XIV в. в Новгороде⁶⁸, так что ограничивать нижнюю дату перстня из погр. № 19 екатерининской эпохой как будто бы не приходится.

Среди разрушенных погребений, кости которых в изобилии встречены в кладбищенском слое, захоронения ранее XVII в. также отсутствовали⁶⁹: в кладбищенском слое найдены кресты типа I, по Э.П.Винокуровой (рис.193, 2–5, 7), и монеты XVIII–XIX вв.

Одному из переотложенных погребений принадлежала серебряная серьга со стеклянной голубой бусиной (рис.193, 1); подобные серьги были распространены в XVII–XVIII вв.⁷⁰, но доживали и в XIX в.⁷¹

Несколько особняком среди других крестов варианта I типа I, найденных в кладбищенском слое, находится крест-тельник с широкими короткими ветвями и таким же широким древом (рис.193, 6). Э.П.Винокурова выделяет кресты с подобными пропорциями в подвариант 4⁷². Совершенно аналогичные по форме и пропорциям кресты-тельники найдены в слоях и комплексах XVII в. при раскопках в Пскове⁷³. Подобные кресты серийно представлены также в коллекциях Музея истории религии (Санкт-Петербург).

Разрушенные лопатами могильщиков погребения в любом случае относятся к более раннему времени, нежели погребения, сохранившиеся в анатомическом порядке. Иными словами, кресты-тельники типа I в тенденции оказываются более ранними, чем кресты типа VI. Тем не менее погребения с крестами типа VI не являются самыми поздними среди открытых захоронений. Безинвентарное погр. № 5 совершено позднее, чем погр. № 13, в котором найден крестик типа VI. Погр. № 13 и № 19а совершены позднее, чем погр. № 19, частично разрушен-

ное при совершении погр. № 19а, при этом в погр. № 19 и № 19а также найдены крестики типа VI. Погр. № 17а, в котором найден крест типа VI, было совершено ранее, чем безинвентарное погр. № 2. Кроме того, погр. № 8 перекрывает погр. № 11, а погр. № 7 совершено позднее, чем погр. № 20; все четыре погребения безинвентарны.

Таким образом, находки из погребений, открытых под Георгиевской церковью и рядом с ней, позволяют отнести совершение захоронений к концу XVII – началу (первой половине?) XVIII в. И хотя ни одного захоронения старше XVII в. под притвором храма не обнаружено, полученные раскопками данные не противоречат имеющимся в письменных источниках сведениям о строительстве храма в начале 1760-х годов.

Однако такой датировке как будто бы противоречат найденные в слое под притвором храма монеты XVIII–XIX вв.

Монеты в раскопе 2002 г.⁷⁵

Всего в площади раскопа обнаружено 12 монет. Старшая из них (№ 1) отчеканена в 1730 г., а младшая (№ 12) – в 1852 г. (см. таблицу).

Три монеты (№ 3, 11 и № 12) найдены вне пределов постройки. Они могли попасть в слой как в период, предшествующий возведению храма, так и в период его функционирования. В любом случае, на определение времени возведения храма эти монеты непосредственное влияние не оказывают. Остальные девять монет (№ 1, 2, 4–10) обнаружены в пределах внутреннего пространства притвора, так что решающим для датировки храма оказывается определение механизма попадания в слой именно этих предметов. Действительно, если монеты оказались в кладбищенском слое в момент совершения захоронений⁷⁶, то время возведения храма отодвигается ко второй четверти – середине XIX в.

Для решения поставленного вопроса существенным является время обращения монет и место находки каждой из них. Две из трех монет второй четверти XVIII в. (№ 1, 4) залегали в кладбищенском слое выше уровня погребений. Третья монета (№ 2) обнаружена близ поверхности материка на уровне залегания погр. № 6, однако топография находки не исключает того, что монета «вышла» из северной стенки раскопа. Монета 1813 г. (№ 8) найдена в поддерновом слое, а монета 1811 г. (№ 7) обнаружена в верхних сантиметрах кладбищенского слоя. Сильно корродированная двухкопеечная монета (№ 10), отчеканенная в годы правления Александра I, обнаружена на отметке -2 от репера. Она

найдена при разборке слоя над погр. № 12–13: топография находки не исключает того, что монета могла «выпасть» из северной стенки раскопа. Двухкопеечная монета 1811 г. (№ 6) найдена в кладбищенском слое на отметке +35. Это означает, что она залегала в слое почти на 20 см выше ближайшего к месту находки монеты погр. № 5 (открыто на отметках от +16 до +2). Двухкопеечная монета 1817 г. (№ 9) обнаружена в кладбищенском слое на отметке +29 от репера. Она также залегала в слое на 30–40 см выше топографически ближайшего погр. № 10 (открыто на отметках от –4 до –13). Обе монеты найдены не только заметно выше погребений, сохранившихся в анатомическом порядке, но и не ниже поверхности, на которую были положены валунные фундаменты притвора (от +20 до +30). Иными словами, эти монеты происходят из верхних сантиметров слоя, залегавшего под полом храма.

Таблица

**Монеты из раскопок Георгиевской церкви
на городище Воронич в 2002 г.**

№	Номинал	Год чеканки	Место находки	Глубина находки	Слой
1	денга	1730	Притвор	+15	Кладбищенский
2	полушка	1735	Притвор	–25	Кладбищенский
3	денга	1739	К югу от притвора	–4	Кладбищенский
4	денга	1748	Притвор	+30	Кладбищенский
5	1 копейка	1798	Притвор	+28	Серый с примесью кирпичного шебня и известкового раствора (перекоп)
6	2 копейки	1811	Притвор	+35	Кладбищенский
7	2 копейки	1811	Притвор	+57	Кладбищенский
8	2 копейки	1813	Притвор	+67	Подлерновой
9	2 копейки	1817	Притвор	+29	Кладбищенский
10	2 копейки	18??	Притвор	–8	Кладбищенский
11	5 копеек	1837	К югу от притвора	–10	Кладбищенский
12	3 копейки	1852	Близ западного крыльца	+86	Поддерновой

Найденная на отметке +28 от репера копейка 1798 г. (№ 5) обнаружена в перекопе, прорезавшем кладбищенский слой. Очевидно, что монета попала в слой после того, как на данном участке прекратили совершать захоронения.

Таким образом, ни одна из монет XVIII – XIX вв. не может быть определенно отнесена ко времени совершения захоронений, открытых под зданием Георгиевской церкви⁷⁷. Монеты № 1, № 2 и № 4, отчеканные, соответственно, в 1730, 1735 и 1748 гг., могли оказаться в слое до 1760 г., то есть ранее самой ранней из предлагавшихся в литературе датировок строительства храма, к тому же стратиграфическое положение двух из них (№ 2 и № 10) не вполне ясно. Монеты № 7 и № 8 теоретически могли попасть в слой в процессе музесфикации фундамента храма в 1980-е годы. Монеты № 6 и № 9 могли оказаться под полом храма во время одного из косметических ремонтов, связанных с заменой в притворе деревянных половиц пола. Наконец, принадлежность монеты № 5 к слою кирпичного щебня и известкового раствора позволяет относить ее ко времени проведения капитального ремонта храма.

Чрезвычайно интересен состав нумизматических находок из раскопок Георгиевской церкви. Среди монет, найденных в слое под зданием храма, отчетливо выделяются две хронологически компактные серии. В первую из них объединяются монеты второй четверти XVIII в. (№ 1, 2, 4), чеканившиеся по 10-рублевой стопе, утвержденной именным указом от 22 декабря 1730 г.⁷⁸ Вторую серию составляют монеты, чеканившиеся в 1810-е годы по 24-рублевой стопе (№ 6–10)⁷⁹, утвержденной высочайшим манифестом от 29 августа 1810 г.⁸⁰

Вне серий остается копейка 1798 г. Обращение ее совместно с монетами ранней серии маловероятно: монеты, отчеканенные в царствование Павла I, отделены от монет ранней группы несколькими денежными реформами⁸¹. Сомнительно также обращение этой копейки совместно с монетами 1810-х годов, поскольку при проведении денежной реформы М.М. Сперанского старые медные монеты изымались из обращения и переплавлялись⁸².

Таким образом, найденные в слое под притвором Георгиевской церкви монеты могли выпадать в слой как «попутчно», так и путем нескольких (не менее трех) «бросов».

Монеты ранней серии, как уже отмечалось, могли оказаться в слое ранее 1760 г. Таким образом, на решение вопроса о времени строительства храма эти монеты как будто бы не влияют. Тем не менее нельзя

не отметить любопытную особенность ранней серии: все составляющие ее монеты чеканились в годы правления Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. При этом по крайней мере некоторые погребения, открытые под притвором Георгиевской церкви, определенно относятся к времени более раннему, чем вторая четверть XVIII в. Однако ни одной монеты, отчеканенной в годы царствования Петра I или в более раннее время, в площасти раскопа не обнаружено. Таким образом, мы не располагаем убедительными свидетельствами того, что в момент совершения погребений на Георгиевском кладбище Воронича в могилы бросали монеты. И, следовательно, связывать монеты № 1, 2 и № 4 с совершившимися на кладбище захоронениями затруднительно.

После сказанного решимся предположить, что монеты ранней серии могли попасть в слой, подстилающий Георгиевскую церковь, непосредственно перед началом строительства храма. Разумеется, медные монеты, чеканившиеся по 10-рублевой стопе, находились в обращении в 30–50-е годы XVIII в.⁸³ и начали изыматься с началом денежной реформы 1757 г., в ходе которой старые монеты перечеканивались⁸⁴. Тем не менее этот процесс растянулся во времени на несколько лет, а перечеканки были подвергнуты главным образом копейки 1755–1757 гг.⁸⁵ Иными словами, в начале 1760-х годов в Псковской провинции (в «захолустье», по меткому определению С.Ф.Платонова⁸⁶) аннинская и елизаветинская медь могла находиться (и, безусловно, находилась) в обращении. Таким образом, монеты ранней серии подтверждают, что исследованный раскопками 2002 г. храм был построен в начале 60-х годов XVIII в.

Очевидно, что наиболее достоверной из трех имеющихся в источниках дат — 1760, 1764 и 1765 гг. — является дата, обозначенная в «надписи на кресте, стоящем в алтаре при жертвеннике»⁸⁷ — 1764 г. Наличие в источниках двух дат — «1760 г.» и «1764 г.» — изящно объяснили авторы Записки, разделившие во времени начало и завершение строительства храма⁸⁸. Следовательно, 1764 г. следует признать годом завершения строительных работ и освящения Георгиевской церкви. Правда, остается непонятным происхождение даты «1760 г.», однако она содержится уже в клировой ведомости 1803 г.⁸⁹, так что эта дата могла восходить к независимому источнику.

Появление в источниках даты «1765 г.», безусловно, нуждается в объяснении. Прежде всего, очевидно, что эта дата, как и дата «1764 г.», должна восходить к надписи на кресте — основному источнику сведе-

ний о времени строительства храма, имевшемуся в Георгиевской церкви в середине – второй половине XIX в. Возможно, появление даты «1765 г.» связано с особенностями надписи. К сожалению, полный текст ее в источниках не приводится и достоверно восстановить его, видимо, уже невозможно, поскольку крест, вероятнее всего, погиб в пожаре вместе с прочим церковным имуществом. Поэтому мы вынуждены вступать в область гипотез. Если дата «1764 г.» в надписи на кресте была обозначена буквами, а не цифрами, она должна была иметь вид *«АФД*. В том случае, если в надписи на кресте содержалась дата «1765 г.», она имела бы в буквенном обозначении вид *«АФЕ*. Очевидно, что *д* и *е* невозможно спутать даже в том случае, если надпись была сильно поврежденной. Зато неверное прочтение буквенных обозначений цифр возможно в том случае, если буквенной даты в надписи обозначалась не от Рождества Христова, а от Сотворения мира. Дата «1764 г.» при переводе в летосчисление от Сотворения мира ($1764+5508=7272$) должна была иметь вид *«ЗСОВ*. Дата «1765 г.» в переводе на летосчисление от Сотворения мира ($1765+5508=7273$) имела бы вид *«ЗСОГ*. При плохой сохранности надписи *«ЗСОВ*, утратившая нижнюю петлю буква *в* (2) могла быть принята за *г* (3), что при переводе даты неизбежно вело к ошибке на один год. Таким образом, нельзя исключать, что дата «1765 г.» появилась в источниках в результате неверного прочтения надписи на кресте.

Монеты поздней серии хронологически компактны: две отчеканены в 1811 г. (№ 6, 7), одна – в 1813 г. (№ 8), одна – в 1817 г. (№ 9). Дата чеканки еще одной монеты не установлена из-за плохой сохранности находки (№ 10), однако нет сомнений в том, что монета была отчекана в годы царствования Александра I. Разумеется, период обращения монет поздней серии в провинции мог быть достаточно продолжительным, однако показательно то, что в слое под храмом не обнаружено ни одной монеты, выпущенной с началом денежной реформы Е.Ф.Канкрина (1840-е годы)⁹⁰. Таким образом, верхней хронологической границей для поздней серии монет оказываются 1820-е годы.

В этой связи вспомним, что в 1822 г., по наблюдениям авторов Записки⁹¹, в Георгиевской церкви производились ремонтные работы. Правда, прямых указаний на проведение ремонта именно в 1822 г. источники не содержат: единственным основанием для такого вывода является расхождение сведений клировой ведомости за 1815 г. (отмечены ветхость кровли и колокольни)⁹² и описи имущества 1827 г. (отмечены

покрытие тесом и отсутствие колокольни)⁹³. Тем не менее совпадение интервала времени, в пределах которого чеканились монеты поздней серии (1811–1817, но не позднее 1825 г.), и хронологического интервала, в пределах которого могли быть проведены ремонтные работы в храме (между 1815 и 1827 гг.), вряд ли является случайным. Напомним, что в 1824 г. у апсиды Георгиевской церкви был погребен И.С.Осипов, второй муж хозяйки Тригорского П.А.Осиповой, прихожанки Георгиевской церкви, много делавшей для укрепления прихода⁹⁴. Вероятность того, что вскоре после похорон мужа П.А.Осипова выделила средства на ремонт храма (у апсиды которого покоялся также прах ее отца, А.М.Вындорского, скончавшегося в 1813 г.), представляется нам достаточно высокой. В таком случае монеты поздней серии могли попасть под притвор Георгиевской церкви во время ремонтных работ, связанных с заменой полов в храме.

Павловская копейка. Вне серий, как уже отмечалось, находится копейка 1798 г. Ее стратиграфическое положение вызывает особый интерес: монета найдена в перекопе, прорезавшем кладбищенский слой и состоявшем из серого слоя с обильной примесью кирпичного щебня и частиц известкового раствора. Вероятнее всего, перекоп, заполненный строительным мусором, связан с проведением в храме капитального ремонта. Если этот так, то павловская копейка позволяет датировать ремонтные работы концом XVIII или самым началом XIX в., то есть тем временем, когда владельцем Тригорского был А.М.Вындорский.

Н.С.Новиков отмечал, что в 1794 г. «в Георгиевской церкви проводился капитальный ремонт на средства, собранные прихожанами», причем из-за собранных средств разразился конфликт между А.М.Вындорским, хранившим церковную казну у себя дома, и священником Георгиевской церкви о. Федором Яковлевым⁹⁵. Оправдываясь, хозяин Тригорского писал: «Под моим попечением собрана сумма 905 р. 1 к., и я должен исправить *многие надобности*» (курсив мой. – С.Б.)⁹⁶. Если связывать перекоп, заполненный строительным мусором, с ремонтными работами 1790-х годов, то существенным оказывается присутствие в заполнении перекопа кирпичного щебня и частиц известкового раствора. Дело в том, что вплоть до 1909 г. Георгиевская церковь не отапливалась⁹⁷, так что относить кирпичную крошику и частицы раствора за счет сооружения печей в храме не приходится. Тогда единственным объяснением наличию строительного мусора оказывается гипотеза о сооружении во время ремонта валунно-кирпичной цо-

кольной части деревянного храма. В таком случае ремонтные работы 1790-х годов носили характер полной перестройки здания храма и явно не ограничились одним строительным сезоном. Именно в процессе перестройки Георгиевской церкви, растянувшемся на несколько лет, и могла попасть под пол притвора храма павловская копейка.

Возможно, подтверждением сказанному является дата строительства Георгиевской церкви, приведенная И.Ф.Годовиковым, – 1794 г.⁹⁸ В письменных источниках эта дата отсутствует, и происхождение ее неясно. Напомним, однако, что Годовиков проводил топографическую съемку городища Воронич в 1857 г., то есть еще при жизни П.А.Осиповой (†1859). Священнослужители Георгиевской церкви вряд ли могли назвать ему дату «1794 г.»: в самом храме в середине XIX в. уже существовала устойчивая традиция (связанная с надписью на кресте) относить строительство храма к 1764 г. Не от владелицы ли Тригорского получил инженер-полковник Годовиков информацию о возведении церкви на городище в 1794 г.? В таком случае речь могла идти именно о перестройке храма, проведенной А.М.Вышдомским в 1790-е годы, а мы получаем драгоценное свидетельство тому, что П.А.Осипова считала строителем Георгиевской церкви на городище своего отца.

Пушкин и ц. Св. Георгия на Ворониче⁹⁹

Таким образом, результаты раскопок 2002 г. не противоречат существующим представлениям о возведении Георгиевской церкви во второй половине или в конце XVIII в. Судя по всему, именно этот храм стоял на площадке городища Воронич в 1824–1826 гг., когда сосланный в родовое имение Пушкин посещал обитателей Тригорской усадьбы. На схематичных рисунках Пушкина, интерпретируемых обычно как изображение Тригорского¹⁰⁰, Георгиевская церковь не показана, обозначен лишь дом П.А.Осиповой и постройка в д.Воронич (рис.194–195).

Однако Пушкин, безусловно, знал храм на городищенском кладбище, прекрасно видный со стороны Тригорского парка (рис.196–197). Здесь в 1831 г. венчалась с бароном Вревским дочь Прасковьи Александровны Евпраксия Николаевна Вульф (Зизи), с которой Пушкин был связан близкими дружескими отношениями. У алтарной апсиды Георгиевской церкви нашли последнее упокоение ушедшие из этой

жизни владельцы Тригорского. Георгиевскую церковь, наряду с Воскресенской на погосте в д. Воронич (правда, не указывая посвящения храмов), упоминает поэт в письме брату Льву от 7 апреля 1825 г.: «Я заказал обедню за упокой души Байрона (сегодня день его смерти). Анна Николаевна также, и в обеих церквях Тригорского и Воронича происходили молебствия»¹⁰¹. Из письма Пушкина П.А. Вяземскому от 7 апреля 1825 г. следует, что поэт заказал обедню по Байрону священнику Воскресенской церкви о. Иллариону Раевскому («попу Шкоде»)¹⁰²; при этом Пушкин отмечает: «Мой поп удивился моей набожности и вручил мне просвиру, вынутую за упокой раба Божия боярина Георгия»¹⁰³.

Таким образом, священнику Георгиевской церкви о. Корнилию Воронецкому заказывала обедню А.Н. Вульф¹⁰⁴. Правда, в литературе иногда отмечается, что обедню по Байрону в Георгиевской церкви заказывал А.Н. Вульф, но это, конечно же, ошибка, возникшая из-за совпадения инициалов Анны Николаевны и Алексея Николаевича.

Завершаю рассмотрение результатов раскопок Георгиевской церкви на городище Воронич, проведенных в 2002 г., процитирую фрагмент рассказа С.С. Гейченко «Без боязни обличаху»¹⁰⁵:

«Наконец замелькали в тумане огоньки церквей Воронича и в большом тригорском доме.

— Теперь, почтый, приехали, — сказал Козлов. — Вот и имение Праксевын Александровны! (...).

— А ну, постой, поворачивай к дому Осиповых, — распорядился жандарм. (...)

Подъехали к дому. Услыхав под окном звон почтовых колокольцев, кто-то распахнул лвери. Ракеев и Козлов вошли в тускло освещенные сени и стали стряхивать с шуб снег.

Показался лакей в домашней ливрее и закутанная в большой теплый платок маленькая старушка, лицо ее было еле видно. Ей явно нездоровилось.

— Кто это? — тревожно спросила она вошедших, остановив свой взгляд на жандарме.

Приезжие поклонились. Офицер звякнул шпорами:

— Я капитан Ракеев, сударыня! Господин Тургенев уже здесь? — Помолчав, Ракеев добавил: — Я к вам, госпожа Осипова, с недоброей вестию... Привез Александра Сергеевича... тело... по предписанию государя императора...

Вновь услышав страшные слова, Прасковья Александровна схватилась за голову, бросилась в комнаты с воплем:

— Знаю, знаю... убили, господи, убили!

Показался Тургенев, прибывший в Тригорское четыре часа тому назад. Выбежали дети, слуги, дом наполнился плачем и стенаниями.

Ракеев был милостив. Он разрешил отслужить в Тригорском панихиду, очень уж все просили, да и согреться хотелось.

Скоро в церкви на Ворониче загудел траурный колокольный звон. Так начались похороны Пушкина»¹⁰⁶.

Из этого рассказа следует, что 5 февраля 1837 г. в Георгиевской церкви на городище Воронич была отслужена первая на Псковской земле панихида по Пушкину.

Теоретически такую возможность исключать, разумеется, нельзя. А.И.Тургенев, сопровождавший тело поэта в Святые Горы, записал 5 февраля 1837 г. в своем дневнике: «Отправились сперва в Остров, за 56 верст (от Пскова. – С.Б.), оттуда за 50 верст к Осиповой в Тригорское, где уже был в три часа пополудни. За нами прискакал и гроб в 7-м часу вечера; почтальона оставил я на последней станции со своей кибиткой. Осилюя послала, по моей просьбе, мужиков рыть могилу; вскоре и мы туда поехали с жанлармом... Условились приехать на другой день и возвратились в Тригорское. Повстречал тело на дороге, которое скакало в монастырь»¹⁰⁷. Таким образом, траурный кортеж по дороге в Святогорский монастырь действительно побывал в усадьбе Тригорское.

Правда, в письме к А.И.Нефедьевой от 9 февраля 1837 г. Тургенев не упоминает о том, что гроб с телом Пушкина завозили в Тригорское: «За 55 верст от Острова мы заехали, оставив гроб на последней станции с почтальоном и Дядькой, к госпоже Осиповой, в 3 часа пополудни... Она уже накануне узнала от дочерей, в П.Бурге живущих, о кончине П(ушкина) и встретила меня как хорошего знакомого и друга П(ушкина). Мы у ней отобедали, а между тем она послала своих крестьян рыть могилу для П(ушкина) в монастырь за 4 версты... После обеда мы туда поехали, скоро прибыло и тело»¹⁰⁸. Может сложиться впечатление, что гроб с телом поэта был привезен в Святогорский монастырь непосредственно «с последней станции». Однако в действительности никакого противоречия в сообщениях нет. Гроб с телом Пушкина, как это следует из дневника, был привезен в Тригорское более чем через три часа после приезда туда самого А.И.Тургенева. Следовательно, в момент выезда Тургенева в Тригорское сани с гробом, почтальо-

ном и дядькой поэта Н.Т.Козловым действительно были оставлены на последней перед Тригорским почтовой станции. Таким образом, в письме Тургенева к Нефедьевой содержится рассказ, сокращенный по сравнению с записью в дневнике.

Н.И.Грановская, специально изучавшая последний путь Пушкина, никак не комментирует остановку саней с гробом на последней перед Тригорским почтовой станции¹⁰⁹. И в этой связи заметим, что Тургенев в письме к Нефедьевой упоминает о своем приезде в Тригорское во множественном числе («мы заехали»), оговорив при этом, что гроб был оставлен на последней станции «с почтальоном и Дядькой». Следовательно, попутчиком Тургенева в момент приезда в Тригорское был жандармский офицер. Таким образом, сани с гробом оставались на почтовой станции без официальных сопровождающих. Грановская подчеркивает, что «при перевозке мертвого тела длительные остановки на станциях (почтовых. – С.Б.) не разрешались (стоять можно было только у церкви)»¹¹⁰. Судя по воспоминаниям младшей дочери П.А.Осиповой Е.И.Фок, Тургенев приехал в Тригорское потому, что плохо знал дорогу¹¹¹. Возможно, именно в этом стечении обстоятельств скрывается причина того, что гроб с телом Пушкина не отправили с последней станции непосредственно в Святогорский монастырь, а привезли в Тригорское. Очевидно, ни Н.Т.Козлов, ни почтальон с ямщиком не получили в момент отъезда Тургенева никаких внятных распоряжений¹¹² и из-за существующего запрета на длительные остановки гроба были вынуждены покинуть станцию и везти тело Пушкина следом за Тургеневым, то есть в Тригорское. Иными словами, появление в Тригорском саней с гробом следует объяснять случаем, но никак не целенаправленным, осознанным действием лиц, сопровождавших тело Пушкина.

Конечно, П.А.Осипова, прихожанка ц. Святого Великомученика Георгия, могла заказать панихиду по Пушкину в Георгиевской церкви на Ворониче. Однако Е.И.Фок в своих воспоминаниях о приезде в Тригорское траурного кортежа ничего о панихиде не говорит: «Матушка недомогала и после обеда, так часу в третьем, прилегла отдохнуть. Вдруг видим в окно: едет к нам возок с какими-то двумя людьми, а за ним длинные сани с ящиком. Мы разбудили мать, вышли навстречу гостям: видим, наш старый знакомый Александр Иванович Тургенев. По-французски рассказал Тургенев матушке, что приехали они с телом Пушкина, но, не зная хорошенъко дороги в монастырь и

прозябши, вместе с везиум гроб ямщиком приехали сюда... Матушка оставила гостей ночевать, а тело распорядилась везти теперь же в Святые Горы»¹¹³.

Правда, по прошествии более чем 60 лет (записки Е.И.Фок относятся к 1898 г.) какие-то детали могли ускользнуть из памяти автора воспоминаний¹¹⁴, тем более что Екатерине Ивановне в начале 1837 г. было всего 13 лет. Но ничего не сообщает о панихиде в Тригорском и А.И.Тургенев, дневниковые записи которого одновременны событиям, связанным с похоронами Пушкина. Вероятнее всего, звон погребальных колоколов над городищем Воронич в день последнего «приезда» Пушкина в Тригорское – это не более чем образ, красавая легенда, ставшая заключительным эпизодом сложившейся в литературе апокрифической биографии великого русского поэта.

¹ См.: Ашешова А.Н., Белецкий С.В., Плотников С.Л. Георгиевская церковь на городище Воронич // Сборник статей к 75-летию Л.С.Клейна. В печати.

² Псков и его пригороды // Сборник МАМЮ, т. V, кн. 1. М., 1913, с.448.

³ Там же, с. 346–348, 350–353, 369, 410.

⁴ Псковские летописи. Вып. 1, с.31–32 (под 6916/1408 г.).

⁵ Псковские летописи. Вып.2, с.41 (под 6934/1426 г.).

⁶ Белецкий С.В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику. СПб., 2001, с.136, рис.69, 5, далее Белецкий С.В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику...

⁷ Гордин А.М. Пушкинский заповедник. М., 1956, с.160; Гордин А.М. Пушкинский заповедник. Л.-М., 1968, с.195; Гордин А.М. Пушкин в Псковском крае. Л., 1970. с.147.

⁸ Гейченко С.С. «Приют, сияньем муз одетый». М., 1988, с.185.

⁹ Новиков Н.С. Летопись Тригорского без легенд // Михайловская пушкиниана. Вып.5. Б.м., 1998, с.88–89, далее Новиков Н.С. Летопись...

¹⁰ Музеефикация была проведена по образцу консервации фундаментов каменных построек, открытых при раскопках в Довмонтовом городе Пскова, см.: Белецкий В.Д. Довмонтов город. Архитектура и монументальная живопись XIV в. Л., 1986, с.15, рис.3 и фото на фронтисписе.

¹¹ Альбом И.Ф. Годовикова, л. IV–Д. Хранится в ПОМЗ. В посмертно изданном комментарии к чертежам, помещенным в альбоме, отмечено, что планы были сняты в 1857 г. (Годовиков И.Ф. Описание и изображение древностей Псковской губернии. Вып.1. Псков, 1880, с.27, далее Годовиков И.Ф. Описание...).

¹² Годовиков И.Ф. Описание, с.40–41.

¹³ РА ИИМК РАН, Р-III, № 5336, л.1об. О биографии А.Г.Великотного, более полувека – с 1841 по 1892 г. – священствовавшего в Георгиевской церкви, см.: Никифоров В.Г. Земли родной минувшая судьба. История усадеб «Пушкинского уголка» и судьбы их обитателей // Михайловская пушкиниана. Вып.17. М., 2001, с.150–152.

¹⁴ РА ИИМК РАН, Р-III, № 5336, л.1об.

¹⁵ Там же, л.9об.

¹⁶ Софийский Л.И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. Пеков, 1912, рис.50, далее Софийский Л.И. Город Опочка...

¹⁷ Пользуюсь случаем поблагодарить директора Государственного музея-заповедника А.С.Пушкина «Михайловское» Г.Н.Василевича и хранителя фотографонда Заповедника В.А.Елисееву, предоставивших мне возможность воспроизвести неопубликованные фотографии из фондов Заповедника.

¹⁸ Возможно, слитки мели представляют собой оплавившиеся оклады икон.

¹⁹ Архив ГПЗ, д.1033, л.1.

²⁰ Большинство документов хранится в Государственном архиве Псковской области (г. Псков) и его филиале (г. Великие Луки Псковской обл.). Сравнение пересказа метрики 1887 г., приведенного в Записке, с подлинной метрикой, хранящейся в РА ИИМК РАН (Р-III, № 5336), показало, что пересказ в целом соответствует содержанию источника, однако воспроизведением текста документа не является.

²¹ Архив ГПЗ, д.1033, л.4.

²² Там же, л.14–17.

²³ Там же, л.18.

²⁴ Там же, л.10.

²⁵ Там же, л.4 (со ссылкой на упомянутую статью Н.С.Новикова).

²⁶ Там же, л.5.

²⁷ Там же, л.10.

²⁸ Там же, л.5. В другом месте авторы Записки относят разборку колокольни к тому же 1822 г.

²⁹ Там же, л.13.

³⁰ Там же, л.14.

³¹ Там же, л.14.

³² Там же, л.10–11.

³³ Там же, л.9.

³⁴ Там же, л.9.

³⁵ Так, в описи церковного имущества 1802–1803 гг. отмечено, что в алтарной апсиде храма три окна (Архив ГПЗ, д.1033, л.14), в то время как метрика 1887 г. фиксирует наличие в алтаре всего двух окон (РА ИИМК РАН, Р-III, № 5336, л.4). Означает ли это, что к 1887 г. одно из трех окон было заложено, или же речь идет о двух различных постройках, неясно. В Записке, сопровождающей проект воссоздания Георгиевской церкви, отмечено, что одно из трех окон в апсиде храма было заложено во время ремонта 1822 г. (Архив ГПЗ, д.1033, л.10). Однако из имеющихся источников этот вывод не следует.

³⁶ РА ИИМК РАН, Р-III, № 5336, л.5об.

³⁷ Там же, л.8об.

³⁸ Пользуюсь случаем поблагодарить сотрудника ОИРК ГЭ Л.А.Завадскую за участие в обсуждении датировки предметов из раскопок некрополя Георгиевской церкви.

³⁹ Кресты-тельники серийно представлены в материалах раскопок кладбища 1570–1610-х годов близ Радонежа (Чернов С.З. Погост Афанасия и Кирилла Александровича Радонежского. – М.: Наука, 1980. – С. 111).

- дрийских. с.66 - 71, рис.2-7), однако аналогии для крестов из раскопок на Ворониче среди этих материалов отсутствуют.
- ⁴⁰ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (Х–XV вв.). М., 1981, с.51, 53, рис.16, 17, далее Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода.. : Беленькая Д.Л. Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // КСИА. 1993, № 208, с.11–19, рис.1–2; Николаева Т.Н. Произведения мелкой пластики XIII–XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960, с.275–281; Гриценко Т.А., Пуцко В.Г. Русская металлопластика с Куликова поля // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000, с.218–220.
- ⁴¹ Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 1999, далее Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники.
- ⁴² Там же, с.342, рис.18.
- ⁴³ Аналогичные кресты известны по материалам раскопок Пскова (напр.: ПОМЗ, фонды Отдела археологии, инв. № П-91-Сов. II/Л-9-4-1/№ 9). Имеются такие кресты, в частности, преобладают в составе клада крестов-тельников из раскопок ц. Дмитрия Солунского в Домонтовом городе (хранятся в фондах ОИРК ГЭ). Близкие по форме кресты имеются также в собрании МИР (напр.: инв. № СП-МИР/A-3890-IV).
- ⁴⁴ Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники, с.344, рис.19.
- ⁴⁵ Такие кресты обнаружены в братском захоронении, совершенном осенью-весной 1685–1686 гг. в Албазинском остроге (Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII в. Владивосток, 1999, с.294, рис.76, 6, далее Артемьев А.Р. Города и остроги.. Полобные кресты найдены на памятниках в окрестностях Звенигорода (Станюкович А.К. Произведения русской средневековой металлопластики из округи Звенигорода (новые открытия) // Вестник клуба «Раритет». № 1, 2000, с.18, рис.2, 7, 9, 12, далее Станюкович А.К. Произведения русской средневековой металлопластики.. Аналогичный крест найден также при раскопках скучельницы XVI–XVII вв. при ц. Иоанна Милостивого в Пскове (ПОМЗ, фонды Отдела археологии, инв. № П-86-Петр.2/уч.В, погр.26/№ 52; информацию о результатах раскопок см.: Седов В.В. и др. Археологические раскопки в Пскове // АИП, вып.7, Псков, 1987, с.104).
- ⁴⁶ Например: Векслер А.Г., Беркович В.А. Материалы археологических исследований некрополя Монсевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 1999, с.200, рис.15, 7 (далее Векслер А.Г., Беркович В.А. Материалы..). Судя по контексту изложения, крестики такого типа обнаружены в ранних погребениях некрополя.
- ⁴⁷ Например: Острооский А.Б. Православные нагрудные кресты (эмблемы черты символов) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып.8–9. СПб., 1995, с.57, рис.1, 2.
- ⁴⁸ Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники, с.334, рис.7.
- ⁴⁹ Станюкович А.К. Произведения русской средневековой металлопластики. с.18, рис.2, 13, 15 - 18.
- ⁵⁰ ПОМЗ, фонды Отдела археологии, инв. № П-87-Л-XIII/И-11-595-7/№13; П-93-Бог./уч.Б, кв.5, пл.11/№ 28; П-93-Бог./уч.Б, кв.6а, пл.9/№ 4; П-86-Л-Х/Е-158-8/№ 209.
- ⁵¹ Там же, инв. № П-86-Петр.2/уч.В, погр.64/№ 73; П-86-Петр.2/уч.В, погр.36(35)/№ 58.
- ⁵² Там же, инв. № П-93-Бог./уч.Б, кв.10, пл.12/№ 63.
- ⁵³ Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники. с.335.
- ⁵⁴ Там же, с.335–336.

- ⁵⁵ Например: Кильдюшевский В.И. Раскопки на улице Гоголя в 1977 г. // Археологическое изучение Пскова. М., 1983, с.109, рис.3, 4–5; Кренке Н.А. Нательные крестики из раскопок во дворе старого здания Московского университета // РА, 2000, № 1, с.210–212, рис.2, 7, 10, 11, далее Кренке Н.А. Нательные крестики из раскопок... Артемьев А.Р. Города и остроги, с.294, рис.76, 2, 10, 13.
- ⁵⁶ Векслер А.Г., Беркович В.А. Материалы, с.200, рис.15, 2. По данным Векслера и Берковича, такие кресты представлены в материалах раскопок 13 экземплярами (там же, с.199, тип I, подтип 1). Правда, в некрополе Моисеевского монастыря эти крестики как будто бы составляют раннюю серию.
- ⁵⁷ Новиков А.В. Некрополь у церкви Богоявления на Загородском посаде в г.Твери // Тверской археологический сборник... 1968. Вып.4, т.II, с.303–306, рис.304, 4 (далее Новиков А.В. Некрополь у церкви Богоявления...).
- ⁵⁸ Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники, с.347, рис.22.
- ⁵⁹ Векслер А.Г., Беркович В.А. Материалы, с.200, рис.15, 5; Новиков А.В. Некрополь у церкви Богоявления, с.304, рис.5; Артемьев А.Р. Города и остроги, с.294, рис.76, 9. Подобный крест имеется в собрании МИР (инв. № СП-МИР/А-3402-IV). Аналогичные кресты найдены также при раскопках в Пскове (ПОМЗ, фонды Отдела археологии, инв. № П-93-Бог./уч.Б. кв.5, пл.10/№ 16). Подобные крестья найдены также в Старой Стрелецкой слободе XVI–XVII вв. близ Звенигорода (Станюкович А.К. Произведения русской средневековой металлоштальстики, с.18, рис.2, 5, 8).
- ⁶⁰ Например: Беляев Л.А. Древности Данилова монастыря (Церкви во имя Воскресения Словущего и Даниила Столпника) // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995, с.102–103, рис.21, 22. Автор предлагает для некоторых крестов узкие даты (там же, с.109, примеч.24–27), однако соотнести описания с изображениями не удается, поскольку ссылки даны на полевые шифры находок, а фотографии в таблице не аннотированы.
- ⁶¹ Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы (кон. XIII – нач. XV в.) по данным археологии. М., 1994, с.306, подписи к табл.106–108.
- ⁶² Например: Кренке Н.А. Нательные крестики из раскопок, с.210–212; Артемьев А.Р. Города и остроги, с.113–114.
- ⁶³ Медведева Г., Платонова Н., Постникова-Лосева М., Смородинова Г., Троепольская Н. Русские ювелирные украшения 16–20 веков из собрания Государственного ордена Ленина исторического музея. М., 1987, с.48, 49, № 54, 58 (далее Медведева Г. и др. Русские ювелирные украшения...).
- ⁶⁴ Артемьев А.Р. Города и остроги, с.292, рис.74, 6, 9–11, 13–15.
- ⁶⁵ Там же, с.292, рис.74, 8, 12, 16.
- ⁶⁶ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода, с.154, рис.61, 3–7.
- ⁶⁷ Медведева Г. и др. Русские ювелирные украшения, с.33.
- ⁶⁸ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода, с.140, рис.54, 1; 80, 11.
- ⁶⁹ Фрагменты керамики XIII–XVI вв. и единичные предметы эпохи средневековья (арбалетный болт, шиферное пряслице, товарная западноевропейская пломба), найденные в кладбищенском слое, связанны с отложениями городищенского времени, уничтоженными на территории прицерковного кладбища.
- ⁷⁰ Медведева Г. и др. Русские ювелирные украшения, с.52, № 61.
- ⁷¹ Конструктивно близкие серьги изображены на портрете крестьянки, написанном неизвестным художником в 1820-е годы (Медведева Г. и др. Русские ювелирные украшения, с.53).

- ⁷² Винокурова Э.П. Металлические литье кресты-тельники, с.345, рис.8, 4.
- ⁷³ ПОМЭ, археологический отдел фондов, инв. № ППМ-81/43; фонды Отдела археологии, инв. № П-92- Бог./уч.Б. кв.34, пл.12/№ 12.
- ⁷⁴ Например: инв. № СП-МИР/А-3512-IV; СП-МИР/А-3387-IV; СП-МИР/А-3536-IV; СП-МИР/А-3421-IV и др.
- ⁷⁵ См.: Белецкий С.В., Плотников С.Л. Строительная история Георгиевской церкви на Ворониче (по данным нумизматики) // ТД XI ВНК. СПб., 2003, с.203–205.
- ⁷⁶ Имеется в виду хорошо известный обычай бросать монеты в могилу «на окуп места», см.: Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии. М., 1995. с.92, 303.
- ⁷⁷ Определение монет, найденных в погребениях XIV–XVII вв., как «оболов Харона» (то есть денег, предназначенных для уплаты за перевоз через реки подземного царства) справедливо (Векслер А.Г., Петухов С.П. «Обол Харона» в погребениях средневекового некрополя церкви св. Троицы в Старых Полях (г.Москва) // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. ТД и С., М., 2002, с.203–206, далее Векслер А.Г., Петухов С.П. «Обол Харона»...). Однако я бы не решился обозначать в качестве «обола мертвых» (понятно, более привычно мне, нежели «обол Харона») монеты, найденные в заполнении могильной ямы: их появление связано с совершенно иными поверьями. В любом случае «каждую находку ритуальной монеты в погребении (или в засыпке могильной ямы) следует рассматривать индивидуально» (Векслер А.Г., Петухов С.П. «Обол Харона», с.205). В свете сказанного, определять все монеты, найденные на территориях кладбищ (тем более происходящие из подъемного материала), как «оболы мертвых», будет по меньшей мере неосторожно; см.: Быков А.В. «Оболы Харона» русских кладбищ второй половины XVII – первой половины XVIII в. (на примере подъемного материала из Вологды) // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. ТД и С. СПб., 2001, с.145–146.
- ⁷⁸ Узденников В.В. Монеты России XVIII – начала XX века. Очерки по нумизматике. М., 1994, с.96, 97, далее Узденников В.В. Монеты России...
- ⁷⁹ Там же, с.205.
- ⁸⁰ Мельникова А.С., Узденников В.В., Шиканова И.С. Деньги в России. История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. М., 2000, с.166–167, далее Мельникова А.С., Узденников В.В., Шиканова И.С. Деньги в России...
- ⁸¹ Узденников В.В. Монеты России, с.98–99.
- ⁸² Спасские И.Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Л., 1970, с.205, далее Спасские И.Г. Русская монетная система...
- ⁸³ Там же, с.191–192.
- ⁸⁴ Узденников В.В. Монеты России, с.98.
- ⁸⁵ Там же, с.98.
- ⁸⁶ Платонова С.Ф. Далекое прошлое Пушкинского уголка, с.33.
- ⁸⁷ РА ИИМК РАН, Р-III, № 5336, л.106.
- ⁸⁸ Архив ГПЗ, д.1033, л.10.
- ⁸⁹ Там же, л.15.
- ⁹⁰ Мельникова А.С., Узденников В.В., Шиканова И.С. Деньги в России, с.183–184.
- ⁹¹ Архив ГПЗ, д.1033, л.10.
- ⁹² Там же, л.15.
- ⁹³ Там же, л.14.

- ⁹¹ В 1830 г. Н.А.Осипова отмежевала Георгиевской церкви часть принадлежавших ей земель (Архив ГПЗ, д.1033, л.6). В связи с попыткой перевести принадлежавших ей крестьян из прихода Воскресенской церкви в приход Георгиевской церкви Н.А.Осипова отмечала, что священнослужители Георгиевской церкви «исполняют свои обязанности неупустительно, тогда как в Воскресенской... иногда более месяца не бывает службы» (цит. по: *Новиков Н.С. Летопись Тригорского*, с.85).
- ⁹² *Новиков Н.С. Летопись Тригорского*, с.80.
- ⁹³ Цит по: *Новиков Н.С. Летопись Тригорского*, с.80.
- ⁹⁴ Архив ГПЗ, д.1033, л.8.
- ⁹⁵ *Годовиков И.Ф. Описание*, с.40
- ⁹⁶ См.: *Ашешова А.Н., Белецкий С.В., Плотников С.Л. Пушкин и п. Св. Георгия на городище Воронич // Петровское время в лицах. Материалы конференции*. СПб., 2002.
- ⁹⁷ *Цягловская Т.Г. Рисунки Пушкина*. М., 1980, с.12–13; *Карлова Э.Ф. Тригорское в рисунках Пушкина // Временник Пушкинской комиссии*. 1972, Л., 1974, вклейки между с.125 и 126.
- ⁹⁸ *Пушкин А.С. ПСС. т.ХIII, М.-Л., 1937*, с.162.
- ⁹⁹ Высказывалось мнение, что обедню по Бафрону в Георгиевской церкви на Ворониче заказывал Пушкин (*Васильев М.Е. «Минувшее проходит предо мною...»*, с.15).
- ¹⁰⁰ *Пушкин А.С. ПСС. т.ХIII, с.160.*
- ¹⁰¹ Например: *Васильев М.Е. «Минувшее проходит предо мною...»*, с.25.
- ¹⁰² *Гейченко С.С. У Лукоморья*. Л., 1986. Купюры в тексте цитаты обозначены (...). многочлены без скобок принадлежат С.С.Гейченко.
- ¹⁰³ *Гейченко С.С. У Лукоморья*. с.92. С.С.Гейченко предполагал также, что панихида по Пушкину «в своем церковном приходе на Ворониче» собирался отслужить дядька Пушкина Никита Тимофеевич Коэлов, однако служба должна была произойти уже после совершения погребальной церемонии в Святогорском монастыре, см.: *Гейченко С.С. У Лукоморья*. с.112; *Гейченко С.С. Пушкиногорье*. М., 1981, с.232. Подтверждения в источниках эти сведения как будто бы не находят.
- ¹⁰⁴ *Пушкин в воспоминаниях современников*. Т.2. СПб., 1998. с.202.
- ¹⁰⁵ Там же, с.217.
- ¹⁰⁶ *Грановская Н.И. С Пушкиным от Царского Села до Михайловского: очерк-путеводитель*. СПб., 1999, с.205.
- ¹⁰⁷ Там же, с.205.
- ¹⁰⁸ Последний год жизни Пушкина. Цереписка. Воспоминания. Дневники. М., 1989. с.593, далее *Последний год жизни Пушкина...*
- ¹⁰⁹ «Нарь приказал Тургеневу сопровождать тело. В ту зиму Тургенев был в немилости. Это первое царское поручение так его взволновало, что его обычная суеверность перешла все пределы» (*Тыркова-Вильямс А. Жизнь Пушкина. Т.2: 1824–1837*. М., 1998, с.503)
- ¹¹⁰ Последний год жизни Пушкина. с.593.
- ¹¹¹ Судя по воспоминаниям Е.И.Фок, Тургенев и сани с гробом Пушкина появились в Тригорском одновременно, что противоречит сведениям, имеющимся в дневнике Тургенева.

УСАДЬБА ВОСКРЕСЕНСКОЕ

(по результатам раскопок 1999–2001 гг.)

На протяжении трех полевых сезонов 1999–2001 гг. Псковская областная экспедиция ИИМК РАН проводила археологические раскопки усадьбы Воскресенское на территории Государственного Пушкинского заповедника¹. Эта усадьба в конце XVIII в. принадлежала И.А.Ганнибалу – четвертому сыну «арапа Петра Великого».

Из истории усадьбы Воскресенское

Судьба обширных, хотя и разбросанных по нескольким губерниям владений А.П.Ганнибала была предметом специального исследования В.Г.Никифорова². Исследователь отмечал, что за пять лет до своей кончины А.П.Ганнибал составил завещание, по которому устанавливалась майоратная система наследования, «дабы означенные недвижимые имения никогда не выходили из рода Ганнибалов и не разделялись другим ни братьям, ни сестрам, ни дочерям в приданое их недвижимого имения в женский род не давать... дабы никто, ни у кого ж имения во владении будут, не имея власти, не только всех их, но ничего, ни малейшего из них, ни продать, ни заложить, ни же укреплять в какие-либо крепости или вексели, а потому оные недействительны да будут»³. Михайловская губа в Псковской губернии, а также земли в Петербургской губернии были отписаны старшему сыну А.П.Ганнибала, Ивану⁴. Однако через год после смерти отца (1781) сыновья А.П.Ганнибала «полюбовно» разделили наследство, и сельцо Воскресенское с деревнями и пустошами досталось младшему из братьев, Исааку Абрамовичу⁵. И.А.Ганнибал недолго владел Воскресенским: он заложил имение, не смог его выкупить, и в 1801 году владельцем Воскресенского стал дворянин из Могилева Х.Х. фон Штиндт. В 1830 году после смерти фон Штиндта крепостные были отпущены на волю, а имение перешло к его родственнице, Е.К.Княжевич⁶.

Е.К.Княжевич владела Воскресенским более 20 лет, до середины 1850-х годов, и завещала усадьбу крестнику Ивану, сыну своего управляющего, носившему прозвище Крестёнок. Сыновья Ивана, Алексей и Яков, официально получили фамилию Крестини. «Братья Крестини построили в Воскресенском кожевенный завод, общежитие для семейных рабочих, школу, телефонную станцию, магазин, водонапорную башню, склады для хранения льна. В конце 1917 г. Крестини уехали за границу, а в феврале 1918 г. сельно Воскресенское было сожжено»⁷. В частном архиве сохранилась уникальная фотография 1916 г., на которой братья Крестини вместе с гостями и родственниками М.И.Пальмова — последнего владельца усадьбы Тригорское — сняты у «домика няни» в усадьбе Михайловское (рис.198)⁸.

Интересные воспоминания местных жителей о последних владельцах усадьбы Воскресенское были записаны в 2001 г. М.Н.Власовой. В народной памяти крестник Е.К.Княжевич Иван и его сын Алексей, унаследовавший от отца усадьбу, «слились» в одного человека: старожилы полагают, что А.И.Крестин был прямым наследником «барыни», которая «до последнего» жила в Воскресенском: «Она взяла его в крестники, как крестного сына», а во время разгрома усадьбы «крешёнак» бежал, «подвязав платок и надев бабью юбку»⁹.

План Воскресенского конца XVIII в. и сохранившиеся следы застройки

Планировка усадьбы Воскресенское конца XVIII в. зафиксирована схематическим планом 1786 г.¹⁰ (рис.199). Судя по этому плану, застройка усадьбы была достаточно типичной для середины — второй половины XVIII в. Центральная постройка («господский дом») размещалась непосредственно напротив подъездной аллеи и была отделена от нее свободным пространством «парадного» двора (курдонёр). По сторонам от господского дома располагались два отдельно стоящих флигеля. Две постройки находились позади господского дома, а остальные строения размещены вдоль подъездной аллеи. К югу и северу от курдонёра размещался парк, имевший регулярную планировку, а восточнее усадебных строений обозначено пространство, свободное от застройки.

В 1999 г. экспедиция осмотрела фундаменты построек и руинированные постройки, сохранившиеся в черте д. Воскресенское и на терри-

тории примыкающей к ней с северо-востока усадьбы. На приведенном плане (рис.200) юго-западную часть занимает застройка деревни. На ее территории, примыкающей к д.Воскресенское с северо-востока, сохранились фундаменты или руины 10 каменных построек (рис.201–204), заросших густым молодым (в основном – послевоенным) лесом.

Постройка № 1. Находится в центральной части усадьбы, слева от тропинки, пересекающей территорию усадьбы с юго-запада на северо-восток. Тропинка проходит в трассе ныне почти совершенно заросшей центральной улицы д.Воскресенское. Постройка имеет в плане неправильную форму (рис.201, 1). Контуры ее прослежены по задернованным рядам валунов (рис.204). Длинным фасадом (длина 40 м) здание было ориентировано вдоль улицы. В сторону луговины (на северо-восток), вокруг которой прослежены границы парка, обращено крыльцо со ступенями лестницы, ведущей вниз по склону, большая часть лестницы уничтожена окопами времен Второй мировой войны.

Постройка № 2. Находится в 23 м к востоку от постройки № 1, справа от тропинки, проходящей через территорию усадьбы. Прослежена по валунным фундаментам, выступающим над современной дневной поверхностью на 0,5–1 м. Размеры постройки 12×14 м. Она состояла из двух помещений, разделенных поперечной стеной (рис.201, 2).

Постройка № 3. Находится в 12 м к юго-востоку от постройки № 2. Прослежена по слабо выступающим над современной дневной поверхностью валунным (?) фундаментам. Размеры постройки 5×5 м, контуры ее не вполне отчетливые (рис.201, 3).

Постройка № 4. Находится в 8 м к юго-западу от постройки № 3. Хорошо читающиеся в рельефе валунные фундаменты выступают над современной дневной поверхностью на 0,5–1 м. В плане постройка прямоугольная, размерами 6×13 м, разделена поперечной стеной на два помещения (рис.201, 4), в северном из которых хорошо виден проезд погреба (глубина более 2 м).

Постройка № 5. Находится в 12 м к юго-западу от постройки № 4. Сохранилась в виде руинированных остатков циклонической кладки из известковом растворе. Сохранившаяся высота стен местами превышает 4 м (рис.202), хотя в основном составляет 0,8–1 м. Хорошо читаются нижние части оконных проемов второго этажа. Размеры постройки 9×26 м. Поперечная стена разделяет постройку на два одинаковых

по размерам помещения (рис.201, 5). На уровне 2-го этажа в поперечной стене прослеживается нижняя часть дверного проема.

Постройка № 6. Находится в 12 м к юго-западу от постройки № 5. Прослежена в виде валунных фундаментов и фрагментов циклопической кладки стен. Сохранившаяся высота стен достигает местами 1,5 м. Размеры постройки 10×23 м (рис.201, 6).

Постройка № 7. Находится в 15 м к юго-востоку от построек № 5 и № 6. Сохранилась в виде валунных фундаментов, выступающих над современной дневной поверхностью на 0,3–0,5 м. Размеры постройки 6×24 м. Поперечные стены разделяют постройку на пять помещений: 6×7 м, 6×3 м, 6×3 м, 6×3 м, 6×8 м (рис.201, 7).

Постройка № 8. Находится в 70 м к северу от постройки № 1, над склоном южного берега пруда. Прослежена по выступающим из-под дерна валунам фундамента. Размеры постройки 6×8 м (рис.201, 8). Контуры ее читаются не вполне отчетливо.

Постройка № 9. Находится в 40 м к югу от постройки № 6. Валунные фундаменты выступают над современной дневной поверхностью на 0,5–0,8 м (рис.203). Размеры постройки 10×23 м (рис.201, 9).

Постройка № 10. Находится в 27 м к запад–юго-западу от постройки № 1. Прослежены по валунным фундаментам, на 0,2–0,3 м выступающим над уровнем современной дневной поверхности. Контуры постройки неотчетливые. Ориентировочные размеры 11×17 м. Возможно, постройка была разделена поперечными стенами на три помещения (см. рис.201, 10).

Большинство фундаментов сложено из крупных валунных камней, а руинированные строения возведены в технике циклопической кладки на цементном растворе. Можно думать, что строительство всех построек относится приблизительно к одному времени. В подъемном материале встречены предметы, относящиеся, главным образом, к концу XIX – началу XX в. (кирпичи, фрагменты белого печного кафеля, куски оплавленного оконного стекла).

В пространстве усадьбы отчетливо фиксируются следы старого парка: въездная березовая аллея, обсадка парковой зоны липами, остатки липовых аллей, одиночные вязы и дубы, кусты одичавшей сирени и акаций. террасированный склон с остатками «зеленого кабинета» над прудом и проч.¹¹ Однако размещение руинированных построек никак не связано со следами старого парка и не имеет ничего общего с системой застройки усадьбы, зафиксированной планом 1786 г.

Раскопки постройки № 1

Следы пожара, фиксируемые уже при поверхностном осмотре территории усадьбы, позволяют с большой степенью уверенности утверждать, что именно эта застройка существовала к моменту гибели усадьбы в феврале 1918 г. Однако установить, к какому времени относится возведение дошедших до нас руинированных построек и когда именно сформировалась фиксируемая ныне планировочная структура усадьбы, можно было только путем археологических раскопок. С этой целью в 1999 г. были подвергнуты раскопкам фундаменты здания, имевшего наиболее сложное плановое решение и являвшегося, по сведениям местных жителей, жилым домом последних владельцев усадьбы.

До начала раскопок было хорошо заметно, что в пределах внутреннего пространства здания имеется не менее пяти задернованных фундаментов печей: четыре печи размещались в основном здании, а пятая – в северо-восточном флигеле. Последний был явно пристроен к более раннему зданию: об этом свидетельствовало наличие у первоначально-го флигеля основного здания фундамента капитальной северо-восточной стены, разделяющей первоначальное здание и пристроенный флигель. Кроме того, по выступавшим из-под дерна фундаментам складывалось впечатление, что флигеля первоначального дома не были симметричными. К крыльцу первоначального дома с внешней стороны была сооружена позднейшая пристройка, асимметричная по отношению к первоначальному крыльцу.

На фундаментах постройки № 1 было заложено в общей сложности шесть шурfov (рис.205). Установлено, что внутреннее пространство исследованной постройки представляет собой нижнюю часть цокольного полуподвального этажа, имевшего земляной пол. Глубинные отметки пола залегали на 0,5–0,7 м ниже уровня дневной поверхности вокруг постройки. Фундамент здания сложен из двух-трех рядов крупных валунов, свободное пространство между которыми было заполнено кирпичной кладкой и пролито известковым раствором (рис.207, 1–2). Наружный фасад цокольного этажа, раскрытый на небольшом участке в шурфе № 1, сохранил внешнюю декоративную обмазку цементом, в который были вдавлены мелкие гранитные камни неправильной формы.

В шурфе № 6 открыт дверной проем, представлявший собой боковой вход в цокольный этаж юго-западного флигеля. Сохранилась кир-

личная облицовка входа, выложенный из кирпичей порог и вмурованные в кладку облицовки пяты для дверных петель. На постелистой стороне кирпичей, положенных в кладку порога, зафиксированы клейма «И. Т. К.». Кладка облицовки входа положена на известковом растворе. С внешней стороны торцевой стены флигеля открыт лежащий на уровне дневной поверхности ряд скрепленных цементным раствором некрупных валунов, представлявший собой фундаментную подкладку под легкий навес крыльца.

Кладка стены, разделявшей шурфы № 4 и № 5, сложена из кирпичей на известковом растворе и представляет собой закладку между капитальной стеной здания и фундаментом печи (рис.207, 3). Такой же закладкой является стена, разделяющая шурфы № 2 и № 3.

Стратиграфия заполнения внутреннего пространства цокольного этажа постройки № 1 оказалась одинаковой в пяти шурфах из шести (рис.206): непосредственно под дерном залегал слой битого кирпича и белого печного кафеля финской фирмы Ракколаниоки с обильной примесью известкового раствора, которую подстипал мощный (до 40 см) слой золы и пепла с включением углей и многочисленных осколков оплавленного оконного стекла. На некоторых кирпичах сохранились клейма «И. Т. К.», отиснутые на постелистой стороне кирпичей по сырой глине по крайней мере двумя различными штемпелями. Крайне незначительное количество углей в слое пожара свидетельствует о том, что деревянные конструкции практически полностью сгорели. Об этом же свидетельствуют многочисленные куски глиняной обмазки, заполнившей некогда пространство между бревнами; судя по отпечаткам дерева на обмазке, диаметр бревен достигал 25–30 см.

Находки сравнительно немногочисленные. Среди них упомяну железные серп, ножи, полотно двусторонней нилы-ножовки, массивную железную дверную цепь, фрагменты чугунков и сковород, детали от керосиновой лампы (?), навесные и врезные замки, дверные и оконные петли, ручки от окна и сундука, чугунную дверцу от печи, фрагменты цветочных горшков (рис.208, 13, 14, 17, 18) и подставок под них (рис.208, 9, 16), кухонной и столовой глиняной посуды (рис.208, 7, 8, 10–12), осколки стеклянных сосудов (рис.208, 1–4), фаянсовой и фарфоровой посуды и стеклянных бутылок (рис.208, 5), фрагмент фаянсовой почной вазы (рис.208, 15). Из редких находок следует назвать медную катушку для ленты от пишущей машинки, а также около полутора десятков обгоревших картофелин, происходящих из слоя золы и пе-

пла. Предметов ранее конца XIX — начала XX в. в постройке обнаружить не удалось.

Таким образом, стратиграфия заполнения внутреннего пространства постройки может быть истолкована следующим образом: слой золы и пепла, очевидно, соответствует пожару февраля 1918 г., а перекрывающий пожар слой кирпичей и кафеля сформировался уже после гибели усадьбы — в процессе саморазрушения печей и стен цокольного этажа.

Наибольший интерес представляют результаты, полученные в шурфе № 1. Этот шурф был заложен на участке примыкания к основному зданию северо-восточного флигеля. В процессе раскопок шурф несколько раз приходилось расширять за счет прирезок и, в конечном счете, он превратился в небольшой раскоп. Стратиграфия слоя здесь отличается от стратиграфии заполнения цокольного этажа здания (рис. 209). Непосредственно под дерном залегал темно-серый слой с примесью кирпичного щебня и прослойкой угля (пожар 1918 г.). Этот слой подстилала тонкая прослойка известкового раствора. Ниже прослойки раствора зафиксирован слой светло-серого розоватого цвета с обильной примесью мелкого кирпичного щебня и частиц известкового раствора. Последний лежал непосредственно на поверхности материкового песка.

Установлено, что северо-восточный флигель действительно является более поздним по отношению к основной постройке: фундаментные валуны флигеля скреплены цементным раствором, лежат на 0,5 м выше фундаментных валунов цокольного этажа основного здания и приложены к последним. Найденные во внутреннем пространстве флигеля фрагменты чугунков и сковороды указывают на то, что этот флигель был занят кухней. Об этом же свидетельствуют и руинированные остатки значительной по своим размерам печи, занимавшей в интерьере пристройки доминирующее положение. Судя по задернованным руинам, размеры печи достигали 3×4 м.

Удалось установить, что зафиксированная при топосъемке асимметрия флигелей первоначального здания на самом деле мнимая: за угол капитальной стены постройки был принят выступающий из-под дерна валун, являвшийся в действительности частью фундамента большой печи (размеры фундамента 1,8×2,6 м), пристроенной к стене здания. Валуны печи скреплены цементным раствором. Рядом с печью раскрыт фрагмент фундамента, продолжающего северо-восточную стену

постройки. Судя по сохранившемуся ряду валунов, эта часть постройки была возведена позднее основного здания, поскольку перевязь кладки фундаментов отсутствует, а валунный фундамент печи приложен к фундаменту капитальной стены постройки.

Кладка цокольного этажа пристройки была позднее полностью разобрана. Тогда же, очевидно, прекратила свое существование и печь: от нее до нас дошли только валуны основания и вымостка из булыжных камней, представляющая собой остатки пода. Значительные размеры печи, а также найденные рядом с ней фрагменты чугунка и обломок сковороды указывают на то, что данное помещение являлось кухонной пристройкой к первоначальному зданию. Если так, то ликвидация части здания, занятого кухней, и строительство кухонного флигеля являются составными частями одного и того же капитального ремонта.

Под кладками основного здания, пристройки и северо-восточного флигеля открыты остатки более древней постройки, фундамент и стены которой были сложены из кирпича (рис.209, 210). Кладка прослежена на один-два ряда кирпичей, толщина ее достигает 0,7–0,75 м (1 аршин). От более поздних валунно-кирпичных и валунных кладок кирпичные кладки были отделены прослойкой темно-серого культурного слоя.

Техника кирпичной кладки чрезвычайно близка традиционной псковской кладке из плитнякового камня: лицевые ряды были выполнены из целых кирпичей, а пространство между этими рядами заполнено не только целыми кирпичами, но и обломками кирпичей, обильно пролитых известковым раствором. При расчистке кладки, а также в предматериковом слое собраны немногочисленные фрагменты керамики. Здесь же найдены фрагменты расписных кафельных плиток конца XVIII в. и медная пуговица того же времени¹².

Большая часть здания, возведенного на кирпичном фундаменте, осталась за пределами шурфа № 1, а часть кладок, очевидно, была уничтожена при рытье полуподвальных помещений цокольного этажа постройки № 1.

Очевидно, что кирпичная постройка, предшествовавшая по времени постройке № 1, относится к XVII в., а сама постройка № 1 датируется XIX в. Вероятно также, что капитальная перестройка здания, при которой была разобрана первоначальная кухонная пристройка и возведен северо-восточный кухонный флигель, относится к позднейшему периоду существования здания и датируется рубежом

XIX–XX вв. или даже началом XX в. Однако сказанного было явно недостаточно для восстановления строительной истории изучавшегося здания. В частности, требовали решения два вопроса:

1. Когда была разобрана постройка XVIII в. – непосредственно перед возведением постройки № 1 или же задолго до строительства последней?

2. Когда была возведена постройка № 1: при Х.Х. фон Штиндте, владевшем усадьбой около 30 лет (1801–1830 гг.)?; при Е.К.Княжевич, владевшей усадьбой более 20 лет (1830–1850-е гг.)?; при И.Крестине или при его преемниках (1850-е – 1917 гг.)?

Решение этих вопросов связано с изучением наиболее массовой категории археологических находок – кирпичей, использованных при строительстве исследованных раскопками зданий. После работ П.А.Раппопорта общепринятым стал вывод о том, что формат кирпичей является важным хронологическим показателем; правда, проверено это пока только для памятников древнерусского времени¹³. В процессе раскопок были подвергнуты измерению как кирпичи, находящиеся в кладках построек, так и кирпичи, найденные в культурном слое. Было обмерено более 1300 кирпичей и их фрагментов, сохранивших два размера из трех основных (длина – ширина – толщина).

Традиционно кирпичи принято сопоставлять по соотношению длины и ширины (ложка и тычка). На схеме (рис.211, А) хорошо видно, что среди найденных при раскопках кирпичей присутствуют экземпляры двух основных форматов: 23–27×11–13 см и 20–22,5×14–15,5 см.

К сожалению, измерить одновременно и длину, и ширину удалось только для 75 кирпичей. Эта выборка статистически недостаточно представативна. Для проверки сделанного наблюдения была предпринята попытка использовать третий формат – толщину. При проверке отношения толщины и длины кирпичей (рис.211, Б) также намечается выделение более крупных и более мелких экземпляров: основная группа кирпичей имеет длину 22,5–26 см и толщину 5–7 см, но фиксируются также длинные кирпичи (29–32 см) толщиной 6,5–8 см. Впрочем, схема не дает отчетливой картины: намеченное выделение двух групп может объясняться естественным разбросом размеров, связанных с ручным производством строительных материалов, а также статистически незначительной выборкой – 113 экз.

Заметно более отчетливая картина выявляется при сопоставлении ширины и толщины кирпичей. Статистически эта группа параметров

строительного материала является более достоверной — в общей сложности в основу корреляции двух размеров положено более 1250 обмеров. Нетрудно заметить (рис.212, А), что в пределах разброса размеров на схеме выделяются более узкие ($11-13,5 \times 4,5-7$ см) и более широкие ($14-15,5 \times 5,5-7,5$ см) экземпляры. Вторая группа кирпичей характерна для постройки XVIII в., в то время как с постройкой XIX в. связываются обе группы строительных материалов (рис.212, Б). Отметим, что кирпичи с клеймом «И. Т. К.» целиком относятся к группе более узких кирпичей.

В попытке оценить информативные возможности сделанного наблюдения был проведен анализ обмеров собственно ширины кирпича. Отчетливый двухвершинный полигон (рис. 213) свидетельствует о том, что в составе исследованной коллекции имеются две группы кирпичей — узкие (ширина $11-13,5$ см и менее) и широкие ($13,5-15,5$ и более).

Та же картина фиксируется и при анализе кирпичей, находящихся непосредственно в составе исследованных раскопками кладок. На схеме (рис.214) отчетливо видно, что для кирничной постройки XVIII в. характерны, прежде всего, широкие кирпичи (ширина $13,5-16,5$ см), хотя в кладке зафиксированы и узкие кирпичи (ширина $12-13,5$ см и даже менее). В то же время в кладках XIX в. представлены обе группы кирпичей, а кирпичи с клеймом «И. Т. К.» опять-таки укладываются целиком в группу узких.

Особый интерес представляет совпадение графиков широких кирпичей из кладок XIX в. и XVIII в.: в обоих случаях мы имеем дело с двухвершинным полигоном ($13,5-14,4$ и $14,5-15,5$ см). Единственное объяснение этому совпадению, как представляется, сводится к следующему: в кладках XIX в. использованы, наряду с кирпичами своего времени (в том числе маркированных клеймом «И. Т. К.»), также кирпичи из разобранной постройки XVIII в.

Таким образом, есть основание полагать, что постройка XVIII в. была разобрана непосредственно перед возведением постройки № 1.

Сказанное, кажется, должно было бы свидетельствовать в пользу того, что в момент строительства постройки № 1 кирпичи представляли собой значительную ценность, коль скоро в дело были пущены даже кирпичи от разобранного здания. Однако это не означает, что здание строилось уже при первых после И.А.Ганнибала владельцах усадьбы. Без учета кирпичей, бывших во вторичном употреблении, при возведении постройки № 1 использовались кирпичи стандартных разме-

ров, что свидетельствует о наложенном кирпичном производстве. Поэтому возведение постройки № 1 следует, на мой взгляд, связывать с деятельностью Крестиных. Если расшифровать клейма «И.Т.К.» на кирпичах как инициалы — «И[ван] Т[имофеев] К[рестин]», то строительство постройки № 1 следует относить к третьей четверти XIX в.

Полученные в результате раскопок данные позволяют достаточно полно представить строительную историю постройки № 1, фиксирующей сложную стратиграфию кладок (рис.215, 1).

Постройка была возведена во второй половине XIX в. на месте постройки XVIII в. Незадолго до начала строительства постройка XVIII в. была разобрана до уровня дневной поверхности, а участок, отведенный под строительство, полностью снивелирован. Затем было возведено первоначальное здание (рис.215, 2). Отмечу, что устройство южного входа в цокольный этаж, кирпичные перегородки цокольного этажа и сооружение фундаментов под кафельные печи хронологически одновременны: на это указывает идентичность клейм на кирпичах, происходящих из слоя разрушения цокольного этажа и печей, а также из облицовки южного входа. За десятилетия существования здание пережило по крайней мере две перестройки: возведение первоначальной кухонной пристройки (рис.215, 3), а затем разборку этой пристройки и возведение кухонного флигеля (рис.215, 4).

Уже в предварительных публикациях¹⁴ я предполагал, что постройки XVIII в. были разобраны в середине XIX в. в связи с перепланировкой и переустройством усадьбы, поэтому их остатки над современной дневной поверхностью не видны и для выявления застройки XVIII в. требуется проведение археологических раскопок¹⁵. По результатам работ 1999 г. была предпринята попытка локализовать в пространстве усадьбы местоположение построек, обозначенных на плане 1786 г.¹⁶, и именно эта локализация стала основой для планирования дальнейших археологических исследований усадьбы Воскресенское.

Тем не менее некоторые сомнения оставались. Причиной этих сомнений явилась характеристика усадьбы Воскресенское, содержащаяся в монографии Т.Ю.Мальцевой. В частности, говоря о господском доме И.А.Ганибала, Мальцева привела его подробное описание: «Господский дом во многом был похож на дом Осипа Абрамовича в Михайловском: он был одноэтажный, с портиком и крыльцом посередине, в доме были изразцовые печи, перед домом был цветник, а по обе стороны

ны дома находились флигели». Исследовательница ссыпалась на результаты раскопок, проведенных в «1952 г.» студентами Академии художеств под руководством «архитектора Бахметьева»¹⁷.

Архитектор по фамилии Бахметьев, преподававший в начале 50-х годов в Академии художеств, мне не известен. Комментируя описание господского дома, приведенное Мальцевой, я отмечал, что местонахождение раскопа 1952 г. установить не удалось, отчета о раскопках 1952 г. в архиве Института археологии РАН нет, а сами следы раскопок на территории усадьбы не обнаружены¹⁸. Тогда же я предположил, что за господский дом XVIII в. были приняты фундаменты постройки № 1.

Ситуация прояснилась после того, как в архиве Государственного Пушкинского заповедника были обнаружены документы, непосредственно связанные с работами 1951 г. (а не 1952 г.!), в частности лист с обмером фундамента постройки № 1 (рис.216), озаглавленный «Дом Ганнибала в Воскресенском. Фрагменты фундамента, обнаруженные во время археолог. раскопки в 1951 году» (курсивом выделена приписка от руки под «шапкой» чертежа). Внизу листа рукой С.С.Гейченко написано: «Проверено в натуре. С.Гейченко. 29.07.52»¹⁹.

Из текста протокола заседания Ученого совета Заповедника²⁰ следует, что в 1951 г. практикой студентов руководил профессор архитектуры Игорь Александрович Бартенев – декан факультета теории и истории искусств Академии художеств СССР (рис.217)²¹. Таким образом, очевидно, что при обмерных работах 1951 г., проведенных студентами Академии художеств под руководством И.А.Бартенева (а не мифического «Бахметьева»²²) с господским домом И.А.Ганнибала действительно были соотнесены остатки фундамента постройки № 1²³, и именно за этой постройкой на несколько десятилетий закрепилось обозначение «Дом Ганнибала в Воскресенском».

Археологические исследования усадьбы Воскресенское XVIII — первой половины XIX в.

Раскопки на усадьбе Воскресенское были продолжены в 2000 и 2001 гг. Главной задачей этих работ стала проверка достоверности плана 1786 г. и изучение сохранившихся остатков застройки парадного двора усадьбы XVIII в. Всего раскопками 1999–2001 гг. на территории усадьбы было вскрыто более 320 м² культурного слоя (рис.218).

Большая часть исследованной площади приходится на раскоп в центральной части усадьбы. Мощность отложений здесь составляла 0,4–0,7 м. Стратиграфия слоя оказалась предельно простой: под дерном залегал серо-коричневый аморфный слой, лежащий на тонком слое погребенного дерна, по поверхности которого прослеживались пятна строительного мусора в виде частиц известкового раствора и кирпичного щебня, образовавшиеся при возведении построек усадьбы (рис.219). Из предметного слоя происходят единичные фрагменты керамики XVI–XVII вв. Здесь же найдена бронзовая бляшка с изображением «лютого зверя» (рис.220).

В северной части раскопа раскрыты нижние части кирпичных кладок XVIII в., по которым хорошо «читаются» остатки постройки («господский дом») размерами не менее чем 30–31×8,6 м (14×4 саженей). Западное²⁴ крыло постройки оказалось почти полностью уничтожено при перепланировке усадьбы в середине XIX в.: здесь выявлены фрагменты валунного фундамента и нижние части кирпичной кладки цоколя, дошедшие до нас по преимуществу в виде полос кирпичного щебня (рис.221).

Значительно лучше сохранились центральная часть господского дома и его восточное крыло, размещавшиеся ниже по рельефу, нежели западное крыло постройки. Правда, основание южной кирпичной стены постройки было частично нарушено на участке, по которому во второй половине XIX–XX в. проходила дорога (рис.222), однако нижние части кладки кирпичного цоколя господского дома сохранились достаточно прилично. Именно вскрытые фрагменты восточного крыла здания и его центральной части позволили с известной гипотетичностью реконструировать план постройки (рис.223). Если внутренняя планировка западного крыла господского дома была симметрична внутренней планировке крыла восточного, то в доме должно было быть не менее девяти разновеликих помещений.

Дверной проем, вывodableщий из помещения № 6 во двор, расположенный асимметрично центральной оси здания, так что можно полагать, что со двора в дом было не менее двух входов и второй вход вел со двора в помещение № 3. На наличие двух симметрично расположенных дверей указывает также отсутствие дверного проема в центральной части господского дома: совершенно очевидно, что из помещения № 5 (центральный зал господского дома) непосредственно во двор выхода не было; помещение № 5 было соединено дверным проемом с помещением № 3, а проход располагался в юго-западном углу зала.

В двух небольших комнатах (помещения № 4 и № 7), отделенных от соседних помещений кирничными стенами, лишенными фундаментов (рис.224), обнаружены валунные основания прямоугольных кафельных (?) печей (рис.225), а в углу центрального зала (помещение № 5) раскрыто валунное основание камина (рис.226). В том же «каминном зале» зафиксирован ряд валунов, являвшихся подкладочными камнями под деревянный брус, на который крепились половицы пола; пол, следовательно, был настлан в направлении входа в зал из помещения № 3.

В восточном крыле господского дома открыт подвал с полом, пролитым известковым раствором по щебеночной подсыпке, и стенами из крупных валунных камней (см. рис.221), между рядами которых были для выравнивания положены кирпичи. Стены подвала являлись одновременно фундаментными стенами восточного крыла здания. Значительные размеры подвала (не менее $6,5 \times 5,5$ м, или $3 \times 2,5$ сажени) и отсутствие следов от балок перекрытия подвала в раскрытых раскопками фрагментах кладок несущих стен постройки позволяют предполагать, что внутреннее пространство его могло быть разделено на два помещения, стена между которыми являлась продолжением стены, разделявшей помещения № 6 и № 7²⁵.

Заполнение подвала представляло собой слой строительного мусора с большим количеством битых кирпичей (рис.219, 3). Многие из кирпичей несли следы копоти, что позволяет связывать засыпку подвала с разборкой печей господского дома. Об этом же свидетельствуют найденные в заполнении подвала и в слое, связанным с разборкой постройки, фрагменты белых кафельных плиток кафеля с кобальтовой росписью. Все плитки были расписаны однотипными вазонами (рис.228). Отмечу, что фрагментов кафельных плиток найдено сравнительно немного и подавляющее большинство их представляет собой мелкие обломки. Очевидно, что при демонтаже печей основная часть кафельного декора сохранялась и выбрасывались лишь немногие разбитые плитки.

Из заполнения подвала происходят также многочисленные фрагменты битых стеклянных бутылок, относящихся, по крайней мере, к двум различным типам (рис.229–230); бутылки попали в заполнение подвала при разборке здания, то есть не ранее середины XIX в.

Южная часть раскопа была практически лишена объектов; это пространство приходится на территорию парадного двора усадьбы. Толь-

ко близ южной стены господского дома открыты два скопления валунов и кирпича, представляющие собой основание столбов. Отсутствие дверного проема в кирпичной кладке стены непосредственно напротив столбов дает основание полагать, что столбы не были связаны с крыльцом господского дома, а, вероятнее всего, поддерживали выступавший за плоскость стены балкон мезонина; возможно, именно наличием балкона объясняется отсутствие у господского дома центрального входа и парадного крыльца.

Кирпичные кладки второй постройки (рис.231–232), обнаруженной в первый сезон работ на усадьбе, были тогда же идентифицированы как остатки фундаментов флигеля, размещавшегося над партером парка. При продолжении исследований флигеля удалось реконструировать его размеры: постройка в плане достигала $17,5 \times 27$ м, то есть $8 \times 12,5$ сажени. Мощные валунные фундаменты флигеля дают основание предполагать, что здание могло быть двухэтажным.

План 1786 г. и результаты археологических раскопок

Археологические раскопки в центральной части усадьбы Воскресенское продемонстрировали достоверность плана 1786 г. и его соответствие застройке центральной части усадьбы Воскресенское (рис.233). Разумеется, о полном совпадении схематического рисунка, помещенного на плане Псковской межевой конторы 1786 г., и реальной застройки усадьбы говорить не приходится: очевидно, что в изображении усадебного парка на плане 1786 г. нарушен масштаб, соотношение размеров господского дома и флигеля также не в полной мере соответствует картине, зафиксированной раскопками. Тем не менее можно вполне определенно предполагать, что вокруг центрального двора усадьбы действительно размещалось не менее пяти построек, причем две из них (флигели) были ориентированы на парковую зону усадьбы.

Опираясь на результаты подерёвной топосъемки парковой зоны усадьбы, произведенной в 1998 г. парколесоустройственной экспедицией ГП «Центрлеспроект», и учитывая застройку центрального двора усадьбы, зафиксированную на плане 1786 г., можно попытаться реконструировать топографию усадьбы (рис.234). Локализация на местно-

сти застройки, окружавшей центральный двор усадьбы, а также трассы подъездной аллеи, представляет известную трудность. Если считать, что подъездная аллея соответствует трассе дороги, ведущей через современную деревню Воскресенское (а вдоль этой дороги, по наблюдениям парколесоустроительной экспедиции ГП «Центрлеспроект», зафиксированы следы старой березовой аллеи), то придется признать, что подъезд к центральному двору усадьбы конца XVIII в. располагается под углом к парадному двору усадьбы, а две постройки, известные по плану 1786 г., неизбежно попадают в пределы парковой зоны (рис.234, *врезка*). Теоретически это, разумеется, не исключено. Однако усадьба конца XVIII в., судя по всему, была спроектирована и застроена единовременно, так что подобная асимметрия представляется мне сомнительной.

Заметим, что ширина гряды, по которой проходила подъездная аллея, превышала 60 м, то есть была вполне достаточной для того, чтобы трассу аллеи можно было разместить в соответствии с планировкой и самого двора, и парка. В такой ситуации трудно представить, что подъездная аллея была сознательно смешена к северному склону гряды и при этом разместилась под углом к парадному двору и господскому дому, а постройки, возведенные у въезда на территорию двора, нарушили правильность границ парка.

Полагаю, что ныне существующая дорога смешена к северу относительно первоначальной подъездной аллеи. И если северной границей зоны, в пределах которой размещалась трасса подъездной аллеи, является, скорее всего, линия старых деревьев, окаймлявших северную часть парка с юга, то южной границей этой зоны следует считать аналогичную обсадку (ныне почти совершенно утраченную) южной, террасированной части парка.

Северная часть парка («партер») до настоящего времени отчетливо читается благодаря обсадке липами. Очевидно, что обследованный раскопками северный флигель доминировал над партером парка и именно на него была ориентирована центральная аллея, с которой флигель мог быть соединен лестницей, спускающейся вниз по круто-му (искусственному?) склону. Некоторая асимметрия партера относительно флигеля, очевидно, связана с тем, что в восточной половине партера располагался пруд, вокруг которого как будто бы фиксируются следы липовых аллей. Севернее пруда угадывается круговая посадка деревьев, возможно, связанная с существованием здесь одной

из парковых «пречуд». Без учета части парка, примыкающей к пруду, партер оказывается практически симметричным относительно флигеля.

Южная террасированная часть парка была, по-видимому, ориентирована на южный флигель усадьбы, возведенный, судя по плану 1786 г., непосредственно над искусственной площадкой «зеленого кабинета», в пределах которого размещалась небольшая постройка, возможно — беседка. Непосредственно напротив «зеленого кабинета» ниже по склону находился пруд в форме «кита» с островом-«глазом».

Оба пруда усадьбы Воскресенское располагаются в окружении старых деревьев, так что относить их к «крестинскому периоду» существования усадьбы как будто бы не приходится. Между тем ни один, ни другой пруд на плане 1786 г. не обозначены. Таким образом, пруды появились позднее того времени, когда был составлен план Псковской межевой конторы 1786 г. Но значит ли это, что пруды были вырыты в период между 1786 и 1795 гг., когда И.А.Ганнибал заложил усадьбу, или в период между 1786 и 1801 гг., когда усадьба перешла во владение Х.Х. фон Штиндта.

Вопрос о времени появления прудов, на самом деле, принципиален, так как он непосредственно связан с решением более общей проблемы — когда появилась усадьба Воскресенское. Если считать, что план 1786 г. фиксирует облик имения, только что (в 1782 г.) унаследованного и отстроенного И.А.Ганнибалом, то появление прудов должно быть отнесено к более позднему времени. Если же согласиться с В.Г.Никифоровым²⁶ и признать, что усадьбы для сыновей строил А.П.Ганнибал, то наиболее вероятным временем появления усадьбы следует считать 1747–1752 гг., когда А.П.Ганнибал получил пятилетний отпуск для приведения в порядок псковских имений²⁷. Весьма вероятно, что топографическая основа плана Псковской межевой конторы 1786 г. появилась значительно раньше обозначенной на этом плане даты, например, в связи с пожалованием А.П.Ганнибалу императрицей Елизаветой Петровной имений в Михайловской губе, то есть в середине 1740-х годов. В таком случае при «учинении» межевания владений «флота артиллерии капитана Исаака Абрамова сына Ганнибала» в 1786 году была использована карта-основа, отразившая топографическую ситуацию, на четыре десятилетия отстоящую от раздела сыновьями А.П.Ганнибала наследства отца.

Усадебная археология

В процессе полевых исследований усадьбы Воскресенское стало очевидно, что для проведения полного цикла реставрационных и музеефикационных работ на усадьбе требуются значительные по своим масштабам археологические раскопки: по самым скромным подсчетам, площадь раскопов, необходимых для полноценного изучения центральной части усадьбы (господского дома, двора, построек вокруг него, подъездной аллеи и проч.), превысит 4 тыс. кв. м. И это без учета работ в пространстве парковой зоны усадьбы.

С перспективой масштабных археологических раскопок дворянской усадьбы эпохи Нового времени я столкнулся впервые. Естественно, что захотелось познакомиться с результатами уже проводившихся исследований на подобного рода памятниках. Но вот тут как раз и начались главные трудности.

Просмотр литературы по истории дворянских усадеб России – от «Сборников Общества изучения русской усадьбы» 1927–1929 гг. до материалов последних конференций, проводившихся возрожденным ОИРУ, и от исследований отдельных конкретных усадеб вплоть до обзорных работ и каталогов-справочников по усадьбам – привел к печальному результату: выяснилось, что полноценное археологическое изучение дворянских усадеб в России до последнего времени практически не проводилось.

Разумеется, трудно было бы ожидать от энтузиастов ОИРУ проведения в 1920-е годы археологических раскопок на дворянских усадьбах XIX в.: это было нереально по вполне объективным причинам: со временем прекращения активной жизни усадеб прошли считанные годы, да и пепелища гражданской войны в большинстве случаев еще не успели зарасти. Естественно, что деятельность В.В.Згуры и его коллег была направлена на более актуальные в то время задачи – зафиксировать, обследовать, описать, обмерить существующие усадьбы с их постройками и интерьерами, парками и прудами, большими и малыми архитектурными формами³⁰. При этом условия, в которых проводились работы, были, мягко говоря, не вполне комфортны. Не буду напоминать о типичном отношении к дворянским усадьбам – его весьма точно охарактеризовал А.Н.Рыбаков в «Бронзовой птице». Да и судьба большинства активных членов ОИРУ, репрессированных в начале 1930-х годов³¹, говорит сама за себя.

Но есть и иные причины. Со времен графа Уварова археология в России ограничивалась периодом «до 1700 г.». Дворянские усадьбы XVIII–XIX вв., вполне объективно выпадают за пределы археологии в традиционном понимании целей и задач этой научной дисциплины. Существовавший в профессиональной среде археологов скепсис в отношении возможностей и целесообразности археологии Нового времени вообще, таким образом, напрямую относился к археологии усадеб.

Положение не изменилось и после октябрьского переворота. Правда, первые профессиональные раскопки памятника XVIII в. — Петербурга — были проведены А.Д.Грачом еще в 1952 г.³², однако для советской археологии в целом также характерен скепсис в отношении исследований памятников петровского и постпетровского времени (уже не говоря о пушкинской эпохе).

Ситуация с археологическими исследованиями памятников эпохи Нового времени начала меняться в 1970-е годы, когда после двадцатилетнего перерыва возобновились эпизодические раскопки в Петербурге³³. В 1980-е годы проводились масштабные археологические раскопки в Пскове и Минске, при которых исследовались не только средневековые отложения, но и слои эпохи Нового времени³⁴. А к середине 1990-х годов «археология Нового времени» обрела с созданием Научного совета по археологии Петербурга «права гражданства». В немалой степени этому способствовали проведение сплошного мониторинга культурного слоя в пределах территории Петербурга³⁵, начавшаяся под эгидой совета публикация альманаха «Археология Петербурга»³⁶, а также издание сборника научных статей памяти А.Д.Грача³⁷.

Сказанное позволяет утверждать: к концу XX в. археология Нового времени в качестве отдельного самостоятельного направления в современной славяно-русской археологии состоялась.

Возвращаясь к усадебной археологии, отмечу, что первый опыт профессиональных раскопок дворянской усадьбы XVIII–XIX вв. относится к 1936 г., когда в преддверии столетия со дня гибели Пушкина К.К.Романов (рис.235) провел сплошное вскрытие фундаментов господского дома в Михайловском (рис.236)³⁸; результаты этих раскопок послужили основным источником при разработке проекта воссоздания постройки.

Однако после раскопок К.К.Романова наступил перерыв, и все последующие работы — и разведки С.Б.Горбатенко в Стрельне³⁹, и раскопки В.А.Коренцвита в Ораниенбауме⁴⁰, и исследования усадьбы

Дж.Кваренги в Царском Селе⁴¹, и, наконец, работы Ю.Б.Бирюкова в Тригорском, Михайловском и Петровском⁴² — были подчинены локальным задачам: выявить шурфами местоположение той или иной несохранившейся постройки, проследить соотношение во времени отдельных частей существующей постройки, установить состояние фундаментов, определить возможности проведения реставрационных работ. Разумеется, все это — крайне необходимые исследования, без которых достоверная реставрация и тем более реконструкция архитектурных объектов вряд ли возможна. Но это еще не есть археология — это только подступы к ней: реставрационные шурфы из-за ограниченности вскрытых площадей не позволяют уяснить археологический контекст памятника.

Исключение составляют, пожалуй, только комплексные историко-археологические исследования, проведенные на территории родовой усадьбы Пушкиных в Болдино⁴³ и на усадьбе Малинники, принадлежавшей А.Н.Вульфу⁴⁴. Однако и эти раскопки концентрировались на изучении остатков строений, а прочие объекты усадебного комплекса остались неизученными. Замечу, кстати говоря, что в публикациях, посвященных Болдину и Малинникам, собственно археологические материалы (планы открытых объектов, стратиграфические разрезы, фотографии и рисунки находок) представлены весьма скромно⁴⁵, а основное внимание уделено письменным и изобразительным источникам.

Теоретически археологу-профессионалу должно быть безразлично, какого характера памятник ему предстоит подвергнуть раскопкам: существуют отработанные методики полевых археологических работ, давно определены требования к технике фиксации раскрываемых объектов и правилам учета находок. Но особенности проведения раскопок разных типов поселений все-таки различаются, и различия эти диктуются, прежде всего, спецификой культурного слоя разнотипных памятников. На поселениях разных типов процесс слоеобразования мог протекать (и, безусловно, протекал) по-разному.

На особенностях культурного слоя основных археологических типов поселений — селищ, городищ и городов — я остановлюсь чуть подробнее, поскольку без этих характеристик будет трудно прогнозировать специфику археологического изучения усадеб.

Селищами принято называть сельские поселения, не имевшие искусственных фортификаций. Многие селища существовали сравнительно ограниченный отрезок времени, укладывающийся в несколько десяти-

летий, хотя часто период непрерывного существования сельского поселения на одном и том же месте исчисляется несколькими столетиями. Культурный слой на селищах, как правило, не слишком мощный (от нескольких сантиметров до полуметра, редко более), стратиграфия слоя сравнительно простая, объекты (остатки жилых и хозяйственных построек, развалы отопительных сооружений и проч.) немногочисленны. Впрочем, при раскопках широкими площадями эти данные позволяют реконструировать топографические структуры поселений, состоявших из более или менее одинаковых построек или групп построек (дворов).

Классическим примером селищ в черте Пушкинского заповедника являются селище I тысячелетия по Р.Х. в пространстве между усадьбой Михайловскос и оз. Маленец (Михайловское 1), а также два древнерусских селища у подножия «холма лесистого» (Савкино 1–2). В черте большинства деревень Пушкиногорья зафиксированы выходы культурного слоя с находками XV–XVII вв. и более позднего времени, свидетельствующими о том, что деревни были основаны в эпоху средневековья; эти выходы культурного слоя также принято обозначать в научной литературе термином «селища».

Городища – остатки поселений, имевших наряду с природными также искусственные укрепления (валы, рвы). Мощность культурного слоя на городищах различна – от нескольких десятков сантиметров до нескольких метров. Особенностью культурного слоя на этих памятниках является заметная насыщенность отложений различными «объектами» – остатками разновременной плотной застройки. Чаще всего остатки деревянных построек сохраняются фрагментарно в виде следов древесного тлена, угля, прокаленности почвы и проч. Но в ряде случаев органические остатки в слое (в том числе нижние венцы деревянных построек и деревянные замощения) сохраняются хорошо. На городищах могут быть встречены также остатки каменного строительства – фундаменты и цокольные этажи построек, подвалы и проч.

Городища эпохи средневековья являлись зачастую детинцами городов и городков, тогда вокруг городища существовали неукрепленные посады, археологически сходные с селищами. В черте Государственно-го Пушкинского заповедника типичными примерами городищ являются Воронич и Савкина Горка, при этом городище Воронич, окруженное селищами, представляет собой детинец псковского пригорода, а селища (в том числе в черте современной деревни Воронич) являются остатками городских посадов.

Город – долговременный населенный пункт со значительной концентрацией населения и сравнительно плотной застройкой. Основными археологическими объектами, фиксируемыми при раскопках городов, являются остатки застройки – жилые, хозяйственные и культовые постройки, а также фортификационные сооружения. Культурный слой городов, содержащий в себе многочисленные объекты застройки, вплоть до XIV -XV вв. формируется достаточно быстро за счет обильной примеси навоза и хорошей сохранности органики (в том числе нижних венцов жилых и хозяйственных построек, частоколов, деревянных замощений и проч.), достигая нескольких метров. Начиная с XV в. темп нарастания слоя в средневековых русских городах снижается, но это связано, с одной стороны, с изменением требований к системе городского благоустройства, а с другой стороны – с переходом к новой системе землепользования и начавшимся процессом вывоза навоза на поля за пределы городской территории. Слои XV–XVII вв. в городах, как правило, значительно хуже сохраняют органику, но от этого не становятся менее насыщенными объектами застройки: просто объекты эти сильно «спрессовываются» и в то же время становятся фрагментарными. Наконец, слои XVIII–XX вв. в городах характеризуются многочисленными остатками каменной застройки, при которой более древние отложения культурного слоя, как правило, сильно нарушаются котлованами подвалов и фундаментными рвами, а также траншеями разного рода городских коммуникаций. На Псковщине классическим примером города – с разнообразием стратиграфических характеристик культурного слоя и содержащихся в нем археологических объектов – является Псков⁴⁶.

Таким образом, при раскопках городищ и городов мы сталкиваемся с культурным слоем сложной стратиграфии, насыщенным разнотипными и разновременными объектами, в том числе архитектурными. При раскопках же сельских поселений мы имеем дело, как правило, с культурным слоем не слишком мощным и стратиграфически сравнительно простым. Разумеется, это не означает, что во втором случае требования к фиксации могут быть иными, чем в первом, но раскопки селищ, безусловно, технически проще, нежели раскопки городищ и городов.

Стоит отметить одну терминологическую путаницу, которая представляется мне весьма знаменательной. При характеристике жилой застройки, открываемой при раскопках средневековых русских городов, в литературе традиционно используется термин «усадьба» («город-

ская усадьба»). Однако те археологические комплексы построек, которые обычно именуются «усадьбами», таковыми не являются: речь должна идти о *дворах* — ограниченных по площади участках, обнесенных частоколами, ориентированных с учетом уличных проездов и плотно застроенных жилыми и хозяйственными постройками. Разумеется, наряду с жилой застройкой в черте городов существовали пространства, занятые садами и огородами, но единичность такого рода археологических объектов только подтверждает общую картину. Городские *усадьбы* же, известные по Петербургу, — это явление сравнительно позднее, относящееся к эпохе Нового времени.

Таким образом, термин «усадьба» применительно к археологизированным дворам средневекового города используется заведомо некорректно. Феномен дворянской усадьбы в России не находит реальных истоков ни в городских, ни в сельских поселениях. Попытки выявить истоки этого феномена в так называемых *усадицах* — поместьях XVI–XVII вв. как будто бы также не дают положительного результата: судя по сохранившимся описаниям, усадища в XVI–XVII вв. являлись составными частями сельских поселений и, даже будучи вынесенными за пределы поселения, сохраняли подобный последнему облик. Существование дворянских усадеб в России, адекватных по своим функциям средиземноморским виллам, все-таки укладывается в интервале от XVIII до начала XX в.

Возвращаясь к археологии дворянских усадеб России, заметим: эти памятники повсеместно имеют сравнительно тонкий культурный слой, сохранившийся пятнами. Такая характеристика слоя усадьбы принципиально отличает его от культурного слоя городов и городищ и сближает археологические характеристики усадьбы с селищами. Однако формирование культурного слоя на усадьбе происходило по иным законам, нежели формирование культурного слоя на селицах. На селищах основным слоеобразующим фактором является повседневная жизнедеятельность человека, археологизированная (без учета экстремальных ситуаций типа пожара) в бытовом мусоре и разнообразных ямах (столбовых, кольевых, хозяйственных и проч.). На усадьбе повседневная жизнедеятельность человека влияет на формирование культурного слоя в значительно меньшей степени из-за принципиально иных требований к благоустройству и санитарному состоянию территории: здесь происходят регулярные уборки и не допускается скапливание на поверхности бытовых отходов, в том числе пищевых, де-

лающих слой, благодаря своему гниению, гумусированным. Зато на первый план в формировании культурного слоя на усадьбе выходит появление нивелировочных подсыпок и строительных линз, материализовавших собой застройку территории усадьбы не только жилыми и хозяйственными постройками, но также памятниками архитектуры. Важная роль архитектурно-строительной деятельности в процессе слоеобразования сближает археологическую характеристику усадьбы с характеристиками археологии города (хотя, разумеется, ни о каком тождестве культурного слоя города и усадьбы речи нет).

Другим важным отличием усадьбы от селища является принцип застройки. Территория сельского поселения, как правило, складывалась постепенно и представляет собой совокупность более или менее однотипных дворов. В то же время первоначальная застройка усадьбы, как правило, является результатом однократного действия. Таким образом, для получения информации о типовой планировке селища в большинстве случаев достаточно исследовать один-два двора. В то же время для полноценного археологического изучения усадьбы требуются раскопки значительной ее части, причем раскопкам должны быть подвергнуты не только постройки, но и свободное от застройки пространство, занятое типично «усадебными» объектами – цветниками и клумбами. Принципы археологизации последних пока остаются неясными.

Существенным отличием усадеб как от селищ, так и от городов является то, что усадебный комплекс включает в себя, кроме центрально-го двора с его постройками, также парковую зону с ее газонами, аллеями, прудами и малыми архитектурными формами (фонтаны, гроты, парковая скульптура и проч.). Процесс слоеобразования в нежилой зоне усадьбы практически не протекал, поэтому говорить о раскопках культурного слоя не приходится – культурного слоя в традиционном понимании этого термина в парковой зоне нет вовсе. Казалось бы, что раскопки этой части территории усадьбы бесперспективны.

Однако даже беглое знакомство с некоторыми из сохранившихся усадеб дает основание считать, что в парковых зонах усадебного пространства также протекал процесс археологизации – при проведении неоднократных перепланировок и реконструкций парка археологизацией подвергаются элементы парковой архитектуры (пруды, аллеи и проч.), реставрация и музеефикация которых без предварительного археологического изучения может привести к значительным искажениям первоначального облика⁴⁷. Для изучения аллей могут быть ис-

пользованы опыт раскопок уличных проездов в городах и правила фиксации разнотипного дорожного покрытия, изучавшегося главным образом при раскопках городов. В процессе археологического изучения малых архитектурных форм применимы методики архитектурной археологии, также разработанные в условиях раскопок городов. В то же время методику археологического изучения газонов и клумб только предстоит нарабатывать, а единственным ориентиром для изучения структуры заброшенного и одичавшего парка является пока поддерёвная топографическая съемка.

Завершая обзор особенностей усадебной археологии, повторю: в процессе раскопок усадеб, очевидно, потребуется применение не только методик полевого археологического исследования, отработанных при раскопках селищ, городищ и городов, но также разработка новых методик. Иными словами, дворянские усадьбы России по своим археологическим характеристикам являются особым типом поселений, отличающимся как от селищ, так и от городов. И это дает право закрепить за данным типом археологических памятников обозначение *усадьбище*, кажется, впервые примененное Г.Н.Васиевичем⁴⁸.

⁴⁸ См.: Белецкий С.В. Раскопки усадьбы Воскресенское в 1999 г. // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып.4. СПб., 1999, с.37–57 (далее Белецкий С.В. Раскопки усадьбы Воскресенское...); Белецкий С.В. Раскопки усадьбы конца XVIII – начала XX в. в Пушкинских Горах // Археология Петербурга, III (1998). СПб., 1999, с. 24–27 (далее Белецкий С.В. Раскопки усадьбы конца XVIII – начала XX в. в Пушкинских горах...); Белецкий С.В. Археологические исследования усадьбы Воскресенское (1999–2001 гг.) // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып.7. Усадьба Воскресенское. СПб., 2001, с.11–38.

⁴⁹ Никифоров В.Г. Владельцы сельца Воскресенское // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып.7. СПб., 2001, с. 45–50; см. также: Василев И. Следы пребывания А.С.Пушкина в Псковской губернии. СПб., 1899, с.19–22 (далее Никифоров В.Г. Владельцы сельца Воскресенское...).

⁵⁰ Цит. по: Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. Биографическое исследование. Таллин, 1980, с.165 (далее Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал...).

⁵¹ Там же, с.165.

⁵² «Исаак Абрамович Ганнибал родился в 1747 г., детство провел в Петербурге и в только что тогда купленном отцом имении — Суйде. В 1756 году он был определен в артиллерийскую школу, окончив которую стал морским офицером. В 1774 году И.А.Ганнибал женился... на дочери псковского поменика Андрея Ивановича Чихачева Анне, вышел в отставку в чине капитана III ранга и приехал жить в псковское сельцо Воскресенское. Таким образом, он ранее других братьев занял это сельцо, что, возможно, и стало определяющим при разделе наследства» (Никифоров В.Г. Владельцы, с.45, 46).

- ⁶ «Екатерина Карловна Княжевич, урожденная Нейман... могла быть племянницей фон Штиндта, дочерью его сестры, вышедшей замуж за Неймана. Княжевичи имели одного сына Иосифа (род. в 1832 г.), который женился на Кларе Федоровне, дочери владельцев сельца Петровского Компанионов, и жил там. Но где жили его родители, Иосиф Станиславович и Екатерина Карловна, неизвестно, видимо, в соседнем Новоржевском уезде. В 1830 году Княжевичи переехали на жительство в сельцо Воскресенское» (Никифоров В.Г. Владельцы, с.46).
- ⁷ Никифоров В.Г. Владельцы, с.47.
- ⁸ Там же, с.47.
- ⁹ Власова М.Н. Рассказы старожилов о Воскресенском // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып.7. СПб., 2001, с.51–52.
- ¹⁰ Никифоров В.Г. План сельца Воскресенского 1786 г. // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып.7. СПб., 2001, с.7–10.
- ¹¹ Буторина Н.А. Прогулка по парку усадьбы Воскресенское // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып.7. СПб., 2001, с.39–44.
- ¹² Плотников С.Л. Пуговица из раскопок усадьбы Воскресенское // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып.4. СПб., 1999, с.58–59.
- ¹³ Раппопорт П.А. Кирпич древней Руси // Памятники науки и техники. Ежегодник. 1987–1988 гг. М., 1989; Раппопорт П.А. Метод датирования памятников древнего Смоленского зодчества по формату кирпича // СА. 1976, № 2. В настоящее время методика изучения формата древнерусского кирпича, разработанная П.А.Раппопортом, с успехом применяется многими исследователями; см. например: Проблемы изучения древнерусского зодчества. По материалам архитектурно-археологических чтений, посвященных памяти П.А.Раппопорта, 15–19 января 1990 г. СПб., 1996; Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения: Тезисы докладов. СПб., 1999.
- ¹⁴ Белецкий С.В. Раскопки усадьбы Воскресенское, с.43–45, 53; см. также: Белецкий С.В. Раскопки усадьбы конца XVIII – начала XX в. в Пушкинских Горах, с.24–27.
- ¹⁵ Белецкий С.В. Раскопки усадьбы Воскресенское, с.37–57.
- ¹⁶ Там же, с.54–57; Белецкий С.В. Раскопки усадьбы конца XVIII – начала XX в. в Пушкинских Горах, с.27.
- ¹⁷ Мальцева Т.Ю. Ганнибалы и Пушкин на Псковщине. М., 1999, с.79–80.
- ¹⁸ Белецкий С.В. Раскопки усадьбы Воскресенское, с.55–56, примеч.9.
- ¹⁹ Архив Пушкинского заповедника, инв. № ПЗ-261-пл.4.
- ²⁰ Архив Пушкинского заповедника, инв. № ПЗ-н/а, л.1.
- ²¹ 225 лет Академии художеств СССР. Т.2, М., 1983, с.34.
- ²² Ошибка в написании фамилии И.А.Бартенева понятна и простительна: рукопись Т.Ю.Мальцевой готовилась к изданию уже после кончины автора, а машинописная копия протокола заседания Ученого совета Заповедника, из которой почерпнуты сведения о работах 1951 г. (архив Пушкинского заповедника, инв. № ПЗ-47- н/а, л.1). крайне «слепая».
- ²³ См. также: Белецкий С.В. Археологические исследования памятников Нового времени (к постановке проблемы) // Проблемы русской культуры XVIII в. Конференция памяти Н.В.Каллягиной. СПб., 2001, с.14–16, далее Белецкий С.В. Археологические исследования памятников Нового времени...

- ²⁴ Для удобства северо-восточная стена постройки в процессе раскопок обозначалась как «северная», юго-восточная — как «восточная», юго-западная — как «южная» и северо-западная — как «западная»; такое обозначение сторон света применяется только при описании исследованных раскопками построек.
- ²⁵ Именно гипотеза о существовании поперечной стены, разделявшей подвал на два помещения, дала основание для реконструкции плана восточного крыла господского дома с членением на четыре, а не на три помещения. Соответственно членение западного крыла господского дома на Четыре Помещения опирается на предположение о симметричной планировке внутреннего пространства постройки.
- ²⁶ Никифоров В.Г. Владельцы сельца Воскресенское, с.45.
- ²⁷ Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал, с.146.
- ²⁸ Возможно, не случайно деревня Оклад была переименована в село Воскресенское: сельцо под таким же названием находилось рядом с имением Суйда близ Гатчины, приобретенным А.П.Ганнибалом в 1759 г. от графа Ф.Апраксина (Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал, с.165). В пользу относительно ранней даты появления усадьбы Воскресенское свидетельствуют и археологические материалы. Из слоя, сформировавшегося в период существования усадьбы, происходит денга 1749 г. Обращение слизавинской разменной монеты в годы царствования Екатерины Великой сомнительно даже для провинции. В то же время год чеканки денги попадает в интервал пятилетнего отпуска А.П.Ганнибала, в течение которого Абрам Петрович приводил в порядок свои псковские имения. Кроме того, среди других находок, обнаруженных при раскопках господского дома, были найдены фрагменты оконного стекла, в том числе со следами доалмазной резки: при раскопках в Пскове подобные находки характеризуют слой первой половины середины XVIII в., но никак не конца XVIII и XIX в.
- ²⁹ См.: Белецкий С.В. Усадебная археология России // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып.5. СПб., 2000, с.35–43; Белецкий С.В. Археологические исследования памятников Нового времени, с.14–16.
- ³⁰ Меленевская М.Ю. Воспоминания семьдесят лет спустя // Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы, вып.1 (17). Москва; Рыбинск, 1994, с.11–18.
- ³¹ Там же, с. 18; Иванова Л.В. Общество изучения русской усадьбы и задачи его возрождения // Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы, вып.1 (17). Москва; Рыбинск, 1994, с.8.
- ³² Грач А.Д. Археологические раскопки в Ленинграде. М.: Л., 1957.
- ³³ Сорокин П.Е. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // Archaeologia Petropolitana, № I. СПб., 1996, с.20–47.
- ³⁴ Археологическое изучение Пскова, вып. 2, Псков, 1994; Археологія і нумізматика Беларусі. Энцыклапедыя. Мінск, 1993, с. 428–434.
- ³⁵ Михайлова Е.Р., Кузьмин С.Л., Соболев В.Ю., Глыбин В.А. Работы по программе «Археология Петербурга». Предварительные итоги // Archaeologia Petropolitana, № III, СПб., 1999, с.7–19.
- ³⁶ Archaeologia Petropolitana, № I, СПб., 1996; № II, СПб., 1998; № III, СПб., 1999.
- ³⁷ Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998.
- ³⁸ Длужневская Г.В. Пушкиногорье в материалах фотоархива ИИМК РАН // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып.5. СПб., 2000, с.48–55.
- ³⁹ Горбатенко С.Б. «Фаворит» — стрельнинская усадьба А.Д.Менинкова // Краеведческие записки. Исследования и материалы, вып.5, СПб., 1997, с.72–77.

- ⁴⁰ Коренцвит В.А. Последний дворец А.Д.Меншикова «Монкураж» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1993. М., 1994; Коренцвит В.А. Крепость Петерштадт (археологические исследования в Оранienбауме) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1993. М., 1994.
- ⁴¹ Кашиев С.В., Андреева О.В. Археологические исследования на территории усадьбы Дж. Кваренги в Царском Селе // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. СПб., 1996.
- ⁴² Бирюков Ю.Б. Итоги археологического исследования построек усадьбы Тригорское // Михайловская пушкиниана. Тригорский сборник. Пушкинские Горы, 1998, с.19–24.
- ⁴³ Черников В.Ф. Усадьба Пушкиных в Большом Болдине. Археологические раскопки на территории усадьбы. Н.-Новгород, 2002, с.32–42, далее Черников В.Ф. Усадьба Пушкиных в Большом Болдине.
- ⁴⁴ Салимов А., Салимова М., Бахарева Ю., Бахарева Н. Усадьба Малинники Старицкого уезда Тверской губернии в XIX–XX веках (историко-архитектурное исследование) // Тверская старина, № 16–17. Тверь, 1999, с.3–27.
- ⁴⁵ В монографии В.Ф.Черникова помещены невнятные планы двух раскопов (Черников В.Ф. Усадьба Пушкиных в Большом Болдине, с.38, 40, рис.9, 10), а также схемы двух построек (там же, с.33, 35, рис.6, 8), по которым невозможно установить, какая часть схемы фиксирует раскрытые раскопками фундаменты, а какая является графической реконструкцией. Кроме того, в монографии опубликованы два стратиграфических разреза дамб, сделанные в процессе наблюдений за земляными работами (там же, с.23, 77, рис.3, 20). Интересные наблюдения о характере дорожного покрытия, зафиксированного близ «первой плотины» (там же, с.23, рис.3) и рядом с «кухней» (там же, с.34), к сожалению, не подкреплены чертежами и фотографиями. В статье А.Салимова и др. археологическая документация отсутствует.
- ⁴⁶ Археологическое изучение Пскова, вып.1, М., 1983; вып.2, Псков, 1994; вып.3, Псков, 1996.
- ⁴⁷ Агальцова В.А. Основные положения проекта восстановления и реконструкции парка Тригорское // Михайловская пушкиниана. Тригорский сборник. Пушкинские Горы, 1998, с.15–18.
- ⁴⁸ Васильевич Г.Н. Пушкиногорье. Юбилейные заметки // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып.4. Культурология. Новые археологические исследования. СПб., 1999, с. 6.

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО АРХЕОЛОГИИ ПУШКИНОГОРЬЯ¹

В 2000 году издательство «Арбор» опубликовало письма Семена Степановича Гейченко к Василию Михайловичу Звонцову². Дружеская переписка между Хранителем и Художником Пушкиногорья, начавшаяся в 1958 г. (ПГЗ, № 1, с.23), продолжалась более трех десятилетий — до 1991 г. (ПГЗ, № 238, с.315).

Очень точно подобран подзаголовок к изданию: «Домашняя история Пушкинского заповедника». Действительно, в этих письмах постепенно, год за годом, месяц за месяцем, день за днем проходит повседневная жизнь Заповедника. И дело даже не в том, что в письмах, адресованных другу и не предназначенных для широкого чтения, С.С. сообщает новости, делится мыслями, чувствами и эмоциями. Валентин Курбатов, предпославший изданию обширное предисловие, отметил важную особенность писем С.С. как источника по истории Пушкиногорья: то, что сейчас называется Пушкинским заповедником, то, что миллионы паломников к Пушкину воспринимают в виде некоего единого целого, в письмах С.С. вырастает постепенно — от пушкинского погреба и барского дома в Тригорском до слоника-флюгера на флагштоке Ганибалова дома в Петровском.

Конечно, весь процесс реставрации и музеефикации мемориальных усадеб зафиксирован в научной и иной документации, хранящейся в архивах (в том числе в архиве Заповедника), и эти источники еще ждут своего исследователя. Но только из этих писем, да, пожалуй, еще из рассказов С.С., объединенных в удивительноскую и светлую книгу «У Лукоморья», мы узнаем о том, каких усилий стоила эта кажущаяся легкость «барской жизни» в Михайловском.

Приведем в качестве примера историю строительства барского дома в Тригорском так, как она отразилась в письмах. «Начали строить дом Осиповых в Тригорском» (ПГЗ, № 2, 28.10.1959, с.24); «В Тригорском ничего не делается, бревен нет» (ПГЗ, № 5, 08.03.1959, с.26); «Для сооружения Тригорского дома получили и уже привезли два волока бревен!» (ПГЗ, № 6, 23.05.1959, с.30); «К 15 января многострадальный

лом Осиповых будет подведен под крышу. Колонны на обеих крыльцах уже поставили» (ПГЗ, № 8, 06.01.1961, с.32); «На доме в Тригорском <…> крышу еще не одели» (ПГЗ, № 9, 19.01.1961, с.34); «В Тригорском доме, несмотря на все неприятности, работы идут полным ходом. Стены и потолки уже покрыты дранью под штукатурку. Все двери уже вставлены» (ПГЗ, № 10–2, 05.03.1961, с.36); «27-го июня состоялось заседание бюро РК по поводу восстановления дома в Тригорском. <…> Записали закончить и сдать дом Заповеднику к 15 сентября» (ПГЗ, № 15, 28.06.1961, с. 42); «Дом в Тригорском растет лихо» (ПГЗ, № 17, 28.07.1961, с.45); «Портит мне настроение и дом в Тригорском, который опять замариновали, а это значит, что до конца года вряд ли успеют его закончить и сдать Заповеднику» (ПГЗ, № 18, 31.08.1961, с.46); «Каждодневно бываю в Тригорском» (ПГЗ, № 19, 26.09.1961, с.47); «Я каждый день бываю в Тригорском. <…> Сейчас работает несколько плотников. Они делают полы и обивают коридор сухой штукатуркой» (ПГЗ, № 20, 28.09.1961, с.49); «Получил твой рисунок обоев для комнаты Апраксии в доме Вульфов. Полагаю, все так, как нужно. Только решил я чуточку увеличить светила. Если ты помнишь, в отделе русской культуры Эрмитажа <…> есть обои со звездами. Там звезды крупные» (ПГЗ, № 23, 06.10.1961, с.52); «По-прежнему каждодневно бываю в Тригорском. Тороплю людей. Сержусь. Хлопочу. Хотя от моих хлопот толку и мало» (ПГЗ, № 24, 07.10.1961, с.53); «Через недельку мне придется отправиться в Питер. Я должен ехать туда по самонужнейшим делам Тригорского» (ПГЗ, № 26, 08.12.1961, с.60); «Работа в доме Осиповых теплится и не погасла. Скоро привезут и будут ставить уже готовые решетки на балконы и лестницы. Через месяц начнем внутри красить» (ПГЗ, № 31, 13.02.1962, с.66); «Ты, конечно, в Михайловское едешь!!! Посему предлагаю тебе: 1. Купить для Заповедника (только обязательно возьми товарный чек или счет) кистей малярных для масляной краски с короткими ручками. <…> Это очень нужно для Троегорского» (ПГЗ, № 35, середина марта 1962, с.70). И вот результат – рассказывая о праздновании 40-летия Заповедника, Семен Степанович пишет: «Таскал я всех гостей пешком в Тригорское. <…> Большая часть дошла до Воронича, атаковала городище и вошла в дом Осиповых, где я закатил им такую экскурсию, что сам заслушался» (ПГЗ, № 37, 26.03.1962, с.72).

Примеры рассказов о повседневных заботах директора Заповедника можно умножить: это и сообщения о поисках экспонатов, и рассказы о

последствиях ураганов, поломавших мемориальные деревья в парках, и сетования на необходимость в самые неподходящие моменты направлять сотрудников Заповедника на сельхозработы, и «сидение» на избирательном участке во исполнение распоряжения РК КПСС, и рассказы о заботах, связанных с приемом нежданных (а порой – нежелательных) посетителей, приезжающих к Пушкину, но предпочитающих отобедать и отужинать дома у директора (и это при том, что сметами Заповедника не предусмотрены представительские расходы, порой довольно ударяющие по семейному бюджету).

По речь о другом: Гейченко и археология. Именно Семен Степанович в конце 1960-х годов выступил инициатором археологических раскопок на городищах Воронич и Савкина Горка, проводившихся затем экспедицией Эрмитажа на протяжении 1969–1973 гг. Именно он инициировал начало работ по созданию археологической карты Государственного Пушкинского заповедника, проводившихся автором в 1980–1982 гг. и продолженных в конце 1990-х годов. Археологическим открытиям на Савкиной Горке посвящены строки в его книге «У Лукоморья»³.

Тем не менее археология как область профессиональной деятельности Гейченко не волновала. В опубликованных письмах есть только одно упоминание об археологических исследованиях, производившихся в Пскове, который Семен Степанович посещал достаточно часто, – это сообщение в письме от 8 октября 1962 г.: «В Пскове я был. Просидел три дня в архиве и просмотрел много страниц архива Дворянского земельного банка, в которых рассказывается о том, как устраивалась колония для престарелых и больных писателей в селе Михайловском. Больше в Пскове нигде не был, если не считать прогулки со Смирновым по территории Кремля, где покойный Гроздиловкопал древнюю землю» (ПГЗ, № 45, 08.10.1962, с.85). Но и это сообщение скорее связано с тем, что меньше чем за месяц до письма скоропостижно скончался руководитель экспедиции Эрмитажа Григорий Павлович Гроздилов, с которым С.С.Гейченко был знаком.

Никак не комментировано происхождение каменных ядер, помещенных в экспозицию под открытым небом на площадке городища Воронич (эти ядра найдены при раскопках экспедиции Эрмитажа в Домонговом городе Псковского кремля в 1959–1960 гг., а переданы в Заповедник были Псковским музеем в 1963 г.); в письме от 13 мая 1963 г. сказано лишь: «Ядра каменные общим весом 42 пуда 38 фунтов поста-

вил я в керамиду (пирамиду. — С.Б.) на городище Воронич. И поставил такую надпись: "Псковские каменные ядра для метательных машин. Такими снарядами Воронич оборонялся от войск литовского князя Витовта в 1426 году и польского короля Стефана Батория в 1582 году"» (ПГЗ, № 58, 13.05.1963, с.108).

Даже об археологических исследованиях на территории Заповедника, инициированных С.С.Гейченко, в опубликованных письмах имеется всего одно упоминание — это сообщение о получении письма из Эрмитажа, в котором говорилось о сроках начала раскопок на Ворониче летом 1969 г.: «Получил письмо из Эрмитажа с сообщением о том, что раскопки на Ворониче начнутся с 5 июня» (ПГЗ, № 133, 20.05.1969, с.202). И это при том, что в первый сезон работ С.С. общался с экспедицией ежедневно: почти каждый день приходил на городище Воронич, по вечерам приходил вместе с супругой Любовью Джалафонвой и с кипящим самоваром в людскую, где была поселена экспедиция, либо — чаще — экспедиция в полном составе чаевничала на веранде директорского дома, слушая рассказы хозяина — те самые, которые потом вошли в «Лукоморье». В письмах не упомянуто даже о восстановлении креста на Савкином камне, хотя в книге «У Лукоморья» этому событию посвящен особый рассказ — «Савкин камень».

Иключение составляет, пожалуй, сообщение об осмотре культового камня в окрестностях Велья: «Сегодня ездил в окрестности Велья — деревни Мараморы и Гверстель, где, по слухам, есть древний камень со «знаками». Камень действительно есть и очень интересный. Мерой он 4×3 метра шириной, плоский. Как глубоко лежит в земле, неведомо, измерить трудно. В камне чудно этак выбиты три круглые чаши. В народе их зовут «марморские котлы». Камень очень похож на ритуальный языческий камень, что около Тарту. Теперь поеду искать другой камень — древний межевой крест. Я искал его в районе деревни Стремено (около Печан), а он, оказывается, стоит где-то в районе деревни Стекки, км эдак в 8 от Печаней» (ПГЗ, № 102, 07.10.1966, с.171). Однако подробный рассказ об осмотре марморского камня понятен: осмотр окрестностей Велья С.С.Гейченко проводил сам; назвать этот осмотр «археологической разведкой» я бы не решился, поскольку собственно археологическая фиксация объекта не производилась.

Таким образом, Гейченко археологией, безусловно, интересовался, но — не более того: отношение его к археологии было отношением музейщика к результатам исследований, произведенных профессионала-

ми-археологами для пополнения музейных коллекций и экспозиций Заповедника — главного дела жизни Семен Степанович. Так что о собственно археологии в традиционном понимании целей и задач этой области знаний в письмах сведений мало, если не сказать — почти нет.

Тем не менее письма Гейченко к Звонцову являются ценнейшим источником именно по археологии Пушкиногорья. Дело в том, что масштабные работы по реставрации и музеефикации усадебной застройки в Михайловском и Петровском требовали раскопок фундаментов тех построек, которые надо было строить. Такие раскопки в 1950–1960-е годы археологическими не считались, и головной археологический институт страны не требовал ни составления научной документации по такого рода раскопкам, ни оформления результатов раскопок в виде отчета, снабженного полноценной фото- и чертежной документацией. В подобных условиях единственным источником по проведенным раскопкам оказываются именно письма и воспоминания участников работ.

В опубликованной части переписки Гейченко и Звонцова есть информация о раскопках, проведенных на 5 объектах: пушкинский погреб и фундаменты дома Калашниковых в Михайловском, фундаменты грота и барского дома в Петровском и каменная отмостка у апсид собора Святогорского монастыря. Результаты раскопок в Петровском, произведенных в 1958 г., охарактеризованы в самых общих словах: «Раскопали фундамент грота в Петровском. Нашли остатки фундаментов, стен и пола. Оказывается, здание было не совсем такое, каким оно кажется на фото» (ПГЗ, № 1, 02.10.1958, с.23). Из писем следует, что С.С. хорошо понимал значение раскопок как необходимого этапа в изучении музеефицируемого объекта.

Так же коротко характеризуются и раскопки барского дома в Петровском, произведившиеся одиннадцать лет спустя силами «добровольцев» при участии, что показательно, архитекторов-реставраторов: «У нас в Заповеднике, слава Творцу, начали восстанавливать дом в Петровском. Работает бригада московских студентов в составе 35 человек. Командуем мы и Псковская реставрационная мастерская. Во время земляных работ нашли кое-какое старинное барахлишко. Думаю, что найдем еще ково-чево» (ПГЗ, № 133, 20.05.1969, с.202).

Интересно сообщение о раскопках в Святогорском монастыре, предварявших планировочные работы по благоустройству и музеефикации мемориального кладбища Ганнибалов и могилы Пушкина: «Раскопал я каменную отмостку у алтарных апсид собора (напротив моги-

лы Пушкина). Стало совершенно очевидным, что теперешняя безобразная куча земли и камня — дело совсем новое. Старая отмостка была на полтора метра ниже. Весною думаю навести здесь порядок. От этого собор станет выше, площадка у могилы стройнее и все красивее и правильнее» (ПГЗ, № 45, 08.10.1962, с.85).

Значительно подробнее охарактеризованы результаты раскопок пушкинского погреба в Михайловском, проводившихся Гейченко собственноручно: «Полным ходом идут раскопки пушкинского погреба около «домика няни», где, по свидетельству Парфенова, «Пушкин с утра жарил из пистолетов этак раз по сто в день». Получается интересно» (ПГЗ, № 56, 08.05.1963, с.103); «В 6.30 (утра. — Авт.) продолжал копать пушкинский погреб. Был он глубокий, около двух метров, пол имел кирпичный, лестницу вниз каменную. Много разного черепья, изразцов, битого кирпича. <...> В 10 вечера пошел с ночным сторожем опять погреб копать. Покопали немного и бросили. Стало темно» (ПГЗ, № 57, 10.05.1963, с.105–106); «Пушкинский погреб совсем раскопали. Все обследовал, обмерил и зачертил. Был он длиною 5,5×4,5 м, ширины и глубины 2 м 20 см. Пол был глинобитный, устланный кирпичем. Стены каменные, булыжные, на извести. Толщина стены 50 см. Вход был со стороны дорожки супротив дернового круга. Когда копал, то нашел много разного черепья, бою, гвоздей кованых и костей говяжьих» (ПГЗ, № 58, 13.05.1963, с.108). Эти описания дают о памятнике достаточно полное представление. Существенно, что Семен Степанович не только раскопал, но также обмерил и зарисовал исследованный объект, как того требуют существующие методики археологических раскопок.

Достаточно подробны, хотя и не во всем одинаково информативны и сведения о результатах раскопок фундаментов дома Калашниковых (также проводившиеся Гейченко собственноручно) и о сделанных во время этих раскопок находках: «При закладке фундамента дома Калашниковых найден старинный подсвечник, почти целехонький, только сильно окисленный» (ПГЗ, № 64, 12.10.1963, с.115); «Вчера съе раз проверял я остатки фундамента дома Калашниковых. Сверял размеры натуры с проектом восстановления. И вдруг... Под крайним восточным камнем неожиданно открылась яма. Это оказался погреб. На дне его лежал полуистлевший дубовый сундук. Осторожно открыв его, я нашел в нем интереснейшие вещи бытового характера: графин, рюмки, тарелки, дорожную чернильницу, куски кожи от предмета неизвестно-

го назначения. На дне сундука лежала книга под 1726 годом «Юности честное зерцало». В книгу были вложены несколько писем Калашниковых к Пушкину. На днях я сду в Питер и везу находку с собой в Эрмитаж в реставрацию» (ПГЗ, № 63, 08.10.1963, с.114)⁴.

В письме от 4 апреля 1963 г. упомянуто также о планировавшихся Семеном Степановичем раскопках на родовом кладбище Вульфов в Тригорском: «Числа с 1 августа начну реставрацию могилы А.И.Вульфа. Все сниму, разрою, обследую и сфотографирую» (ПГЗ, № 59, 04.07.1963, с.109); других сведений о планировавшихся работах в опубликованных письмах нет.

Таковы сравнительно немногочисленные, но, тем не менее, чрезвычайно важные сведения об археологических раскопках, проводившихся С.С.Гейченко на территории Заповедника в конце 1950-х – 1960-е годы. Вместе с уникальными сведениями о судьбах памятников археологии Посоротья, содержащимися в книге «У Лукоморья»⁶, эти данные, безусловно, должны учитываться специалистами по археологии и истории Пушкинского уголка.

¹ См.: Ашешова А.Н., Белецкий С.В. Письма С.С.Гейченко В.М.Звонцову как источник по археологии Пушкиногорья // Михайловская пушкиниана. Вып.20. Памяти Семена Степановича Гейченко. М., 2002, с.79–87; Ашешова А.Н., Белецкий С.В. Письма С.С.Гейченко В.М.Звонцову как источник по археологии Пушкиногорья // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып.7. Усадьба Воскресенское. СПб., 2002, с.53–61.

² А у нас в Михайловском, или Домашняя история Пушкинского заповедника в письмах Семена Степановича Гейченко Василию Михайловичу Звонцову. М., 2000; далее ссылки на это издание приведены в тексте в скобках: ПГЗ, № письма, страница.

³ Гейченко С.С. У Лукоморья. 5-е изд. Л., 1986, с.324–326.

⁴ Факт обнаружения этих писем в литературе как будто бы не комментирован, хотя находка, безусловно, должна была бы стать подлинной сенсацией в пушкиноведении. Не удалось получить достоверные сведения и о намечавшейся поездке Семена Степановича в Ленинград для передачи находок в реставрацию. Не исключено, что мы имеем дело с одной из тех мистификаций, которые в изобилии встречаются в письмах С.С.Гейченко В.М.Звонцову.

⁵ Например: рассказ о захоронении А.П.Нестеровой в насыпи древнего кургана и о перезахоронении ее праха на кладбище в деревне Вече (см.: Гейченко С.С. У Лукоморья, с.199–200).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1965 г. Псковская археологическая экспедиция Эрмитажа проводила в Довмонтовом городе Пскова раскопки храма Дмитрия Солунского XII века. Отец взял меня в экспедицию в четвертый раз подряд, и я с гордостью осознавал себя «бывалым археологом». Действительно, одиннадцать лет — это весьма почтенный возраст, тем более что до двенадцатого дня рождения остаются считанные недели. В середине августа, сразу после дня археолога, я получил от родителей роскошный подарок к приближающемуся «юбилею» (дюжина — это же почти совершеннолетие!) — поездку в Михайловское.

Не буду лукавить, утверждая, будто именно тогда, летом 1965 года, в мою жизнь раз и навсегда вошло Пушкиногорье. На самом деле, ту поездку я помню смутно. Переполненный автобус, и мы с мамой в этой давке. Бутерброды с лимонадом в каком-то буфете. Длинная лестница в монастыре и маленький букетик цветов на могиле. Автобус до Михайловского. Еловая аллея и «аллея Керн». Мраморные доски с пушкинскими строчками под каждым третьим кустом. Синяя-синяя вода в Сороти. Дорога мимо «трех сосен» в Тригорское. Крутой подъем на Воронич. Тряска в кузове грузовика по дороге из Тригорского в Пушкинские Горы, и штурм переполненного автобуса на Псков. Памятью от той поездки осталась надпись, сделанная рукой мамы на путеводителе А.М.Гордина «Пушкинский заповедник»: «Сережа, помни о первом посещении Пушкинского заповедника. Мама. 17 августа 1965 г. Михайловское».

В конце лета 1968 г. я побывал в Пушкинских Горах во второй раз, на этот раз — с отцом. Отца пригласил приехать в Заповедник Семен Степанович Гейченко. Вместе с Гейченко мы бродили по Тригорскому парку, поднимались на городище Воронич. Гейченко и отец обсуждали будущие археологические раскопки на Ворониче. Я бегал с фотоаппаратом и своей первой в жизни кинокамерой, снимая все подряд. В памяти от поездки остались густой подлесок Тригорского парка, аисты и огромное, чуть кисловатое яблоко, врученное мне Семеном Степановичем. Именно во время той, второй поездки я осознал, что на территории Заповедника находятся не только Михайловское с Тригорским, но

и многочисленные археологические памятники — городище Воронич и Савкина Горка, курганы и жальники, памятные и намогильные кресты. А это значит, что жили здесь люди задолго до Пушкина.

В июне следующего, 1969 г. экспедиция под руководством отца провела небольшие раскопки на городище Воронич. Мне довелось принять участие в этих работах. И вот с этой-то экспедиции Пушкинский заповедник прочно и навсегда вошел в мою жизнь: экспедиции 1969 г. было посвящено мое школьное сочинение по литературе, получившее на городской олимпиаде какой-то диплом; о раскопках 1969 г. был снят любительский фильм, за который я даже получил медаль «Юный участник ВДНХ»; о городище Воронич был мой первый доклад на студенческом славяно-варяжском семинаре кафедры археологии ЛГУ в конце 1970 г.; в 1971—1973 гг. я принимал участие в раскопках городища Савкина Горка; в марте 1972 г. с докладом о хронологии Воронича ездил на свою первую студенческую конференцию в Вильнюс; в 1973—1974 гг. о раскопках Савкиной Горки писал газетные статьи и курсовые работы. В конце 70-х годов материалы раскопок Воронича и Савкиной Горки были использованы в диссертации, посвященной средневековой керамике Псковской земли, а в начале 80-х годов я три сезона подряд проводил на территории Заповедника археологические разведки.

После 1982 г. на протяжении полутора десятилетий мне никак не удавалось продолжить археологические работы на территории Пушкинского заповедника: вначале все силы отнимали раскопки в Пскове, потом — завершение докторской диссертации. Правда, я приезжал в Заповедник на день-два почти каждое лето, но, откровенно говоря, не думал о том, что когда-нибудь представится возможность вновь вернуться к раскопкам в Пушкинском заповеднике и к изучению далекого прошлого Пушкиногорья.

Как часто бывает, все решил Его Величество Случай. Весной 1997 г. в Питер приехала в командировку заместитель директора Пушкинского заповедника Ольга Чужикова. С ней мы много лет проработали бок о бок в Псковской экспедиции Эрмитажа. Встретились в Институте истории материальной культуры РАН. Пили кофе, болтали о том о сем. В разговоре я поплакался — трудно найти место для проведения археологической практики для студентов-музеведов из Академии Культуры: денег на организацию специальной экспедиции под практику нет, а просить коллег взять одного-двух студентов язык не поворачивается, поскольку в условиях сформировавшейся в родном Отече-

стве базарной экономики без финансирования оказалось большинство экспедиций. Ольга покивала в ответ, пособолезнозвала и, в свою очередь, поплакалась — надо бы провести археологические раскопки на городище Воронич, да денег нет, и удастся ли добиться финансирования этих работ — неизвестно. А как бы хорошо было бы возобновить раскопки на Ворониче. И как было бы хорошо вывезти будущих музееевдов на археологическую практику именно в Пушкинский заповедник.

Наверное, разговорами дело бы и кончилось. Но в самом конце того же 1997 г. я случайно (опять — случайно!) узнал от коллег о существовании федеральной целевой программы «Интеграция», ориентированной на сотрудничество академической науки и вузов. До окончания срока подачи заявок на конкурс оставалось то ли два, то ли три дня, и я решил попытать счастья: за день оформил заявку и отправил в Москву. Никаких иллюзий, естественно, не питал, понимая, что отсутствие финансирования студенческих практик — это проблема подавляющего большинства вузов. Поэтому, что называется, дни до подведения итогов конкурса не считал.

Короче говоря, через пару-тройку месяцев кто-то из коллег показал мне опубликованный в газете «Поиск» список проектов, поддержанных «Интеграцией»; среди них я обнаружил и свой проект. А вскоре из Москвы пришло письменное подтверждение: проект «Далекое прошлое Пушкинского уголка», предполагающий проведение Институтом истории материальной культуры РАН на территории Государственного Пушкинского заповедника археологических исследований, совмещенных с археологической практикой для студентов кафедры музееведения Санкт-Петербургской академии культуры (ныне — Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств), поддержан.

Так, в 1998 г. после долгого перерыва были возобновлены археологические работы на территории Государственного Пушкинского заповедника. Эти работы продолжаются до настоящего времени.

За пять лет работ Псковской областной экспедиции ИИМК РАН в раскопках принимали участие студенты-практиканты кафедры музееведения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, ученики Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета, волонтеры-«доброхоты» из Москвы, Санкт-Петербурга, Зеленограда, Набережных Челнов, Перми, Ижевска и Пикалева. Всем им моя сердечная благодарность.

Считаю своей приятной обязанностью поблагодарить дирекцию федеральной целевой программы «Интеграция», на средства которой (в рамках проектов К-0389 и Э-0336) проводились археологические исследования в Пушкинских Горах, а также были изданы семь выпусков учебных пособий «Далское прошлое Пушкиногорья» (СПб., 1998–2001). Особая признательность Администрации и сотрудникам Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С.Пушкина «Михайловское», без постоянной поддержки которых нам вряд ли удалось бы выполнить даже малую часть задуманного.

В процессе работы над очерками я постоянно вспоминал Хранителя Пушкинского заповедника Семена Степановича Гейченко (1903–1993), ставшего инициатором планомерного археологического изучения Пушкинского уголка, и своего отца, Василия Дмитриевича Белецкого (1919–1997), заложившего пятилетними раскопками на Ворониче и Савкиной Горке основы археологии Пушкиногорья¹.

В 2003 г. исполнилось тридцать пять лет с того, ламятного мне лета 1968 года, когда Семен Степанович и отец обсуждали перспективы археологических исследований в Заповеднике. Тогда, среди прочих сюжетов неспешного разговора, не раз и не два заходила речь о том, как хорошо было бы когда-нибудь в будущем создать в Заповеднике археологическую экспозицию, рассказывающую о далеком прошлом Пушкиногорья. Хочется думать, что до появления в Пушкинском заповеднике особого археологического музея годов пройдет куда меньше.

Для оптимизма есть некоторые основания: в 2001 г. в помещениях научно-культурного центра Заповедника была открыта небольшая выставка, посвященная раскопкам усадьбы Воскресенское (рис.238). Верю, что это только начало и в недалеком будущем в Пушкинском заповеднике появится полноценный археологический музей – тот самый музей, о котором тридцать пять лет назад мечтали Семен Степанович Гейченко и Василий Дмитриевич Белецкий.

¹ Степанова Т.В. Страницы истории Пушкинского заповедника в документах его научного архива (50-е годы XX века) // Михайловская пушкиниана. Вып.26: К 100-летию со дня рождения Семена Степановича Гейченко. Пушкинские Горы – Москва, 2003, с.258, верхнее фото.

Принятые сокращения

АО	— Археологические открытия
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВНК	— Всероссийская нумизматическая конференция
ГПЗ	— Государственный Пушкинский заповедник
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАМЮ	— Московский архив Министерства юстиции
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИР	— Музей истории религии
ОИРК ГЭ	— Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа
ОИРУ	— Общество изучения русской усадьбы
ПОМЗ	— Псковский объединенный музей-заповедник
ПСС	— Полное собрание сочинений
РА	— Российская археология
РА ИИМК РАН	— Рукописный архив ИИМК РАН
СА	— Советская археология
СПбГУКИ	— Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств
ТД и С	— Тезисы докладов и сообщений
ЧОИДР	— Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете

Список иллюстраций

- Рис.1. С.С.Гейченко и В.Д.Белецкий на Савкиной Горке.
Фото 1972 г. (по Т.В.Степановой)
- Рис.2. Схема процесса формирования культурного слоя
- Рис.3. Карта 1581 г. из Ватиканского архива
(по А.Н.Кирпичникову). *На врезке:* окрестности
Воронича и лагерь Стефана Батория (увеличенено)
- Рис.4. Археологические памятники у д.Воронич: *a* – городище;
b – селище
- Рис.5. Городище Воронич. Вид с северо-востока.
Фото автора, 1980 г.
- Рис.6. Вал и въезд городища Воронич. Фото Ю.Шокальского,
нач. XX в. (фонды ГПЗ, инв. № ПЗ-КП-5427)
- Рис.7. Селище Воронич 1. Вид с северо-запада.
Фото автора, 1980 г.
- Рис.8. Селище Воронич 2. Вид с юга. Фото автора, 1980 г.
- Рис.9. Селище Воронич 3. Вид с юго-востока. Фото автора, 1980 г.
- Рис.10. Городище Воронич: *1* – фундамент Георгиевской церкви,
музеефицированный в 1980-е годы; *2* – могилы
А.М.Вындумского, А.Н.Вульфа, П.А. и И.С.Осиповых;
3 – могилы С.С. и Л.Д.Гейченко;
a – шурфы и зачистки 1969 г.; *б* – раскопы 2002 г.
- Рис.11. Городище Воронич. Стратиграфия культурного слоя в
шурфе № 2 1969 г.: *1–2* – восточная стенка; *2–3* – южная
стенка; *3–4* – западная стенка; *4–1* – северная стенка
(по В.Д.Белецкому). Условные обозначения см. на рис.12

Рис.12. Городище Воронич. Планы «горизонтов» в шурфе № 2 1969 г.: *а* – темно-серая земля; *б* – глина; *в* – зола с угольками; *г* – чернозем; *д* – обожженная глина; *е* – бревно; *ж* – доски, плахи; *з* – столб; *и* – угли; *к* – камни (по В.Д.Белецкому)

Рис.13. Городище Воронич. Керамика и индивидуальные находки из раскопок 1969 г. (по В.Д.Белецкому)

Рис.14. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Вид с юго-запада. Фото автора, 2002 г.

Рис.15. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Разборка пахотного слоя. Вид с юга. Фото автора, 2002 г.

Рис.16. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Стратиграфия северной и западной стенок раскопа: *а* – дерн; *б* – серый пахотный слой; *в* – темно-серый слой с примесью угольков; *г* – черный слой с примесью пережженных камней и частиц обожженной глины; *д* – черный слой с примесью угля; *е* – темно-серый слой; *ж* – песок; *з* – глина; *и* – древесный тлен; *к* – обожженная глина (прокаленная почва); *л* – уголь; *м* – зола; *н* – темно-коричневый слой с примесью древесного тлена; *о* – материк; *п* – валуны; *р* – дерево

Рис.17. Городище Воронич. Керамика из подъемного материала (1–12) и из пахотного слоя (13–43) в раскопе II, 2002 г.

Рис.18. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Керамика из пахотного слоя

Рис.19. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Керамика из пахотного слоя

Рис.20. Городище Воронич. Раскоп II. Горизонт 1: *а* – суглинок; *б* – глина; *в* – обожженная глина (прокаленная почва); *г* – уголь; *д* – зола; *е* – древесный тлен; *ж* – песок; *з* – щепа; *и* – валуны; *к* – доски; *л* – бревна; *м* – обожженное дерево; *н* – яма

-
- Рис.21. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г., после снятия дернового (на заднем плане) и пахотного слоев.
Вид с северо-запада. Фото автора, 2002 г.
- Рис.22. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Горизонт 1.
Скопление обожженных камней в кв.А₁. Вид с северо-запада. Фото автора, 2002 г.
- Рис.23. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из темно-серого с угольками слоя
- Рис.24. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Керамика из темно-серого с угольками слоя
- Рис.25. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Керамика из темно-серого с угольками слоя
- Рис.26. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Керамика из темно-серого с угольками слоя
- Рис.27. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Керамика из темно-серого с угольками слоя
- Рис.28. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Горизонт 2
(условные обозначения см. на рис.20)
- Рис.29. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Горизонт 2. Кв.А₃.
Пятно обожженности. Вид с юго-запада. Фото автора,
2002 г.
- Рис.30. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Горизонт 2. Кв.А₃₋₄.
Пятно обожженности. Вид с северо-запада. Фото автора,
2002 г.
- Рис.31. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из слоя пожара
- Рис.32. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из слоя пожара
- Рис.33. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из слоя пожара

-
- Рис.34. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из слоя пожара
- Рис.35. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из слоя пожара
- Рис.36. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из слоя пожара
- Рис.37. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Горизонт II (слой пожара).
Литейная форма. Фото В.Михайлова, 2002 г.
- Рис.38. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.: 1 – литейная
форма; 2 – реконструкция отливки полусферической
бляшки; 3 – реконструкция отливки заготовки для
печати
- Рис.39. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Горизонт 3
(условные обозначения см. на рис.20)
- Рис.40. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Горизонт 3.
Вид с северо-запада. Фото автора, 2002 г.
- Рис.41. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из черного слоя
- Рис.42. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из черного слоя
- Рис.43. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из черного слоя
- Рис.44. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из черного слоя
- Рис.45. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из черного слоя
- Рис.46. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из черного слоя

-
- Рис.47. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из предматерикового слоя
- Рис.48. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.: I – поверхность подошвы вала; II–III – внутривальные деревянные конструкции (II – на отметках от –200 до –230; III – на отметках от –230 до –260). Условные обозначения см. на рис.20
- Рис.49. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Керамика из слоя, перекрывавшего подошву вала
- Рис.50. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Внутривальные деревянные конструкции. Вид с северо-запада. Фото автора, 2002 г.
- Рис.51. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Керамика, найденная при расчистке и разборке внутривальных деревянных конструкций
- Рис.52. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. План по материку (условные обозначения см. на рис.20)
- Рис.53. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Поверхность материка. Вид с северо-запада. Фото автора, 2002 г.
- Рис.54. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Керамика из материковых ям: 1–8 – яма № 1 (1, 2, 4–6 – верхняя часть заполнения; 3, 7, 8 – придонная часть заполнения); 9–10 – яма № 2; 11 – яма № 4
- Рис.55. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Керамика из заполнения материковой ямы № 3: 1–25 – верхняя часть заполнения; 26–33 – придонная часть заполнения
- Рис.56. Селище Воронич 1. Раскоп 1998 г. Разборка культурного слоя. Вид с северо-востока. Фото автора, 1998 г.
- Рис.57. Селище Воронич 1. Раскоп 1998 г. Разборка культурного слоя и выборка заполнения материковых ям № 1 (на переднем плане) и № 2. Вид с юга. Фото автора, 1998 г.

Рис.58. Селище Воронич 1. Раскоп 1998 г. Разборка культурного слоя. Вид с юго-запада. Фото автора, 1998 г.

Рис.59. Селище Воронич 1. Раскоп 1998 г. Стратиграфия:
1 — южная стенка; 2 — восточная стенка; а — дерн;
б — коричневый слой; в — темно-коричневый слой;
г — коричневый слой с угольками; д — черный слой;
е — материк

Рис.60. Селище Воронич 1. Раскоп 1998 г. Керамика из слоя

Рис.61. Селище Воронич 1. Раскоп 1998 г.
Керамика из слоя

Рис.62. Селище Воронич 1. Раскоп 1998 г.
Фрагмент лепного сосуда

Рис.63. Селище Воронич 1. Раскоп 1998 г. Поверхность материка.
Вид с юго-запада. Фото автора, 1998 г.

Рис.64. Селище Воронич 1. Раскоп 1998 г. План по материку

Рис.65. Селище Воронич 1. Раскоп 1998 г. Керамика из
материковых ям № 3 (1), № 1 (2–6), № 4а (7–12), № 12
(13–15), № 4 (16–17) и № 7 (18–26)

Рис.66. Селище Воронич 1. Раскоп 1998 г. Керамика из
материковых ям № 2 (1–13) и № 8 (14–28)

Рис.67. Селище Воронич 1. Обследование состояния
культурного слоя на месте ц. Воскресения Христова.
Вид с востока. Фото автора, 1998 г.

Рис.68. Селище Воронич 1. Обследование состояния культурного
слоя на месте ц. Воскресения Христова. Вид с запада.
Фото автора, 1998 г.

Рис.69. Селище Воронич 2. Подъемный материал. Сборы 1998 г.

Рис.70. Селище Воронич 2. Подъемный материал. Сборы 1980 г.

Рис.71. Селище Воронич 3. Подъемный материал. Сборы 1980 г.

Рис.72. Парк усадьбы Тригорское. Подъемный материал: 1–4, 9, 10 – склон над рвом городища Воронич; 5–7 – юго-восточная оконечность парка, у дома-музея П.А.Осиповой; 8 – у «дуба уединенного». Сборы 1998 г.

Рис.73. Городище Воронич. План 1857 г.

Рис.74. Административно-территориальное деление уезда Вороноча в XVI–XVII вв.: *а* – центры уездов; *б* – локализованные топонимы писцовых книг XVI–XVII вв.; *в* – погосты; *г* – монастырь на Синичих горах; *д* – границы уездов Псковской земли (*I* – Вревский; *II* – Выборский; *III* – Велейский; *IV* – Опочецкий); *е* – границы губ Вороначского уезда (*1* – Егорьевская; *2* – Спасская; *3* – Михайловская; *4* – Богородицкая; *5* – Ильинская; *6* – Полянская; *7* – Заклинская; *8* – Теребенская; *9* – Богородицкий утretok); *ж* – граница Псковской земли (по Б.Н.Харлашову)

Рис.75. Археологические памятники в окрестностях Вороноча: *а* – городище; *б* – селище; *в* – могильник; *1–6* – Железово, *7–10* – Воронич, *11–14* – Савкино, *15* – Зимари, *16* – Дедовцы, *17–24* – Михайловское, *25* – Косохново, *26* – Ромашки, *27–28* – Петровское, *29* – Луговка, *30* – Бугрово, *31* – Носово, *32* – Шаробыки

Рис.76. Селище Бугрово. Вид с юго-запада. Фото автора, 1980 г.

Рис.77. Селища Бугрово (1–4) и Дедовцы (5–8). Подъемный материал. Сборы 1980 г.

Рис.78. Селище Дедовцы. Вид с юго-востока. Фото автора, 1980 г.

Рис.79. Селища у д.Железово. Ситуационный план: *а* – границы распространения подъемного материала

Рис.80. Осмотр окрестностей д.Железово. Разведка 1980 г. В центре: «застрявшие» из-за бездорожья экспедиционная машина и два трактора, пытающиеся ее вытащить. Фото автора, 1980 г.

- Рис.81. Лепная (30–33) и круговая (1–29) керамика селищ у д. Железово. Подъемный материал. Сборы 1980 г.: 1–11, 30–32 – Железово 1; 12–26 – Железово 2; 27 – Железово 4; 28, 33 – Железово 5; 29 – Железово 3
- Рис.82. Селище Железово 1. Сечение горизонталей 1 м:
а – границы распространения подъемного материала
- Рис.83. Селище Железово 2. Вид с юго-востока.
Фото автора, 1980 г.
- Рис.84. Селище Зимари. Сечение горизонталей 1 м:
а – границы распространения подъемного материала
- Рис.85. Селище Зимари. Вид с юга. Фото автора, 1980 г.
- Рис.86. Селище Зимари. Подъемный материал. Сборы 1980 г.
- Рис.87. Керамика (1–6) и каменный предмет (7) с селища Луговка. Подъемный материал. Сборы 1980 г.
- Рис.88. Археологические памятники близ усадьбы Михайловское. Ситуационный план:
а – городище; б – селище;
в – могильник; г – усадьба; 1 – Савкина Горка;
2 – селище Савкино 1; 3 – селище Савкино 2;
4 – селище Савкино 3; 5 – селище Михайловское 1;
6 – могильник Михайловское 1
- Рис.89. Селище Михайловское 1. План: а – границы распространения культурного слоя; б – территория усадьбы; в – местоположение шурfov (1 – 1973 г.; 2 – 1980 г.)
- Рис.90. Селище Михайловское 1. Шурф 1973 г.:
1 – стратиграфия культурного слоя (а – дерн;
б – черный слой; в – черный слой с угольками;
г – серый слой; д – материк); 2–12 – лепная керамика
- Рис.91. Селище Михайловское 1. Вид с юго-востока.
Фото автора, 1980 г.

Рис.92. Селище Михайловское 1. Шурф 1980 г. Стратиграфия культурного слоя: *а* – дерн; *б* – темно-коричневый (до черного) с угольками; *в* – светло-коричневый с угольками; *г* – песок; *д* – материк

Рис.93. Селище Михайловское 1. Шурф 1980 г. Лепная керамика: *1* – дерновой и поддерновой слой; *2–3* – верхний слой; *4–9* – нижний слой; *10–11* – зачистка поверхности материка; *12–15* – заполнение ямы в материке

Рис.94. Селище Михайловское 1. Шурф 1980 г. Вид с юга.
Фото автора, 1980 г.

Рис.95. Круговая керамика селищ близ усадьбы Михайловское. Подъемный материал. Сборы 1980 г.:
1–2 – Михайловское 1; *3–8* – Михайловское 2;
9–14 – Михайловское 3

Рис.96. Селище Михайловское 2. Сечение горизонталей 1 м:
а – границы распространения подъемного материала

Рис.97. Могильник Михайловское 1: *а* – курган; *б* – курган со следами раскопок; *в* – «грот» на месте предполагаемого кургана

Рис.98. Могильник Михайловское 1. Курган № 5. Вид с юга.
Фото автора, 1980 г.

Рис.99. Могильник Михайловское 1. Курган № 9. Вид с юга.
Фото автора, 1980 г.

Рис.100. Могильник Михайловское 1. Курган № 15. Вид с севера.
Фото автора, 1980 г.

Рис.101. Г.А.Пушкин. Фото 1915 г. (по В.М.Русакову)

Рис.102. Крест с Поклонной горки в парке усадьбы
Михайловское

Рис.103. Крест с Поклонной горки усадьбы Михайловское.
Фото автора, 1980 г.

-
- Рис.104. Могильник Михайловское 2. Сечение горизонталей 1 м
- Рис.105. Могильник Михайловское 3. Сечение горизонталей 1 м
- Рис.106. Могильник Михайловское 3. Курган 1.
Вид с северо-востока. Фото автора, 1980 г.
- Рис.107. Могильник Михайловское 4. Сечение горизонталей 1 м
- Рис.108. Могильник Михайловское 4. Жальник № 4.
Вид с юго-запада. Фото автора, 1980 г.
- Рис.109. Могильник Михайловское 4. Жальник № 1 (1 – план;
2 – профиль): а – дерн; б – серый слой; в – темно-серый
с угольками слой; г – материк; д – валун
- Рис.110. Одиночный курган Михайловское:
а – курган; б – постройка хоз. двора Заповедника
- Рис.111. Селища Шаробыки (1–5) и Носово (6–9).
Подъемный материал (по О.Ю.Малиновой)
- Рис.112. Селища Ромашки (1–2), Петровское 2 (3–4) и
Петровское 1 (5–7). Подъемный материал. Сборы 1980 г.
- Рис.113. Городище Савкина Горка. Вид с северо-запада.
Фото автора, 1980 г.
- Рис.114. Городище Савкина Горка. Въезд на площадку.
Вид с юго-запада. Фото автора, 1980 г.
- Рис.115. Площадка городища Савкина Горка. Справа от часовни
под деревьями раскоп. Фото В.Д.Белецкого, 1972 г.
- Рис.116. Городище Савкина Горка. Вид с севера.
Фото автора, 1980 г.
- Рис.117. Городище Савкина Горка. План: а – раскопы, шурфы
(1 – шурф № 1, 1970 г.; 2 – шурф № 3, 1970 г.;
3 – раскоп Б, 1972 г.; 4 – шурф № 2, 1970 г.;
5 – раскоп 1971 г.; 6 – раскоп А, 1972 г.;
7 – раскоп 1973 г.; 8 – шурф № 1, 1973 г.); б – часовня;
в – Савкин камень (по В.Д.Белецкому)

Рис.118. В.Д.Белецкий (в центре) на раскопках городища Савкина Горка. Фото 1970 г.

Рис.119. Городище Савкина Горка. Найдены в шурфе № 1, 1970 г. (по В.Д.Белецкому): 1 – железо; 2 – камень; 3–5 – керамика

Рис.120. Городище Савкина Горка. Стратиграфия раскопа 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому). Условные обозначения см. на рис.12. Местоположение стратиграфических профилей обозначено буквами, соответствующими плану на рисунках 121 и 137

Рис.121. Городище Савкина Горка. План раскопа 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому). Пунктиром обозначена граница полы вала

Рис.122. Городище Савкина Горка. Найдены из нижнего слоя (по В.Д.Белецкому): 1–5 – керамика; 6 – рог

Рис.123. Городище Савкина Горка. Фрагмент раскопа 1970–1972 гг. Нижний горизонт основного слоя: а – обугленное дерево; б – камни; в – песок (по В.Д.Белецкому)

Рис.124. Городище Савкина Горка. Найдены из нижнего горизонта среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому): 1 – железо; 2 – камень; 3–4 – керамика

Рис.125. Городище Савкина Горка. Фрагмент раскопа 1970–1972 гг. Верхний горизонт основного слоя (по В.Д.Белецкому): а – песок; б – камни; в – зола; г – обугленное дерево; д – темно-серая земля с золой; е – слой горения; ж – обожженная глина

Рис.126. Городище Савкина Горка. Найдены из постройки № 1 верхнего горизонта среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому): 1–5 – железо

Рис.127. Городище Савкина Горка. Найдены из постройки № 1 верхнего горизонта среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому): 1–6 – железо; 7 – камень

-
- Рис.128. Городище Савкина Горка. Найдены из верхнего горизонта среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому): 1–7 – железо
- Рис.129. Городище Савкина Горка. Найдены из постройки № 2 верхнего горизонта среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому): 1–2 – цветной металл; 3 – камень
- Рис.130. Городище Савкина Горка. Найдены из постройки № 1 верхнего горизонта среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому): 1, 3–6 – цветной металл, 2, 7–9 – камень
- Рис.131. Городище Савкина Горка. Найдены из верхнего горизонта среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому): 1–4, 6, 7 – цветной металл; 5 – камень
- Рис.132. Городище Савкина Горка. Керамика из верхнего горизонта среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому)
- Рис.133. Городище Савкина Горка. Керамика из среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг.
- Рис.134. Городище Савкина Горка. Керамика из среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг.
- Рис.135. Городище Савкина Горка. Керамика из среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг.
- Рис.136. Городище Савкина Горка. Гончарные клейма из среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг.
- Рис.137. Городище Савкина Горка. План раскопа 1970–1972 гг. с обозначением местоположения погреба (по В.Д.Белецкому)
- Рис.138. Городище Савкина Горка. Керамика из верхнего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому)
- Рис.139. Городище Савкина Горка. Керамика из верхнего слоя в раскопе 1970–1972 гг.

Рис.140. Городище Савкина Горка. Керамика из верхнего слоя в раскопе 1970–1972 гг.

Рис.141. Городище Савкина Горка. Найдены из верхнего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому):
1–5 – керамика

Рис.142. Городище Савкина Горка. Найдены из верхнего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому):
1, 10 – керамика; 2–8 – железо; 9, 11 – цветной металл

Рис.143. Городище Савкина Горка. Хронология верхнего горизонта среднего слоя (по Ю.М.Лесману): 1 – нож (рис.127, 3); 2 – кресало (рис.126, 3); 3 – замок (рис.126, 4); 4 – наконечник стрелы (рис.126, 5); 5 – браслет (рис.130, 6); 6 – перстень (рис.130, 4); 7 – перстень (рис.131, 2); 8 – перстень (рис.130, 5); 9 – лупница (рис.130, 1); 10 – литейная форма (рис.130, 9); 11 – лунница (рис.129, 2); 12 – браслет (рис.129, 1); 13 – ключ (рис.128, 3); 14 – ключ (рис.128, 2); 15 – браслет (рис.131, 6); 16 – браслет (рис.131, 7); 17 – привеска (рис.131, 4); 18 – энколпион (рис.131, 1); 19 – фибула (рис.131, 3); 20 – литейная форма (рис.131, 5)

Рис.144. Городище Савкина Горка. Шурф № 1, 1973 г., под северным (мысовым) склоном: 1 – план; 2 – стратиграфия западной стенки; 3–5 – фрагменты керамики; а – дерн; б – серый слой; в – темно-серый с угольками слой; г – материк; д – камни

Рис.145. Городище Савкина Горка. Савкин камень с восстановленным на нем крестом. Фото автора, 1980 г.

Рис.146. Городище Савкина Горка. Савкин камень с восстановленным на нем крестом

Рис.147. Городище Савкина Горка. Каменный крест. Фото автора, 1980 г.

Рис.148. Городище Савкина Горка. Каменный идол (?). Фото автора, 1980 г.

Рис.149. Селище Савкино 1. План. Сечение горизонталей 1 м:
а – границы распространения слоя; б – шурфы 1973 г.
(1 – шурф № 7; 2 – шурф № 12)

Рис.150. Селище Савкино 1. Вид с запада. Фото автора, 1980 г.

Рис.151. Селище Савкино 1. Шурф № 12, 1973 г.: 1 – план по материку; 2 – стратиграфия; 3–8 – фрагменты керамики;
а – дерн; б – черный слой; в – серый с угольками предматериковый слой; г – материк, д – камни;
е – ямы в материке

Рис.152. Селище Савкино 1. Шурф № 7, 1973 г.:
1 – план по материку; 2 – стратиграфия западной стенки, совмещенная с профилями материковых ям (сечение ям обозначено на плане шурфа буквами «А–Б–В»); 3–6, 8 – круговая керамика, 7 – лепная керамика; а – дерн; б – черный слой; в – серый с угольками предматериковый слой; г – материк; д – камни; е – ямы в материке

Рис.153. Селище Савкино 1. Начало работ на шурфе № 7, 1973 г.
Вид с юго-запада. Фото В.Д.Белецкого, 1973 г.

Рис.154. Селище Савкино 2. План. Сечение горизонталей 1 м:
а – границы распространения слоя

Рис.155. Селище Савкино 2. Наконечник дротика. Кремень.
Подъемный материал. Сборы 1980 г.

Рис.156. Селище Савкино 3. Вид с юга. Фото автора, 1980 г.

Рис.157. Селище Савкино 3. Стратиграфия слоя в шурфах 1973 г.:
1 – шурф № 11, западная стенка; 2 – шурф № 10, западная стенка; 3 – шурф № 14, северная и восточная стенки; 4 – шурф № 13, западная стенка; 5 – шурф № 4, северная и восточная стенки; а – дерн; б – черный слой; в – серый слой; г – прослойка красной глины; д – материк

Рис.158. Селище Савкино 3. Найдены в шурфах 1973 г.:
1–2 – шурф № 4; 3–4 – шурф № 10; 5, 6, 9 – шурф № 11;
7–8 – шурф № 13; 10–12 – шурф № 14;
1–11 – круговая керамика; 12 – лепная керамика

Рис.159. Селище Шаробыки. Вид с северо-запада.
Фото автора, 1998 г.

Рис.160. Заселение Нижнего Посоротья: 1 – местонахождения (а) эпохи неолита и раннего железного века; 2 – памятники середины – второй половины I тысячелетия по Р.Х. (а – селище; б – курганный могильник); 3 – памятники XI–XIII вв. (а – городище; б – селище; в – курганно-жальничный могильник; г – курганный могильник; сплошной заливкой обозначены памятники, уверенно отнесенные к XI – началу XIII в.); 4 – памятники XIII–XIV вв. (а – городище; б – селище; в – жальничный могильник); 5 – памятники XV–XVII вв. (а – город; б – сельское поселение, размер знака обозначает площадь распространения подъемного материала; в – монастырь); 6 – график распределения селищ XV–XVII вв. по площади распространения подъемного материала

Рис.161. Городище Воронич. Экспозиция каменных крестов.
Фото автора, 1980 г.

Рис.162. Городище Воронич. Каменные кресты

Рис.163. Городище Воронич. Разбитый на две части каменный крест, основание которого в 1980 г. находилось с внешней стороны ограды экспозиции, а верхняя часть стояла в пространстве экспозиции (в настоящее время основание креста уграчено)

Рис.164. Городище Воронич. Первоначальный вид разбитого каменного креста. Фото автора, 1980 г.

Рис.165. Архитектор-реставратор М.И.Семенов

Рис.166. С.С.Гейченко и В.Д.Белецкий на городище Воронич.
Фото М.И.Семенова, начало 1980-х годов

Рис.167. В.Д.Белецкий и С.С.Гейченко на городище Воронич.
Обсуждение проекта музеификации фундаментов
Георгиевской церкви.
Фото М.И.Семенова, начало 1980-х годов

Рис.168. В.Д.Белецкий и С.С.Гейченко на городище Воронич.
Обсуждение проекта музеификации фундаментов
Георгиевской церкви.
Фото М.И.Семенова, начало 1980-х годов

Рис.169. Городище Воронич. Общий вид валунной кладки
на месте Георгиевской церкви.
Фото автора, 2002 г.

Рис.170. Георгиевская церковь на Ворониче.
Вид с северо-востока. Фото начала ХХ в.
(по Л.Софийскому)

Рис.171. Георгиевская церковь на Ворониче. Вид с юго-востока.
Фото начала ХХ в. (по Л.Софийскому)

Рис.172. Георгиевская церковь на Ворониче. Вид с востока.
Фото начала ХХ в. (фонды ГПЗ, инв. № ПЗ-нег-4094)

Рис.173. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г. Валунная кладка
фундамента южной стены притвора Георгиевской церкви.
Вид с юго-запада. Фото автора, 2002 г.

Рис.174. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г. Валунная кладка
фундамента юго-западного угла притвора Георгиевской
церкви. Вид с севера. Фото автора, 2002 г.

Рис.175. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г. Валунная кладка
фундамента восточной стены притвора Георгиевской
церкви. Вид с юго-запада. Фото автора, 2002 г.

Рис.176. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г. Валунная кладка
фундамента колокольни и западного крыльца
Георгиевской церкви. Вид с юго-запада.
Фото автора, 2002 г.

Рис.177. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г. Расчистка валунной кладки фундамента колокольни Георгиевской церкви. Вид с севера. Фото автора, 2002 г.

Рис.178. Городище Воронич. План раскопа I, 2002 г.: а – валунная кладка 1980-х годов; б – валунная кладка фундамента Георгиевской церкви; в – деревянный столб; г – монеты (номера соответствуют номерам в табл.1); д – погребения; е – перекоп, заполненный строительным мусором

Рис.179. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г. Стратиграфия северной стенки: а – дерн; б – песок; в – пемент; г – темно-серый слой с обильной примесью угля и битого кирпича; д – серо-коричневый мешаный слой с примесью песка и угольков; е – глина; ж – материк

Рис.180. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г. Фрагменты керамики из дернового и поддернового слоя (1–15) и слоя пожара (16–17)

Рис.181. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г.
Фрагменты керамики из кладбищенского слоя

Рис.182. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г.
Фрагменты керамики из кладбищенского слоя

Рис.183. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г.
Фрагменты керамики (1–6, 8–17) и стеклянной бутылки (7) из кладбищенского слоя

Рис.184. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г. Фрагменты керамики из кладбищенского слоя

Рис.185. Городище Воронич. Раскоп I. Фрагменты керамики из предматерикового слоя (1–2) и материковых ям (3–10)

Рис.186. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г. Погребение № 10.
Фото автора, 2002 г.

Рис.187. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г.
Погребения № 12–13. Фото автора, 2002 г.

Рис.188. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г. Расчистка погребений № 12–13. Фото автора, 2002 г.

Рис.189. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г.
Погребение № 15. Фото автора, 2002 г.

Рис.190. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г. Погребения № 19, 19а, 20, 23. Фото автора, 2002 г.

Рис.191. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г. Погребения № 27 и № 28. Фото автора, 2002 г.

Рис.192. Городище Воронич. Раскоп I. Найдены из погребений, открытых под притвором (1–2 – погр. № 18; 3–4 – погр. № 19; 5 – погр. № 13; 7 – погр. № 19а; 8 – погр. № 22) и у стен (6 – погр. № 17а; 9 – погр. № 3; 10 – погр. № 15; 11 – погр. № 17) Георгиевской церкви: 1–3, 5–11 – медь, 4 – медь, стекло

Рис.193. Городище Воронич. Раскоп I. Найдены из кладбищенского слоя: 1 – серебро, стекло, 2–7 – медь

Рис.194. Тригорское (?). Рисунок А.С.Пушкина
(по Э.Ф.Карловой)

Рис.195. Тригорское (?). Рисунок А.С.Пушкина
(по Э.Ф.Карловой)

Рис.196. Георгиевская церковь на городище Воронич. Вид с северо-запада. Фото начала XX в. (по Л.Софийскому)

Рис.197. Господский дом усадьбы Тригорское. На заднем плане – Георгиевская церковь на городище Воронич. Вид с запада. Фото начала XX в. (фонды ГПЗ, инв. № ПЗ-нег.-4096)

Рис.198. Братья Крестины среди гостей и родных последнего владельца усадьбы Тригорское М.И.Пальмова на крыльце «домика няни» в Михайловском. Слева направо: Яков Иванович Крестин, Иван Михайлович Пальмов, Елизавета Михайловна Пальмова (сидит), Алексей Иванович Крестин, неизв., неизв., Анна Пальмова (жена М.И.Пальмова), Михаил Иванович Пальмов, неизв., неизв. Фото 1916 г. (по В.Г.Никифорову)

Рис.199. План сельца Воскресенское 1786 г.
(по В.Г.Никифорову)

Рис.200. План-схема усадьбы Воскресенское
(по топосъемке 1998 г.)

Рис.201. Усадьба Воскресенское. Планы руинированных построек
и фундаментов построек

Рис.202. Усадьба Воскресенское. Постройка № 5.
Фото Л.Чехович, 2000 г.

Рис.203. Усадьба Воскресенское. Постройка № 9.
Фото Л.Чехович, 2000 г.

Рис.204. Усадьба Воскресенское. Постройка № 1.
Фото Л.Чехович, 2000 г.

Рис.205. Усадьба Воскресенское. Постройка № 1.
Схема размещения шурfov 1999 г.

Рис.206. Усадьба Воскресенское. Стратиграфия:
1 – шурф № 4, северная стенка; 2 – шурф № 3,
южная стенка; а – дерн; б – слой битого кирпича
и известкового раствора; в – слой пожара; г – материк

Рис.207. Усадьба Воскресенское. Фасады стен в постройке № 1:
1 – шурф № 1, северная стена подвала; 2 – шурф № 4,
южная стена подвала (фрагмент); 3 – шурф № 4,
кирличная стена, разделявшая помещения подвала
(справа) и валунное основание печи; а – дерн;
б – известковый раствор; в – материк; г – кирпичи;
д – валуны

Рис.208. Усадьба Воскресенское. Постройка № 1.
Находки: 1–5 – стекло; 6–14, 16 – керамика
(6, 7, 10, 11, 12 – сосуды, покрытые глазурью;
7, 12 – фрагменты ошлакованных сосудов),
15 – фаянс

Рис.209. Усадьба Воскресенское. Стратиграфия: 1 – шурфы № 1а

(а-б) и № 1д (б-в), западная стенка; 2 – шурф № 1в, восточная стенка; а – дерн; б – коричневый слой; в – угольная прослойка; г – светло-серый слой погребенной почвы; д – прослойка известкового раствора и кирпичного щебня; е – материк

Рис.210. Усадьба Воскресенское. Шурф № 1, 1999 г. Схема стратиграфии кладок в шурфе № 1: а – кирпичная кладка на известковом растворе; б – кладка из валунов и кирпичей на известковом растворе; в – валунная кладка на цементном растворе

Рис.211. Усадьба Воскресенское. Параметры кирпичей из раскопок 1999 г.: А – соотношение длины и ширины; Б – соотношение длины и толщины

Рис.212. Усадьба Воскресенское. Параметры кирпичей из раскопок 1999 г.: А – соотношение ширины и толщины (по всем обмеренным кирпичам); Б – соотношение ширины и толщины кирпичей из кладки конца XVIII в. и с клеймом «И.Т.К.»

Рис.213. Усадьба Воскресенское. Полигон распределения кирпичей из раскопок 1999 г. по ширине

Рис.214. Усадьба Воскресенское. Полигон распределения кирпичей из кладок, исследованных раскопками 1999 г.: а – кладки постройки XIX в.; б – кладки постройки XVIII в.; в – кирпичи с клеймом «И.Т.К.»

Рис.215. Строительная история постройки № 1:
1 – стратиграфия кладок; 2 – первый строительный период; 3 – второй строительный период; 4 – третий строительный период

Рис.216. Обмерный чертеж «Дома Ганнибала в Воскресенском» 1951 г. с пометами С.С.Гейченко

Рис.217. Профессор архитектуры И.А.Бартенев (в центре) с группой преподавателей и выпускников Академии художеств. Фото 1951 г. (фрагмент)

Рис.218. Усадьба Воскресенское. Схема размещения раскопов (а) 1999–2001 гг.

Рис.219. Усадьба Воскресенское. Стратиграфия: 1–2 – кв.И₁₋₂₋₃₋₄, западная стенка; 3 – кв.МН_{III}, южная стенка. Обозначения «а – б – в» и «г – д» на стратиграфических разрезах указывают их местоположение на схеме раскопов (рис.210); а – дерн; б – серый слой; в – коричневый слой; г – слой битого кирпича и известкового раствора; д – серый слой со щебнем и известковым раствором; е – серо-коричневый слой с включениями кирпичного щебня и угольков; ж – серо-коричневый слой с включениями кирпичного щебня и известкового раствора; з – известковый раствор; и – материк; к – валуны

Рис.220. Усадьба Воскресенское.
Бронзовая бляшка из предматерикового слоя

Рис.221. Усадьба Воскресенское. Расчистка фундаментов западного крыла «господского дома»

Рис.222. Усадьба Воскресенское. Южная стена «господского дома», разрушенная дорогой второй половины XIX – начала XX в.

Рис.223. Усадьба Воскресенское. «Господский дом» (реконструкция плана постройки по результатам раскопок 2000–2001 гг.)

Рис.224. Усадьба Воскресенское. «Господский дом». Кирпичная стена, разделяющая помещения № 6 и № 7

Рис.225. Усадьба Воскресенское. «Господский дом». Основание печи в помещении № 4

Рис.226. Усадьба Воскресенское. «Господский дом». Основание камина в помещении № 5

Рис.227. Усадьба Воскресенское. «Господский дом». Северо-восточный угол подвала

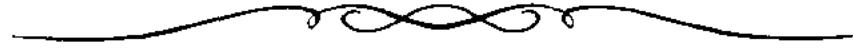
-
- Рис.228. Усадьба Воскресенское. Фрагмент печного кафеля из слоя разрушения построек
- Рис.229. Усадьба Воскресенское. «Господский дом». Бутылки из заполнения подвала
- Рис.230. Усадьба Воскресенское. «Господский дом». Бутылки из заполнения подвала
- Рис.231. Усадьба Воскресенское. Валунный фундамент флигеля
- Рис.232. Усадьба Воскресенское. Кирпичная кладка флигеля
- Рис.233. Усадьба Воскресенское. Схема застройки центрального двора (по результатам раскопок 1999–2001 гг.). *На врезке:* фрагмент плана 1786 г.
- Рис.234. План-схема усадьбы Воскресенское: *а* – места расположения старых деревьев; *б* – следы старой обсадки парка; *в* – пруды; *г* – лес; *д* – дороги; *е* – местоположение построек XVIII в., обследованных раскопками; *ж* – местоположение построек XVIII в., зафиксированных на плане 1786 г. *На врезке:* альтернативная реконструкция топографии построек XVIII в., размещавшихся вдоль подъездной аллеи
- Рис.235. Профессор архитектуры К.К.Романов. Фото 1926 г. (по Г.В.Длужневской)
- Рис.236. Усадьба Михайловское. Раскопки господского дома. Фото 1934–1935 гг. (по Г.В.Длужневской)
- Рис.237. Выставка «Усадьба Воскресенское. Археологические исследования 1999–2001 гг.» в Государственном музее-заповеднике А.С.Пушкина «Михайловское»
-

Рис.1. С.С.Гейченко и В.Д.Белецкий на Саекиной Горке.
Фото 1972 г. (по Т.В.Степановой)

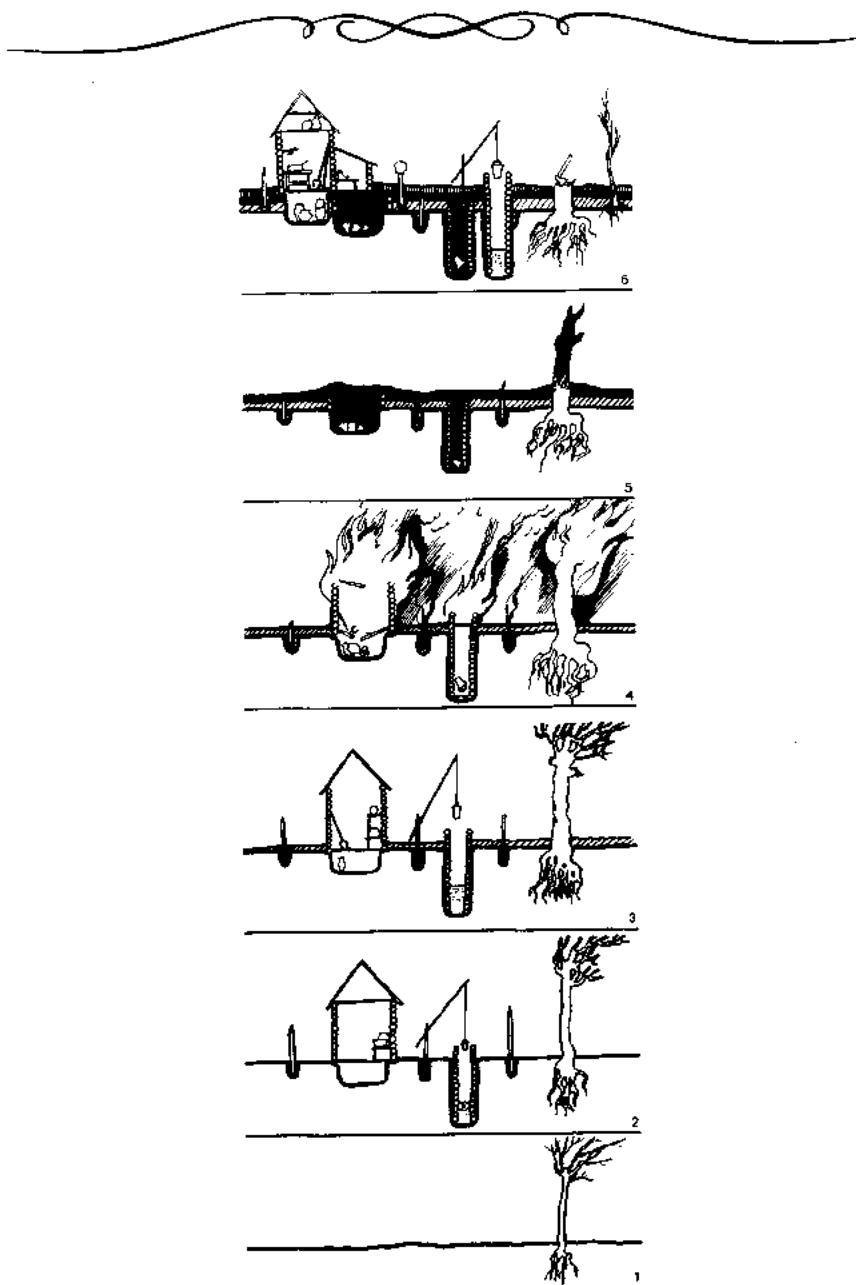

Рис.2. Схема процесса формирования культурного слоя

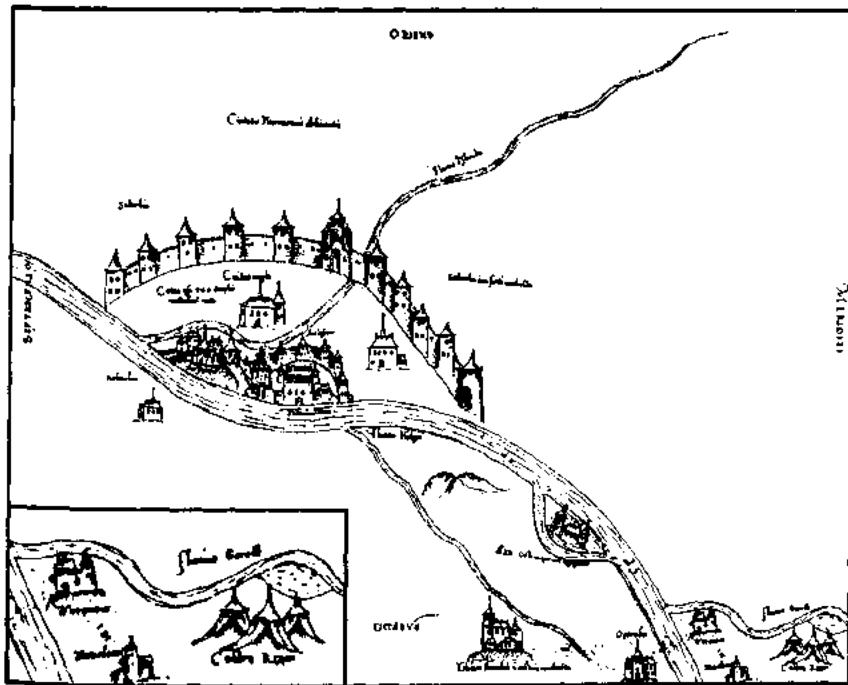

Рис.3. Карта 1581 г. из Ватиканского архива (по А.Н.Кирпичникову).
На врезке: окрестности Воронича и лагерь Стефана Батория (увеличенено)

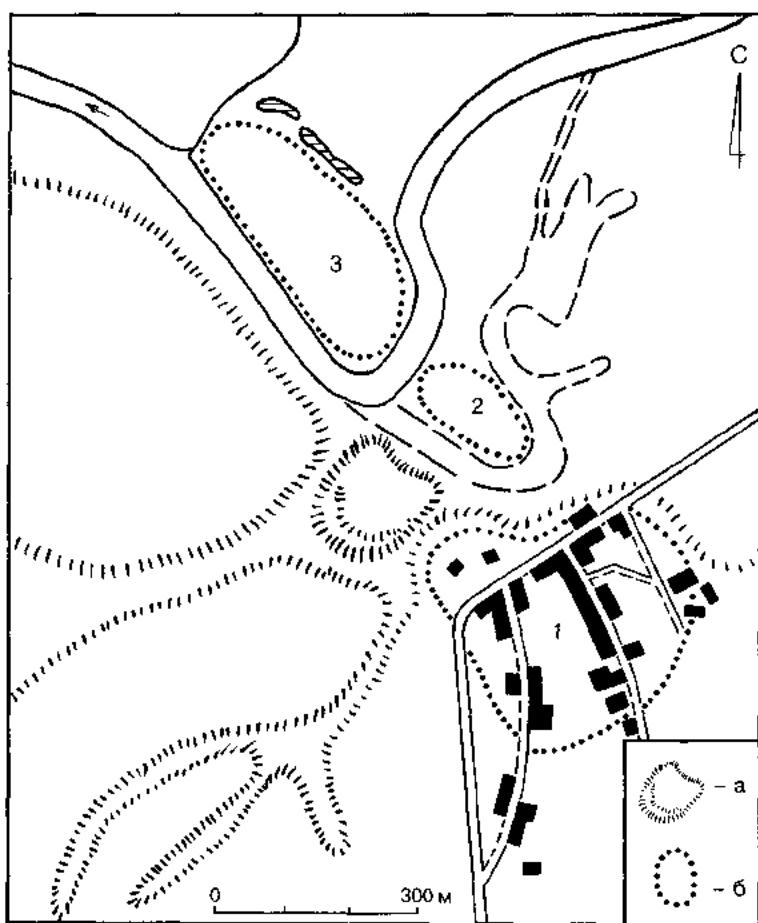

Рис.4. Археологические памятники у д.Воронич:
а – городище; б – селище

Рис.5. Городище Воронич. Вид с северо-востока.
Фото автора, 1980 г.

Рис.6. Вал и въезд городища Воронич. Фото Ю.Шокальского, нач. XX в.
(фонды ГПЗ, инв. № ПЗ-КП-5427)

Рис.7. Селище Воронин 1. Вид с северо-запада.
Фото автора, 1980 г.

Рис.8. Селище Воронин 2. Вид с юга.
Фото автора, 1980 г.

Рис.9. Селище Воронич 3. Вид с юго-востока. Фото автора, 1980 г.

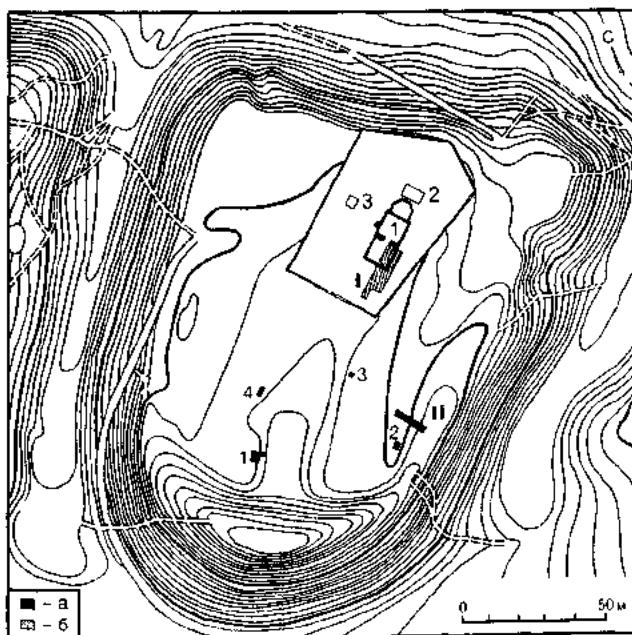

Рис.10. Городище Воронич:
1 – фундамент Георгиевской церкви, музеефицированный в 1980-е годы;
2 – могилы А.М. Вицдомского, А.Н. Вульфа, И.А. и И.С. Осиповых; 3 – могилы
С.С. и Л.Д. Гейченко; α – шурфы и зачистки 1969 г.; б – раскопы 2002 г.

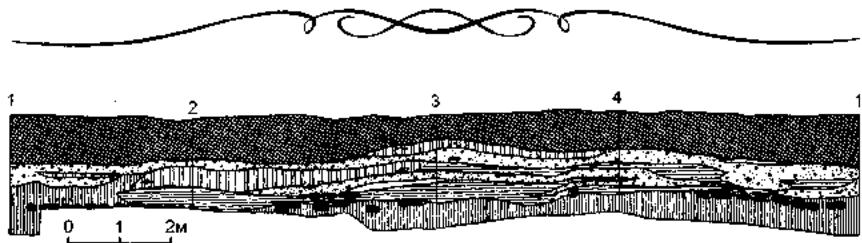
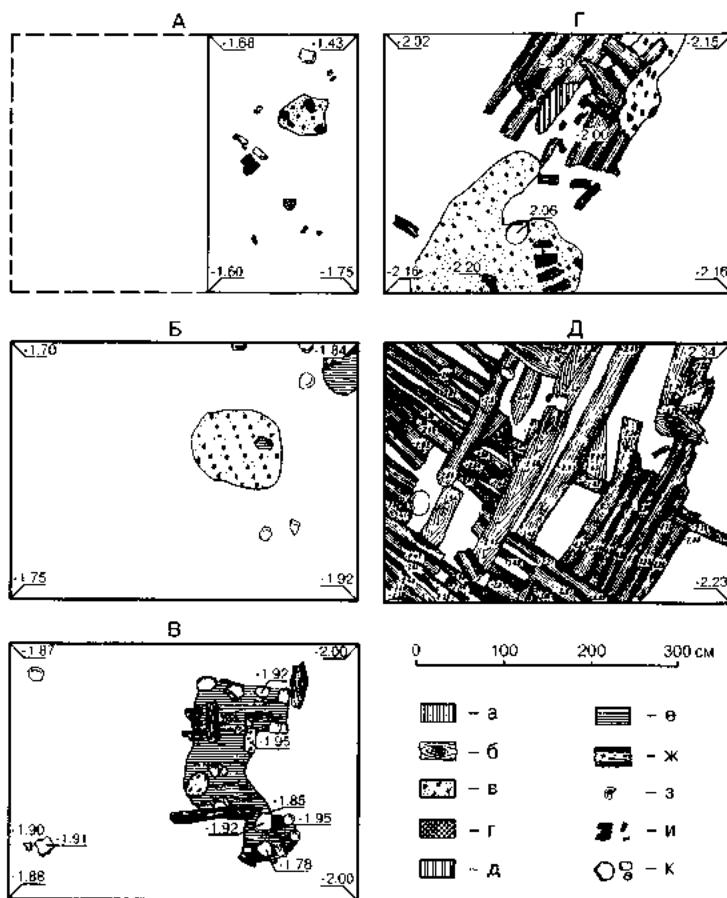

Рис.11. Городище Воронич. Стратиграфия культурного слоя в шурфе № 2 1969 г.:
1–2 – восточная стенка; 2–3 – южная стенка; 3–4 – западная стенка;
4–1 – северная стенка (по В.Д. Белецкому). Условные обозначения см. на рис.12

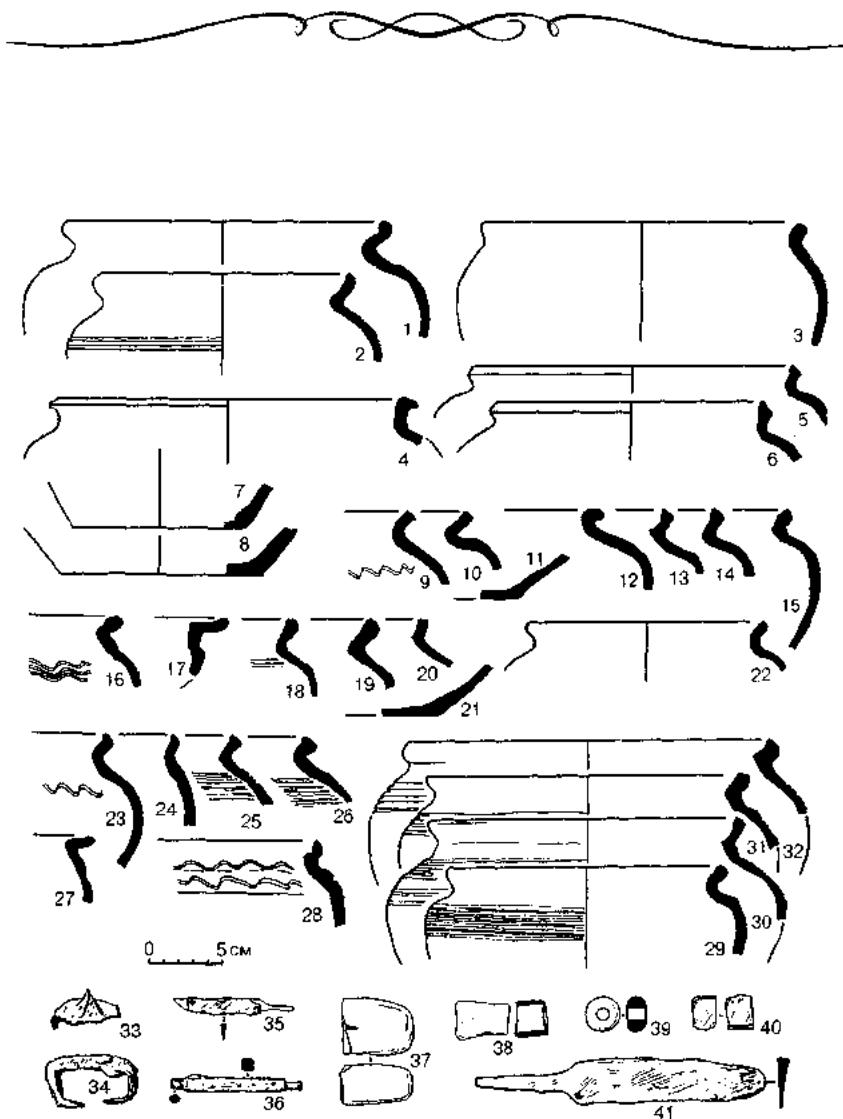

Рис. 13. Городище Воронич.
Керамика и индивидуальные находки из раскопок 1969 г. (по В.Д. Белецкому)

Рис.14. Городище Воронин. Раскоп II. 2002 г.
Вид с юго-запада. Фото автора, 2002 г.

Рис.15. Городище Воронин. Раскоп II. 2002 г.
Разборка нахочного слоя. Вид с юга. Фото автора, 2002 г.

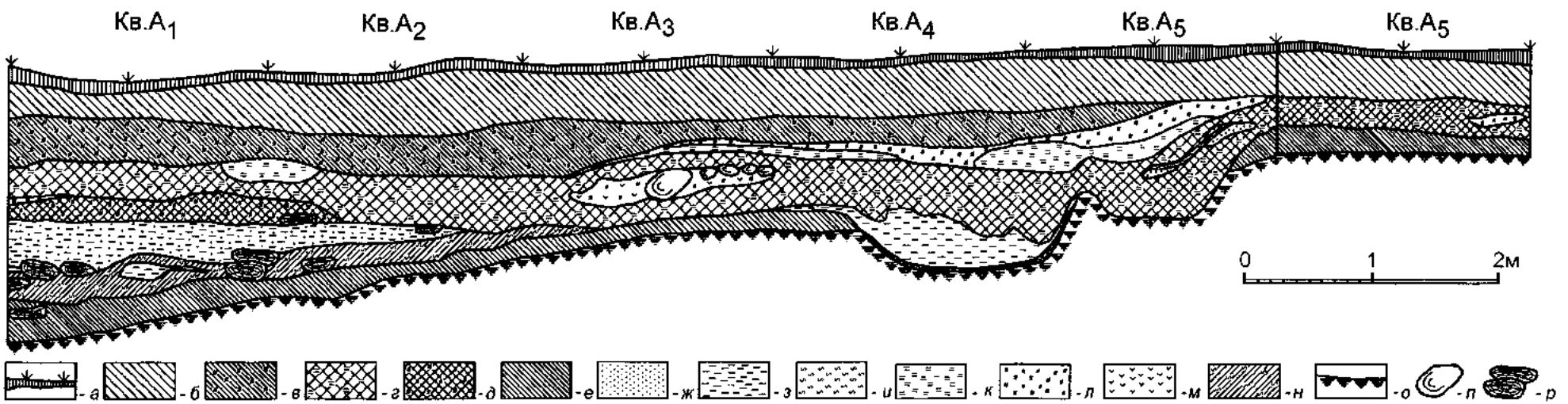

Рис.16. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Стратиграфия северной и западной стенок раскопа:
 а — дерн; б — серый пахотный слой; в — темно-серый слой с примесью угольков; г — черный слой с примесью пережженных камней и частиц обожжённой глины;
 д — черный слой с примесью угля; е — темно-серый слой; ж — песок; з — глина; и — древесный тлен; к — обожжённая глина (прокаленная почва);
 л — утоль; м — зола; н — темно-коричневый слой с примесью древесного тлена; о — материк; п — валуны; р — дерево

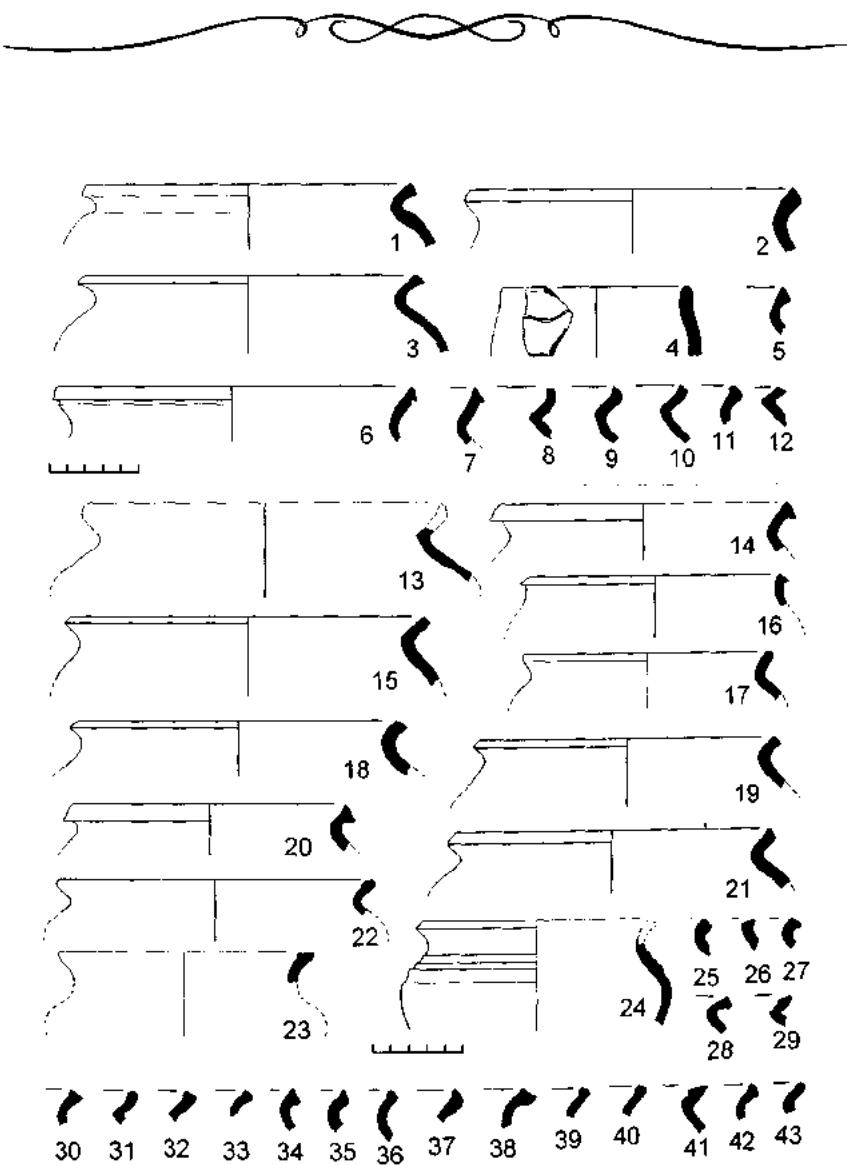

Рис.17. Городище Воронич.
Керамика из подъемного материала (1–12)
и из пахотного слоя (13–43) в раскопе II. 2002 г.

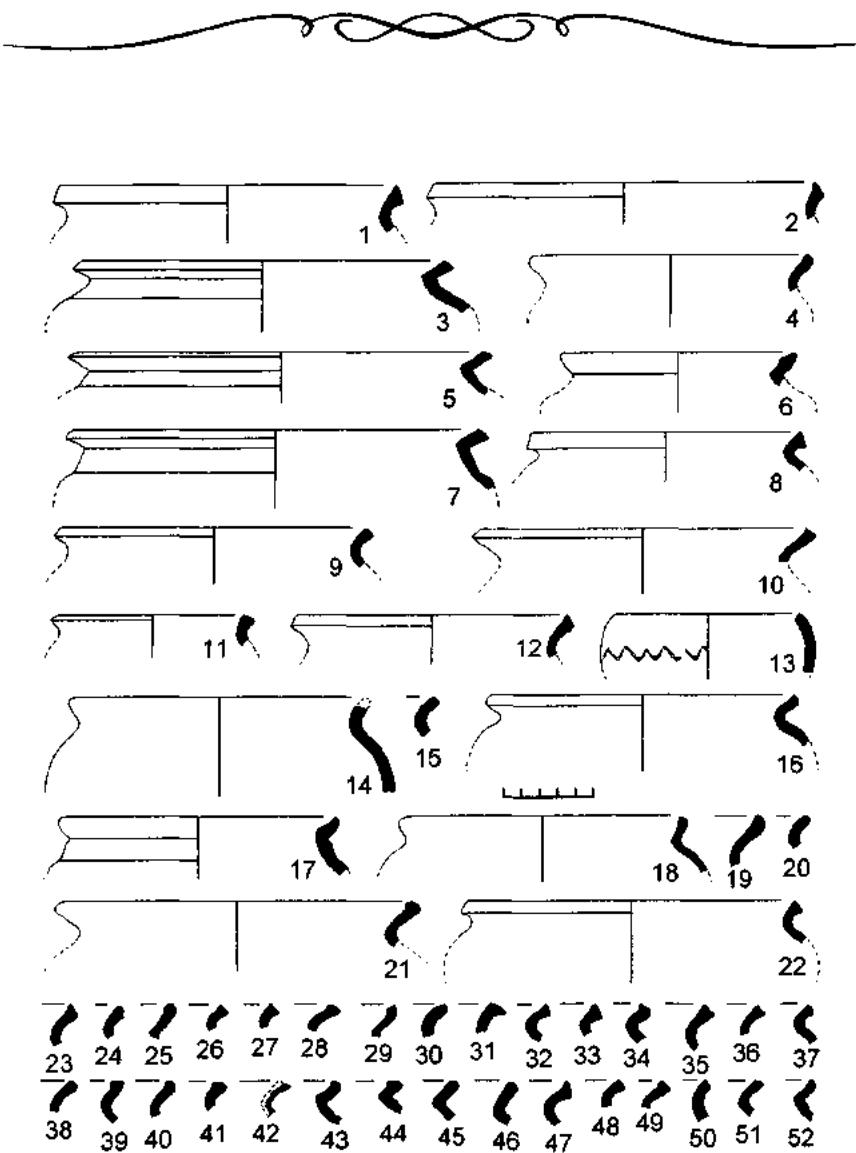

Рис.18. Городище Воронич.
Раскоп II, 2002 г. Керамика из пахотного слоя

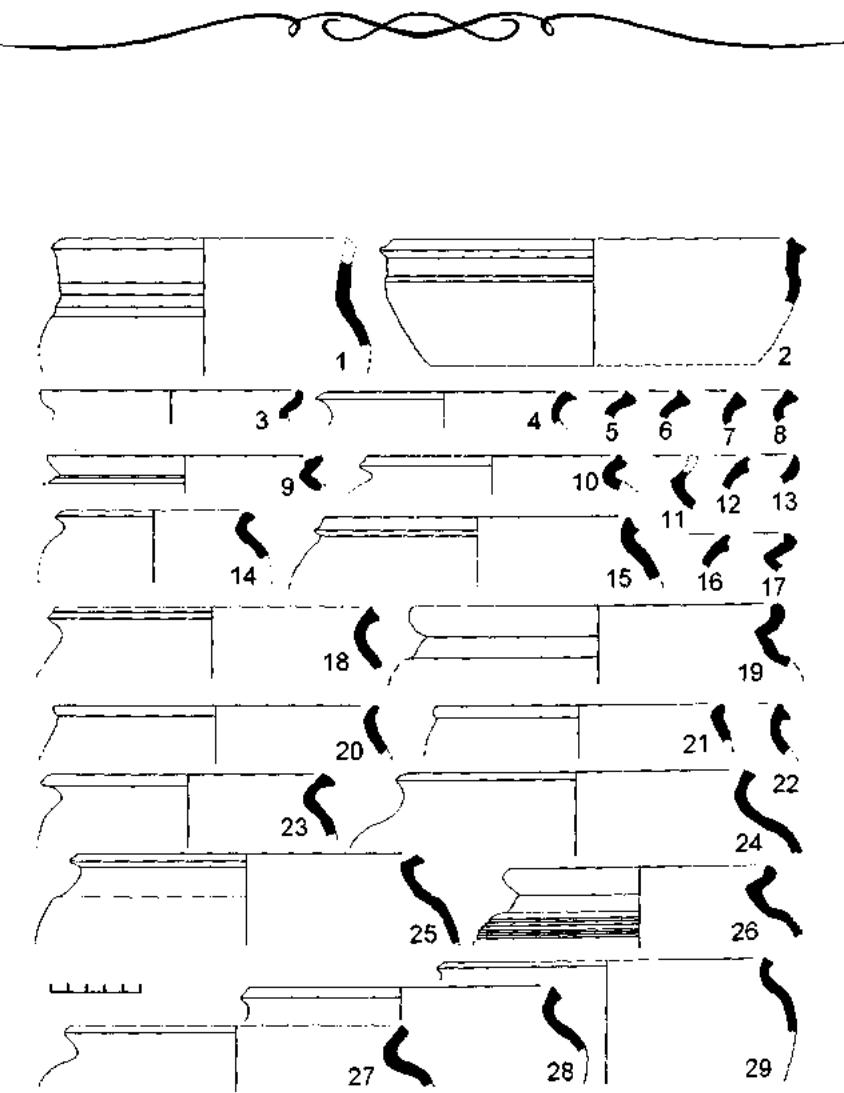

Рис.19. Городище Воронич.
Раскоп II, 2002 г. Керамика из пахотного слоя

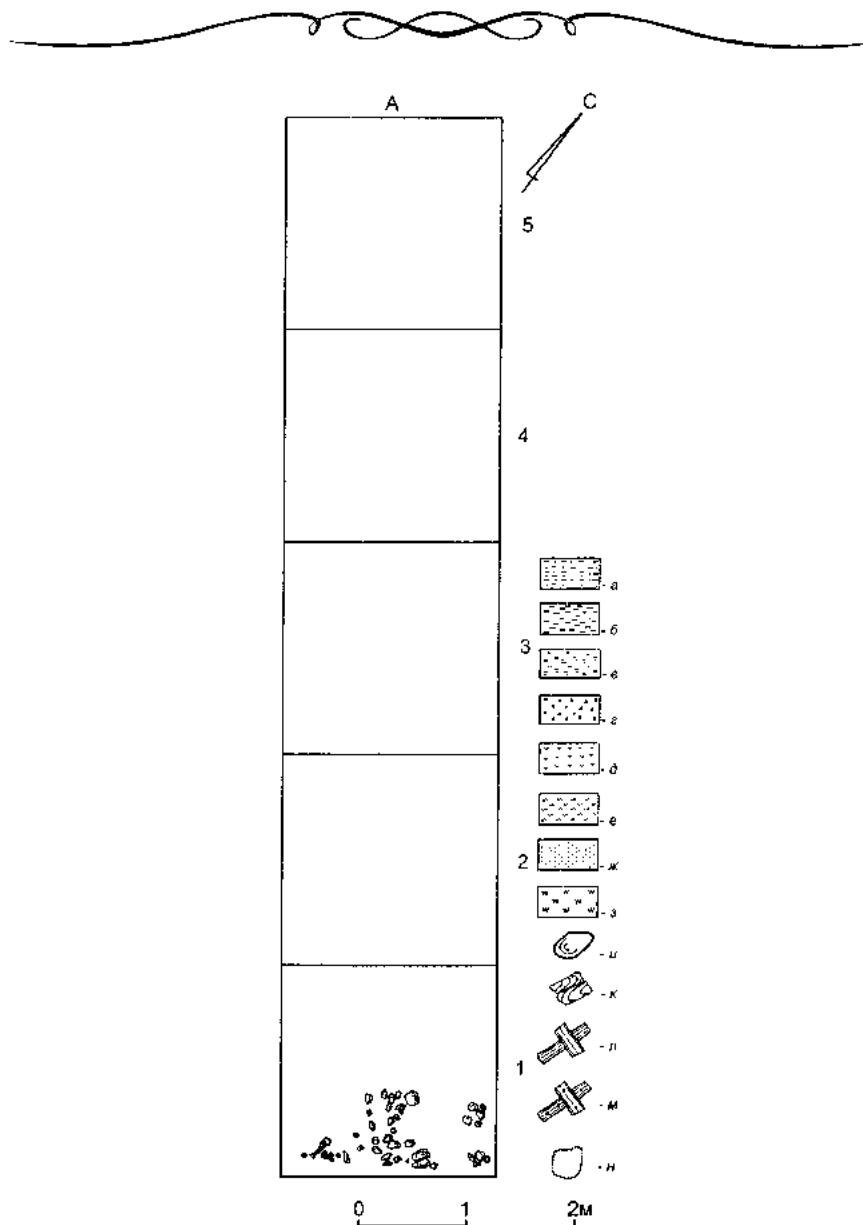

Рис.20. Городище Воронич. Раскоп II. Горизонт I:
 а — суглинок; б — глина; в — обожженная глина (прокаленная почва);
 г — уголь; д — зола; е — древесный тлен; ж — песок; з — илена;
 и — валуны; к — доски; л — брекна; м — обожженное дерево; н — яма

Рис.21. Городище Воротино.
Район И., 2002 г., после строительства
(на заднем плане)
и зачистки слоя. Вид с северо-запада.
Фото автора, 2002 г.

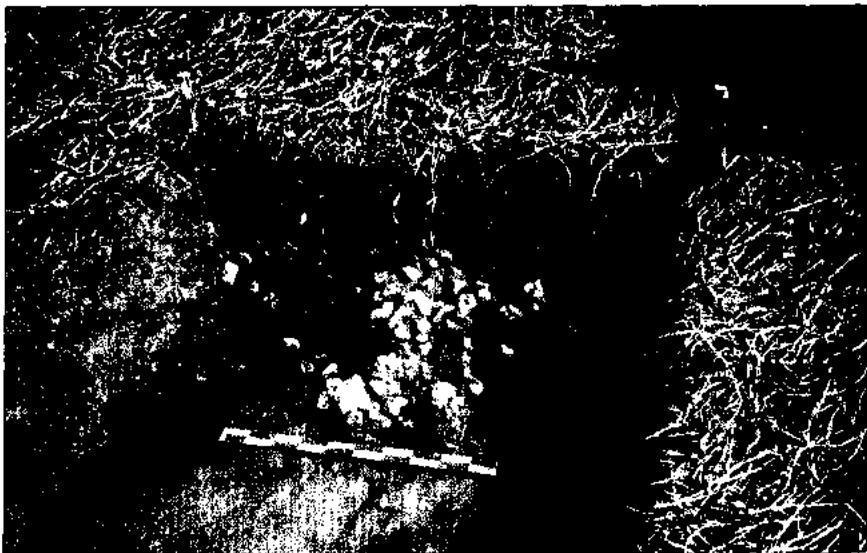

Рис.22. Городище Воронич.
Раскоп II, 2002 г. Горизонт 1.
Скопление обожженных камней в кв. А₁.
Вид с северо-запада. Фото автора, 2002 г.

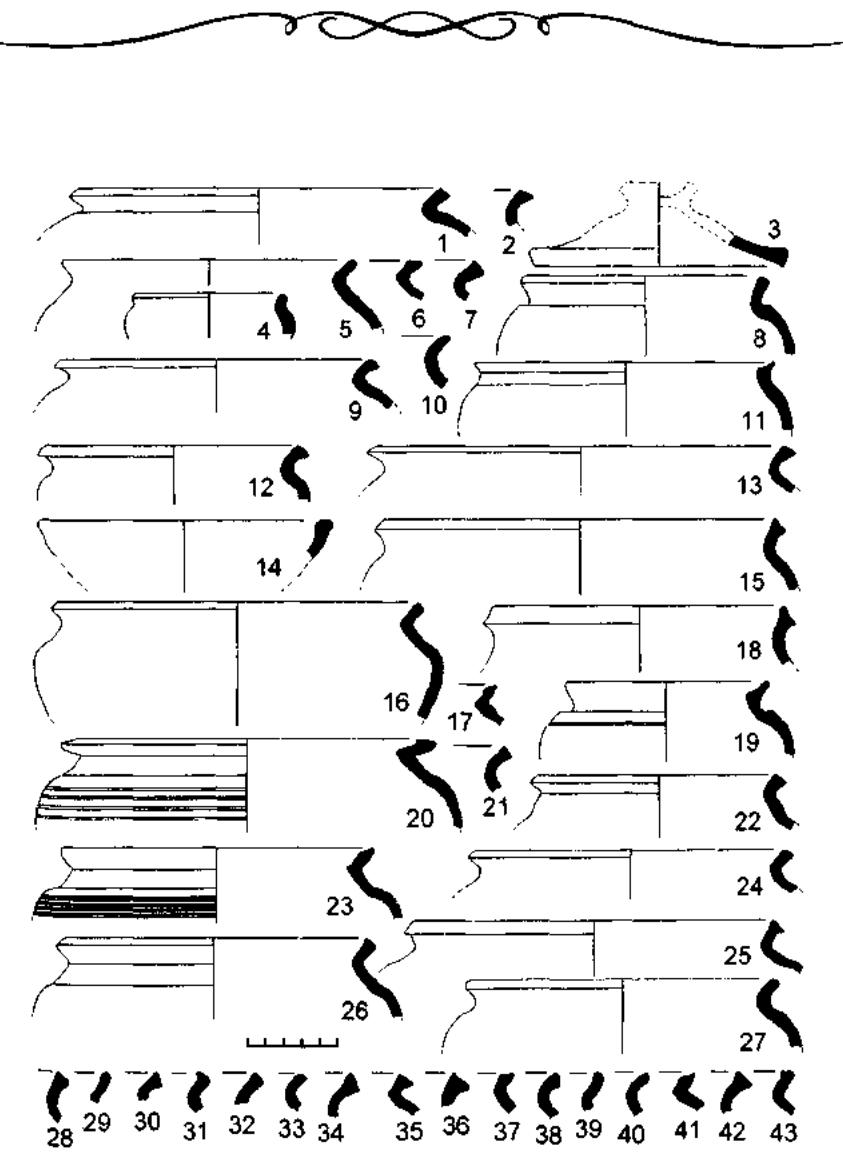

Рис.23. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из темно-серого с угольками слоя

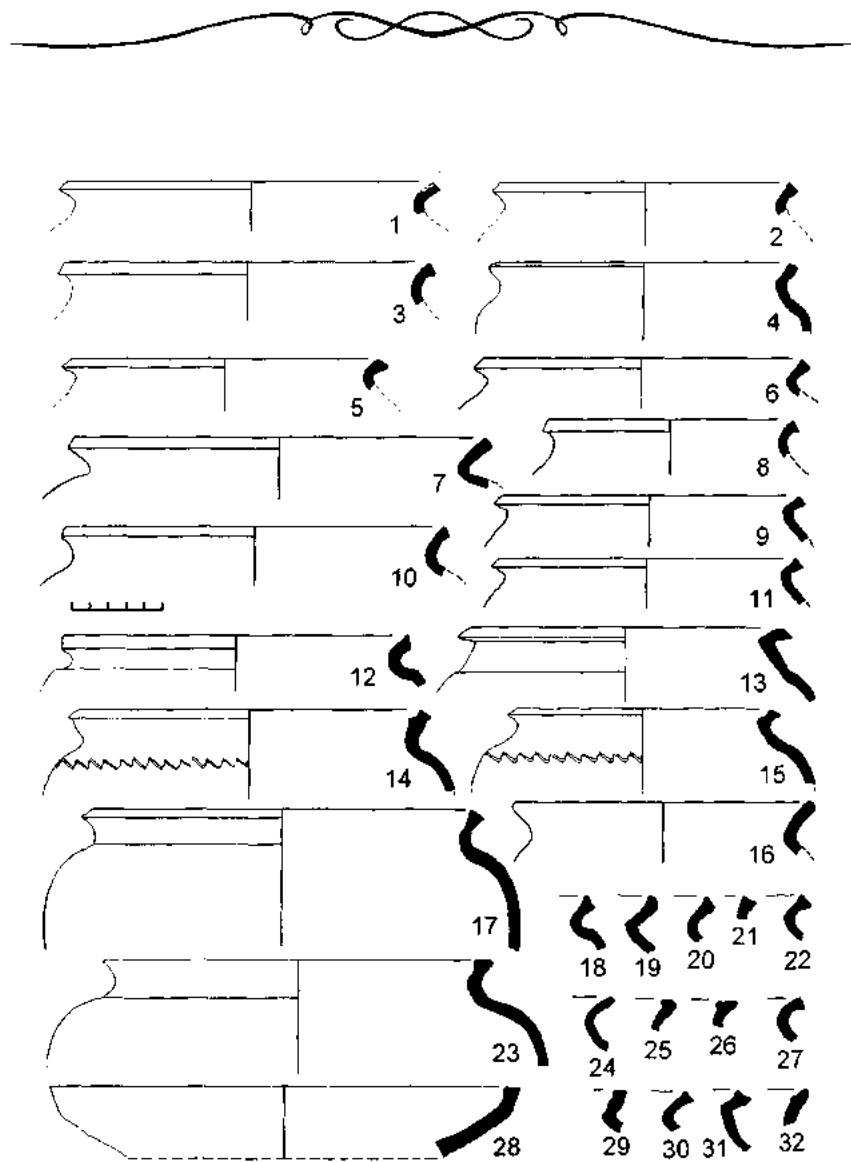

Рис.24. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из темно-серого с угольками слоя

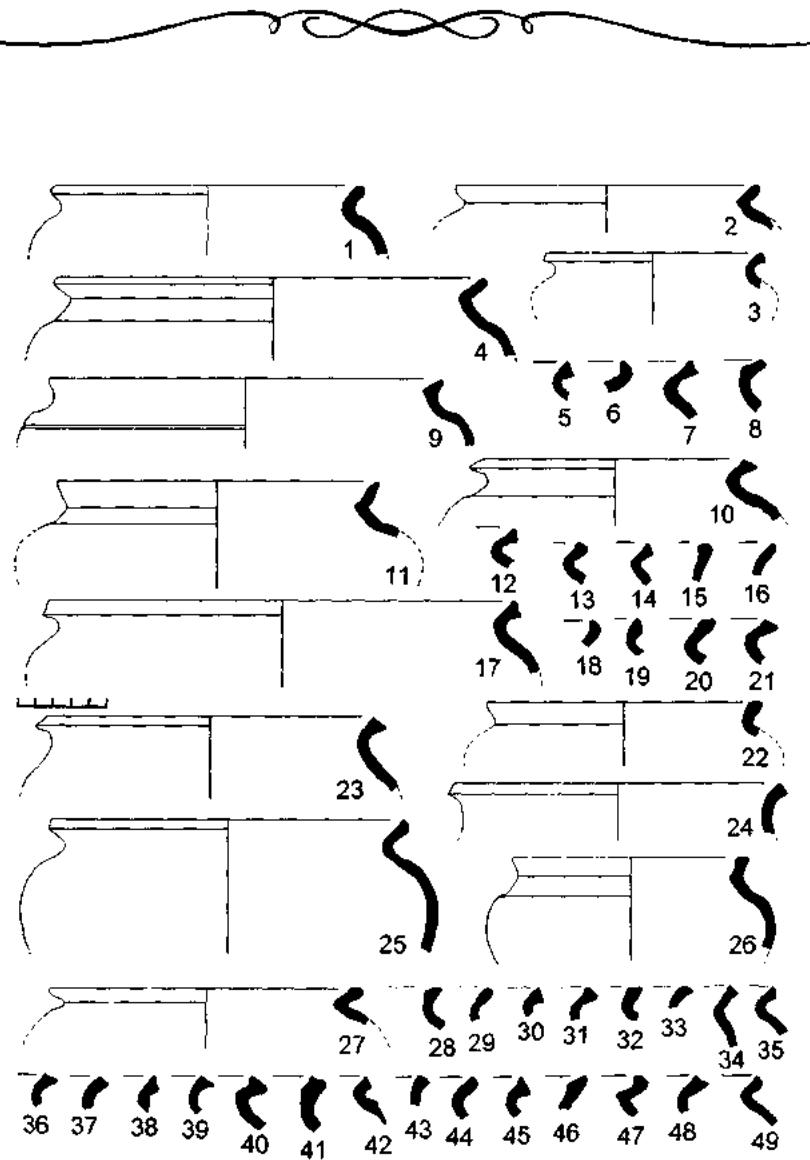

Рис.25. Городище Воронич. Раскоп II. 2002 г.
Керамика из темно-серого с угольками слоя

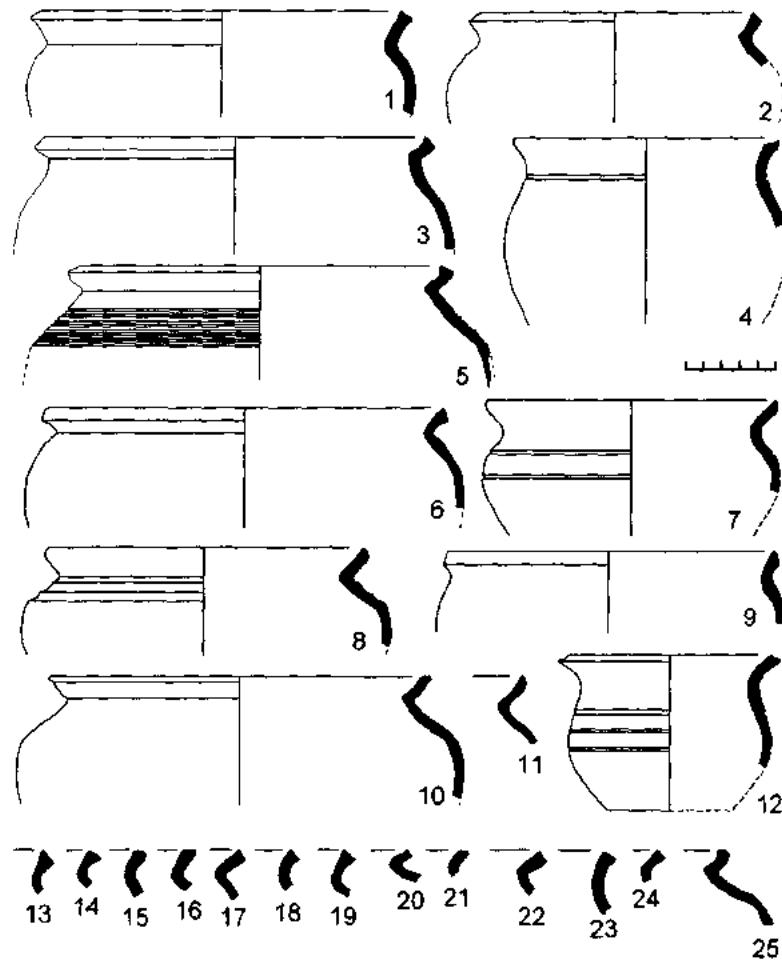

Рис.26. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из темно-серого с угольками слоя

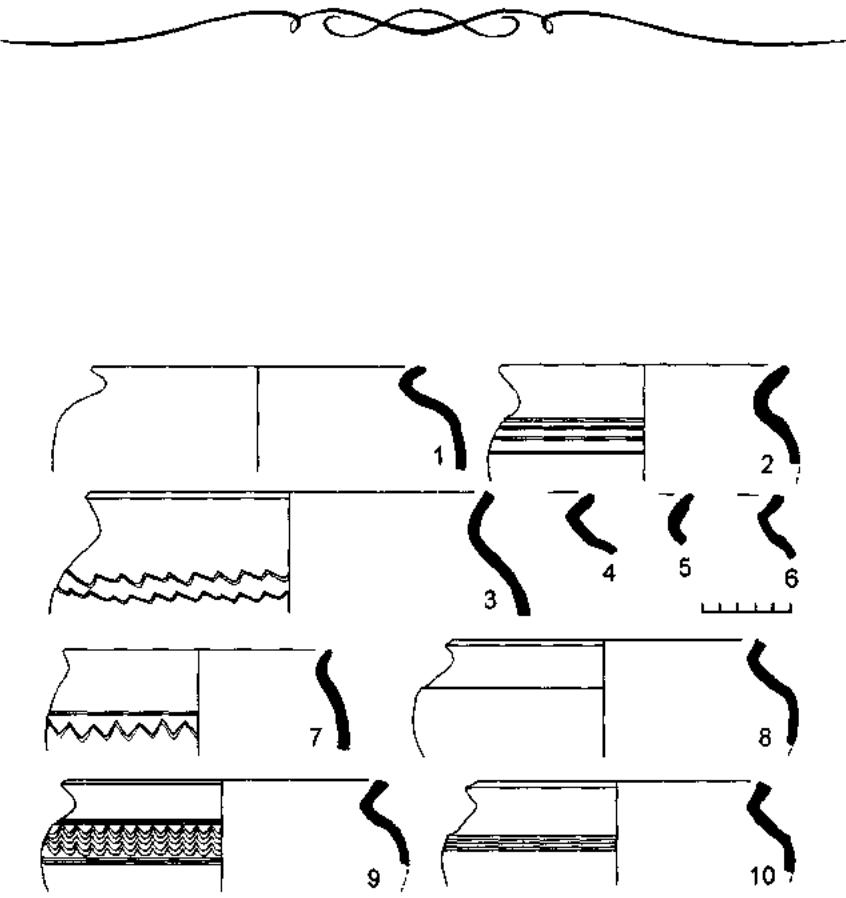

Рис.27. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из темно-серого с угольками слоя

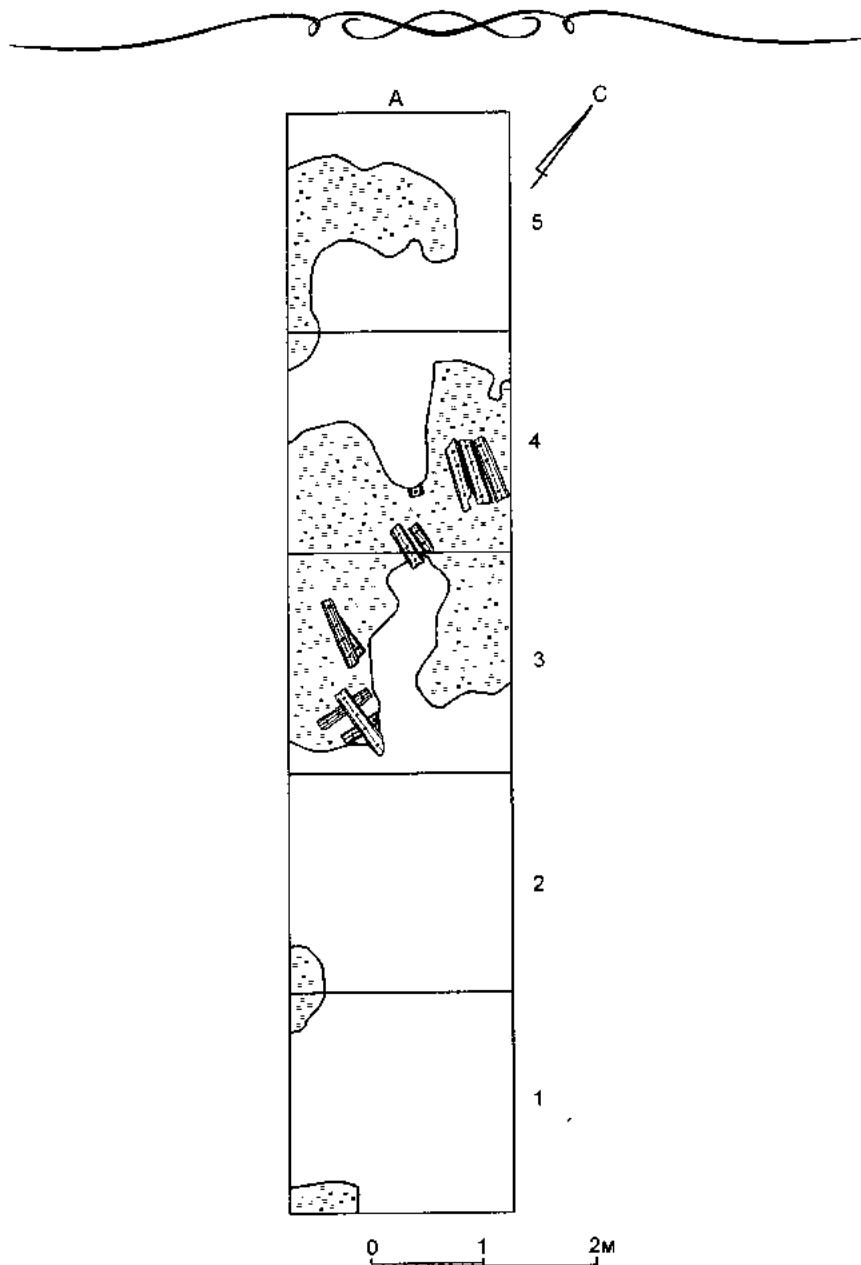

Рис.28. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Горизонт 2
(условные обозначения см. на рис.20)

Рис.29. Городище Воронич. Раскоп II. 2002 г. Горизонт 2. Кв.А₄.
Пятно обожженности. Вид с юго-запада. Фото автора, 2002 г.

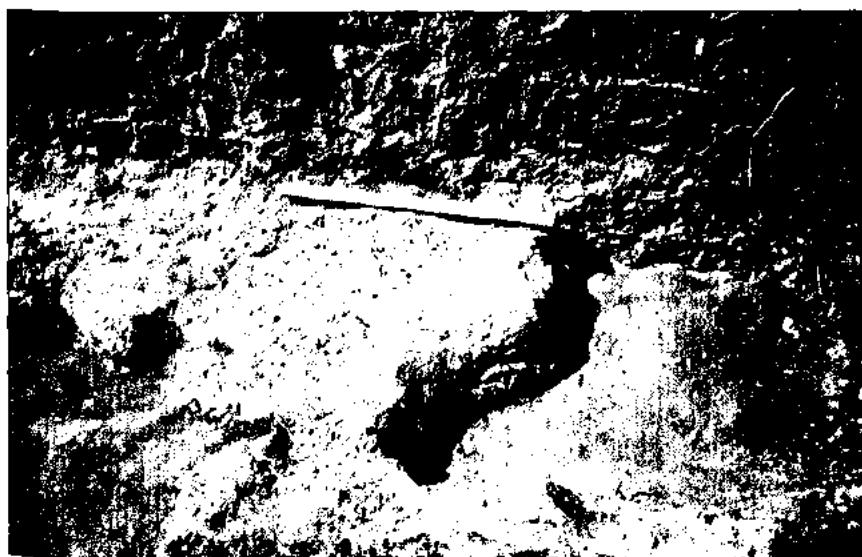

Рис.30. Городище Воронич. Раскоп II. 2002 г. Горизонт 2. Кв.А₃₋₄.
Пятно обожженности. Вид с северо-запада. Фото автора, 2002 г.

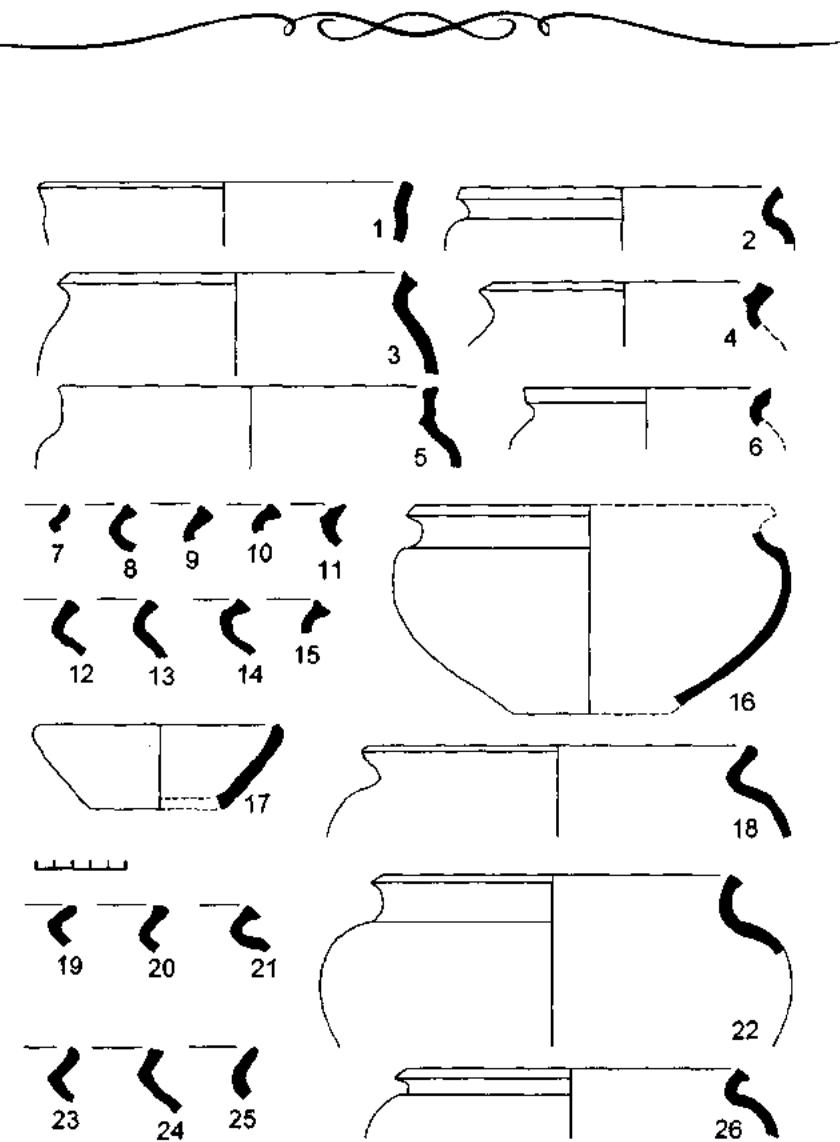

Рис.31. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из слоя пожара

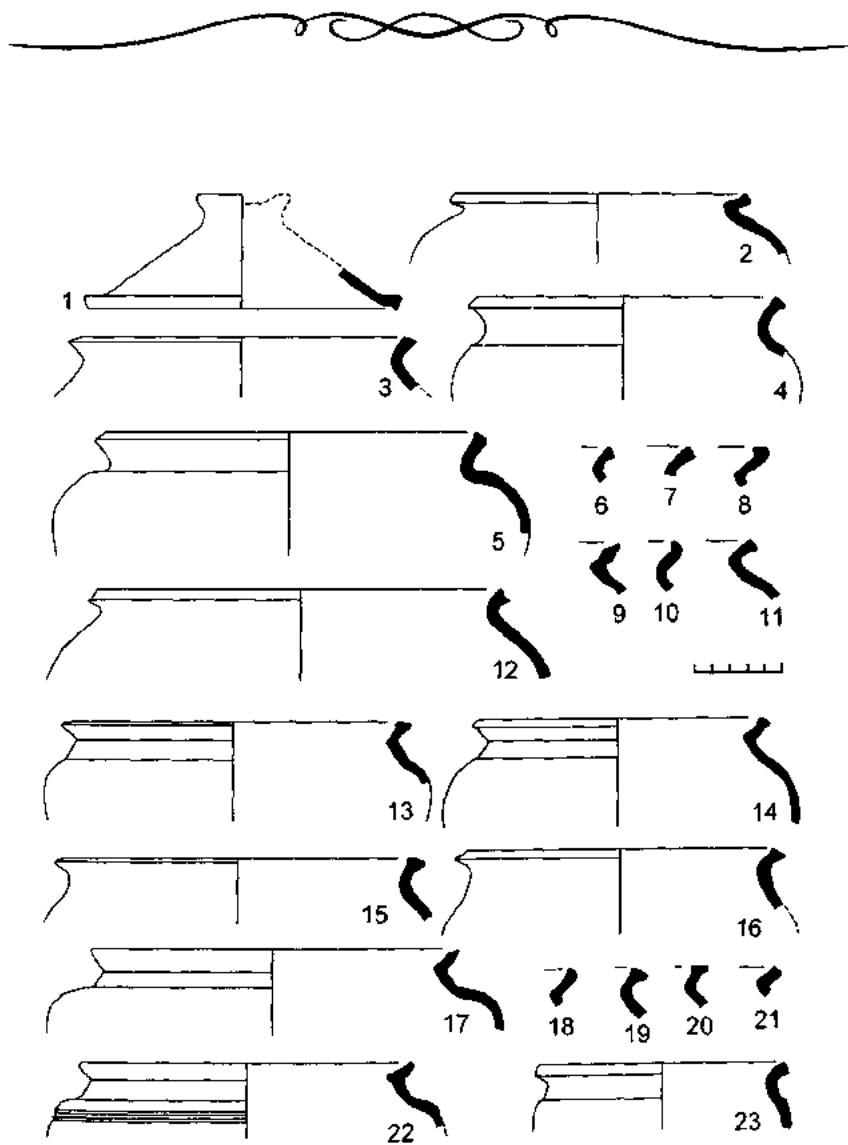

Рис.32. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из слоя пожара

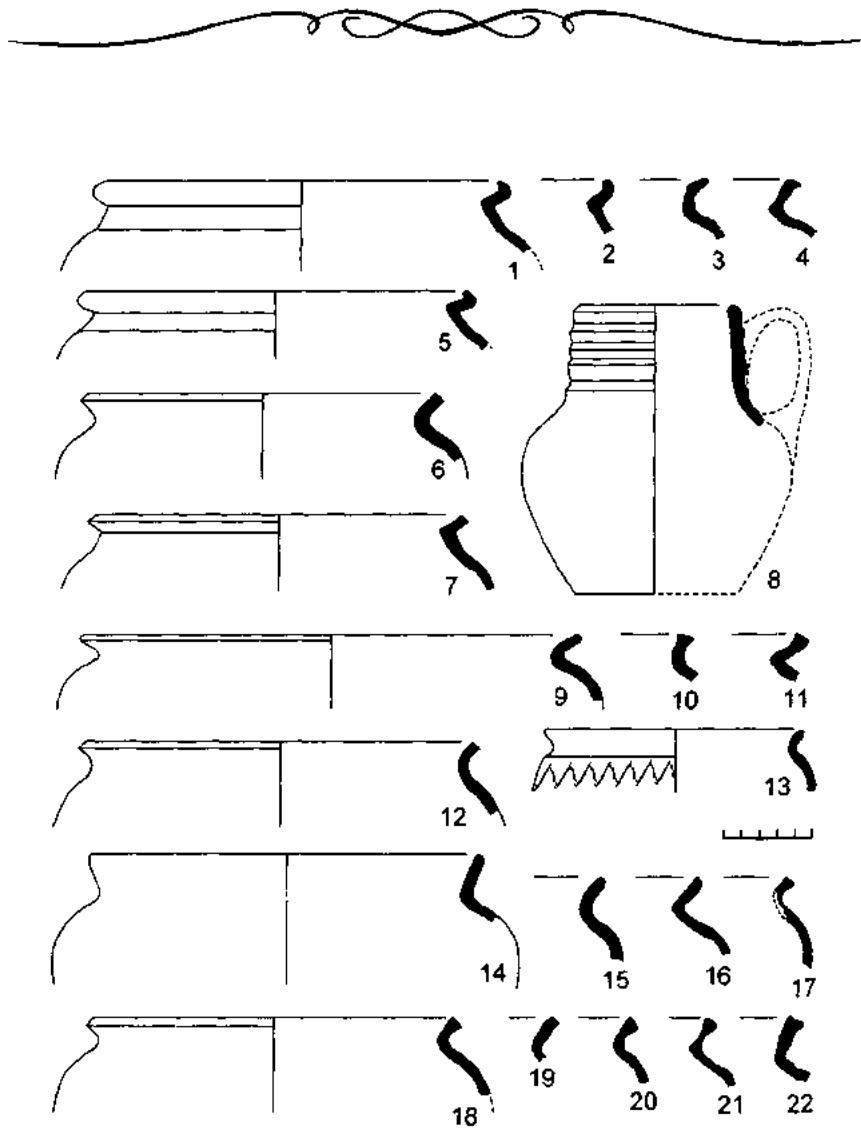

Рис.33. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из слоя пожара

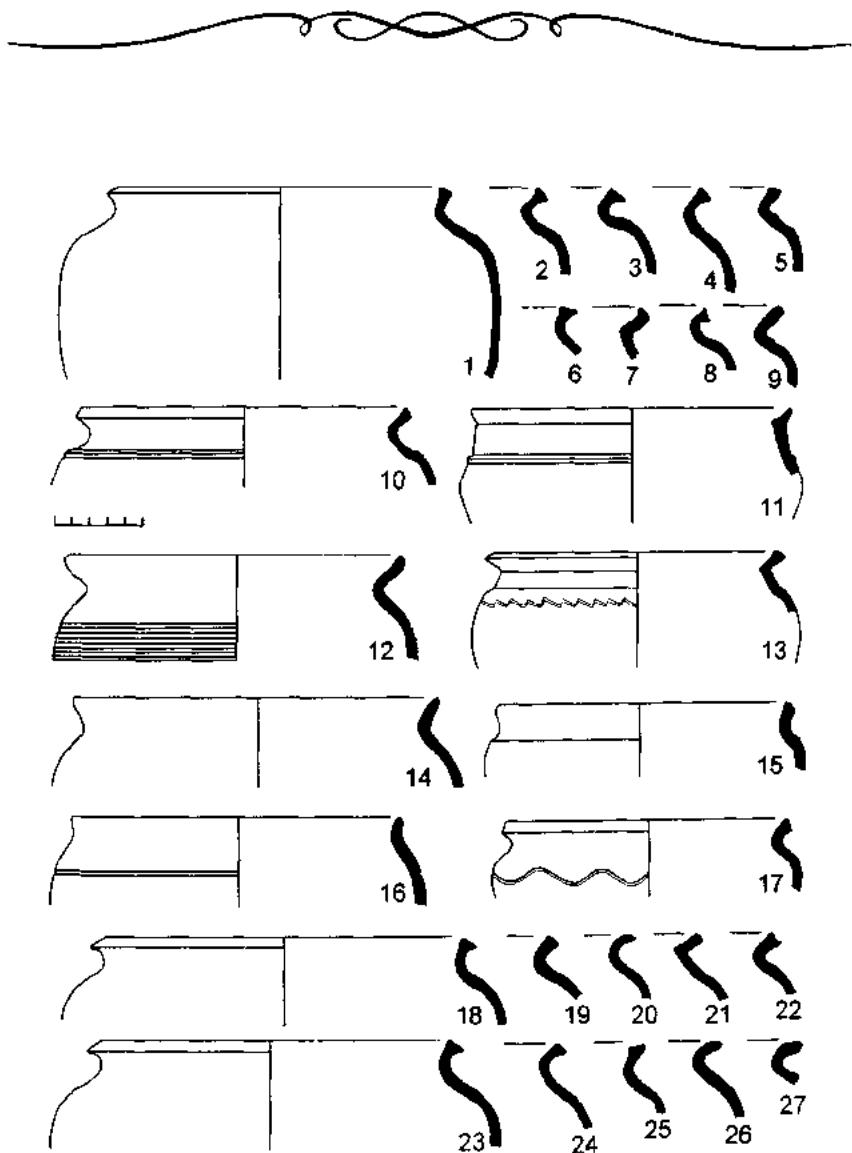

Рис.34. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из слоя пожара

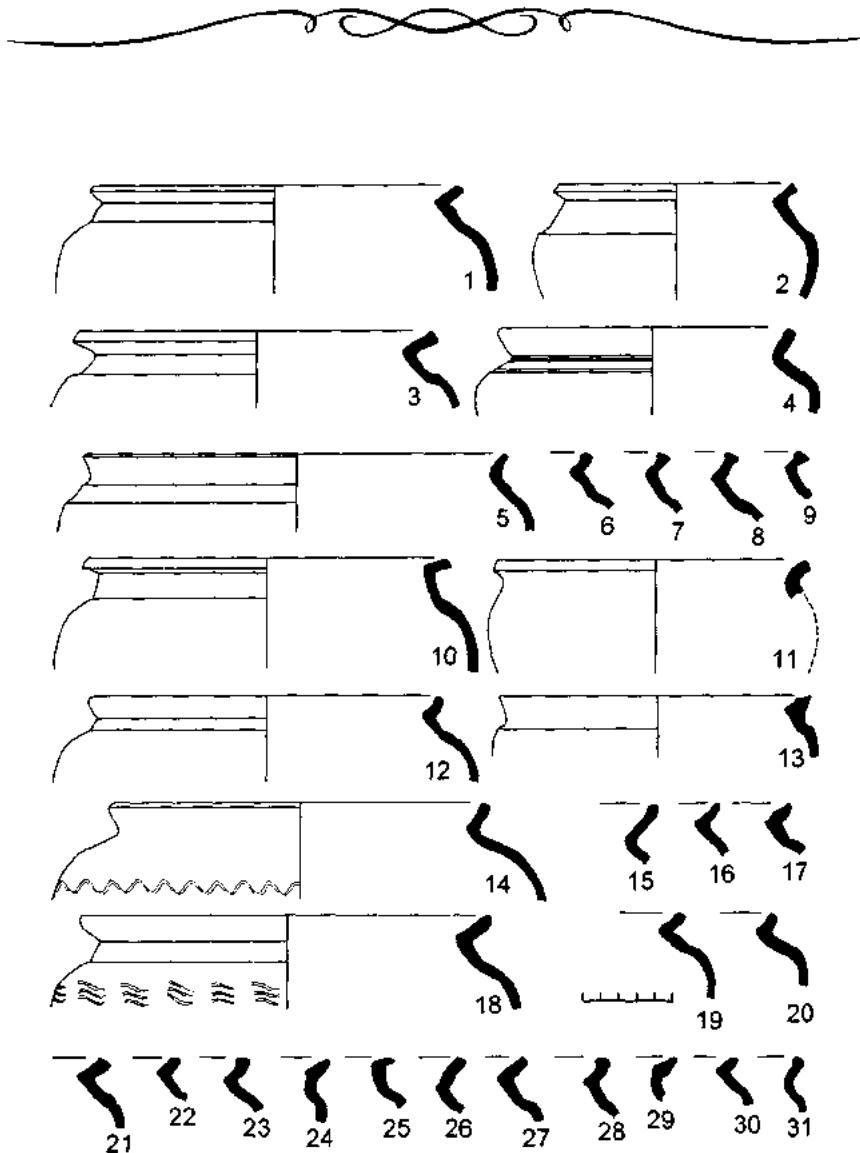

Рис.35. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из слоя пожара

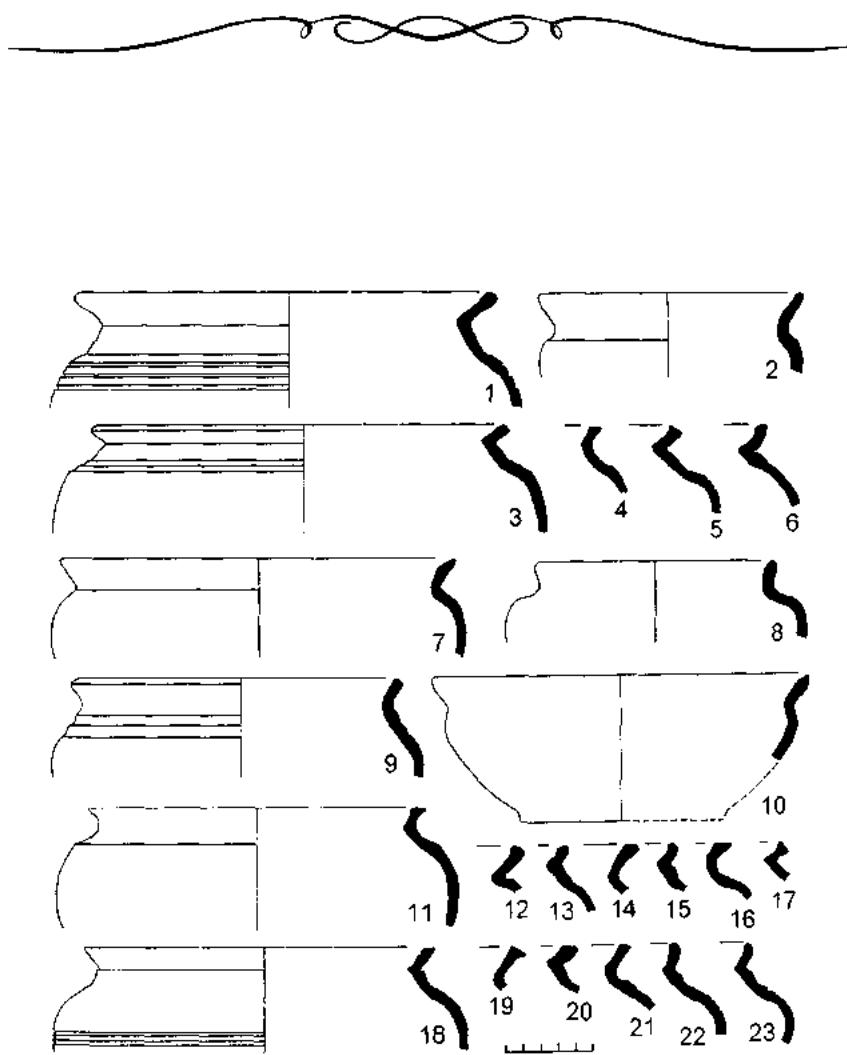

Рис.36. Городище Ворожец. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из слоя пожара

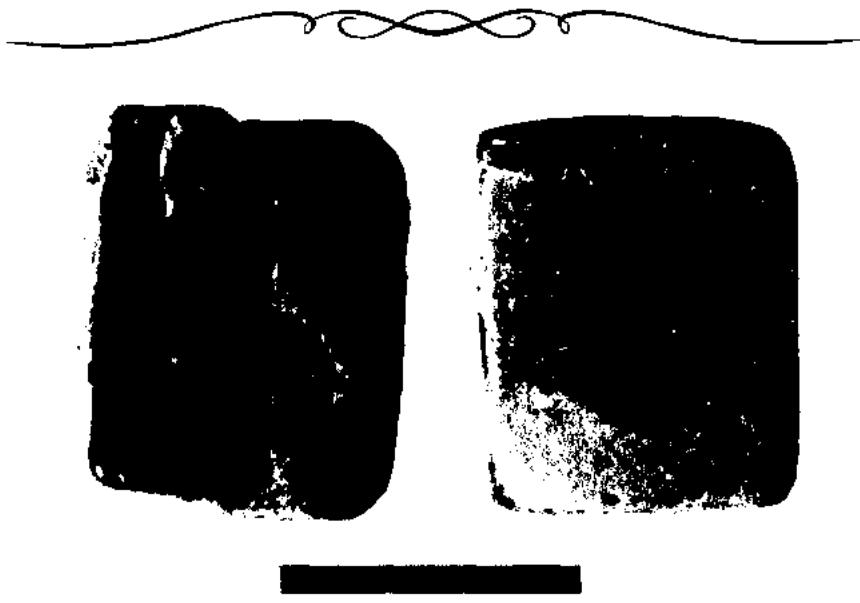

Рис.37. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Горизонт II (слой пожара).
Литейная форма. Фото В.Михайлова, 2002 г.

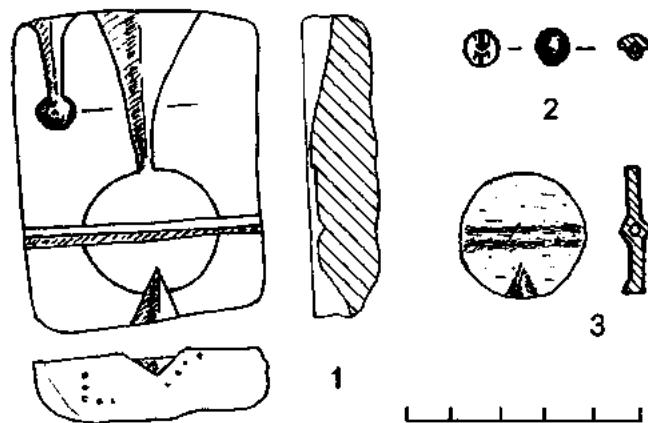

Рис.38. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.:
1 — литейная форма; 2 — реконструкция отливки полусферической бляшки;
3 — реконструкция отливки заготовки для печати

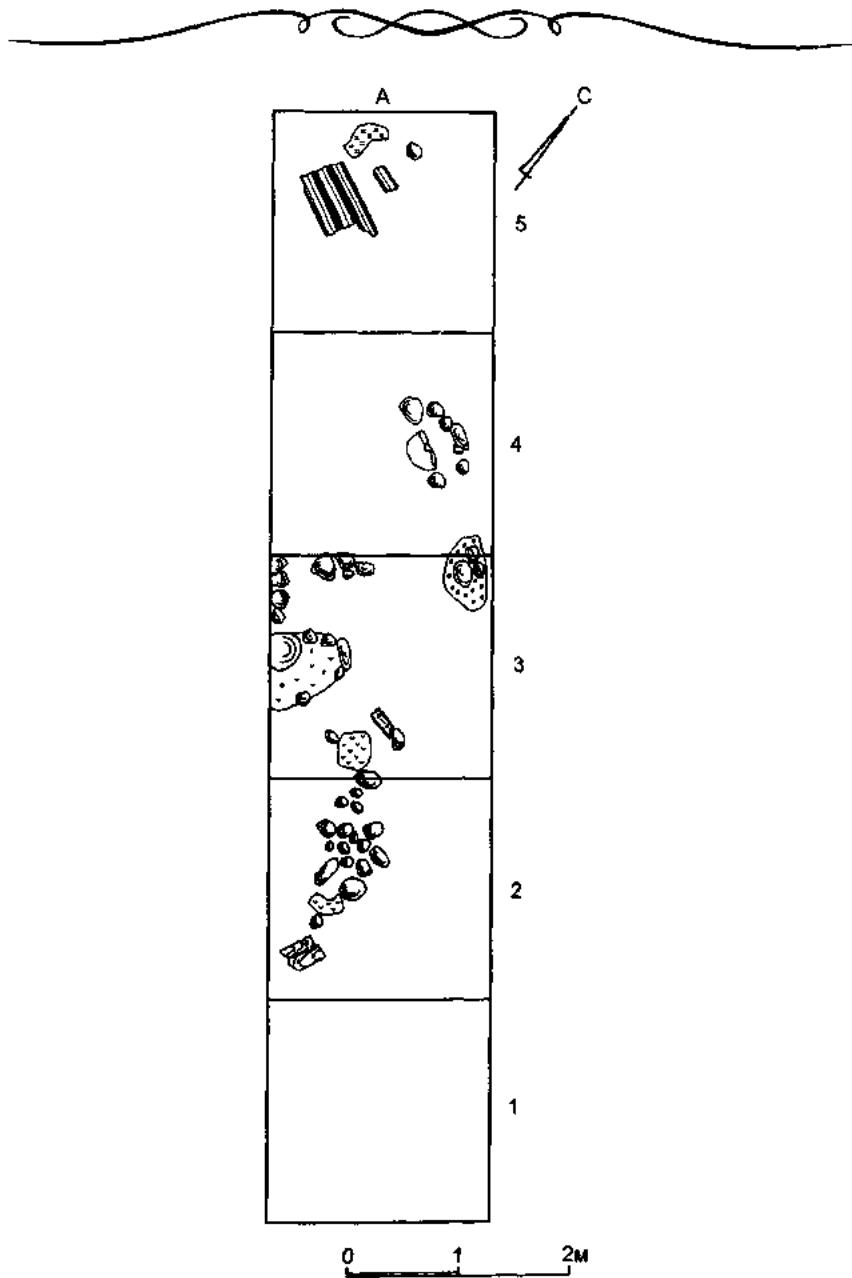

Рис.39. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. Горизонт 3
(условные обозначения см. на рис.20)

Рис. 40 Городище Воронка. Раскоп II. 2002 г. Горизонт 3.
Вид с северо-запада. Фото автора. 2002 г.

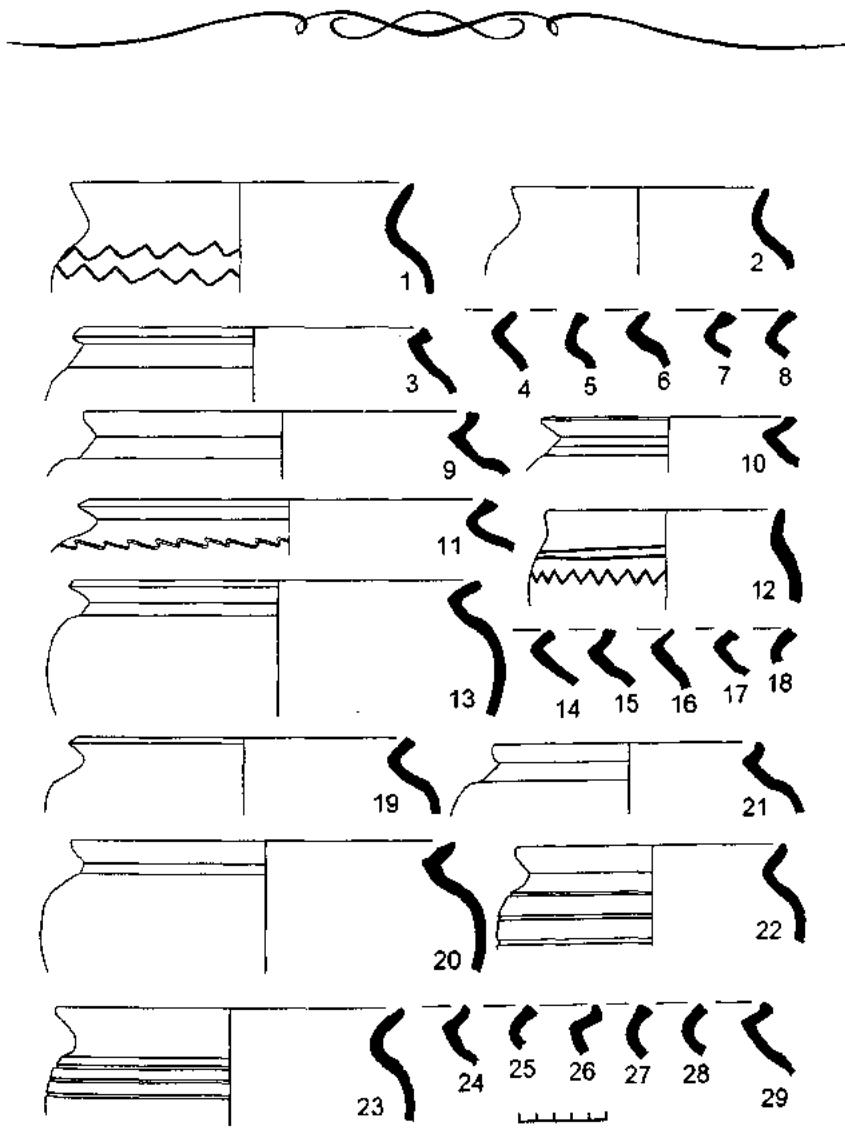

Рис.41. Городище Воронич. Раскоп II. 2002 г.
Керамика из черного слоя

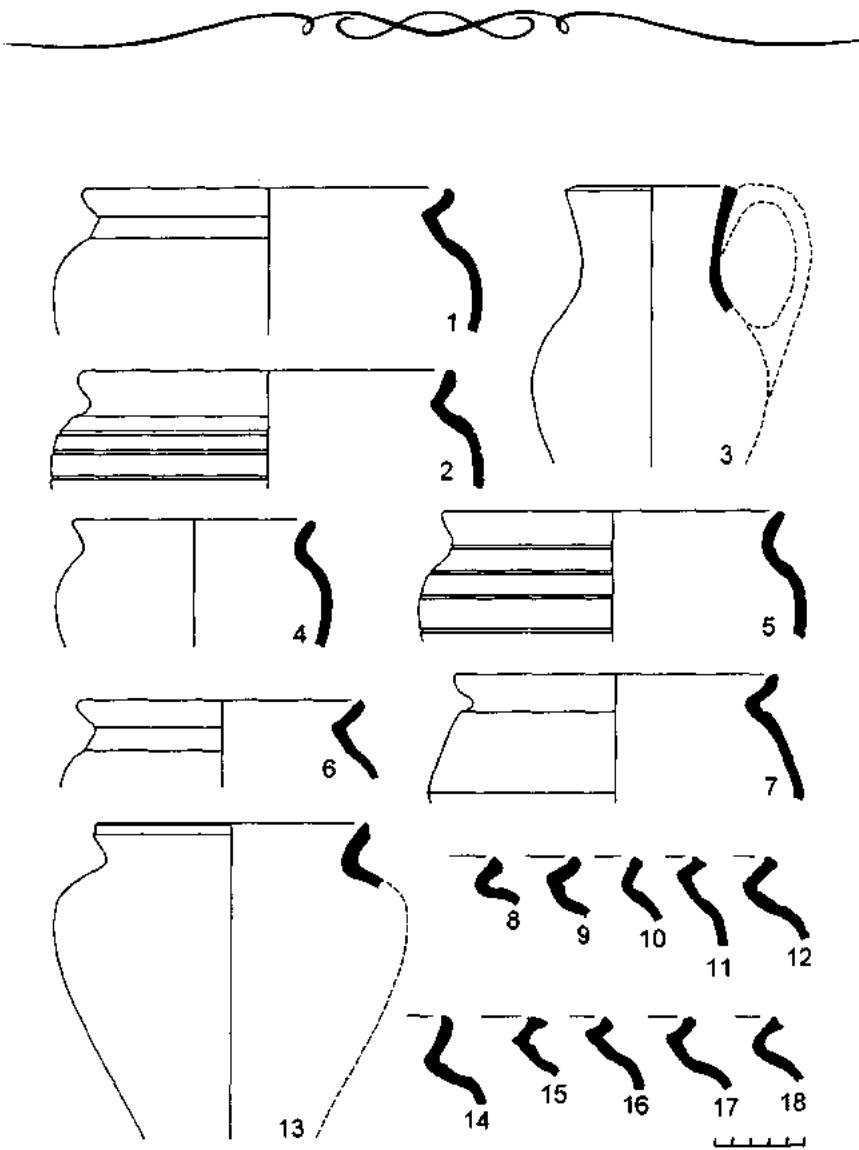

Рис.42. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из черного слоя

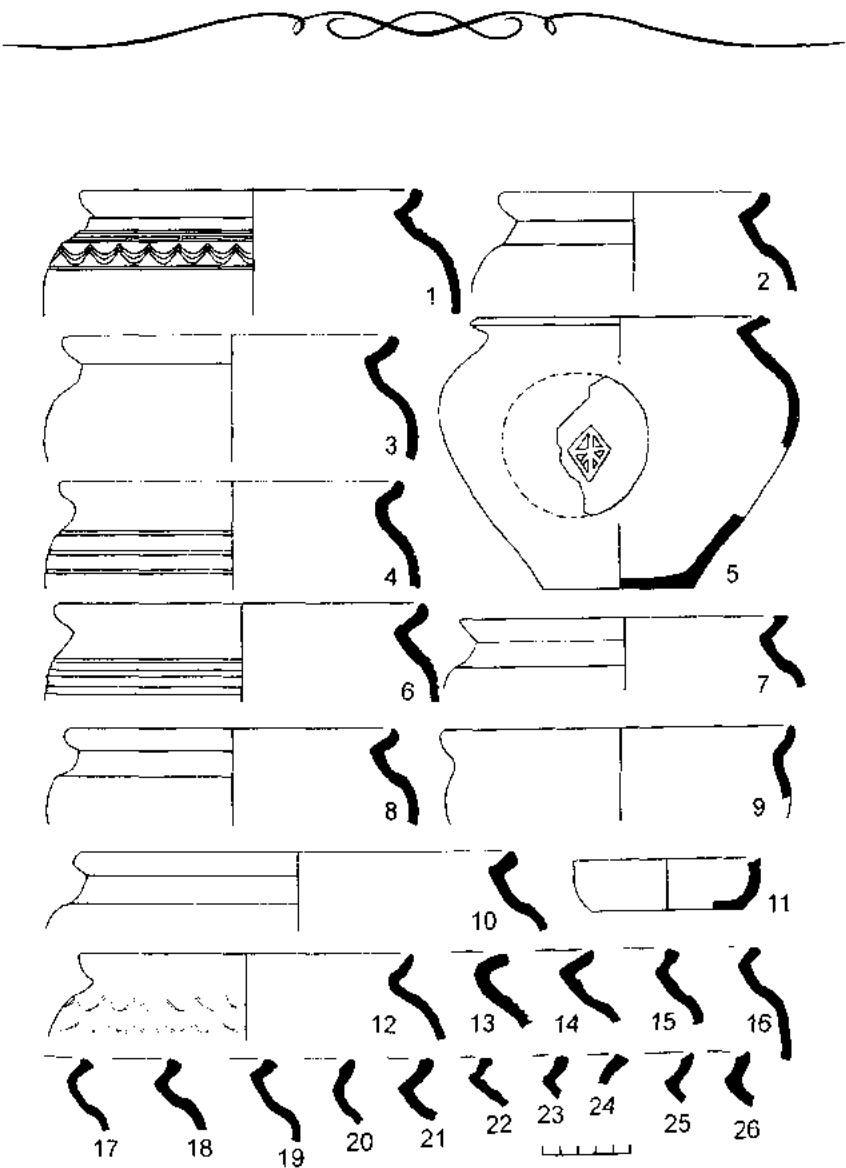

Рис.43. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из черного слоя

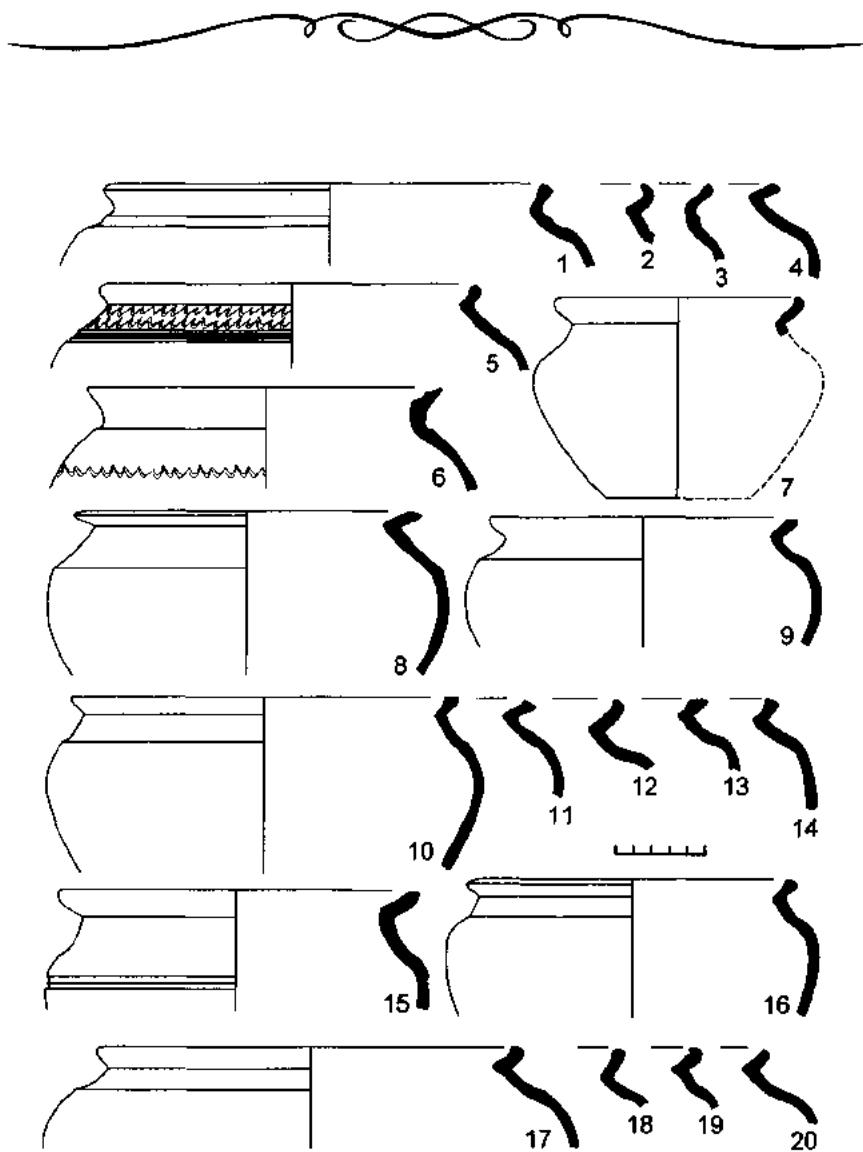

Рис.44. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из черного слоя

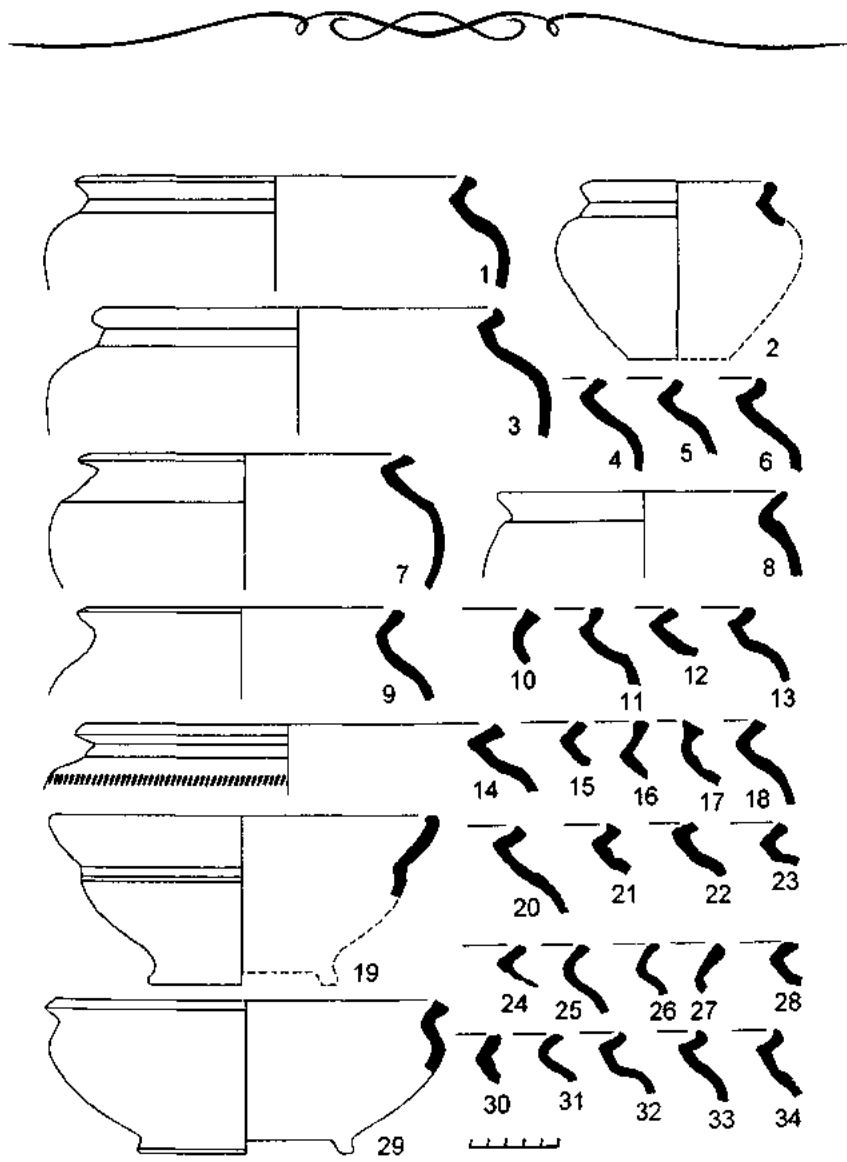

Рис.45. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из черного слоя

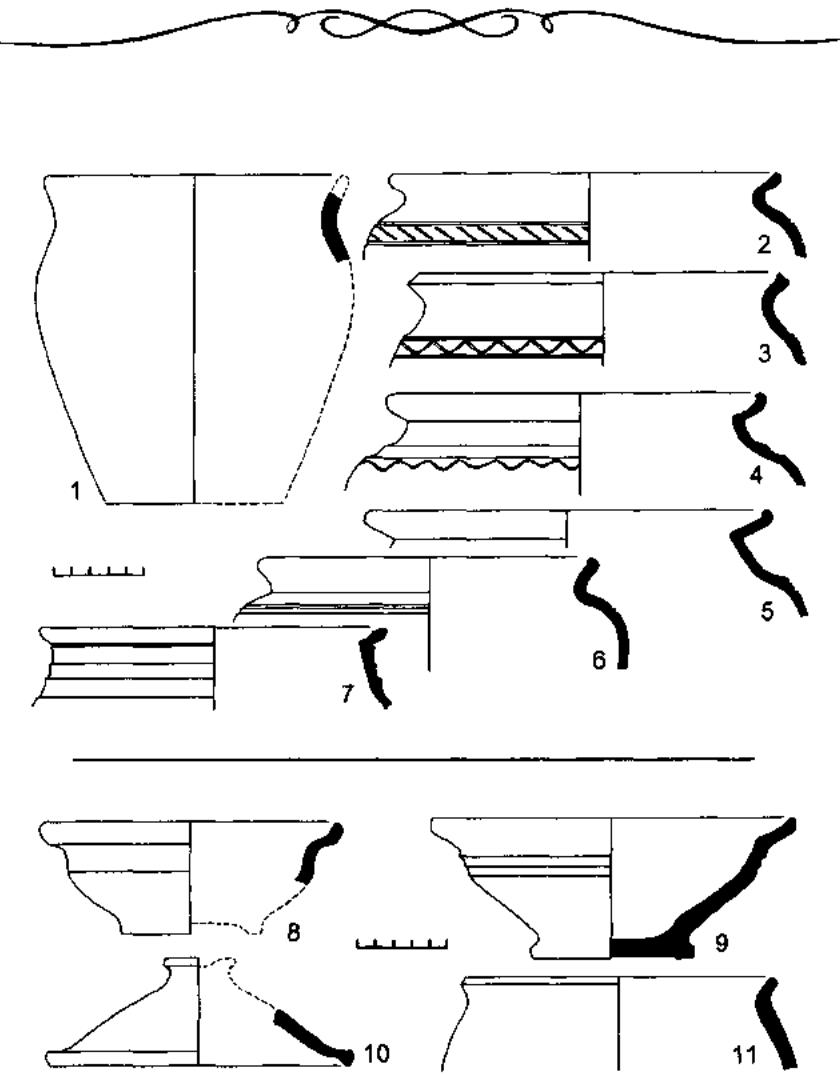

Рис.46. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из черного слоя

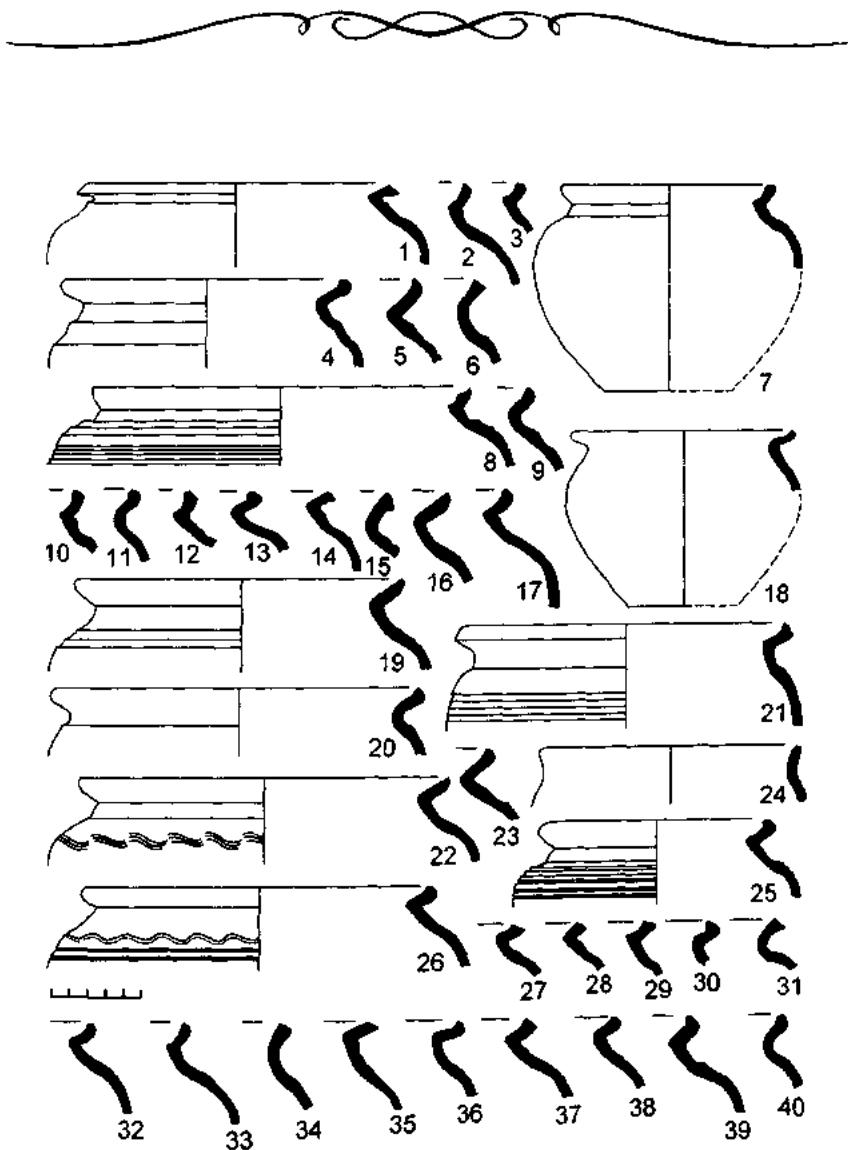

Рис.47. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из предматерикового слоя

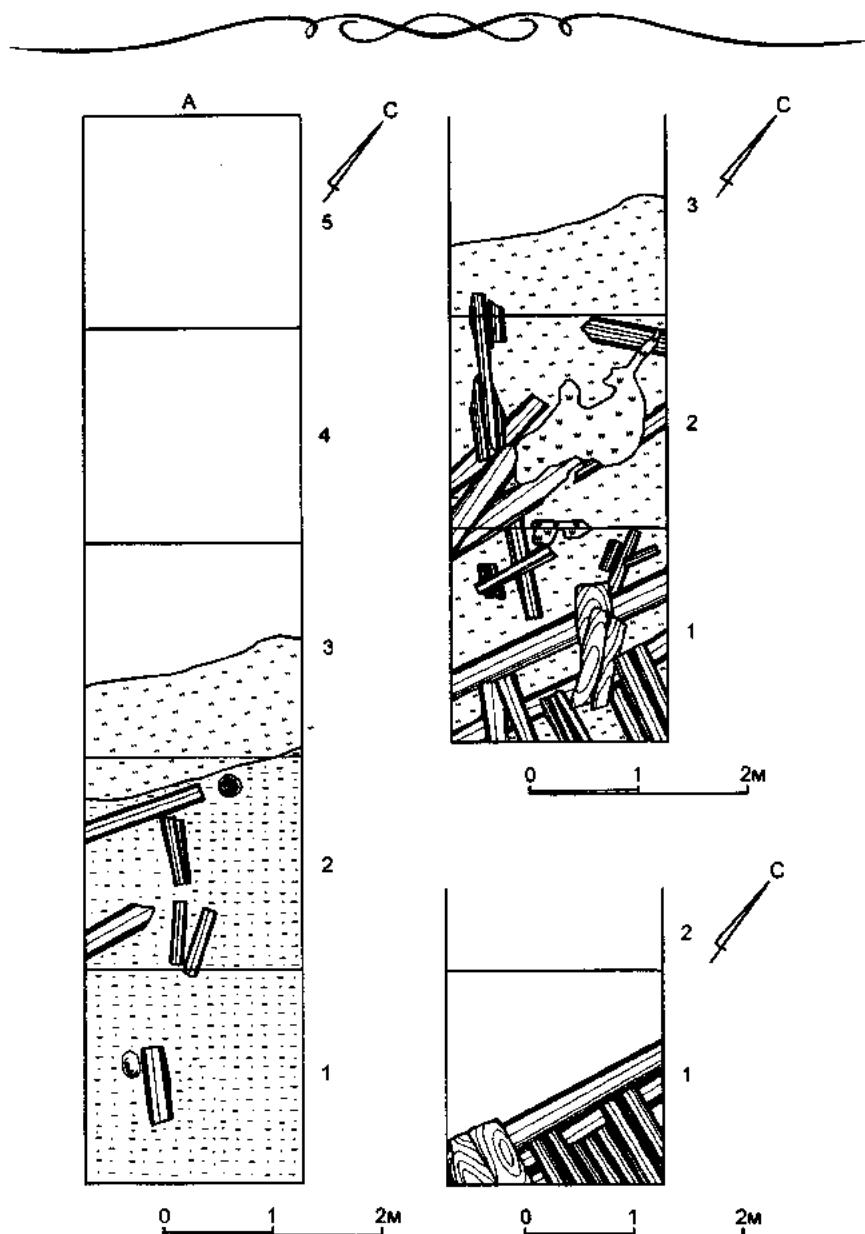

Рис.48. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.:
 I – поверхность подошвы вала; II–III – внутривалевые деревянные конструкции
 (II – на отметках от –200 до –230; III – на отметках от –230 до –260).
 Условные обозначения см. на рис.20

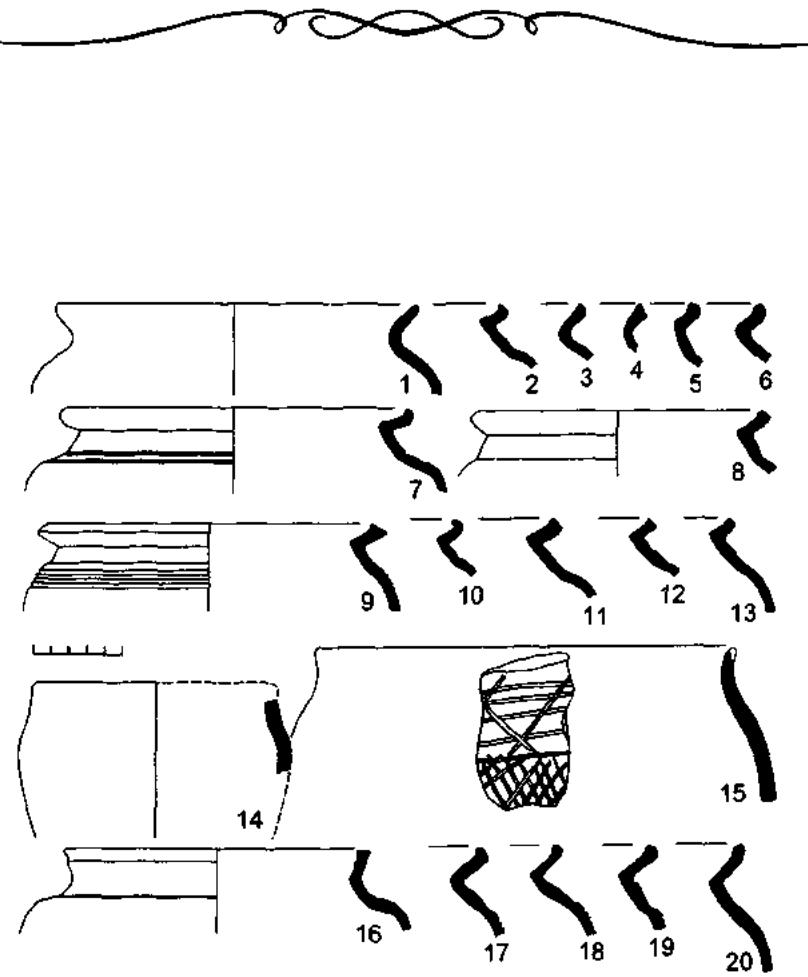

Рис.49. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из слоя, перекрывавшего подошву вала

Рис.50. Городище Вороты. Район II, 2002 г.
Внутренние деревянные конструкции. Вид с северо-запада.
(Фото автора, 2002 г.)

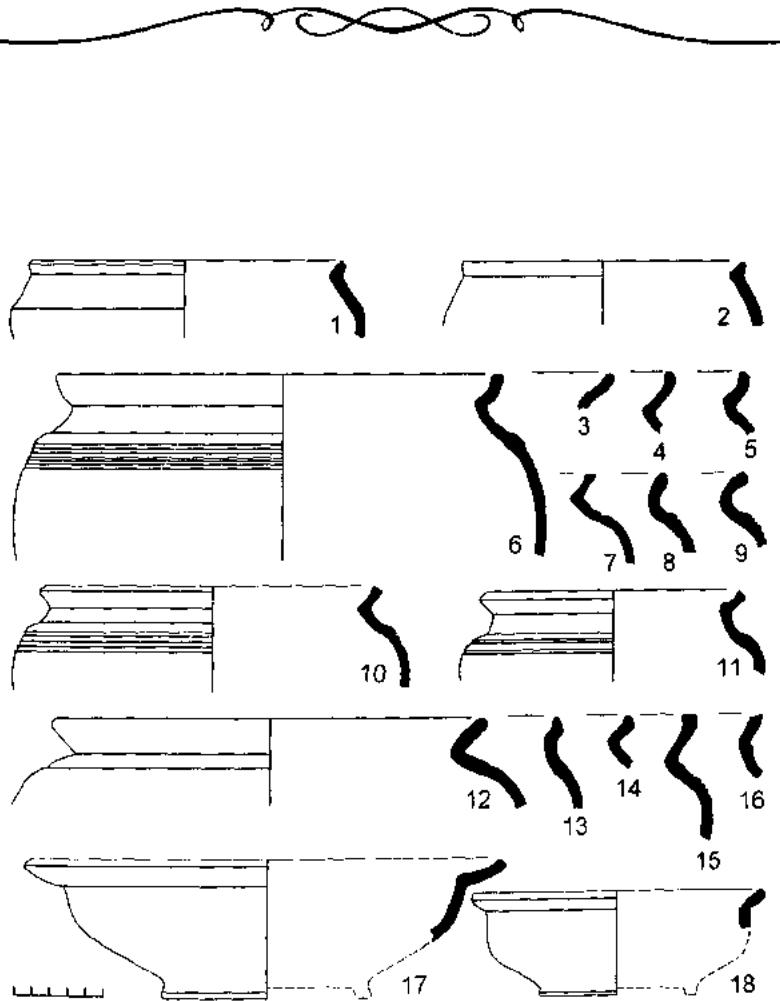

Рис.51. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика, найденная при расчистке и разборке
внутрибалочных деревянных конструкций

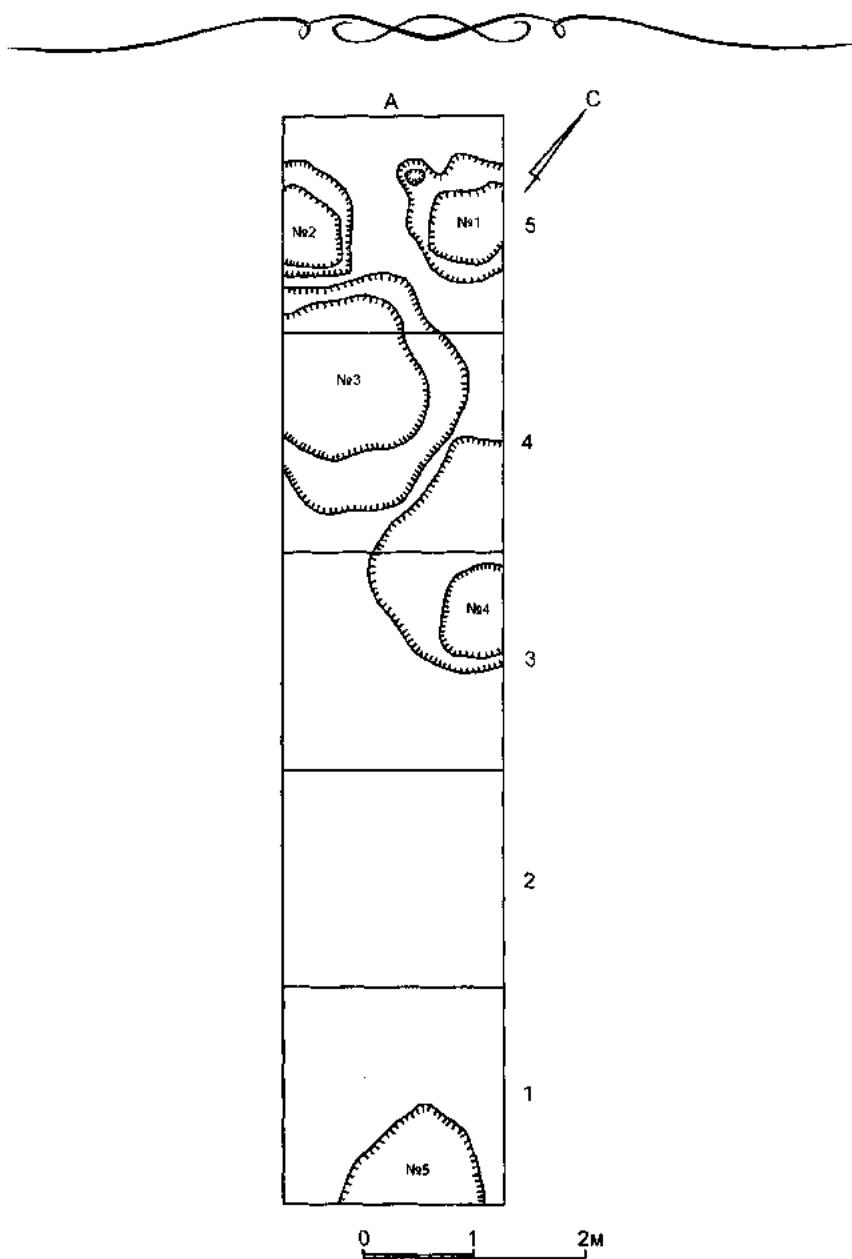

Рис.52. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г. План по материку
(условные обозначения см. на рис.20)

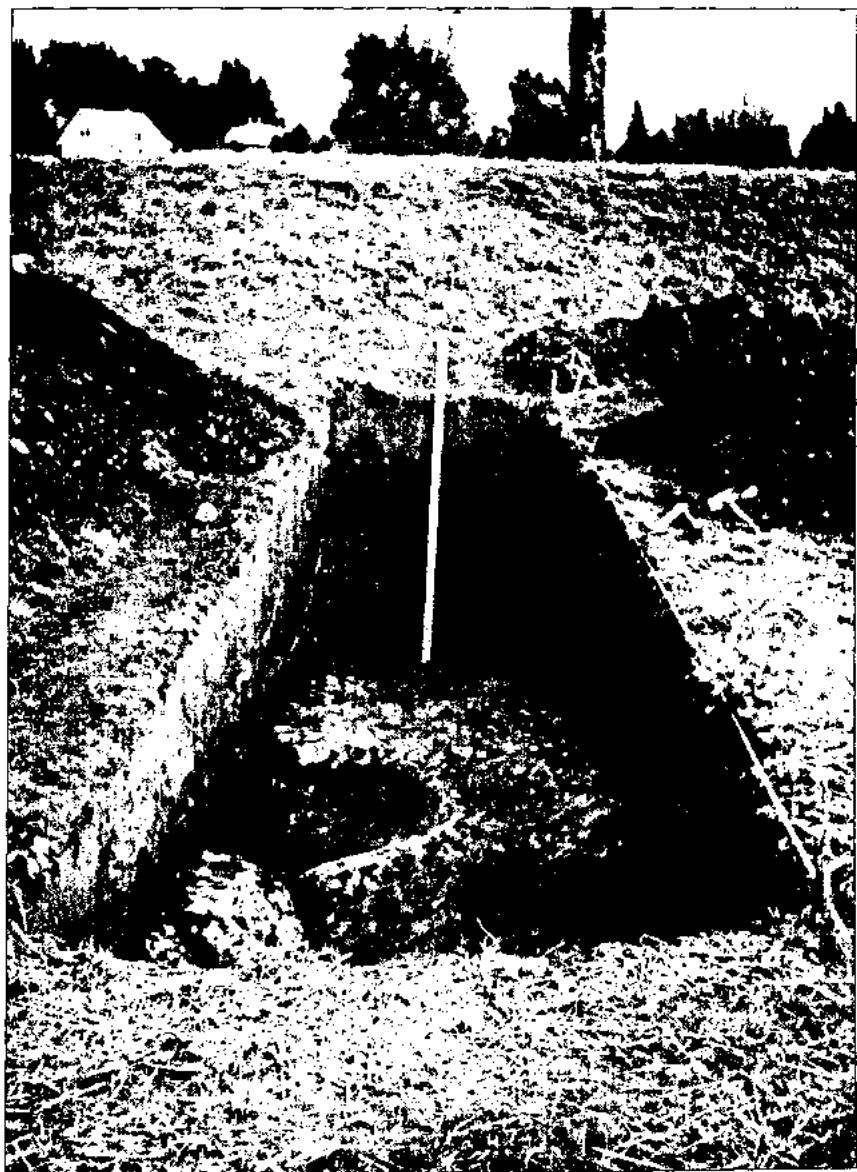

Рис.53. Городище Воронич. Раскоп II. 2002 г. Поверхность материка.
Вид с северо-запада. Фото автора, 2002 г.

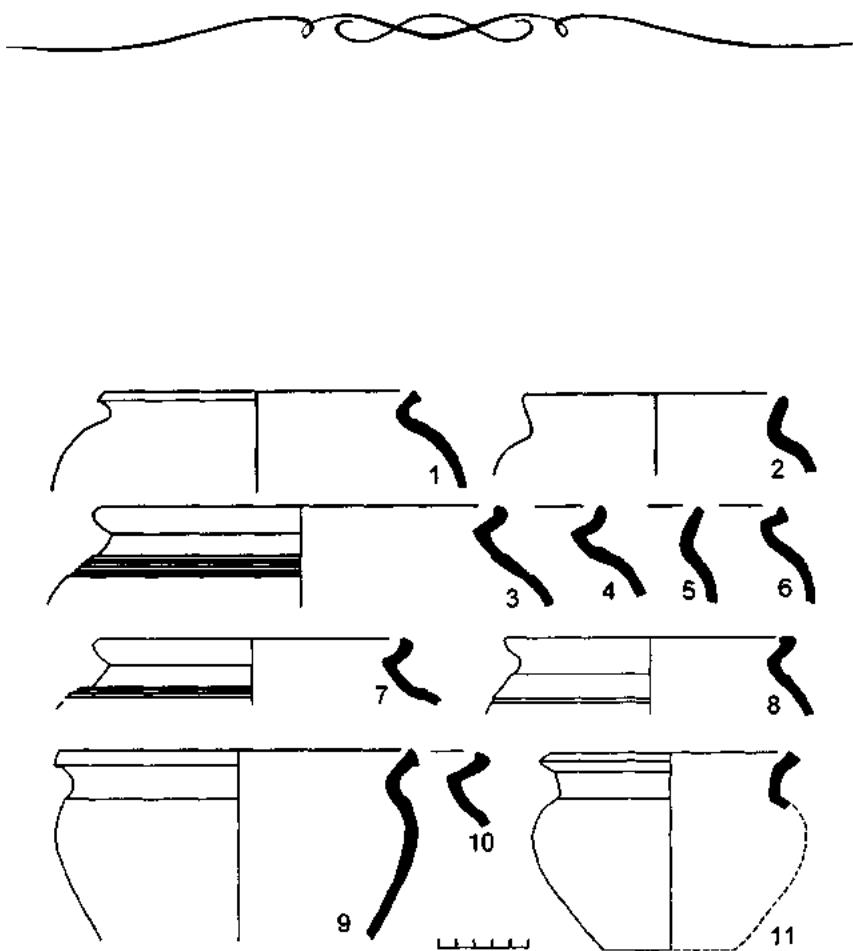

Рис.54. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.

Керамика из материковых ям:

1–8 — яма № 1 (1, 2, 4–6 — верхняя часть заполнения;
3, 7, 8 — придонная часть заполнения); 9–10 — яма № 2; 11 — яма № 4

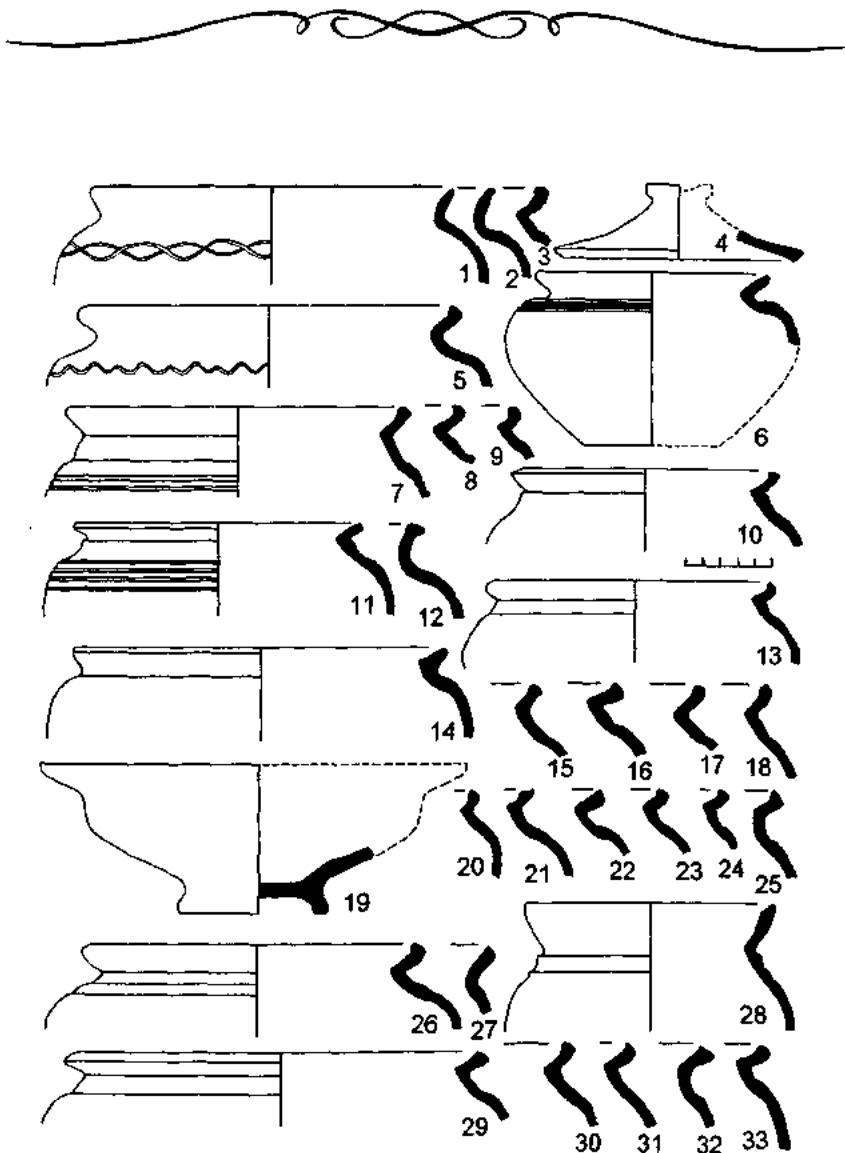

Рис.55. Городище Воронич. Раскоп II, 2002 г.
Керамика из заполнения материковой ямы № 3:
1-25 – верхняя часть заполнения; 26-33 – придонная часть заполнения

Рис.56. Селоице Воронин. 1.
Раскоп 1998 г. Разборка культурного слоя.
Вид с северо-востока. Фото автора, 1998 г.

Рис.57. Селище Вороний 1. Раскоп 1998 г.
Разборка культурного слоя
и выборка заполнения материальных им № 1 (на переднем плане)
и № 2. Вид с юга. Фото автора, 1998 г.

Рис.58. Селище Воронич 1, Раскоп 1998 г.
Разборка культурного слоя. Вид с юго-запада.
Фото автора, 1998 г.

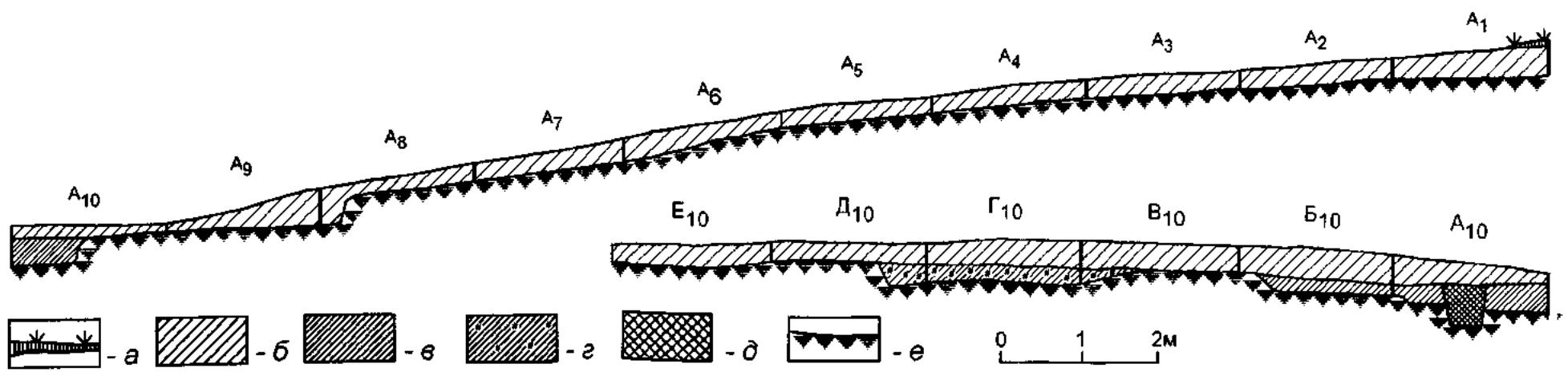

Рис.59. Селище Воронич 1. Раскоп 1998 г. Стратиграфия:
 1 – южная стенка; 2 – восточная стенка;
 а – дерн; б – коричневый слой; в – темно-коричневый слой; г – коричневый слой с уольками; д – черный слой; е – материк

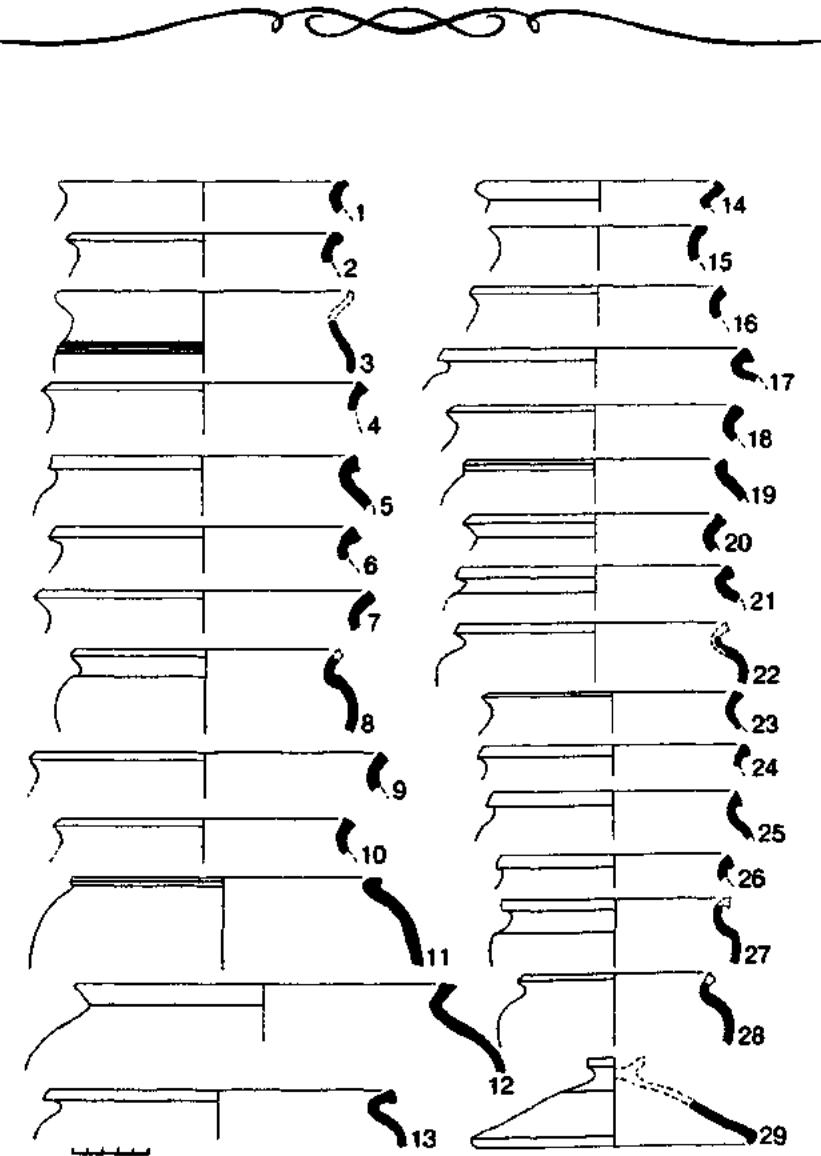

Рис.60. Селище Воронич 1. Раскоп 1998 г.
Керамика из слоя

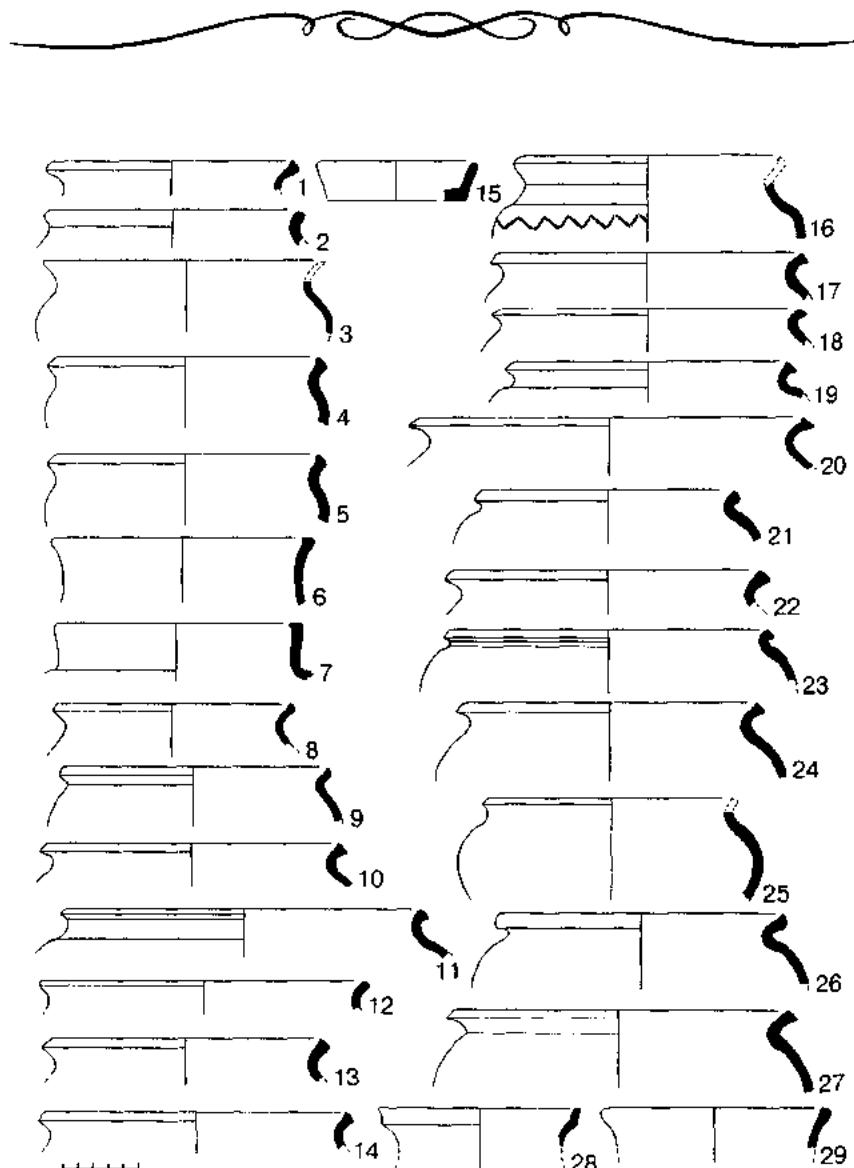

Рис.61. Селище Воронич 1. Раскоп 1998 г.
Керамика из слоя

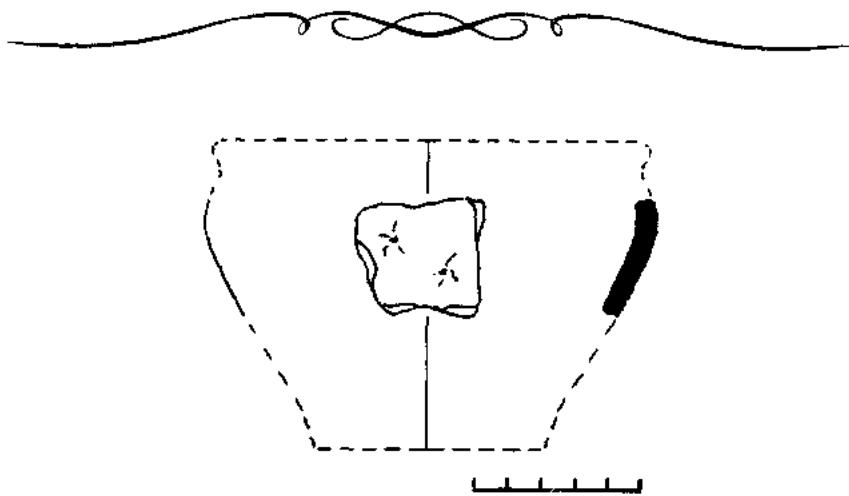

Рис.62. Селище Воронич 1. Раскоп 1998 г.
Фрагмент лепного сосуда

Рис.63. Селище Воронич 1. Раскоп 1998 г. Поверхность материала.
Вид с юго-запада. Фото автора, 1998 г.

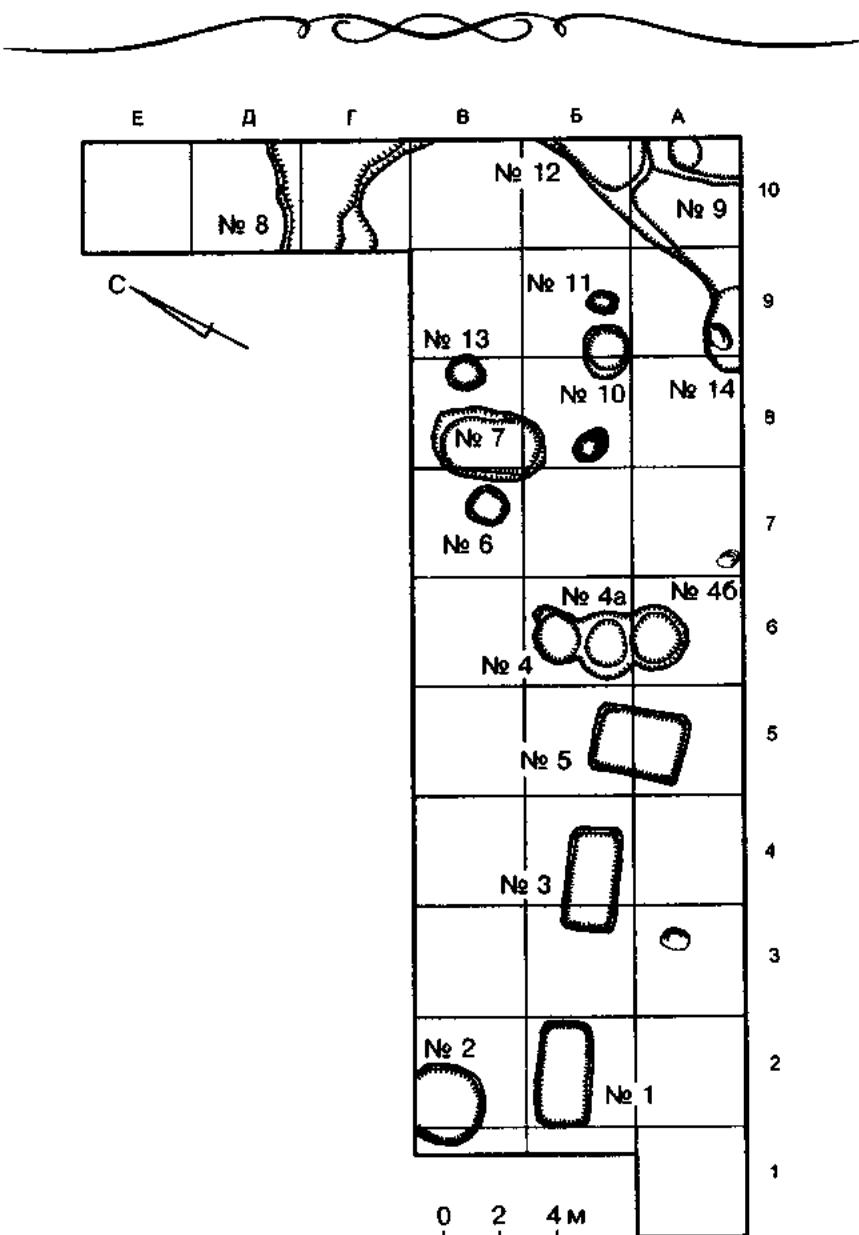

Рис.64. Селище Воронич 1. Раскоп 1998 г.
План по материку

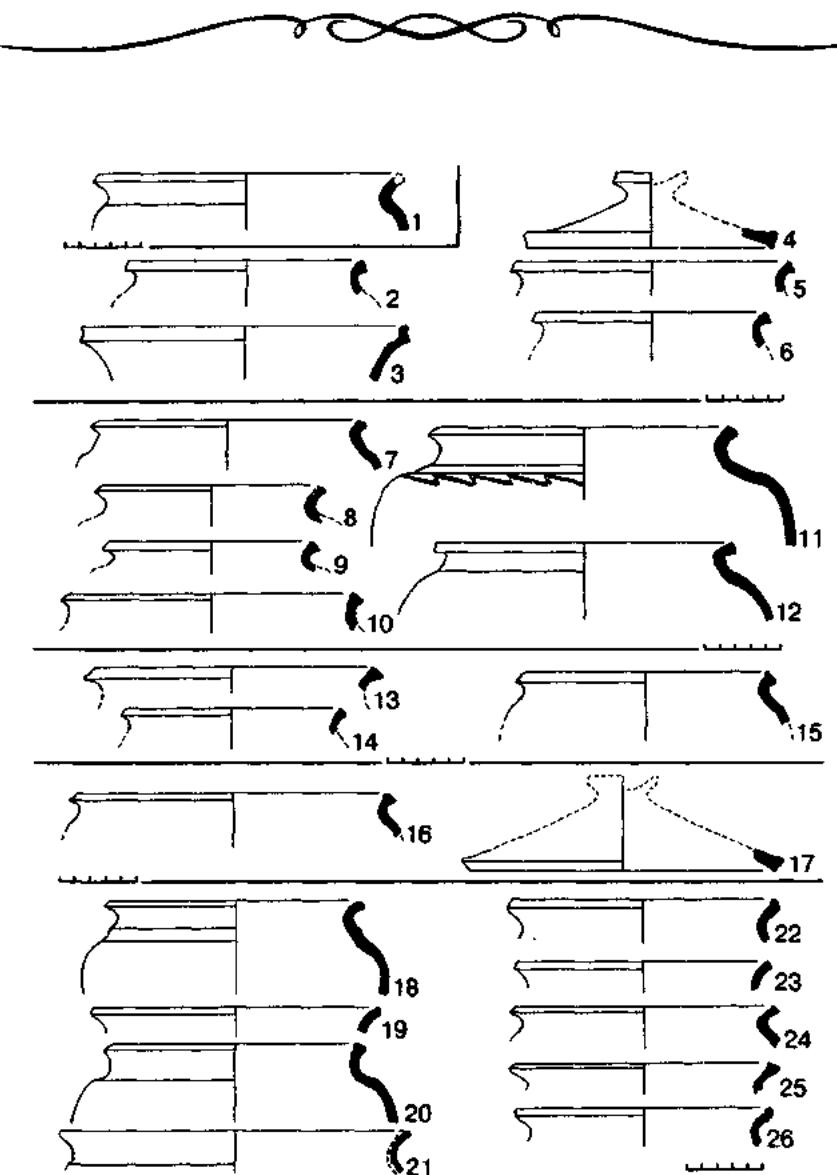

Рис.65. Селище Воронич 1. Раскоп 1998 г.
Керамика из материковых ям № 3 (1), № 1 (2–6), № 4а (7–12),
№ 12 (13–15), № 4 (16–17) и № 7 (18–26)

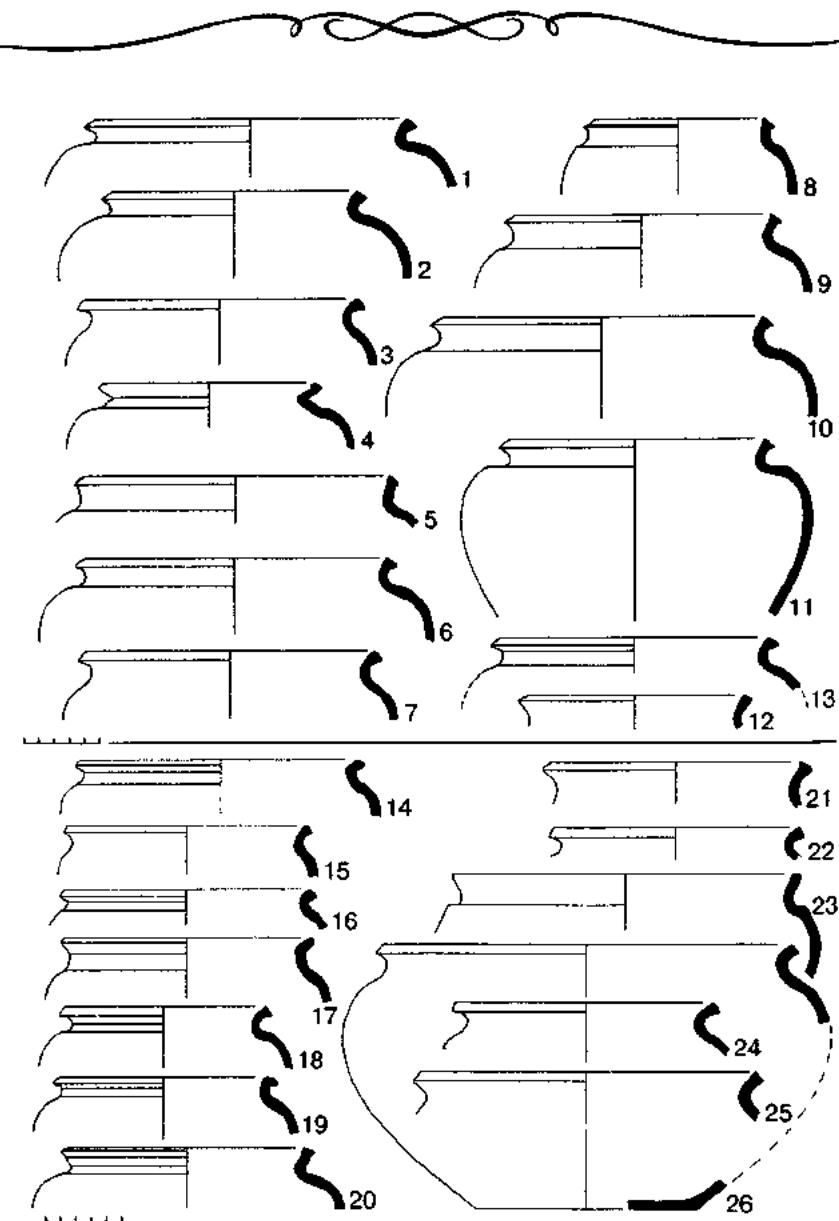

Рис.66. Селище Воронич 1. Раскоп 1998 г.
Керамика из материковых ям № 2 (1-13) и № 8 (14-28)

Рис.67. Селище Воронич 1. Обследование состояния культурного слоя на месте ц. Воскресения Христова. Вид с востока. Фото автора, 1998 г.

Рис.68. Селище Воронич 1. Обследование состояния культурного слоя на месте ц. Воскресения Христова. Вид с запада. Фото автора, 1998 г.

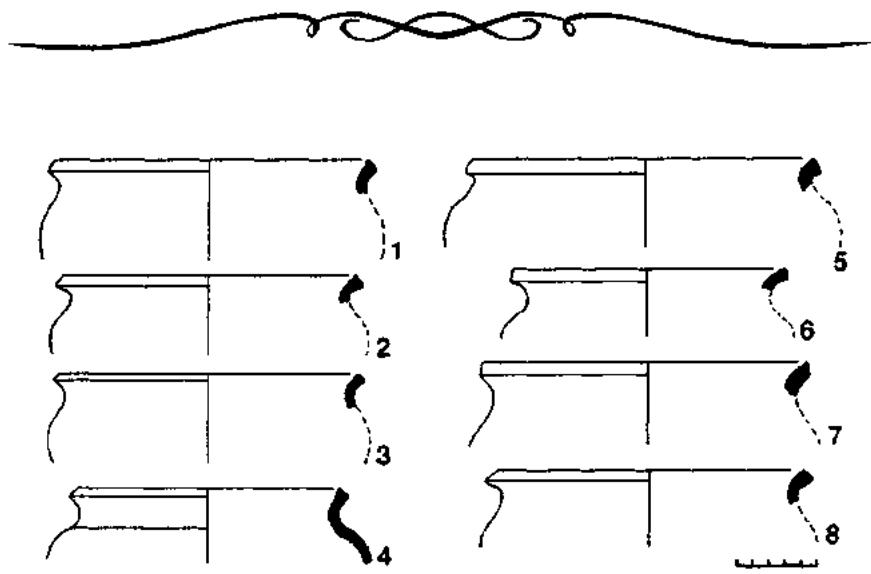

Рис.69. Селище Воронич 2. Подъемный материал. Сборы 1998 г.

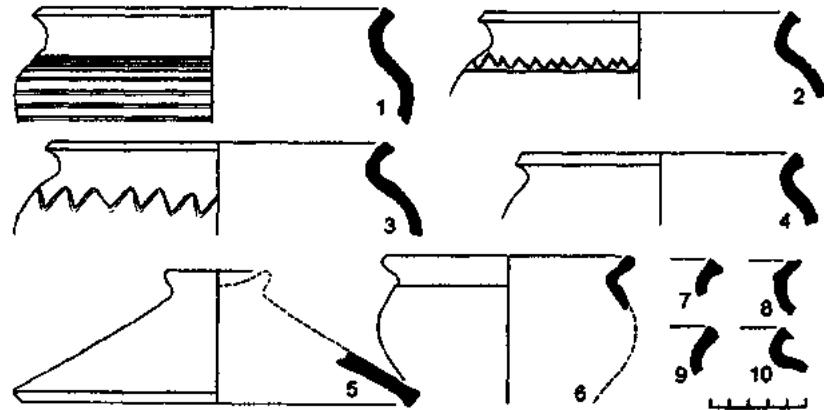

Рис.70. Селище Воронич 2. Подъемный материал. Сборы 1980 г.

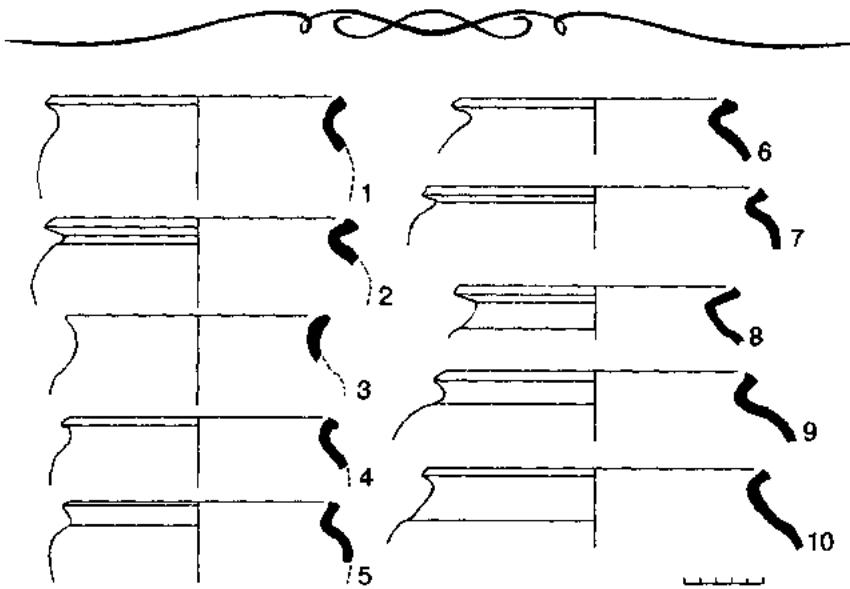

Рис.71. Селище Воронич 3. Подъемный материал. Сборы 1980 г.

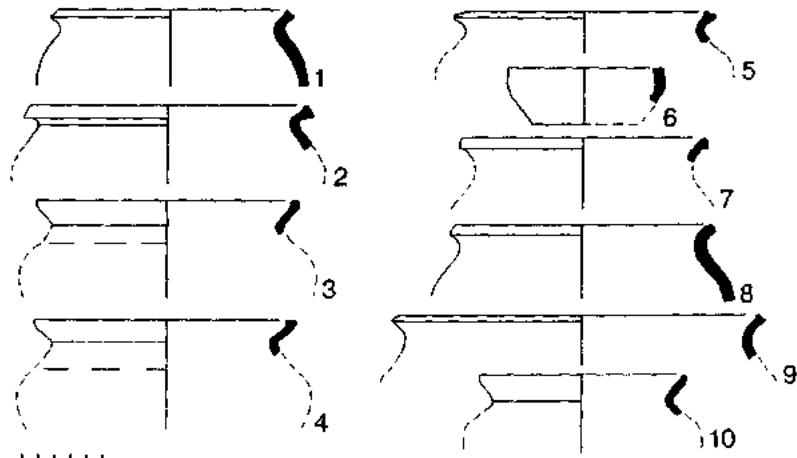

Рис.72. Парк усадьбы Тригорское. Подъемный материал:
1-4, 9, 10 – склон над рвом городища Воронич; 5-7 – юго-восточная
оконечность парка, у дома-музея П.А. Осиповой; 8 – у «дуба уединенного».
Сборы 1998 г.

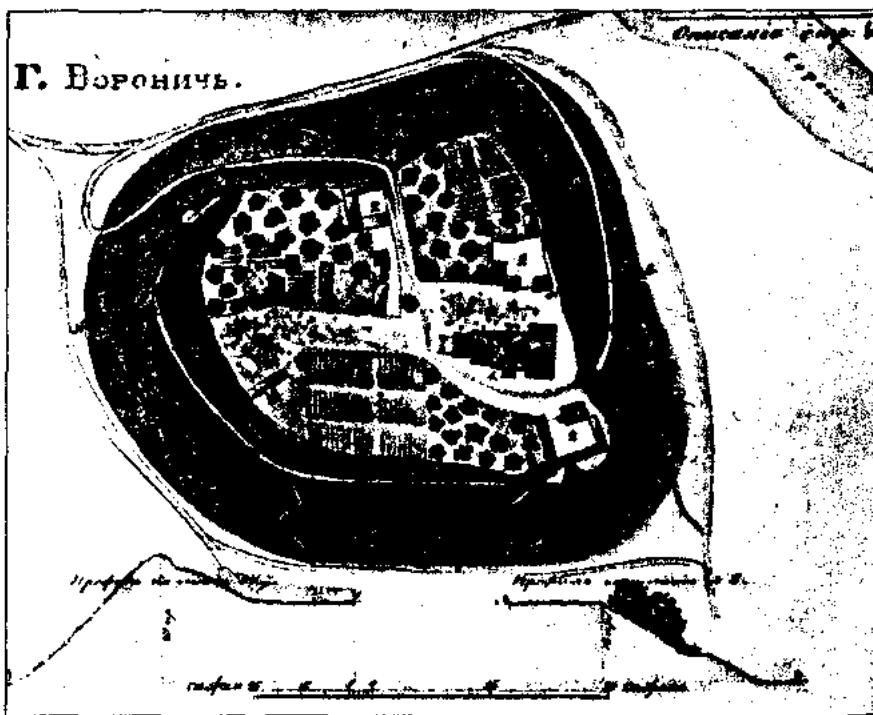

Рис.73. Городище Воронич.
План 1857 г.

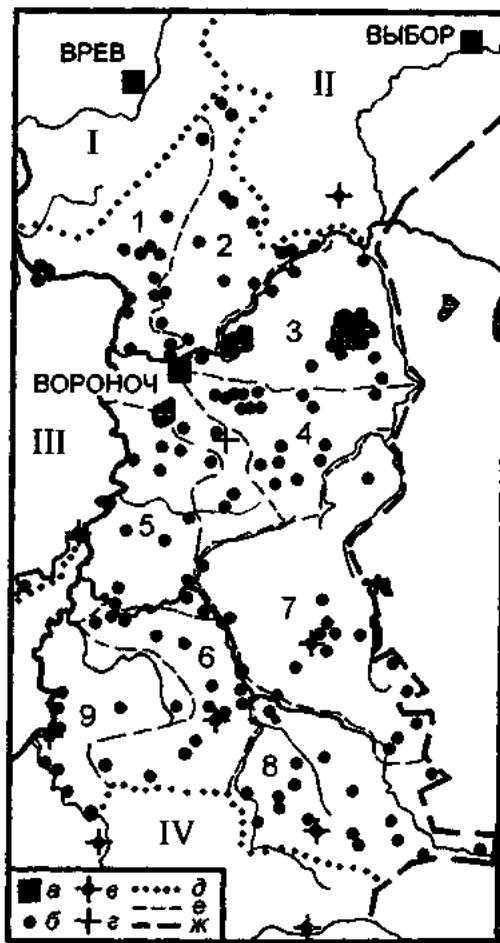

Рис.74. Административно-территориальное деление уезда Вороноча в XVI–XVII вв.

- а – центры уездов;
- б – локализованные топонимы писцовых книг XVI–XVII вв.;
- в – погосты;
- г – монастыри на Синичих горах;
- д – границы уездов Псковской земли (I – Бревеский; II – Выборский; III – Велейский; IV – Опочецкий);
- е – границы губ Вороначского уезда (1 – Егорьевская; 2 – Спасская; 3 – Михайловская; 4 – Богородицкая; 5 – Ильинская; 6 – Полянская; 7 – Заклинская; 8 – Теребенская; 9 – Богородицкий утretок);
- ж – граница Псковской земли (по Б.Н.Харлашову)

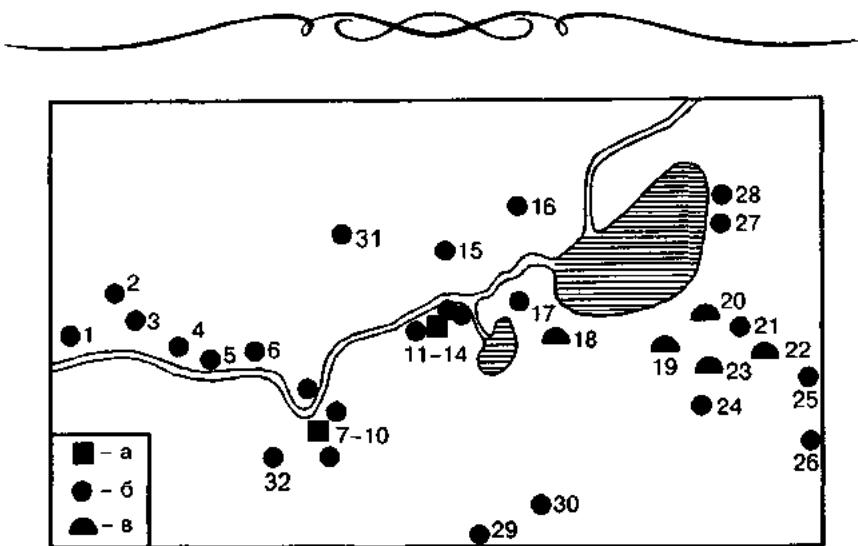

Рис.75. Археологические памятники в окрестностях Вороноча:
 а – городище; б – селище; в – могильник; 1–6 – Железово, 7–10 – Воронич,
 11–14 – Савкино, 15 – Зимари, 16 – Ледовцы, 17–24 – Михайловское,
 25 – Косохново, 26 – Ромашки, 27–28 – Петровское, 29 – Луговка,
 30 – Бугрово, 31 – Носово, 32 – Шаробыки

Рис.76. Селище Бугрово. Вид с юго-запада.
 Фото автора, 1980 г.

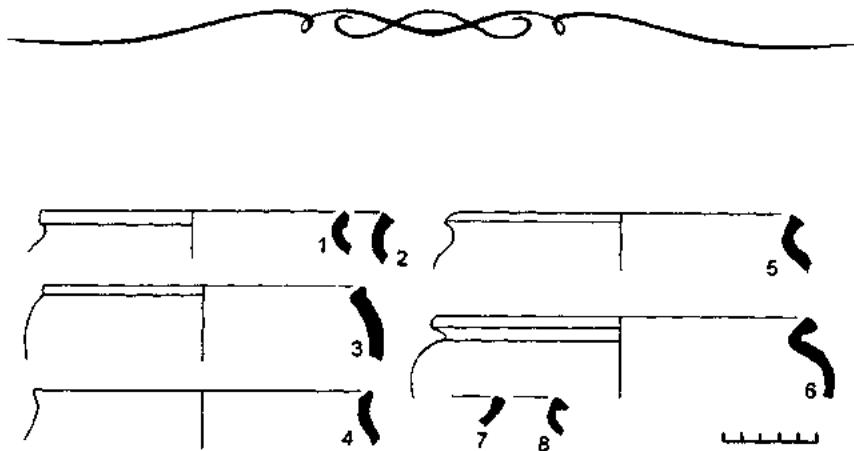

Рис.77. Селища Бутрово (1–4) и Дедовцы (5–8).
Подъемный материал. Сборы 1980 г.

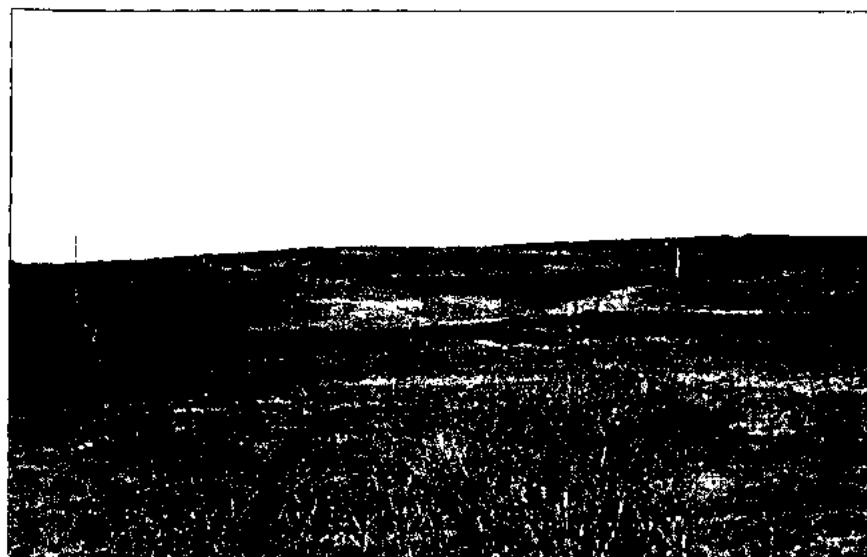

Рис.78. Селище Дедовцы. Вид с юго-востока.
Фото автора, 1980 г.

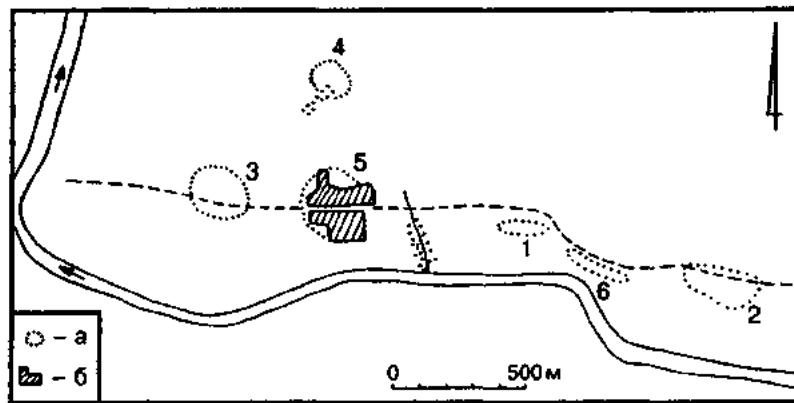

Рис.79. Селища у д.Железово. Ситуационный план:
а — границы распространения подъемного материала

Рис.80. Осмотр окрестностей д.Железово. Разведка 1980 г.
В центре: «застрявшие» из-за бездорожья экспедиционная машина
и два трактора, пытающиеся ее вытащить. Фото автора, 1980 г.

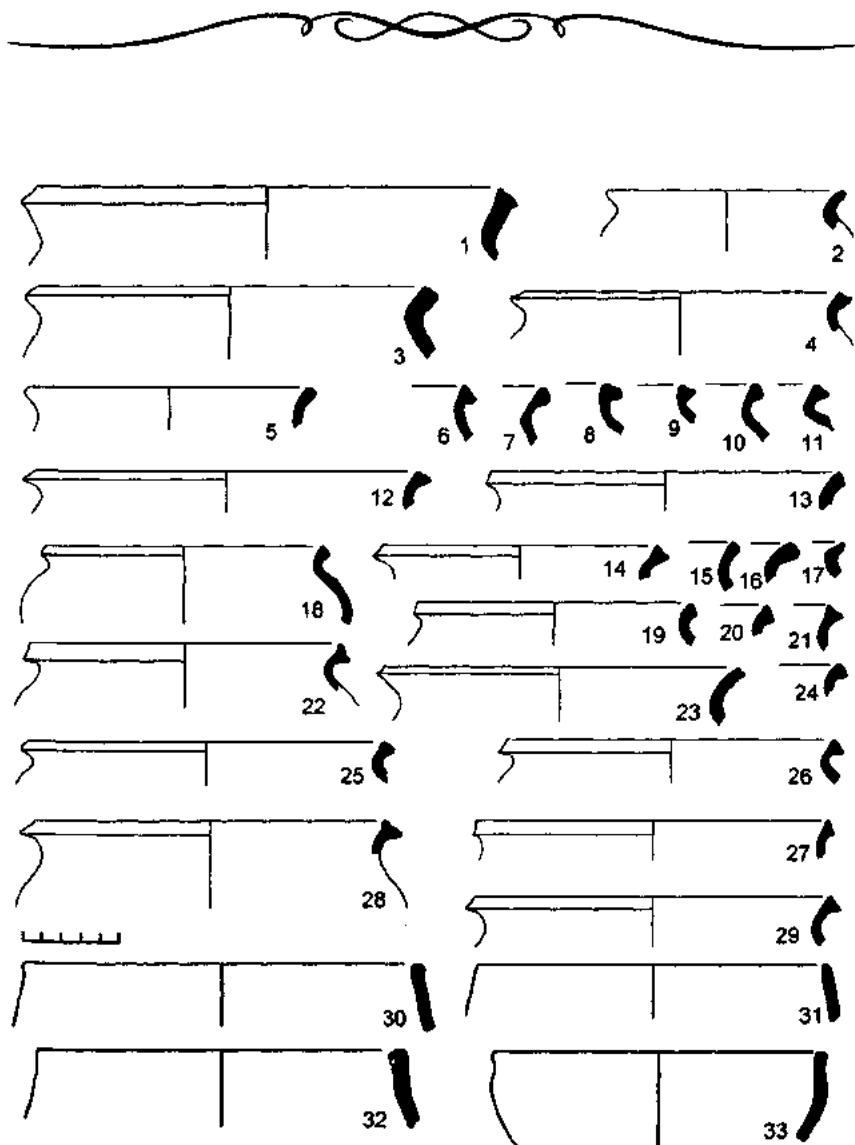

Рис.81. Лепная (30–33) и круговая (1–29) керамика селищ
у д. Железово. Подъемный материал. Сборы 1980 г.:
1–11, 30–32 – Железово 1; 12–26 – Железово 2; 27 – Железово 4;
28, 33 – Железово 5; 29 – Железово 3

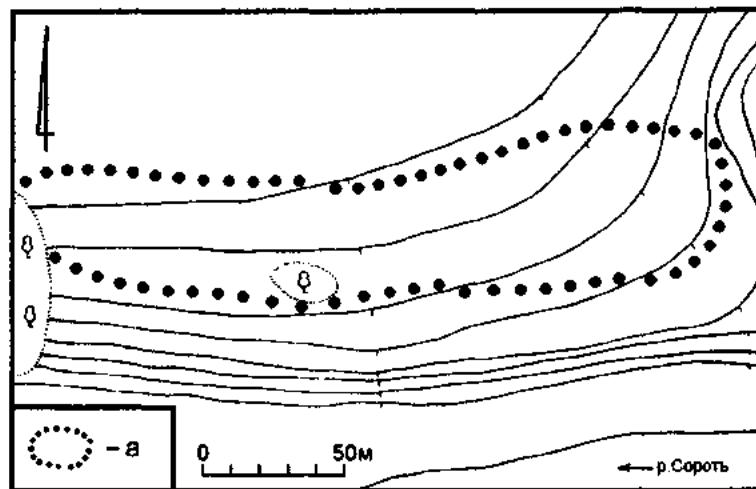

Рис.82. Селище Железово 1. Сечение горизонталей 1 м:
а — границы распространения подъемного материала

Рис.83. Селище Железово 2. Вид с юго-востока.
Фото автора, 1980 г.

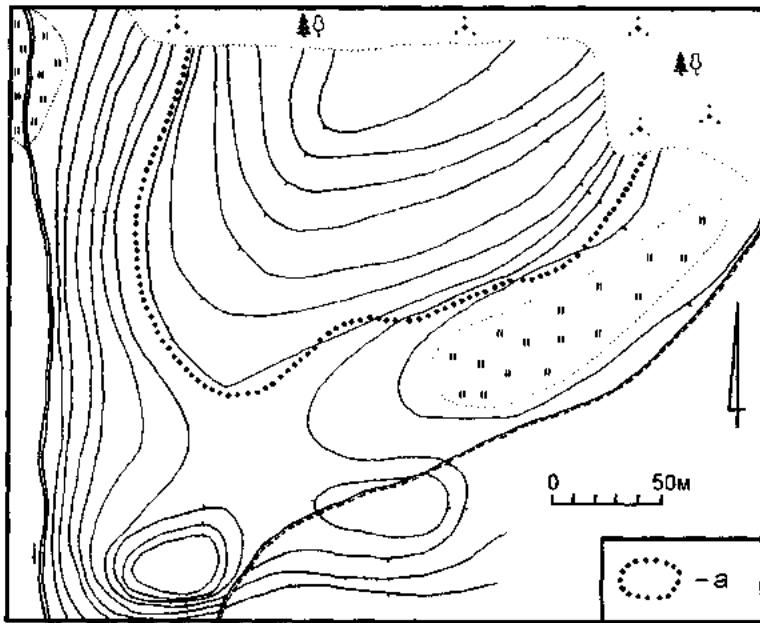

Рис.84. Селище Зимари. Сечение горизонталей 1 м:
а — границы распространения подъемного материала

Рис.85. Селище Зимари. Вид с юга.
Фото автора, 1980 г.

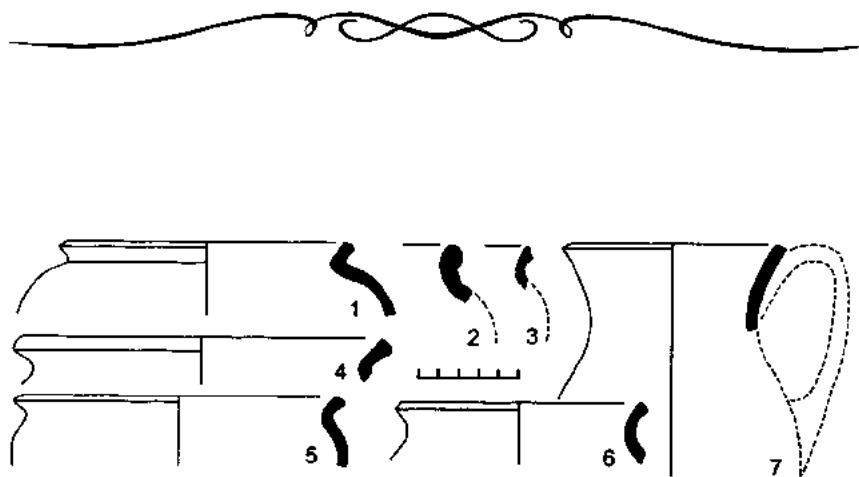

Рис.86. Селище Зимари. Подъемный материал.
Сборы 1980 г.

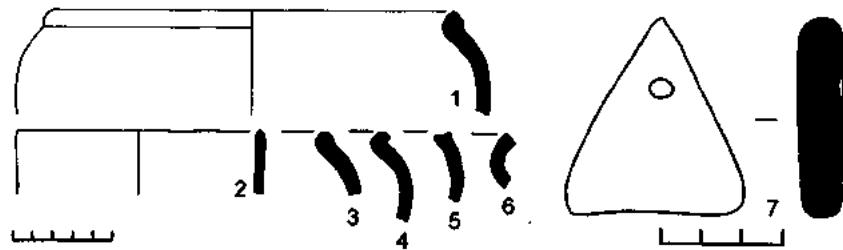

Рис.87. Керамика (1–6) и каменный предмет (7) с селища Луговка.
Подъемный материал. Сборы 1980 г.

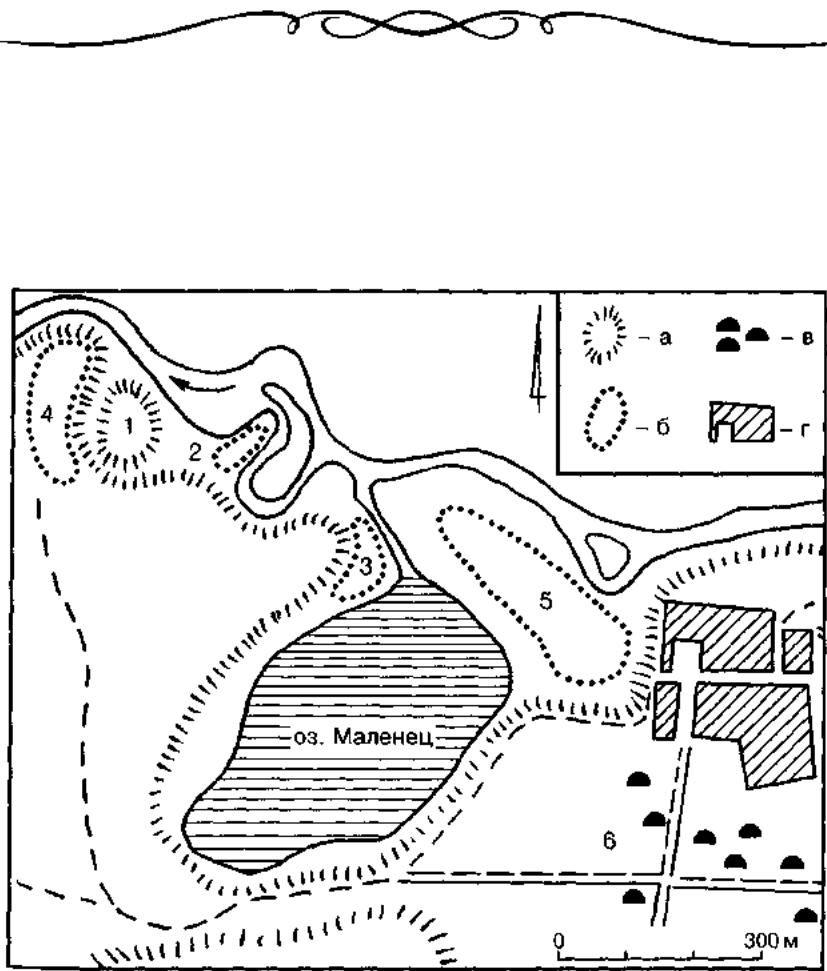

Рис.88. Археологические памятники близ усадьбы Михайловское.
Ситуационный план:

а – городище; б – селище; в – могильник; г – усадьба;
1 – Савкина Горка; 2 – селище Савкино 1; 3 – селище Савкино 2;
4 – селище Савкино 3; 5 – селище Михайловское 1;
6 – могильник Михайловское 1

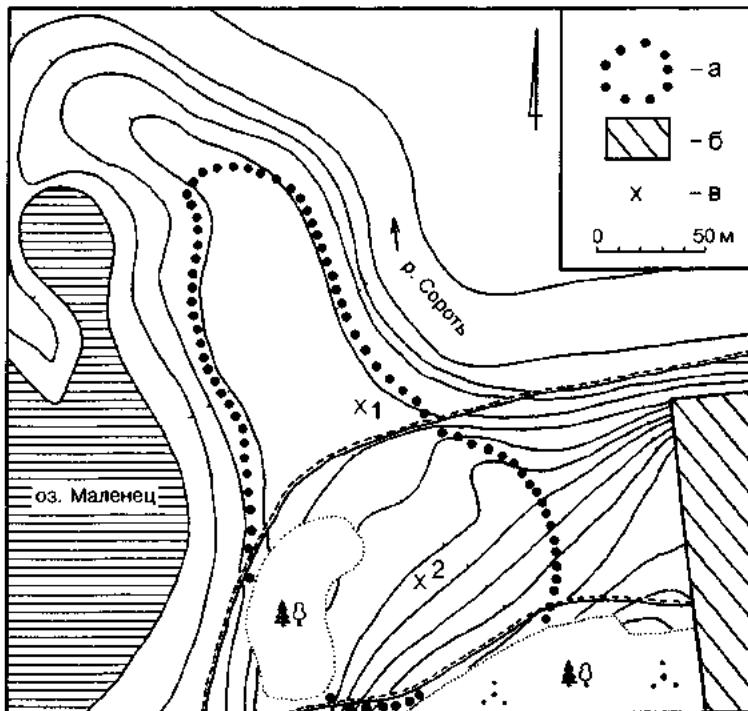

Рис.89. Селище Михайловское 1. План:
 а — границы распространения культурного слоя;
 б — территория усадьбы; в — местоположение шурfov
 (1 — 1973 г.; 2 — 1980 г.)

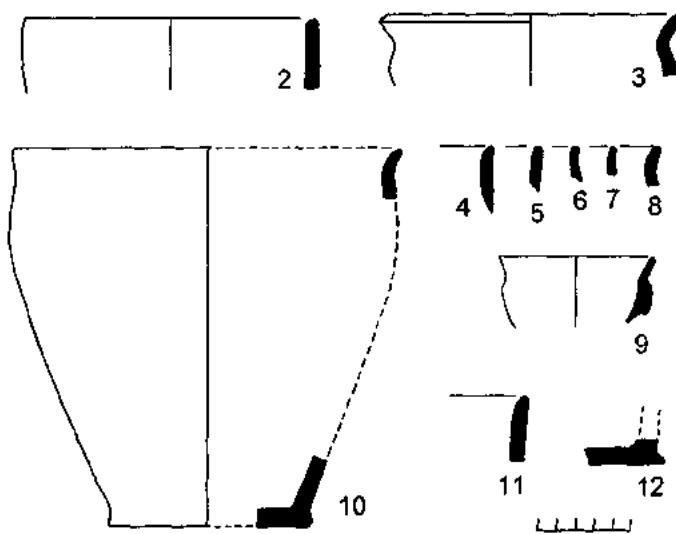
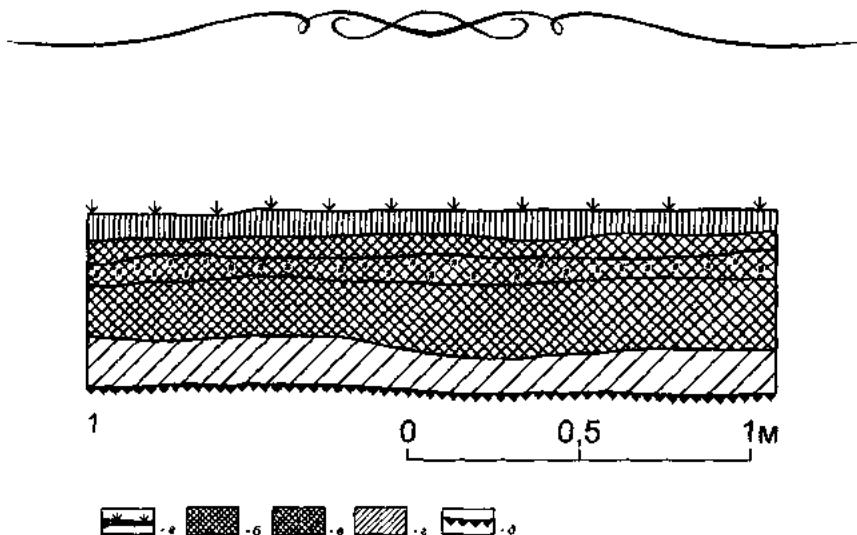

Рис.90. Селище Михайловское 1. Шурф 1973 г.;
1 — стратиграфия культурного слоя (а — дерн; б — черный слой;
в — черный слой с угольками; г — серый слой; д — материк);
2—12 — лепная керамика

Рис.91. Селище Михайловское 1. Вид с юго-востока.
Фото автора, 1980 г.

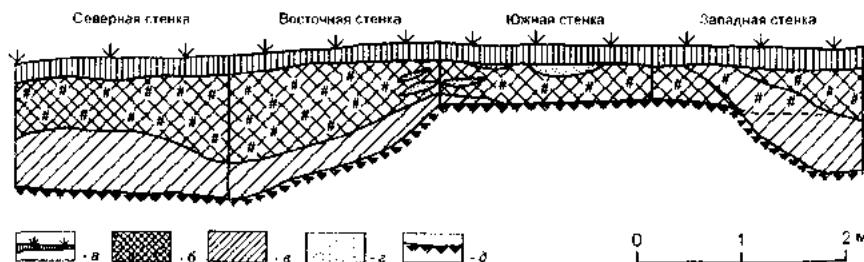

Рис.92. Селище Михайловское 1. Шурф 1980 г. Стратиграфия культурного слоя:
а — лерн; б — темно-коричневый (до черного) с угольками;
в — светло-коричневый с угольками; г — песок; д — материк

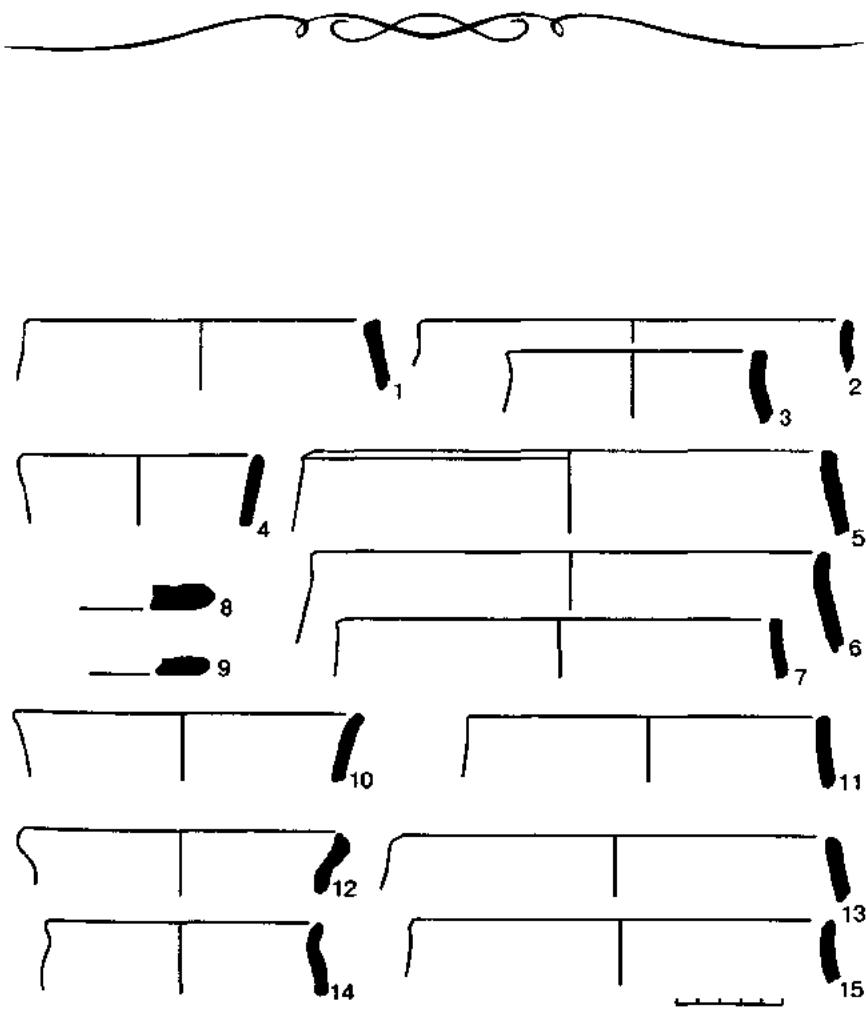

Рис.93. Селище Михайловское 1. Шурф 1980 г. Лепная керамика:

1 – дерновой и поддерновой слой; 2–3 – верхний слой;

4–9 – нижний слой; 10–11 – зачистка поверхности материка;

12–15 – заполнение ямы в материке

Рис.94. Селище Михайловское I. Шурф 1980 г. Вид с юга.
Фото автора, 1980 г.

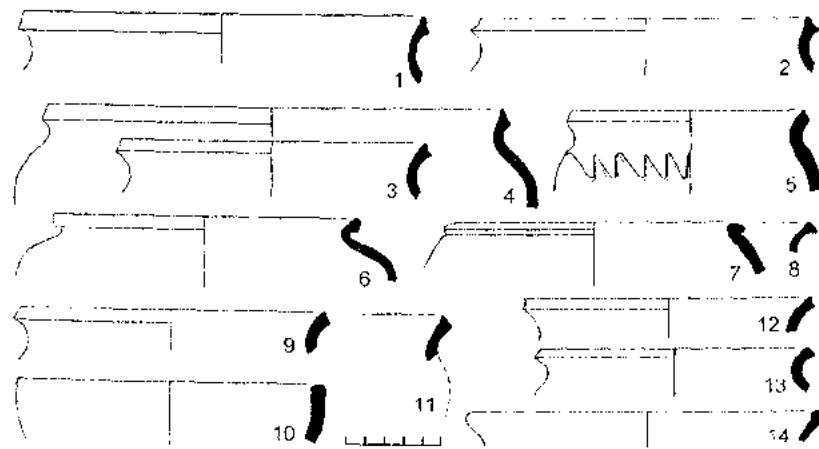

Рис.95. Круговая керамика серии близ усадьбы Михайловское.
Подъемный материал. Сборы 1980 г.

1-2 — Михайловское I; 3-8 — Михайловское II; 9-14 — Михайловское III

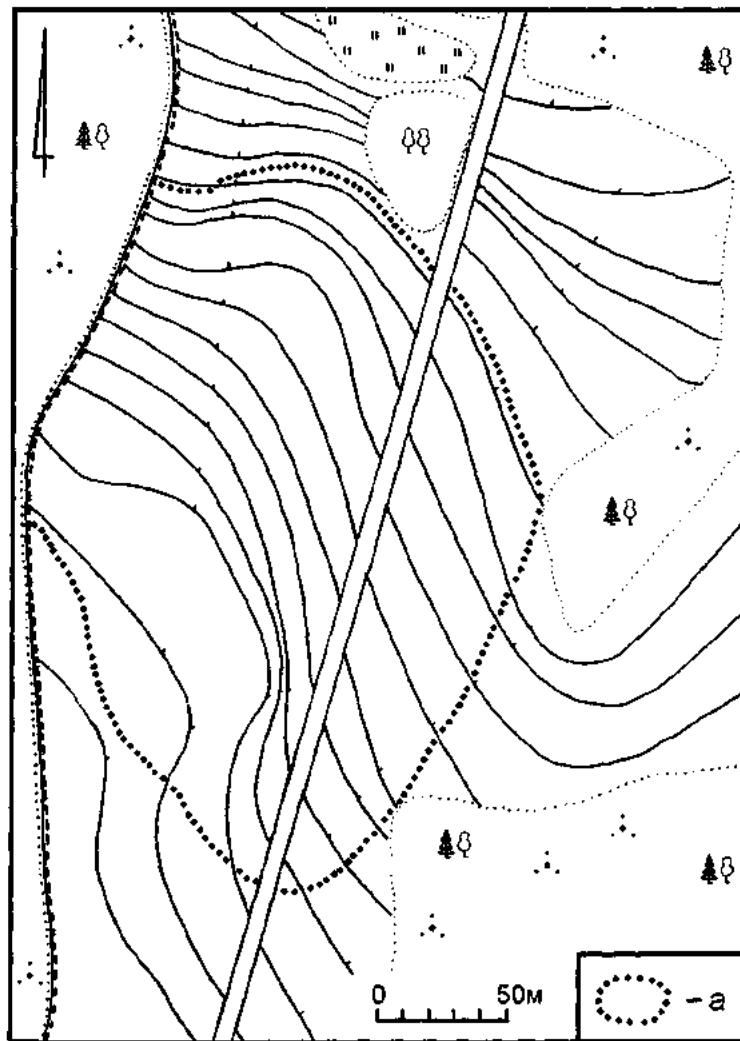

Рис.96. Селище Михайловское 2. Сечение горизонталей 1 м:
а -- границы распространения подъемного материала

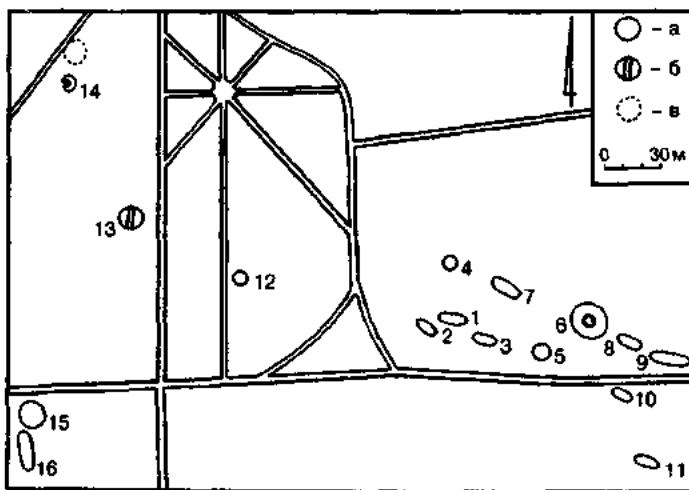

Рис.97. Могильник Михайловское 1:
а — курган; б — курган со следами раскопок;
в — «гrot» на месте предполагаемого кургана

Рис.98. Могильник Михайловское I. Курган № 5. Вид с юга.
Фото автора, 1980 г.

Рис.99. Могильник Михайловское 1. Курган № 9. Вид с юга.
Фото автора, 1980 г.

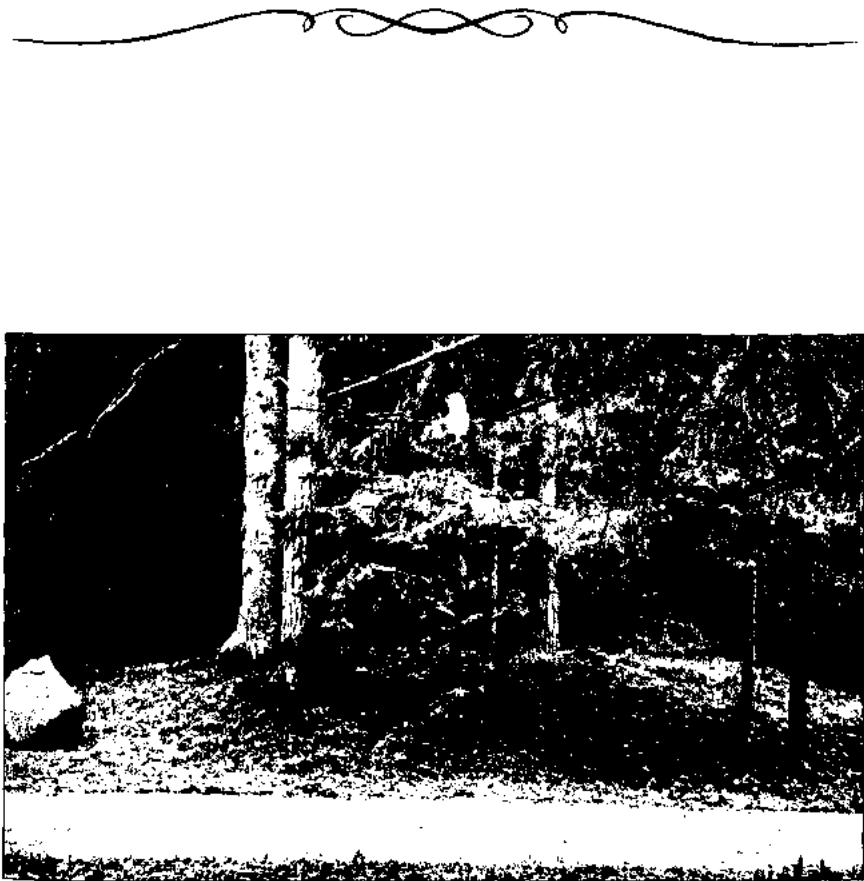

Рис.100. Могильник Михайловское I. Курган № 15. Вид с севера.
Фото автора, 1980 г.

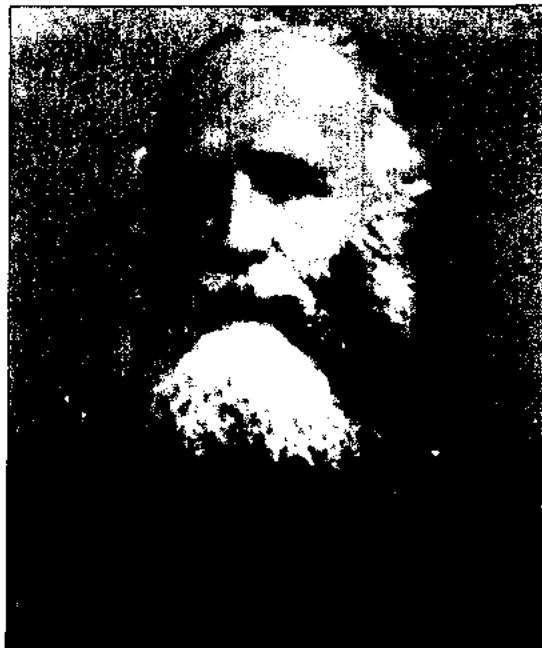

Рис.101. Г.А.Пушкин. Фото 1915 г.
(по В.М.Русакову)

Рис.102. Крест с Поклонной горки
в парке усадьбы Михайловское

Рис.103. Крест с Поклонной горки усадьбы Михайловское.
Фото автора, 1980 г.

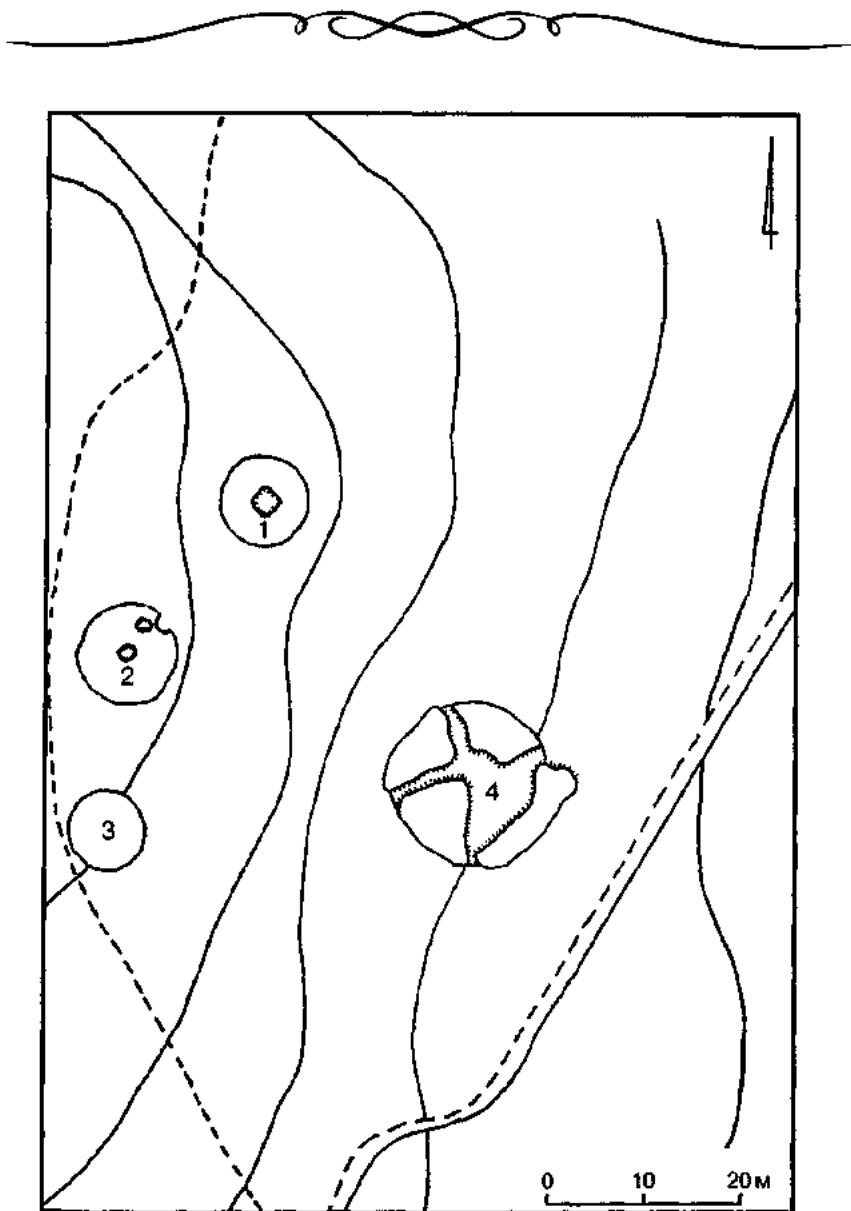

Рис.104. Могильник Михайловское 2.
Сечение горизонталей 1 м

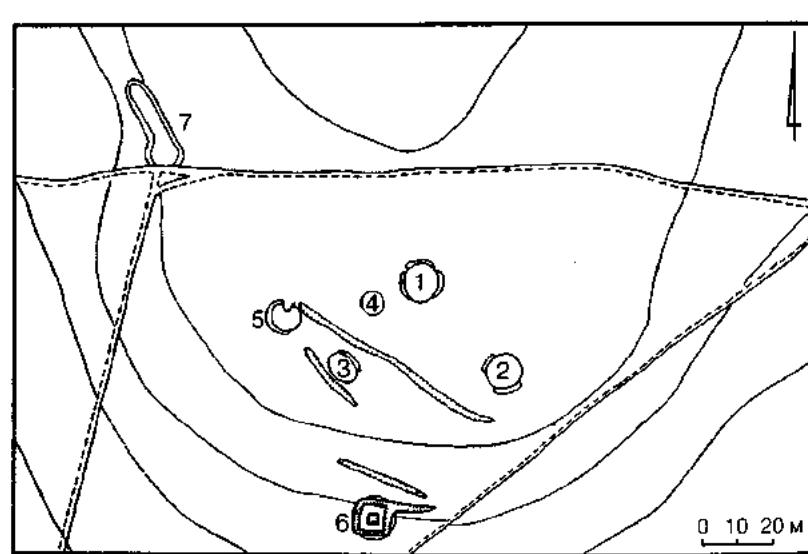

Рис.105. Могильник Михайловское 3.
Сечение горизонталей 1 м

Рис.106. Могильник Михайловское 3. Курган 1. Вид с северо-востока.
Фото автора, 1980 г.

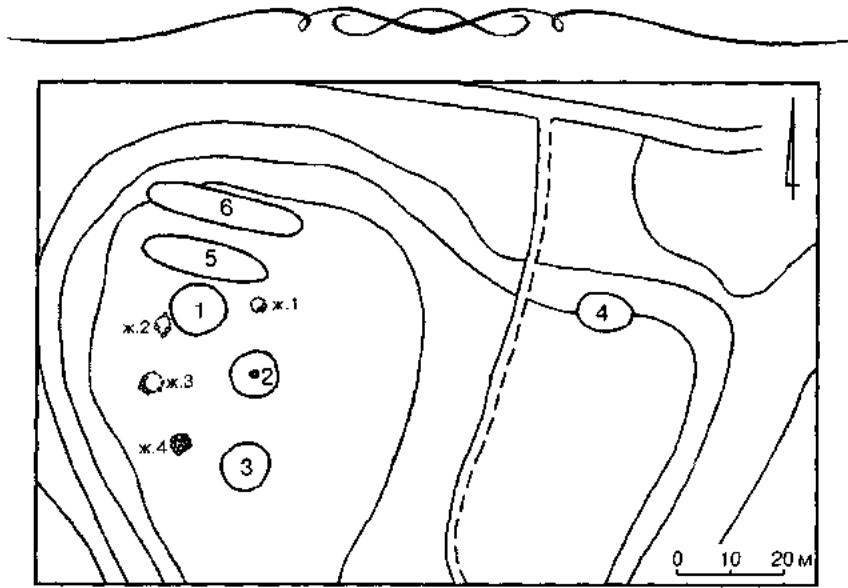

Рис.107. Могильник Михайловское 4.
Сечение горизонталей 1 м

Рис.108. Могильник Михайловское 4. Жальник № 4. Вид с юго-запада.
Фото автора. 1980 г.

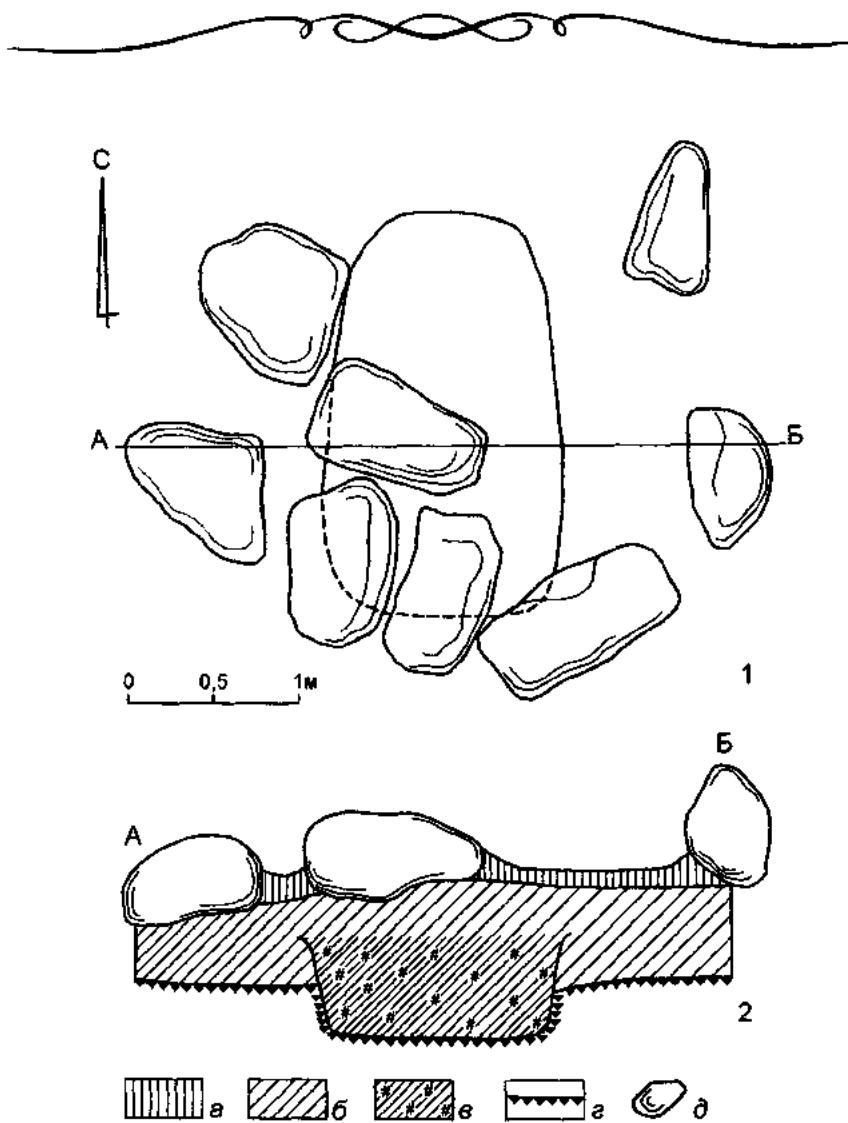

Рис.109. Могильник Михайловское 4.
Жальник № 1 (1 — план; 2 — профиль):
а — дерн; б — серый слой; в — темно-серый с угольками слой;
г — материк; д — валун

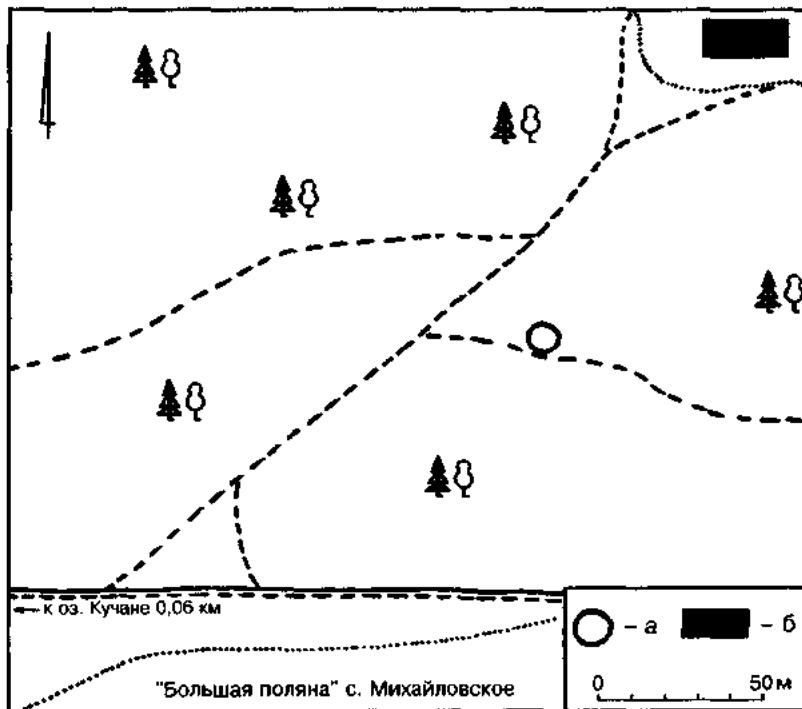

Рис.110. Одиночный курган Михайловское:
а – курган; б – постройка хоз. двора Заловедника

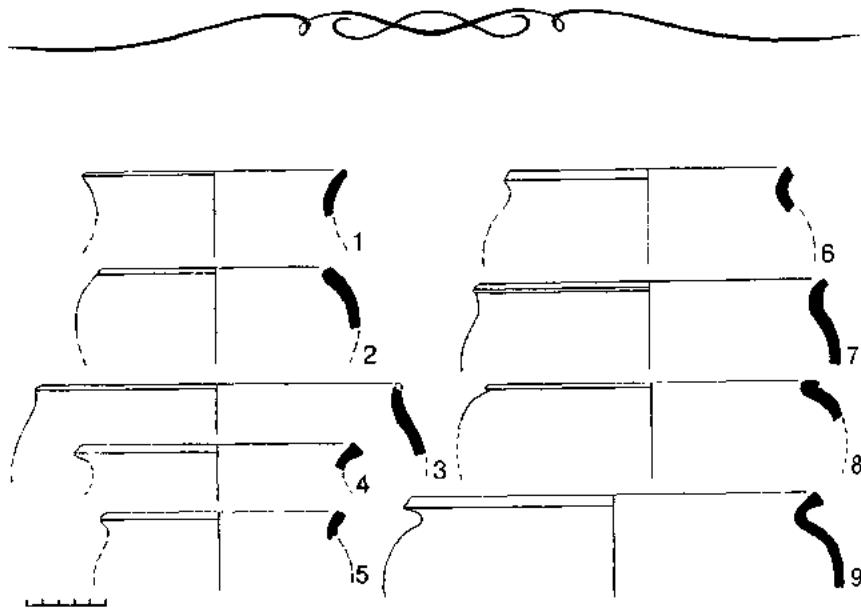

Рис.111. Селища Шаробыки (1-5) и Полосово (6-9).
Подъемный материал (по О.Ю.Малиновой)

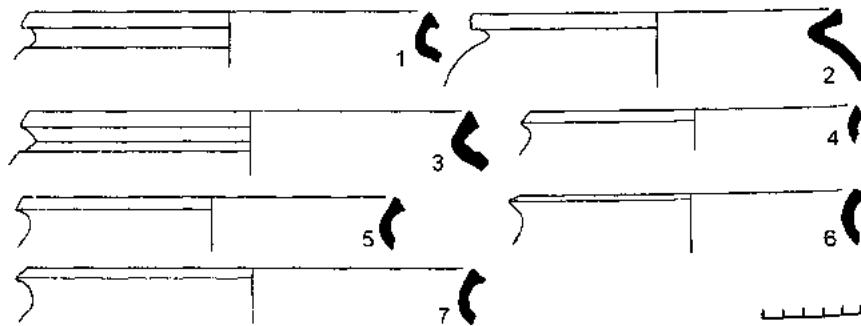

Рис.112. Селища Ромашки (1-2), Петровское 2 (3-4) и Петровское 1 (5-7).
Подъемный материал. Сборы 1980 г.

Рис.113. Городище Савкина Горка. Вид с северо-запада.
Фото автора, 1980 г.

Рис.114. Городище Санкина Горка. Въезд на площадку. Вид с юго-запада.
Фото автора, 1980 г.

Рис.115. Площадка городища Савкина Горка. Справа от часовни под деревьями раскоп. Фото В.Д.Белецкого, 1972 г.

Рис.116. Городище Савкина Горка. Вид с севера.
Фото автора, 1980 г.

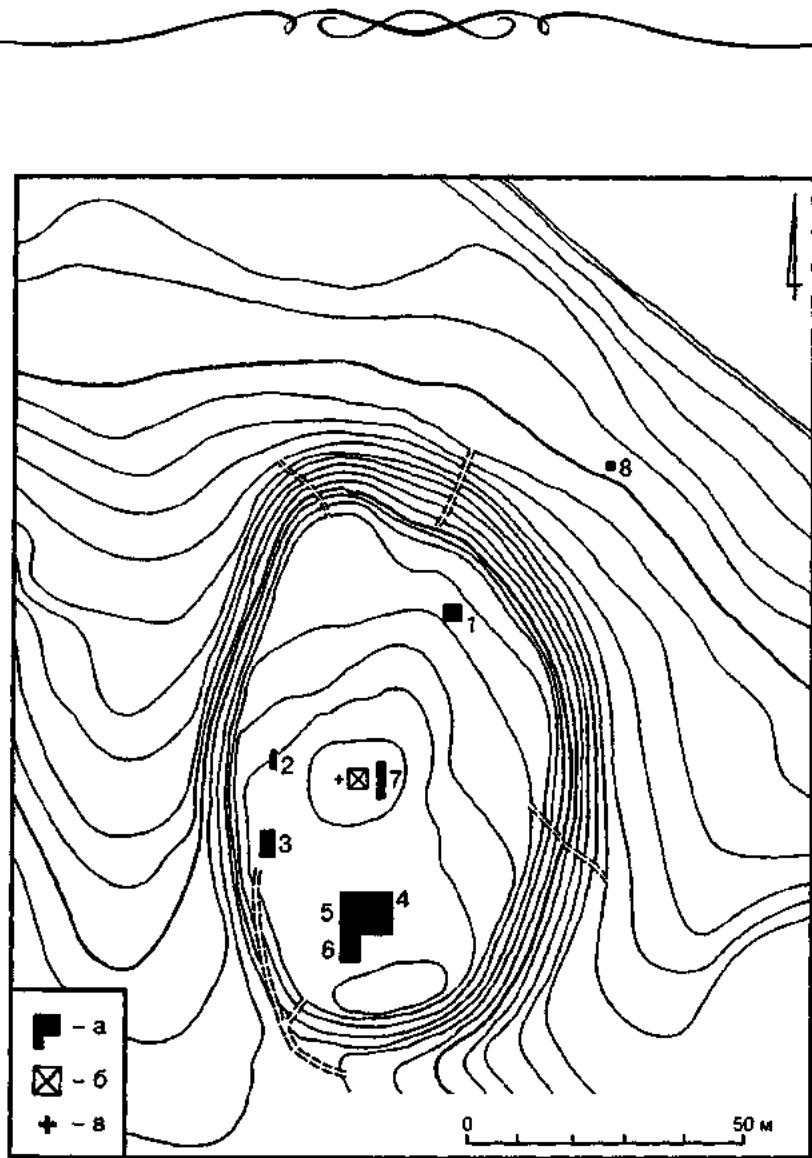

Рис.117. Городище Савкина Горка. План:
 а – раскопы, шурфы (1 – шурф № 1, 1970 г.; 2 – шурф № 3, 1970 г.;
 3 – раскоп Б, 1972 г.; 4 – шурф № 2, 1970 г.; 5 – раскоп 1971 г.;
 6 – раскоп А, 1972 г.; 7 – раскоп 1973 г.; 8 – шурф № 1, 1973 г.);
 б – часовня; в – Савкин камень (по В.Д.Белецкому)

Рис.118. В.Д.Белозерский (в центре) на раскопках городища Савкина Горка.
Фото 1970 г.

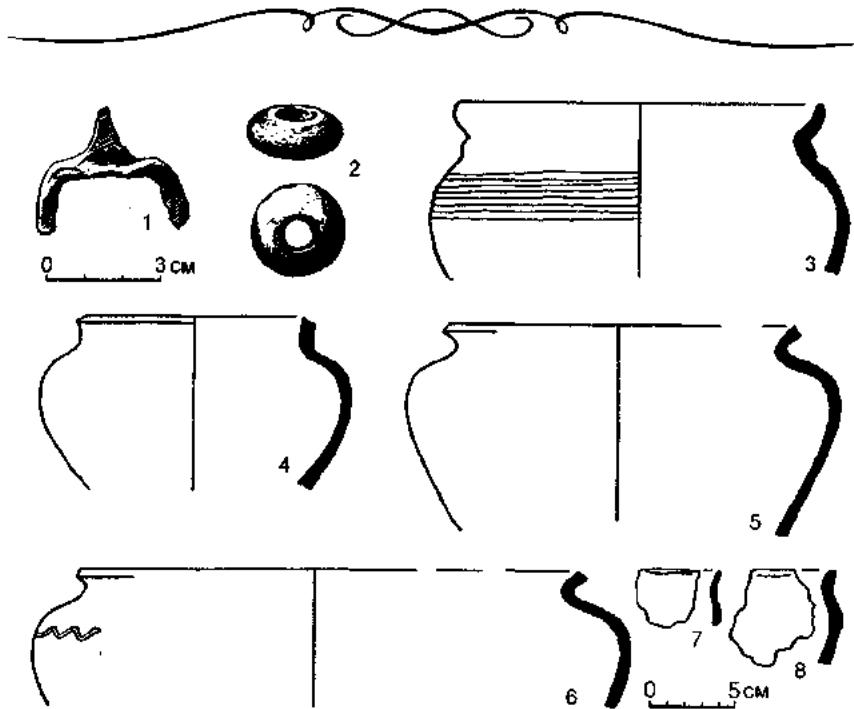

Рис.119. Городище Савкина Горка.
Найдены в шурфе № 1, 1970 г. (по В.Д.Белецкому);
1 – железо; 2 – камень; 3–5 – керамика

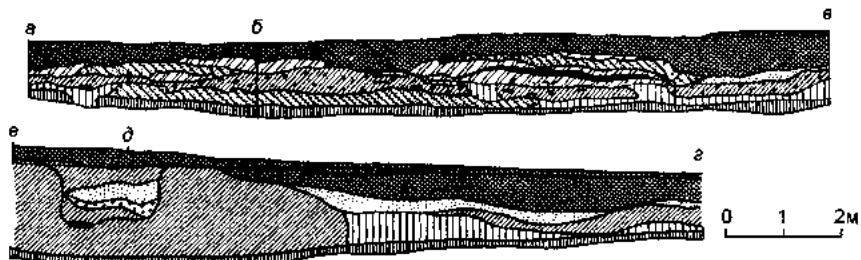

Рис.120. Городище Савкина Горка.
Стратиграфия раскопа 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому).
Условные обозначения см. на рис.12. Местоположение стратиграфических
профилей обозначено буквами, соответствующими плану на рисунках 121 и 137

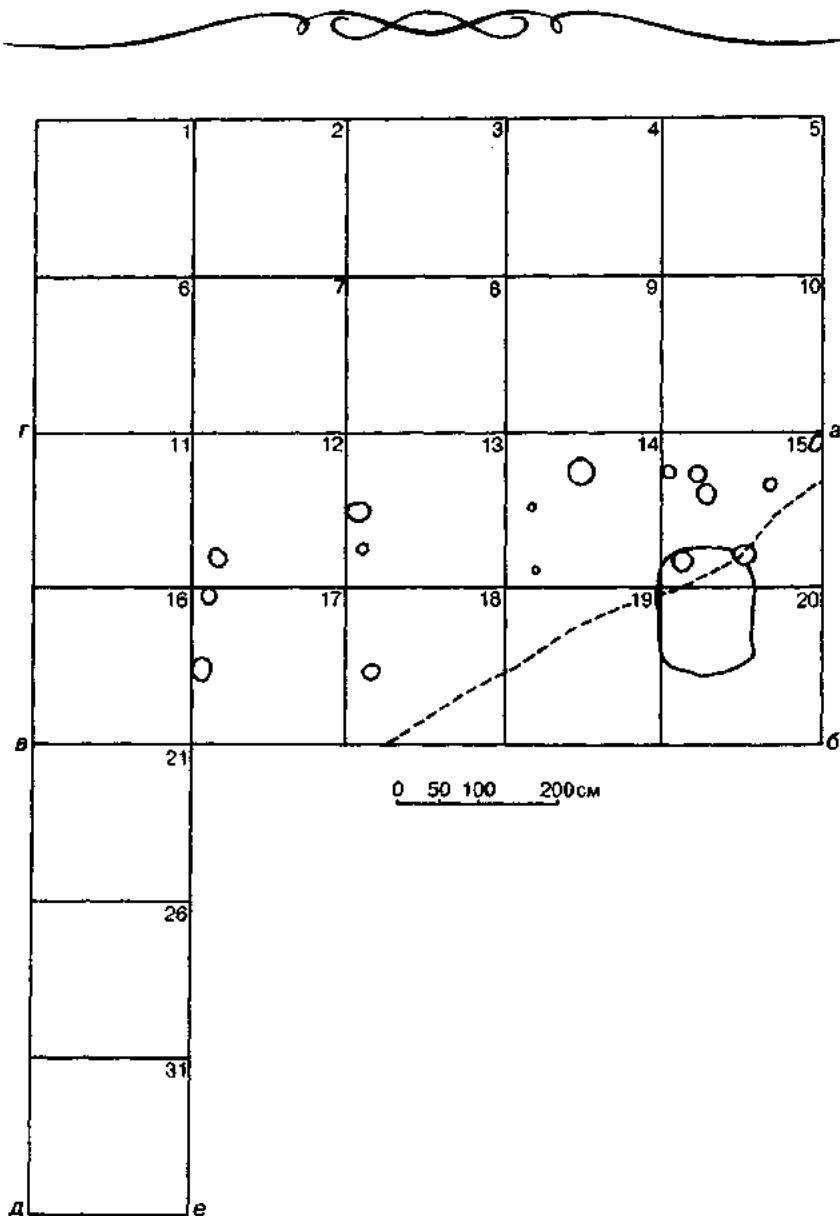

Рис.121. Городище Савкина Горка.
План раскопа 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому).
Пунктиром обозначена граница полы вала

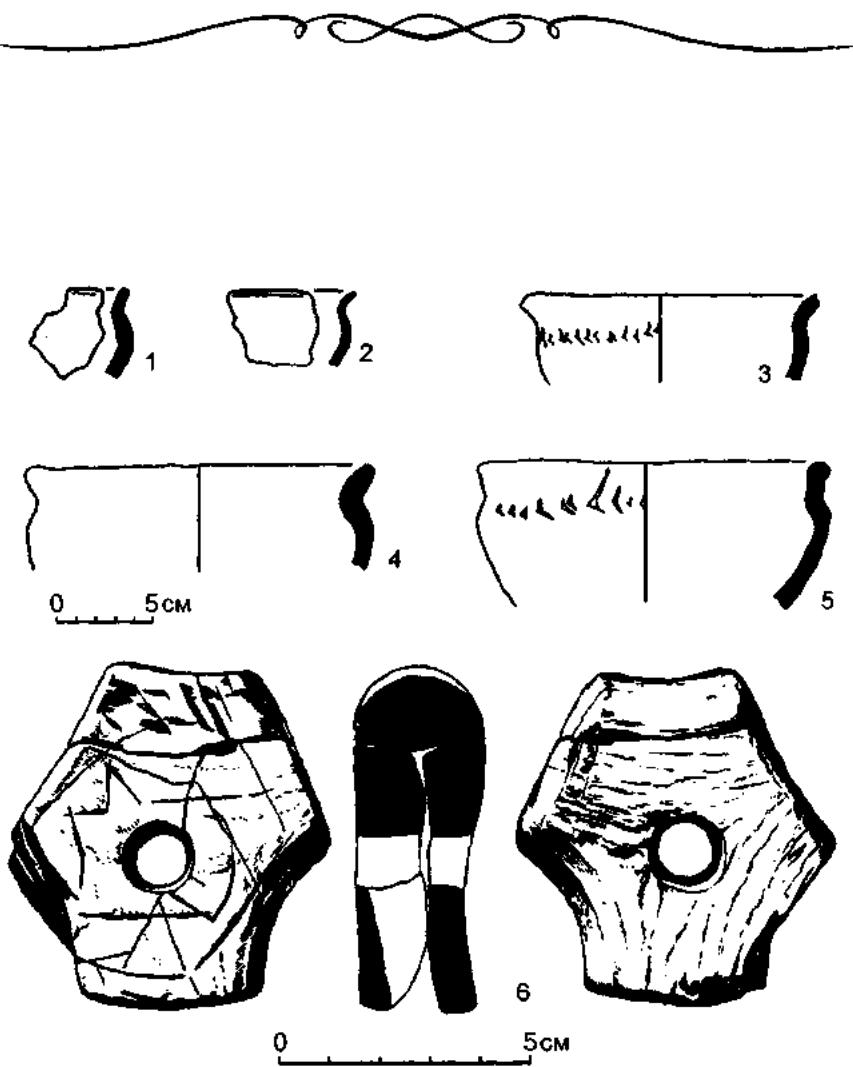

Рис.122. Городище Савкина Горка.
Найдены из нижнего слоя (по В.Д.Белецкому):
1–5 – керамика; 6 – рог

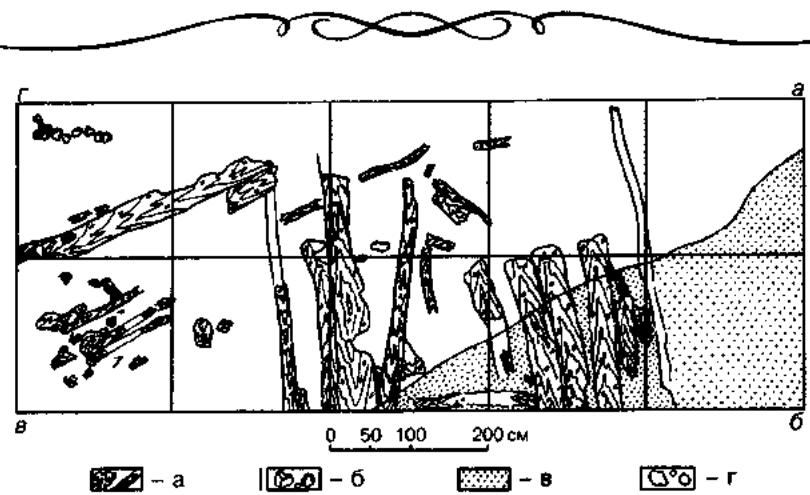

Рис.123. Городище Савкина Горка.
Фрагмент раскопа 1970–1972 гг. Нижний горизонт основного слоя:
а – обугленное дерево; б – камни; в – песок (по В.Д.Белецкому)

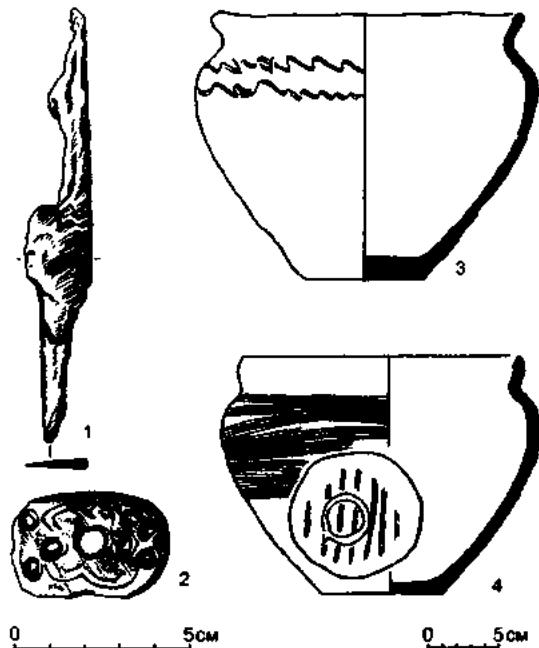

Рис.124. Городище Савкина Горка. Найденные из низшего горизонта среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому):
1 – железо; 2 – камень; 3–4 – керамика

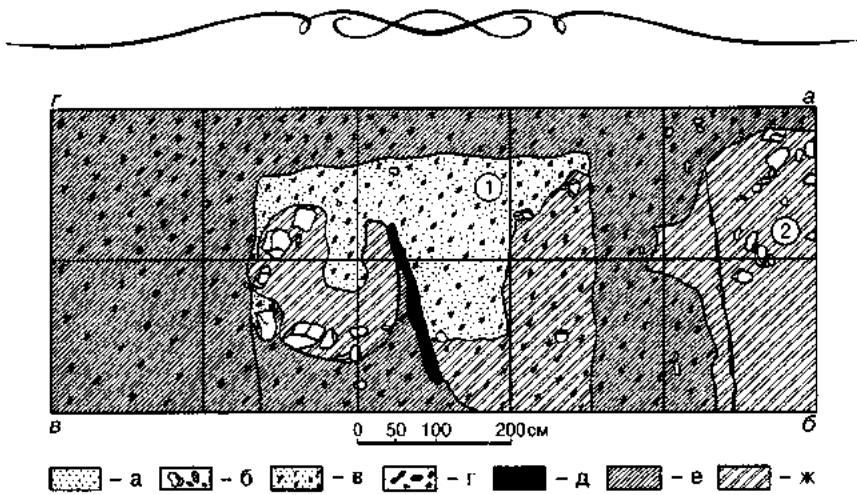

Рис.125. Городище Савкина Горка. Фрагмент раскопа 1970–1972 гг.

Верхний горизонт основного слоя (по В.Д.Белецкому):

a — песок; *b* — камни; *c* — зола; *г* — обугленное дерево;
d — темно-серая земля с золой; *e* — слой горения; *ж* — обожженная глина

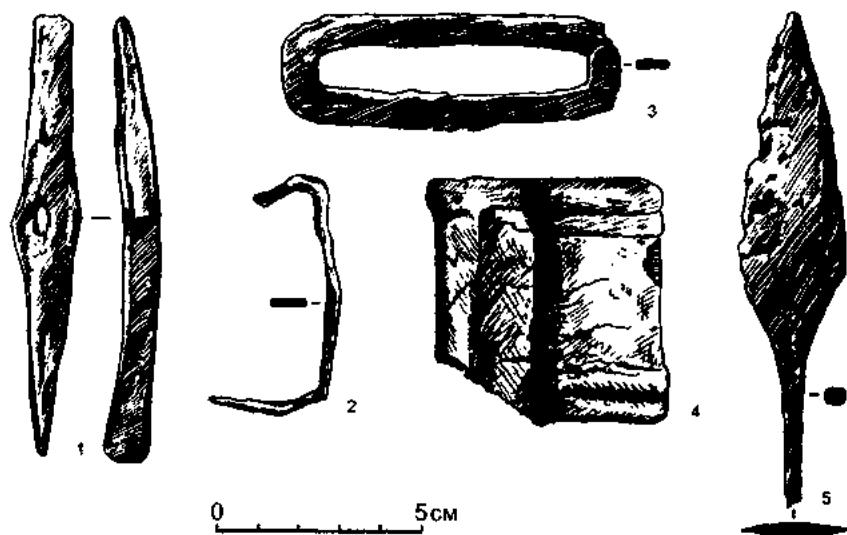

Рис.126. Городище Савкина Горка. Находки из постройки № 1
верхнего горизонта среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому);
 1–5 — железо

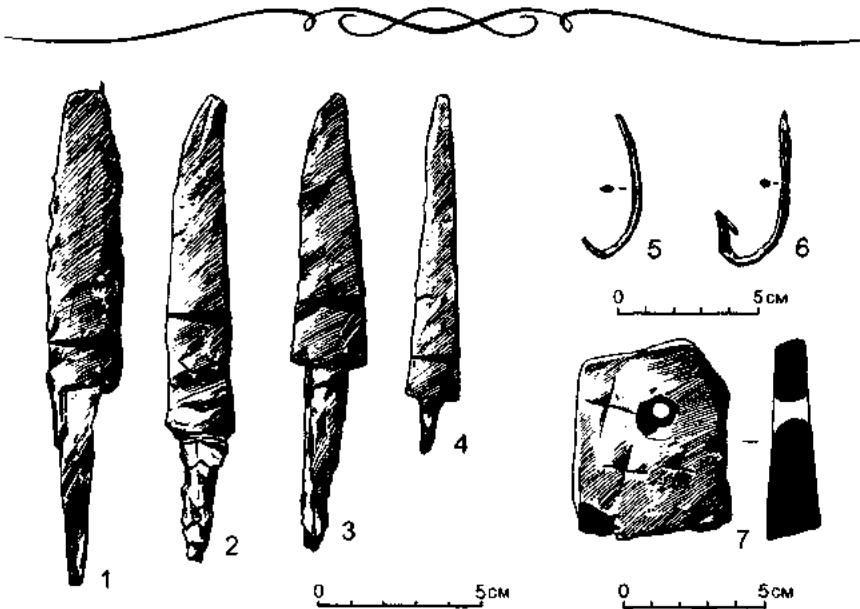

Рис.127. Городище Савкина Горка. Находки из постройки № 1
верхнего горизонта среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому):
1–6 – железо; 7 – камень

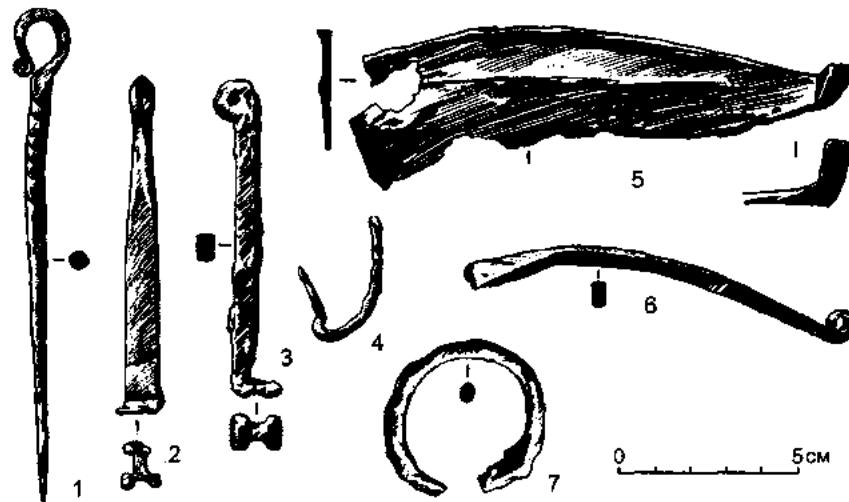

Рис.128. Городище Савкина Горка. Находки из верхнего горизонта
среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому):
1–7 – железо

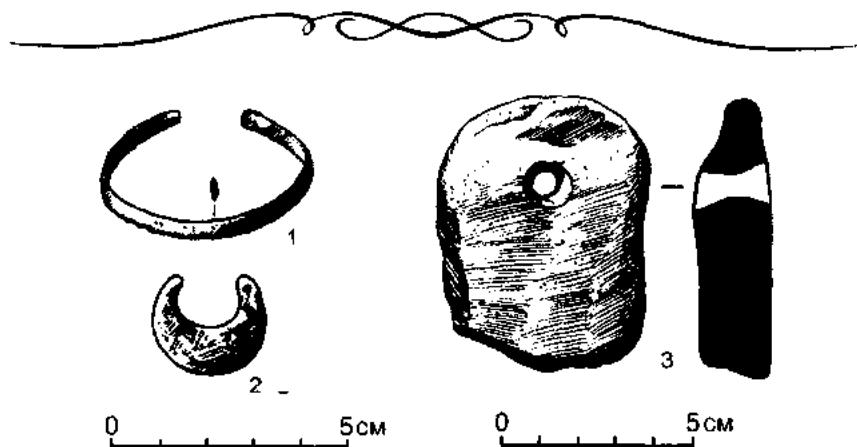

Рис.129. Городище Савкина Горка. Найдены из постройки № 2 верхнего горизонта среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д. Белецкому):
1–2 – цветной металл; 3 – камень

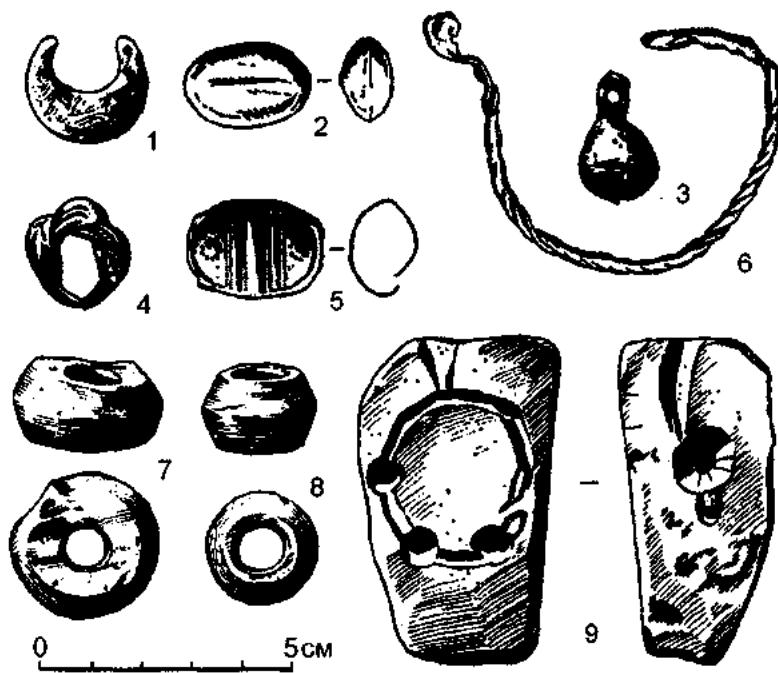

Рис.130. Городище Савкина Горка. Найдены из постройки № 1 верхнего горизонта среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д. Белецкому):
1, 3–6 – цветной металл, 2, 7–9 – камень

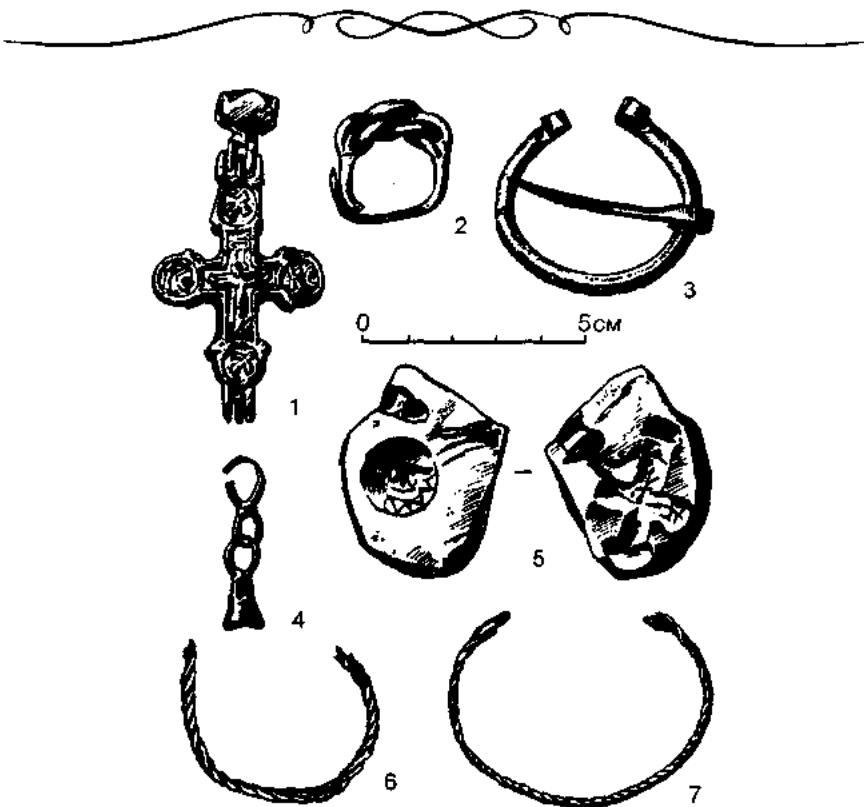

Рис.131. Городище Савкина Горка. Найдены из верхнего горизонта среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому):
1–4, 6, 7 – цветной металл; 5 – камень

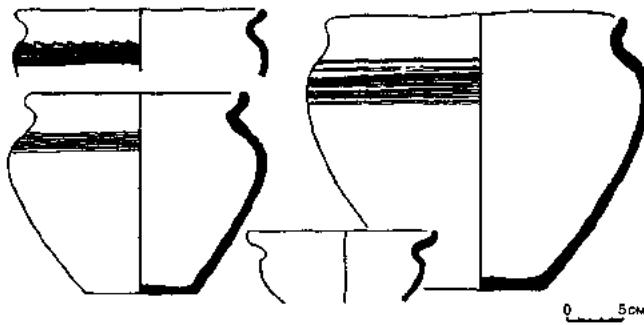

Рис.132. Городище Савкина Горка. Керамика из верхнего горизонта среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому)

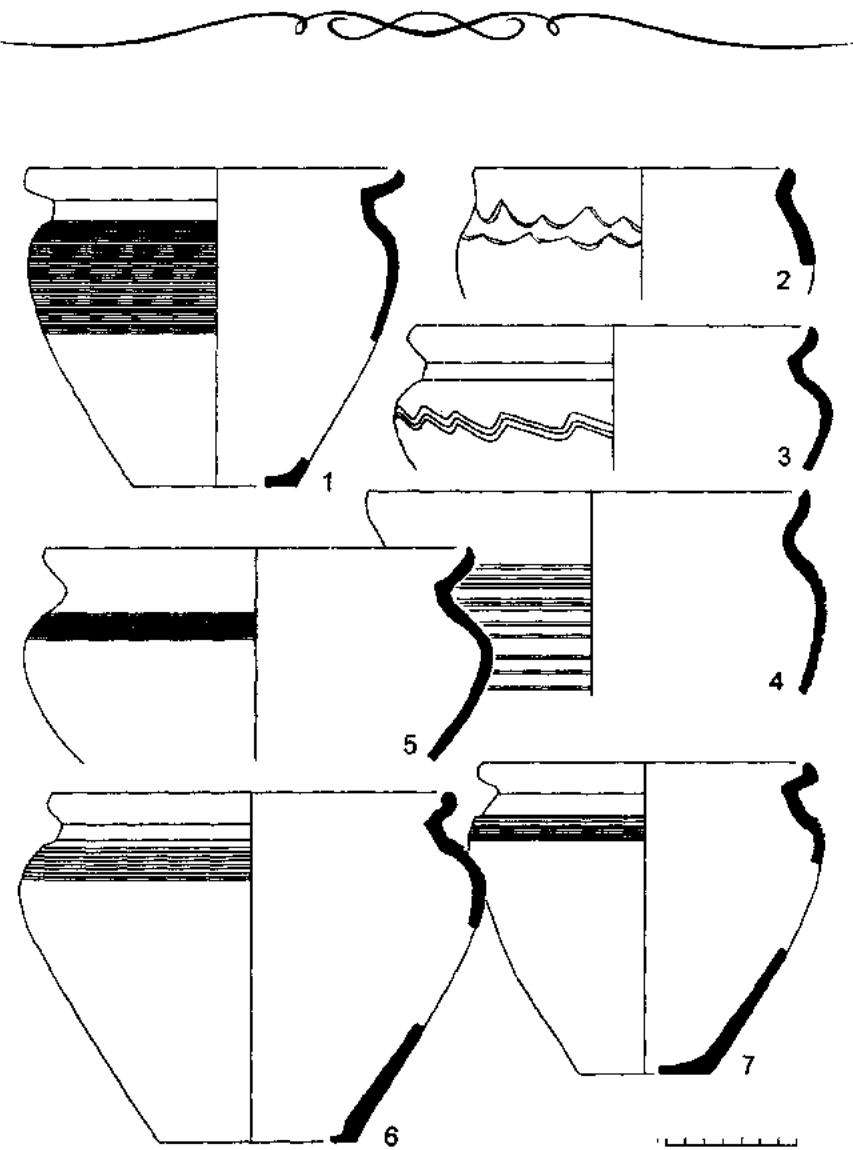

Рис.133. Городище Савкина Горка.
Керамика из среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг.

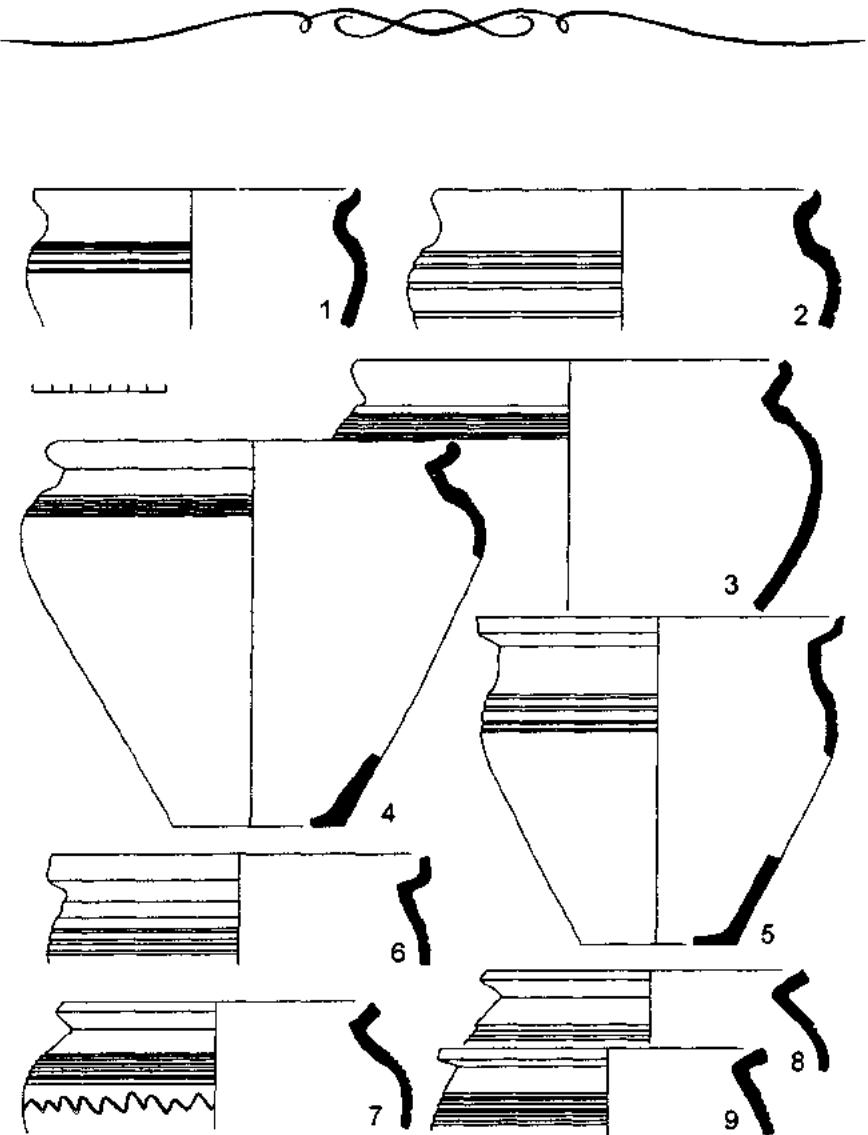

Рис.134. Городище Савкина Горка.
Керамика из среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг.

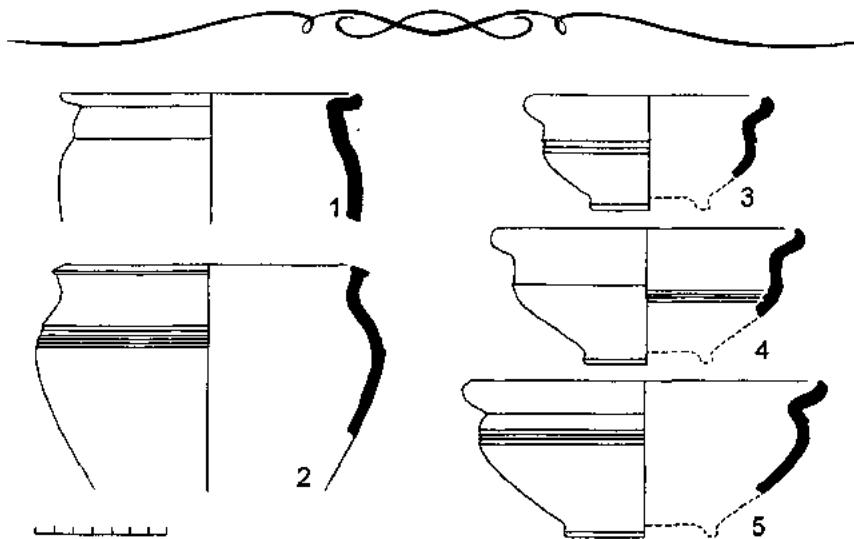

Рис.135. Городище Савкина Горка.
Керамика из среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг.

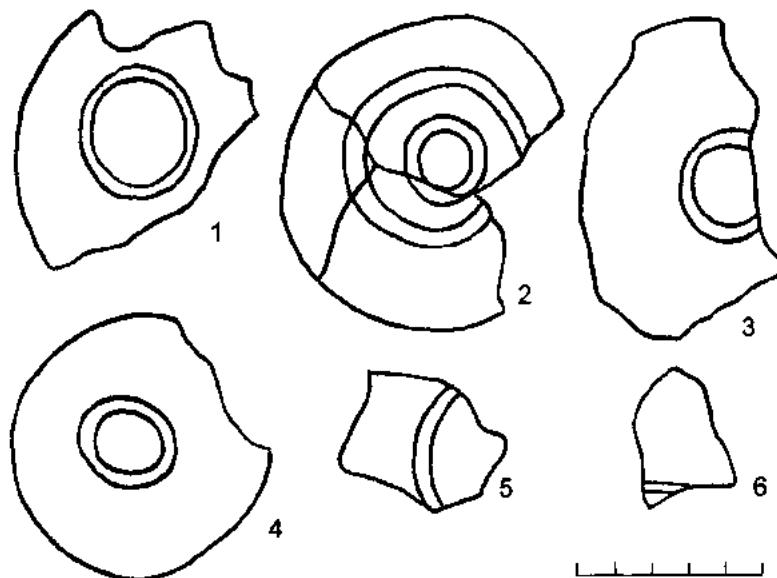

Рис.136. Городище Савкина Горка.
Гончарные клейма из среднего слоя в раскопе 1970–1972 гг.

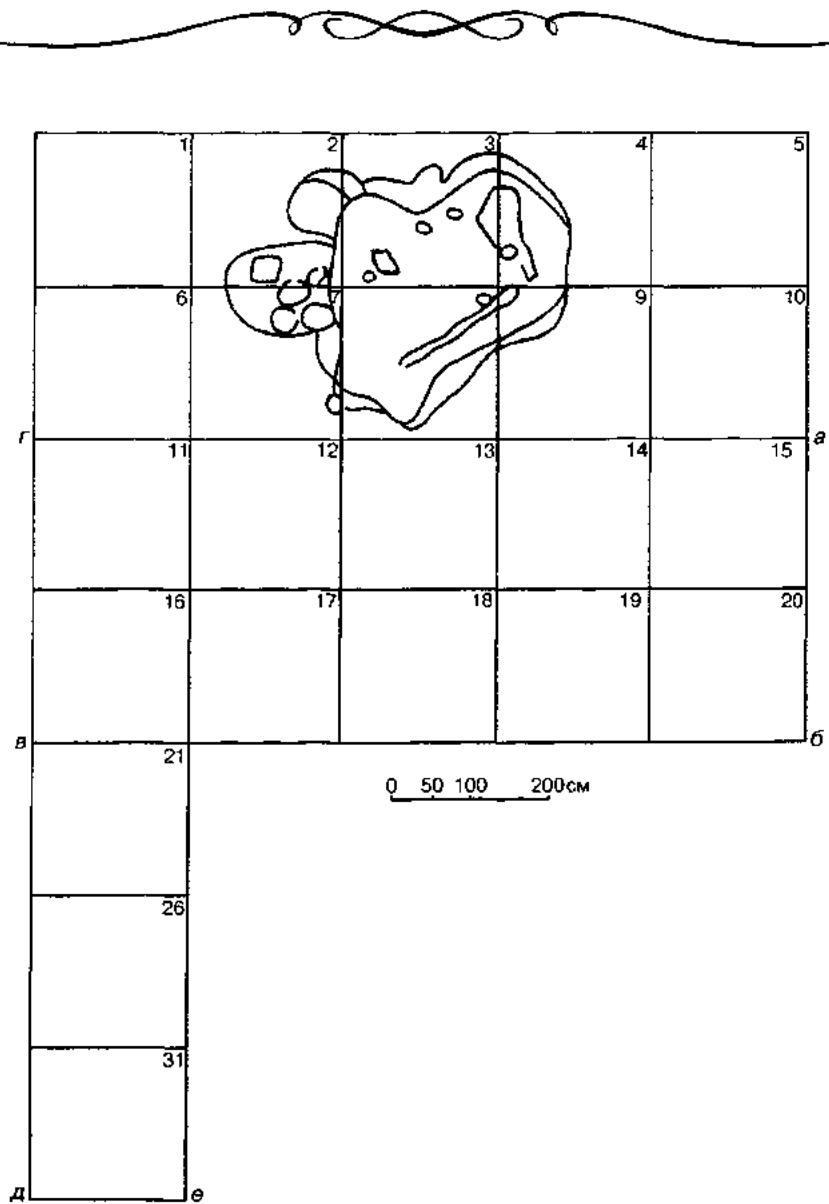

Рис.137. Городище Савкина Горка. План раскопа 1970–1972 гг.
с обозначением местоположения погреба (по В.Д.Белецкому)

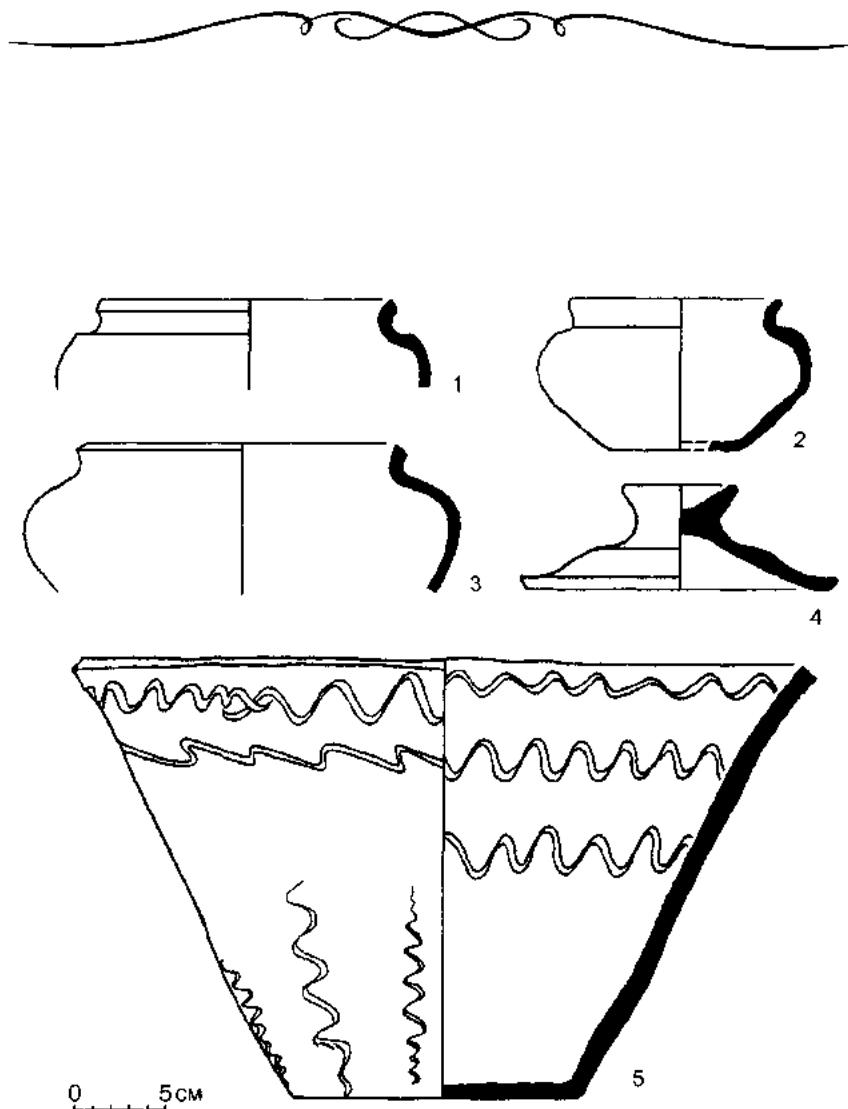

Рис.138. Городище Савкина Горка.
Керамика из верхнего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Беленкому)

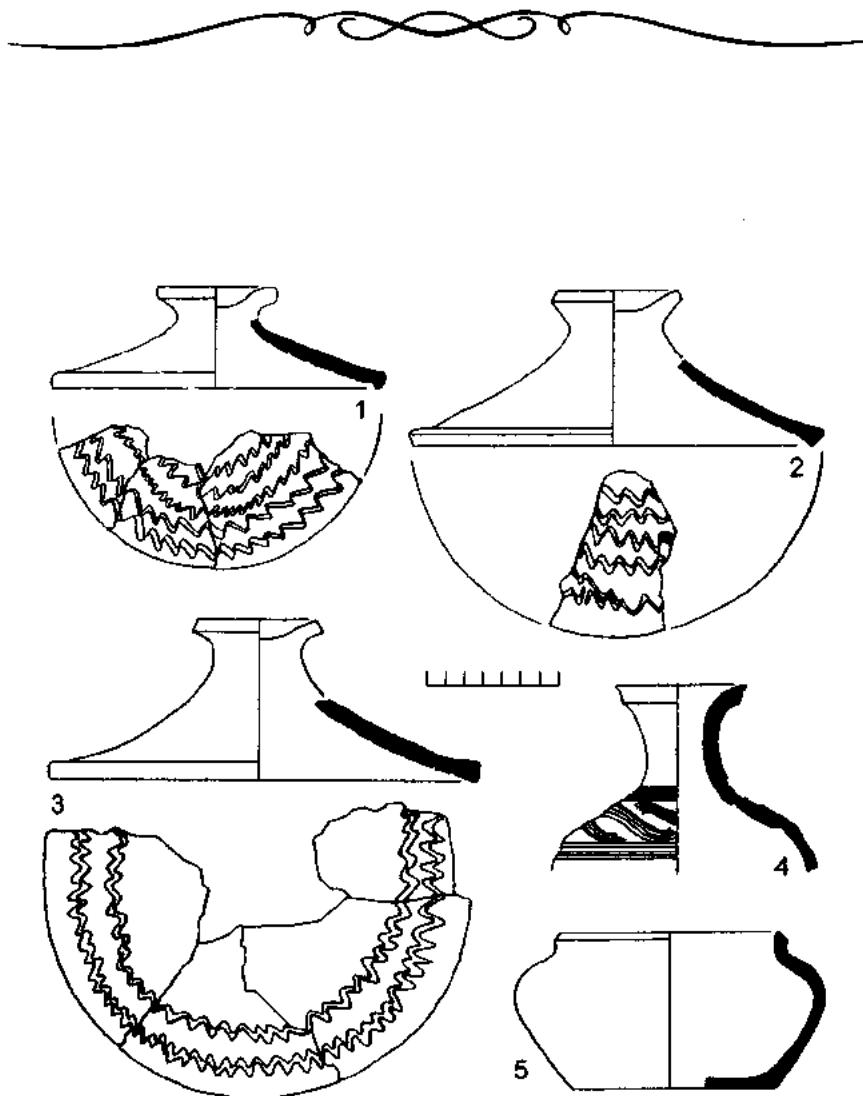

Рис.139. Городище Савкина Горка.
Керамика из верхнего слоя в раскопе 1970–1972 гг.

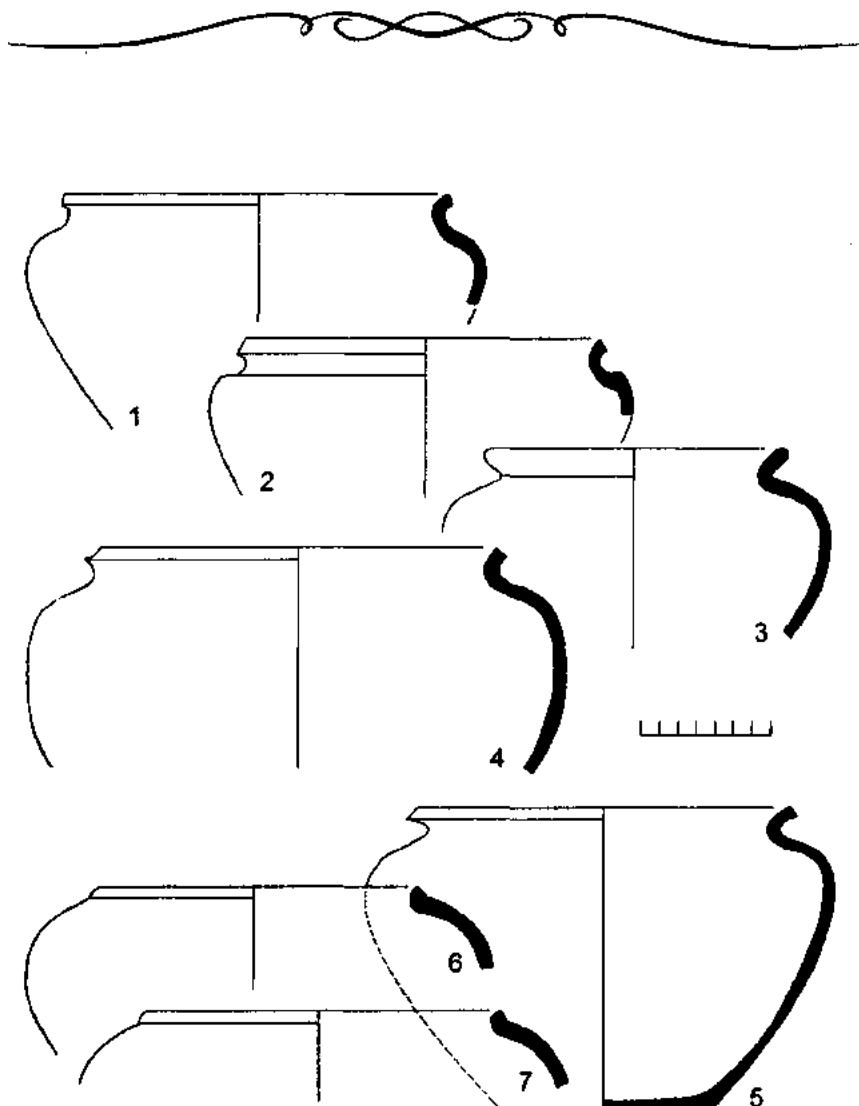

Рис.140. Городище Савкина Горка.
Керамика из верхнего слоя в раскопе 1970–1972 гг.

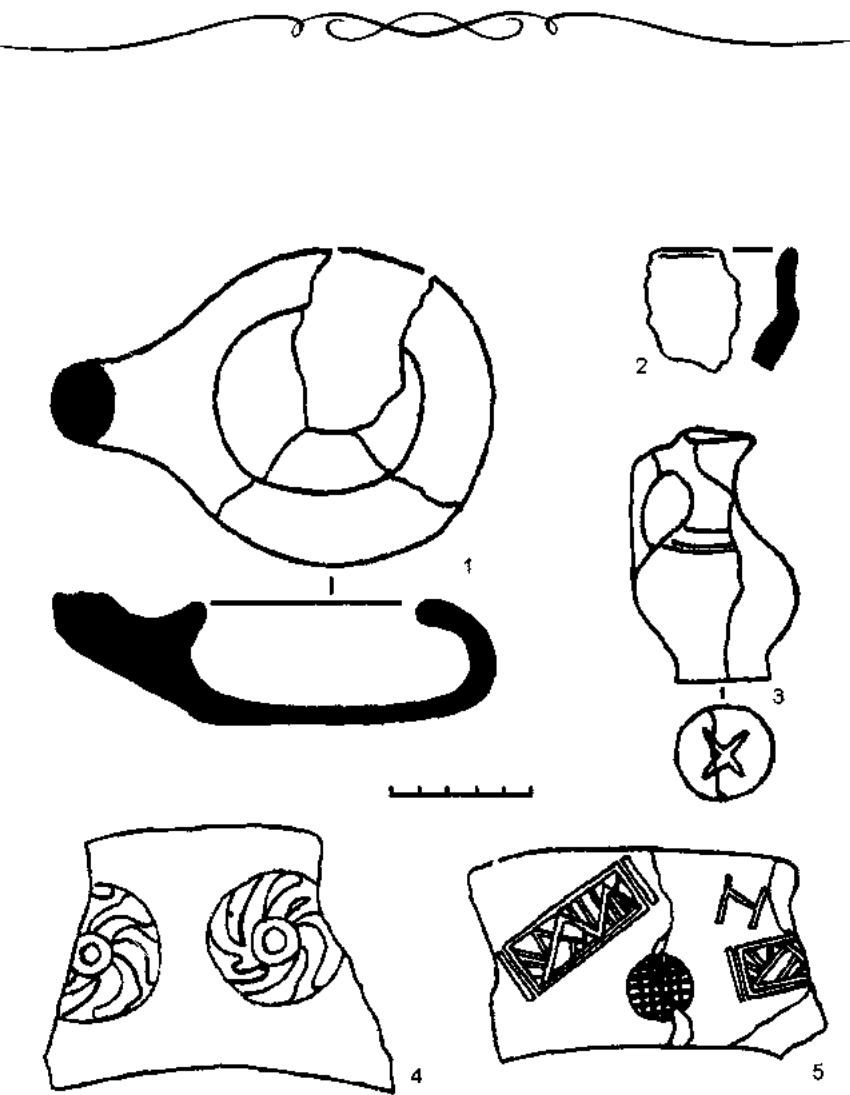

Рис.141. Городище Савкина Горка.
Находки из верхнего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Белешкову):
1–5 — керамика

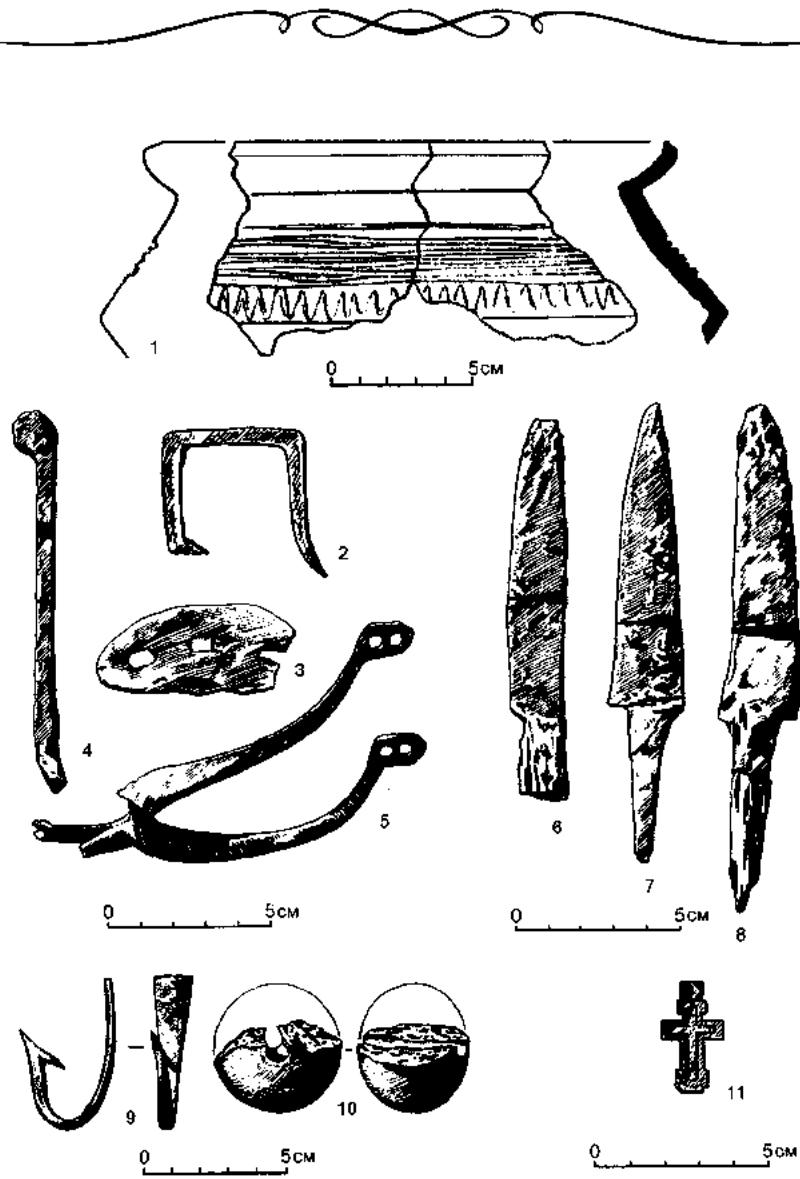

Рис.142. Городище Савкина Горка.
Найдены из верхнего слоя в раскопе 1970–1972 гг. (по В.Д.Белецкому):
1, 10 – керамика; 2–8 – железо; 9, 11 – цветной металл

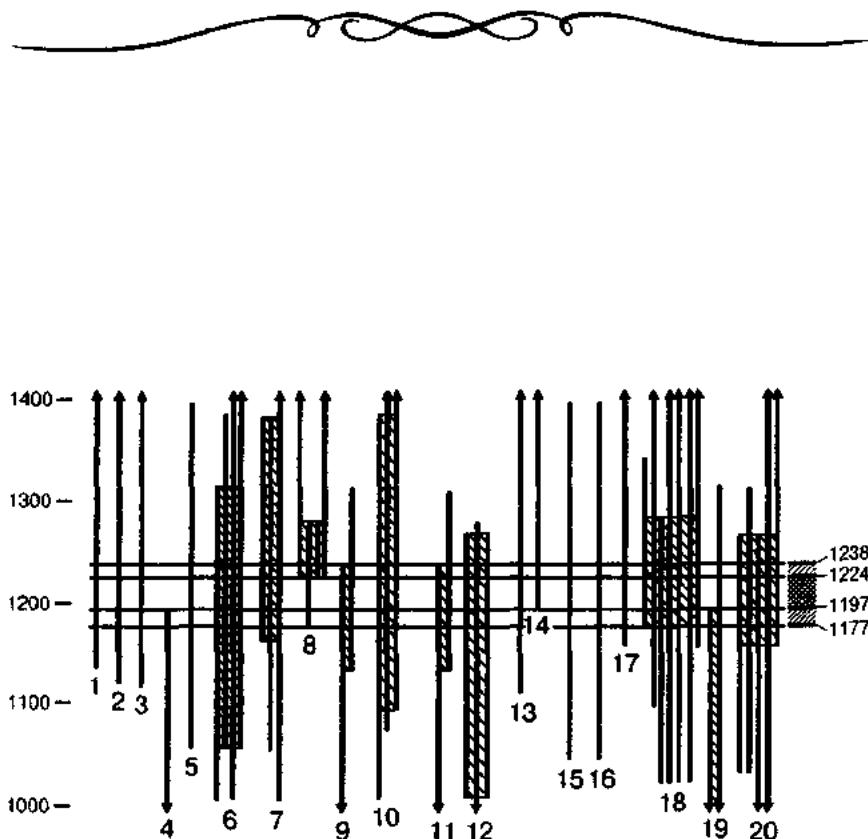

Рис.143. Городище Савкина Горка.

Хронология верхнего горизонта среднего слоя (по Ю.М.Лесману):
 1 – нож (рис.127, 3); 2 – кресало (рис.126, 3); 3 – замок (рис.126, 4); 4 – наконечник стрелы (рис.126, 5); 5 – браслет (рис.130, 6); 6 – перстень (рис.130, 4); 7 – перстень (рис.131, 2); 8 – перстень (рис.130, 5); 9 – лунница (рис.130, 1); 10 – литейная форма (рис.130, 9); 11 – лунница (рис.129, 2); 12 – браслет (рис.129, 1); 13 – ключ (рис.128, 3); 14 – ключ (рис.128, 2); 15 – браслет (рис.131, 6); 16 – браслет (рис.131, 7); 17 – привеска (рис.131, 4); 18 – энколпцион (рис.131, 1); 19 – фибула (рис.131, 3); 20 – литейная форма (рис.131, 5)

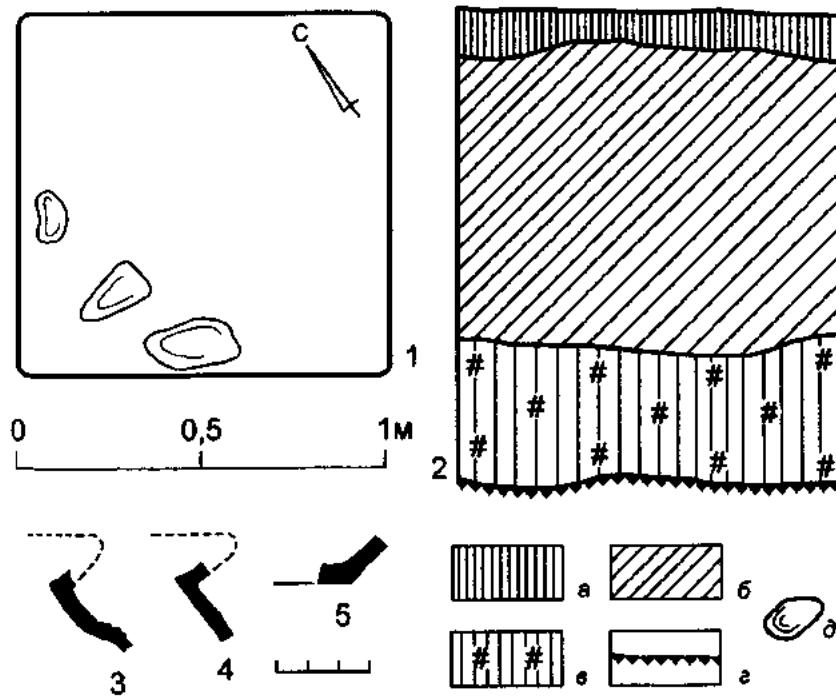

Рис.144. Городище Савкина Горка.

Шурф № 1, 1973 г., под северным (мысовым) склоном

1 — план; 2 — стратиграфия западной стены; 3—5 — фрагменты керамики;
a — дерн; *b* — серый слой; *c* — темно-серый с угольками слой; *d* — материк; *d* — камни

Рис.145. Городище Савкина Горка.
Савкин камень с восстановленным на нем крестом.
Фото автора, 1980 г.

Рис.146. Городище Савкина Горка.
Савкин камень с восстановленным на нем крестом

Рис.147. Городище Савкина Горка. Каменный крест.
Фото автора, 1980 г.

Рис.148. Городище Савкина Горка. Каменный пю. (?)
Фото автора, 1980 г.

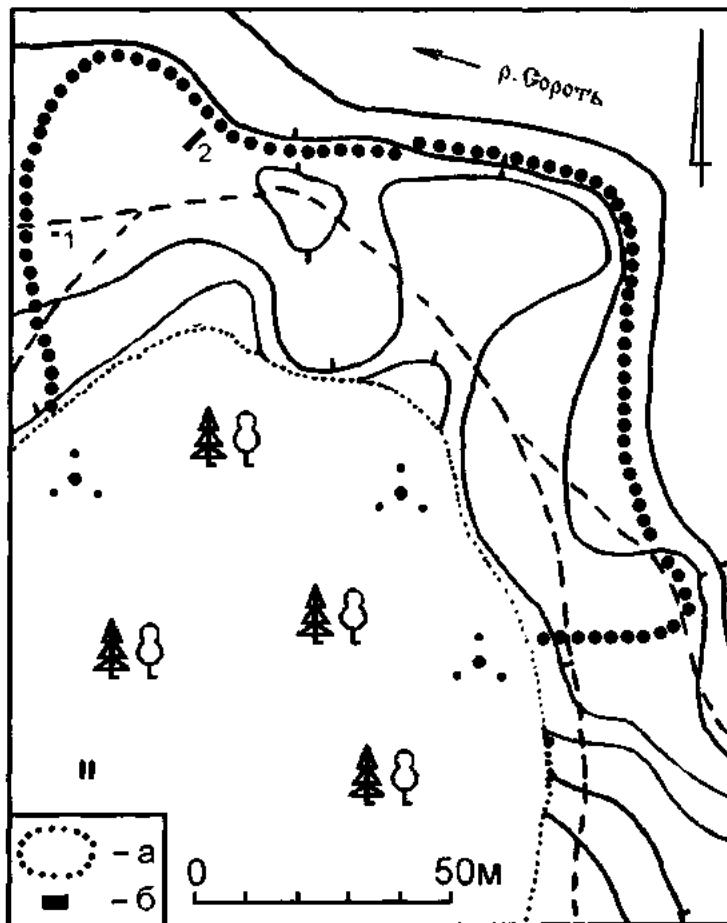

Рис.149. Селище Савкино 1. План. Сечение горизонталей 1 м:
а – границы распространения слоя; б – шурфы 1973 г.
(1 – шурф № 7; 2 – шурф № 12)

Рис.150. Селище Савкино I. Вид с запада.
Фото автора, 1980 г.

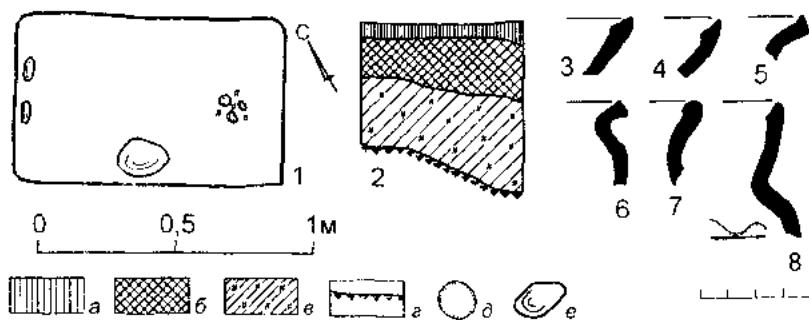

Рис.151. Селище Савкино I. Шурф № 12, 1973 г.
1 - план по материалу; 2 - стратиграфия; 3-8 - фрагменты керамики;
а - дюри; б - первый слой в - серый с чешуйками предматериковый слой;
г - мессерик; д - камни; е - ямы в материале

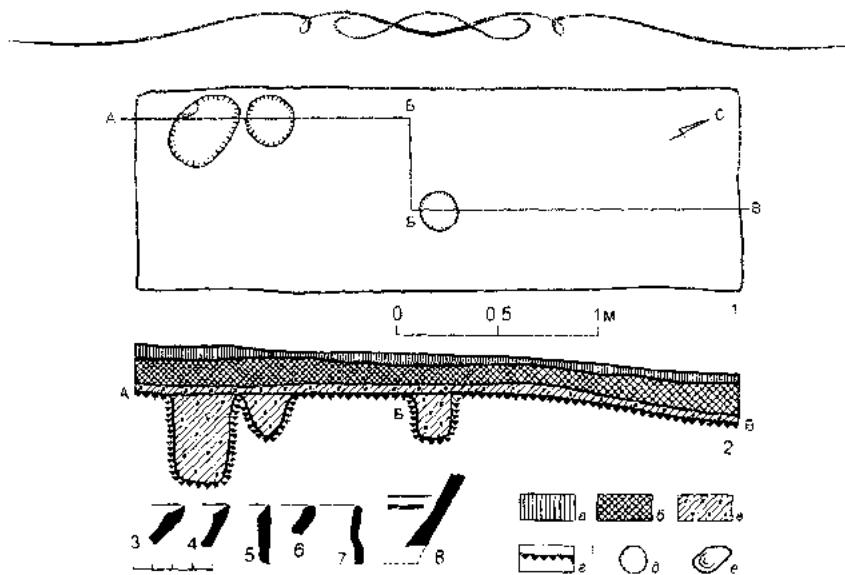

Рис.152. Селище Семёновка I. Шурф № 7, 1973 г.;
 1 - план по материку; 2 -- стратиграфия скважины, совмещенная с профилиями
 материковых ям (сечение ям обозначено на плане шурфа буквами «А- Б- В»);
 3-6, 8 -- круговая керамика; 7 -- лепная керамика; а - дери; б - чёрный слой;
 в - серый с угольками предматериковый слой; г - материк; д - камни;
 е - ямы в материке

Рис.153. Селище Семёновка I. Начало работ на шурфе № 7, 1973 г.
 Вид с юго-запада. Фото В.Д. Беденского, 1973 г.

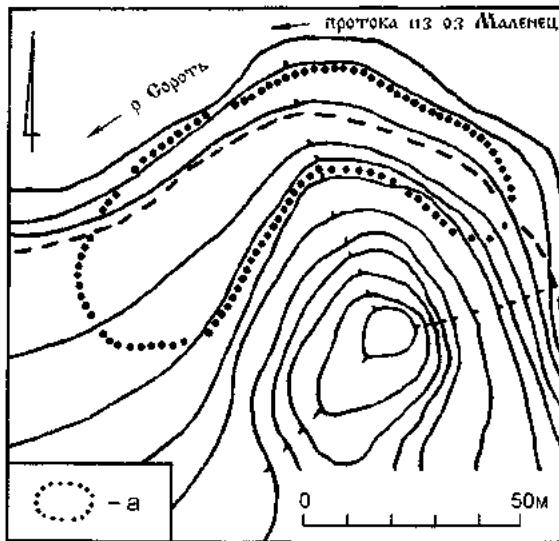

Рис.154. Селище Савкино 2. План. Сечение горизонталей 1 м:
а — границы распространения слоя

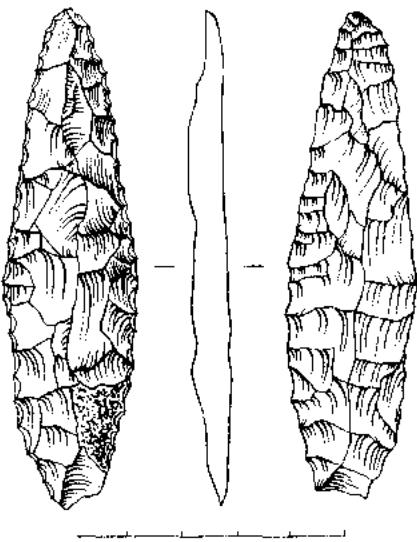

Рис.155. Селище Світло 2. Наконечник стрілки. Кременъ.
Надземний матеріал. Сбори 1980 р.

Рис.156. Селище Семёнов 3. Вид с юга. Фото автора, 1980 г.

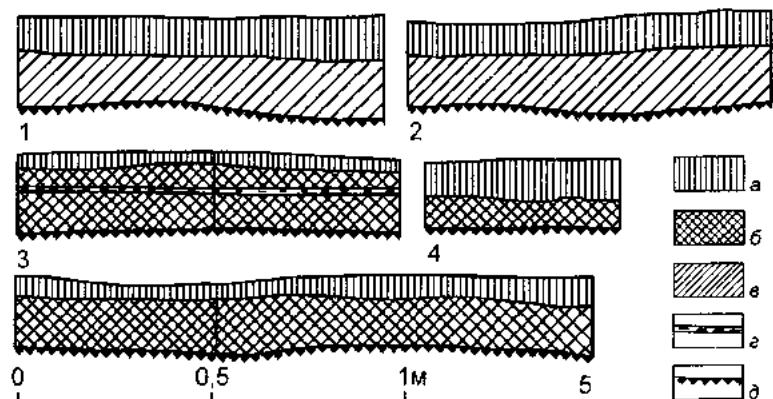

Рис.157. Селище Савкино 3. Стратиграфия слоя в шурфах 1973 г.:

1 – шурф № 11, западная стенка; 2 – шурф № 10, западная стенка;

3 – шурф № 14, северная и восточная стеники;

4 – шурф № 13, западная стенка;

5 – шурф № 4, северная и восточная стеники;

а – дерн; б – черный слой; в – серый слой;

г – прослойка красной глины; д – материк

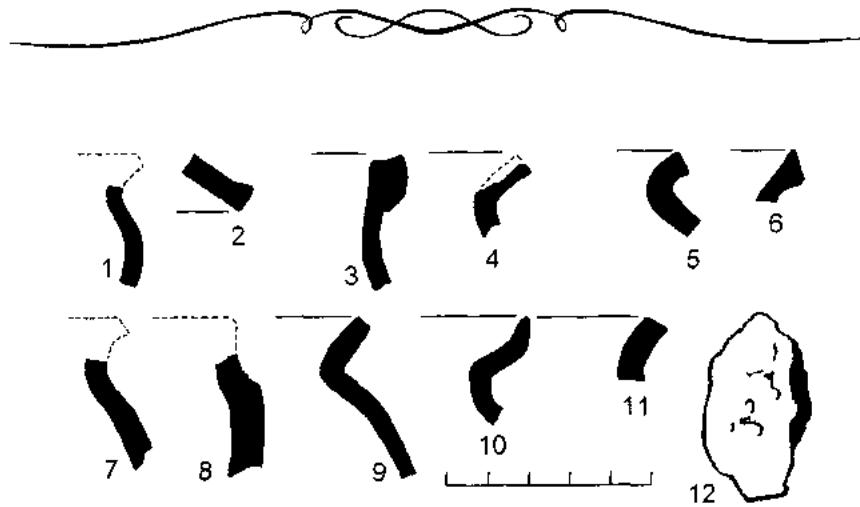

Рис.158. Селище Савкино 3. Находки в шурфах 1973 г.:
1–2 – шурф № 4; 3–4 – шурф № 10; 5, 6, 9 – шурф № 11;
7–8 – шурф № 13; 10–12 – шурф № 14;
1–11 – круговая керамика; 12 – лепная керамика

Рис.159. Селище Шаробыки. Вид с северо-запада.
Фото автора, 1998 г.

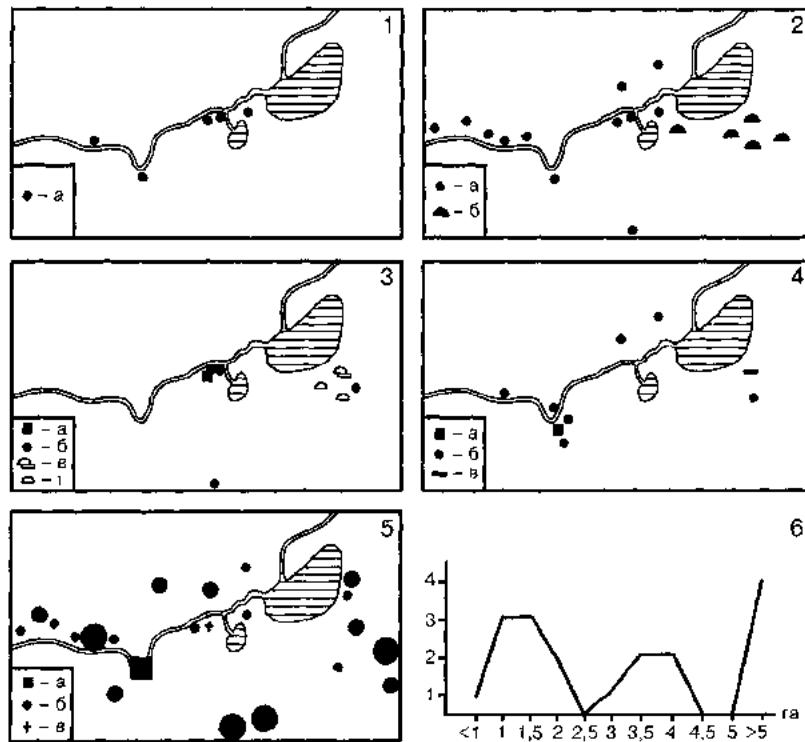

Рис.160. Заселение Нижнего Псекупья:

- 1 — местонахождения (а) эпохи неолита и раннего железного века;
- 2 — памятники середины — второй половины I тысячелетия по Р.Х.
(а — селище; б — курганный могильник); 3 — памятники XI—XIII вв.
(а — городище; б — селище; в — курганно-жальянчий могильник;
- 4 — курганный могильник; сплошной заливкой обозначены памятники,
уверенно отнесенные к XI — началу XIII в.); 4 — памятники XIII—XIV вв.
(а — городище; б — селище; в — жальянчий могильник);
- 5 — памятники XV—XVII вв. (а — город; б — сельское поселение,
размер знака обозначает площадь распространения подъемного материала;
в — монастырь); 6 — график распределения селищ XV—XVII вв. по площади
распространения подъемного материала

Рис.161. Городище Воронич. Экспозиция каменных крестов.
Фото автора, 1980 г.

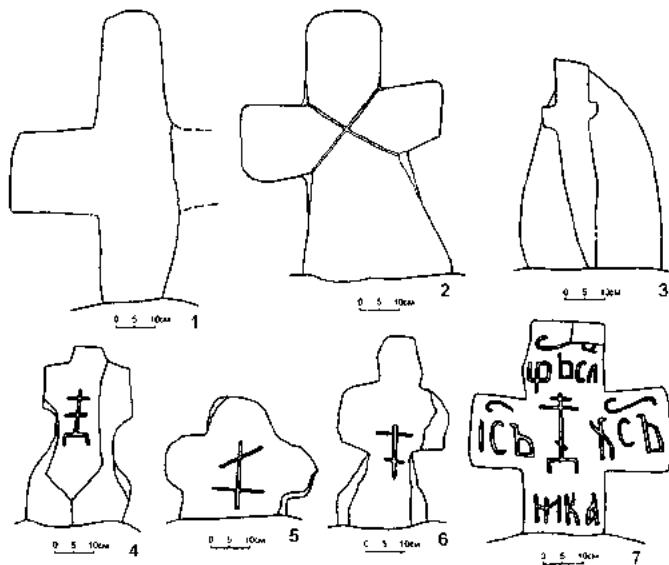

Рис.162. Городище Воронич. Каменные кресты

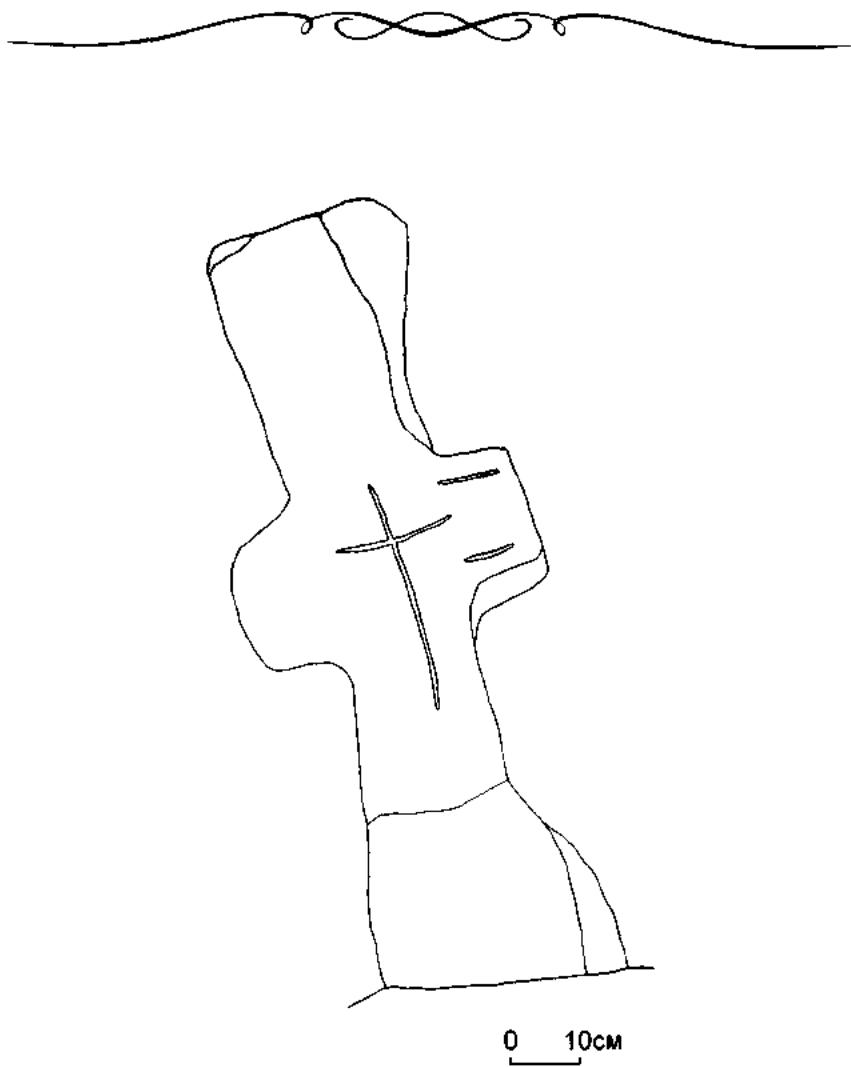

Рис.163. Городище Воронич.

Разбитый на две части каменный крест, основание которого в 1980 г. находилось с внешней стороны ограды экспозиции, а верхняя часть стояла в пространстве экспозиции (в настоящее время основание креста утрачено)

Рис.164. Городище Воронич.
Первоначальный вид разбитого каменного креста. Фото автора, 1980 г.

Рис.165. Архитектор-реставратор М.И.Семенов

Рис.166. С.С.Грибенков и В.Д.Беспаловой на гористом Воромы
Фото М.Н.Семёнова, начало 1980-х годов

Рис.167. В.Д.Белопольский и С.С.Геиценко на городнице Воронич.
Обсуждение проекта музеефикации фундаментов Георгиевской церкви.
Фото М.И.Семенова, начало 1980-х годов

Рис.168. В.Д.Белецкий и С.С.Гейченко на городище Воронич.
Обсуждение проекта музеификации фундаментов Георгиевской церкви.
Фото М.И.Семенова, начало 1980-х годов

Рис.169. Городище Воронич. Общий вид валунной кладки на месте Георгиевской церкви. Фото автора, 2002 г.

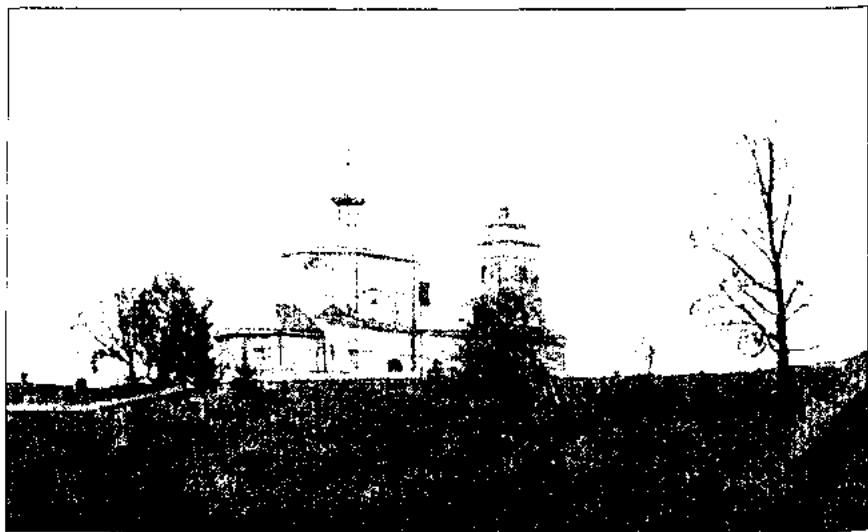

Рис.170. Георгиевская церковь на Ворониче. Вид с северо-востока.
Фото начала XX в. (по Л.Софийскому)

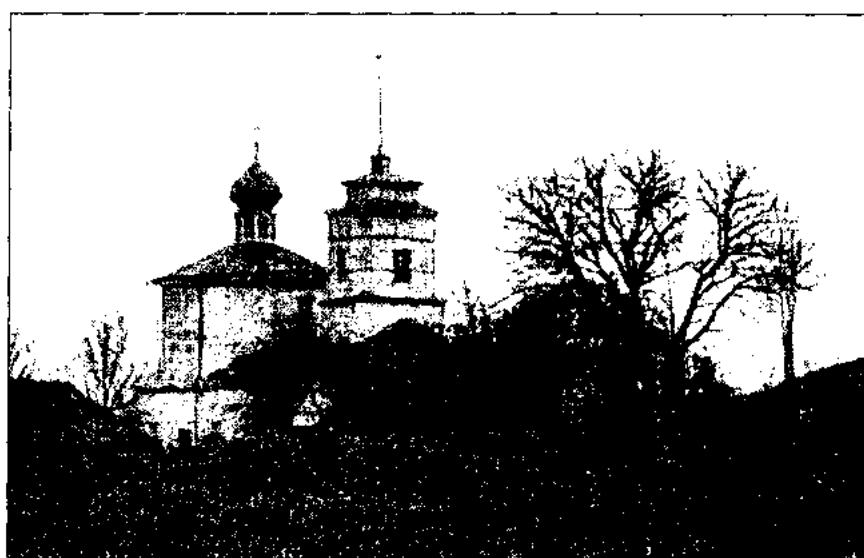

Рис.171. Георгиевская церковь на Ворониче. Вид с юго-востока.
Фото начала XX в. (по Л.Софийскому)

Рис.172. Георгиевская церковь на Ворониче. Вид с востока.
Фото начала XX в. (фонды ГПЗ, инв. № ПЗ-нег-4094)

Рис.173. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г.
Валунная кладка фундамента южной стены притвора Георгиевской церкви.
Вид с юго-запада. Фото автора, 2002 г.

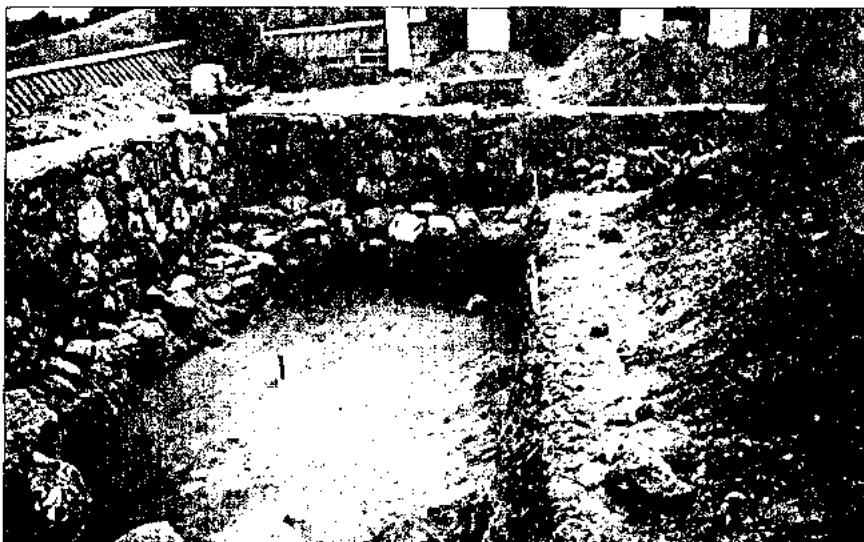

Рис.174. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г.
Валунная кладка фундамента юго-западного угла притвора Георгиевской церкви.
Вид с севера. Фото автора, 2002 г.

Рис.175. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г.
Валунная кладка фундамента восточной стены притвора Георгиевской церкви.
Вид с юго-запада. Фото автора, 2002 г.

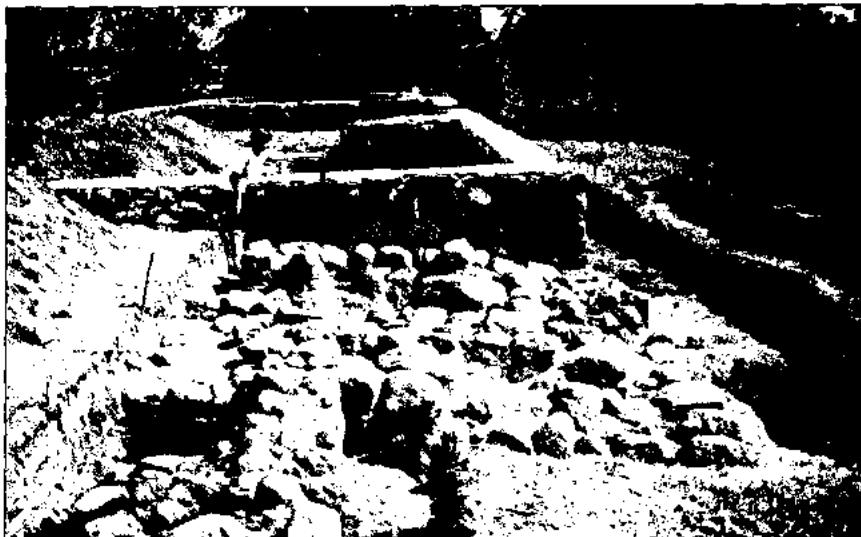

Рис.176. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г. Валунная кладка фундамента колокольни и западного крыльца Георгиевской церкви.
Вид с юго-запада. Фото автора, 2002 г.

Рис.177. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г.
Расчистка валунной кладки фундамента колокольни Георгиевской церкви.
Вид с севера. Фото автора, 2002 г.

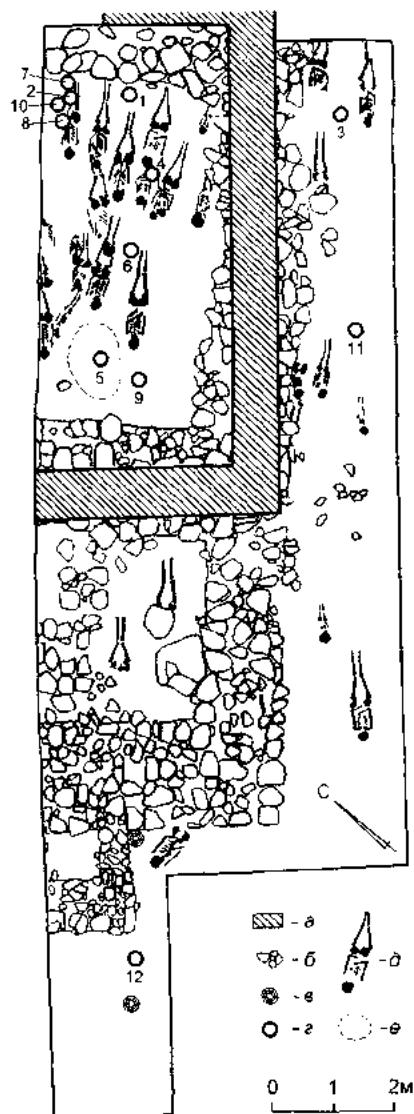

Рис.178. Городище Воронич. План раскопа I, 2002 г.:
 а – валунная кладка 1980-х годов; б – валунная кладка фундамента Георгиевской церкви; в – деревянный столб; г – монеты (номера соответствуют номерам в табл.1); д – погребения; е – перекоп, заполненный строительным мусором

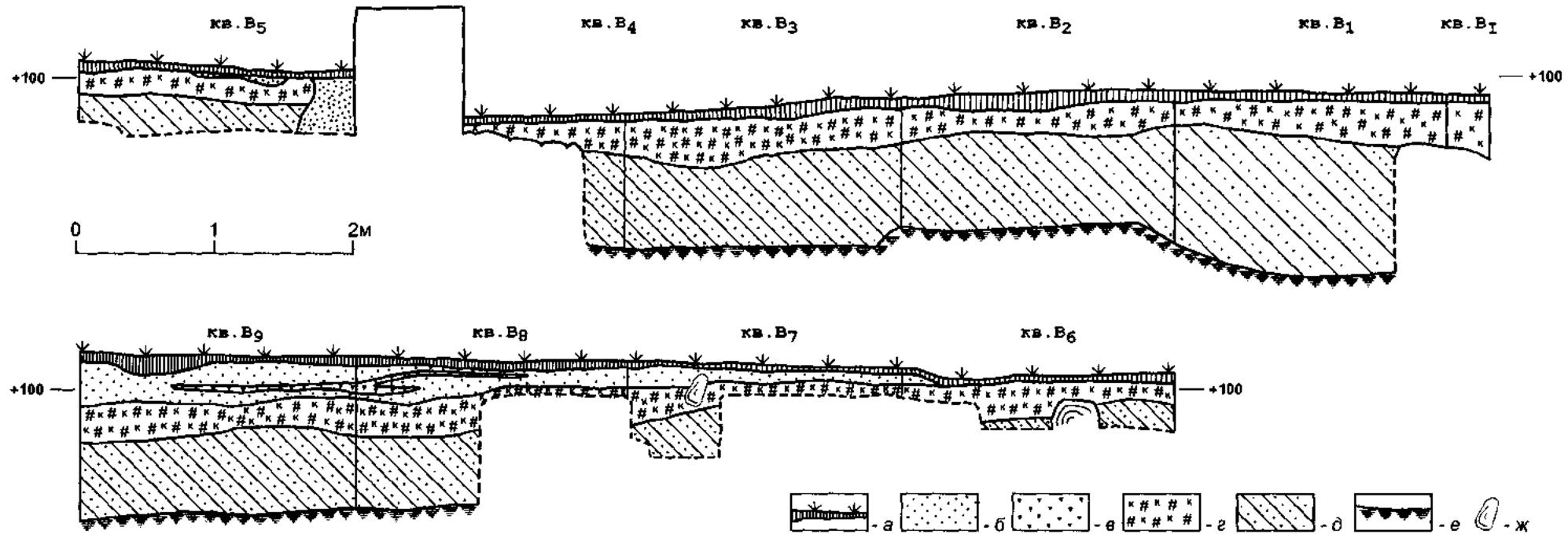

Рис.179. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г. Стратиграфия северной стенки:
 а -- дерн; б -- песок; в -- цемент; г -- темно-серый слой с обильной примесью угля и битого кирпича;
 д -- серо-коричневый мелантический слой с примесью песка и угольков; е -- глина; ж -- материк

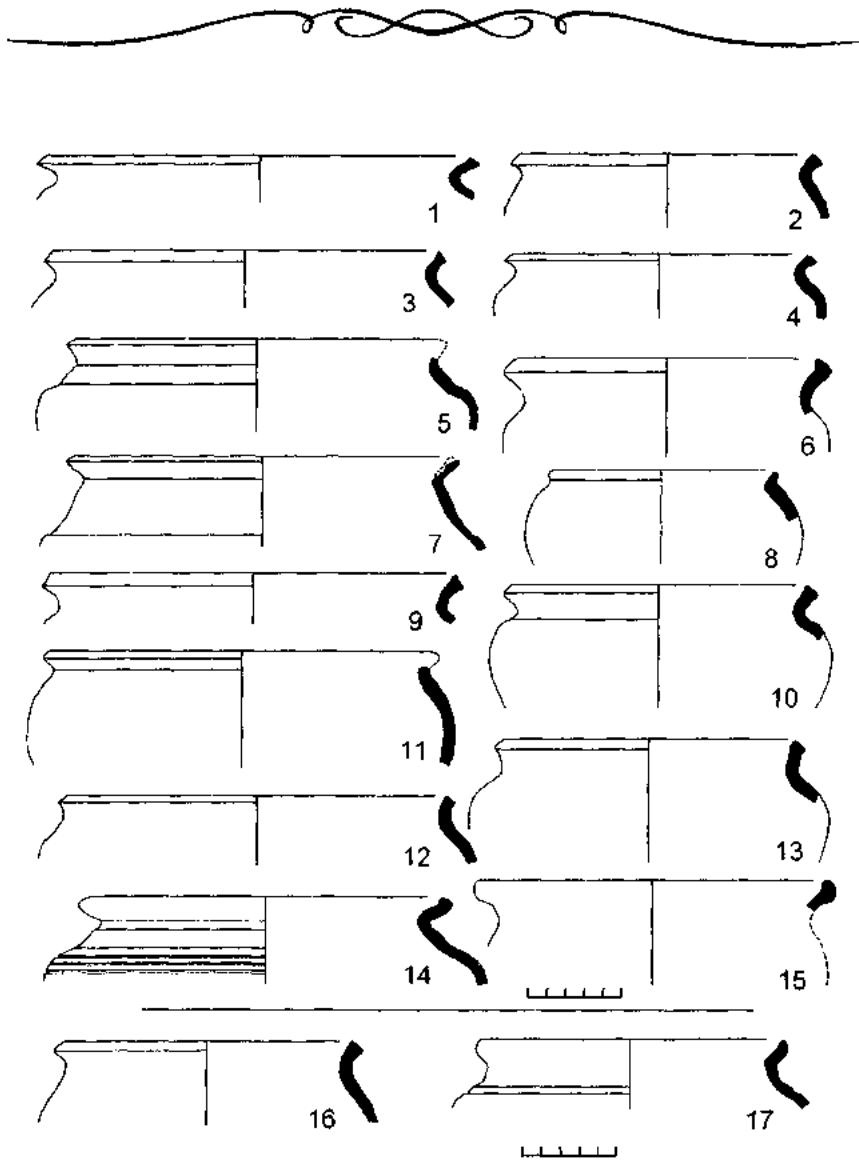

Рис.180. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г. Фрагменты керамики из дернового и поддернового слоя (1–15) и слоя пожара (16–17)

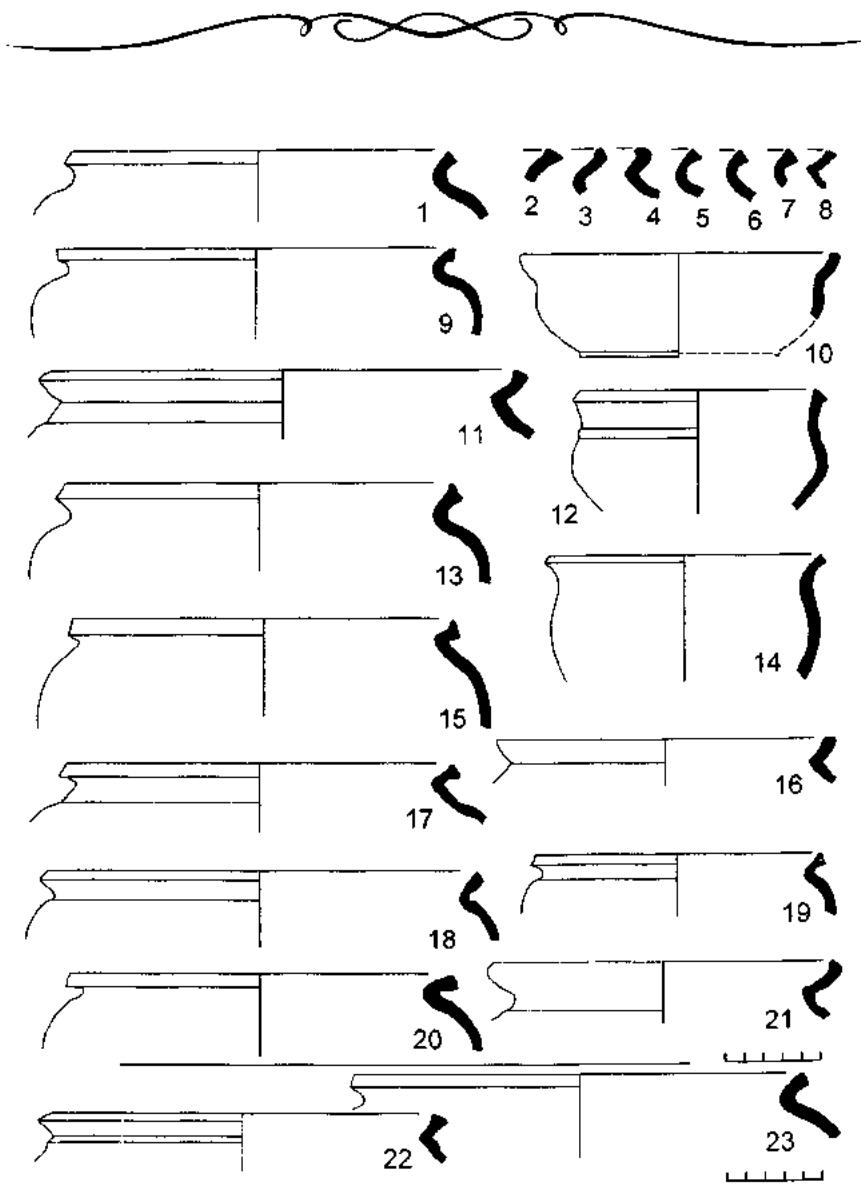

Рис.181. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г.
Фрагменты керамики из кладбищенского слоя

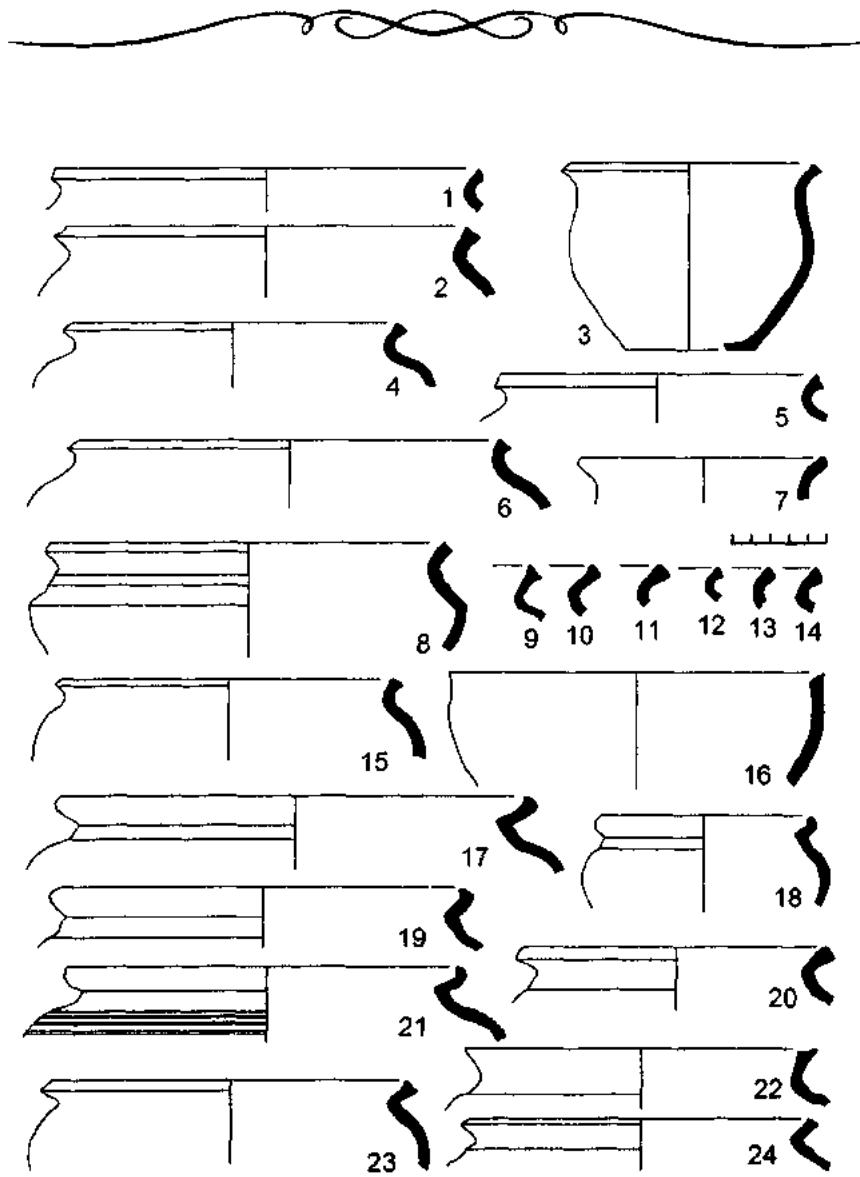

Рис.182. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г.
Фрагменты керамики из кладбищенского слоя

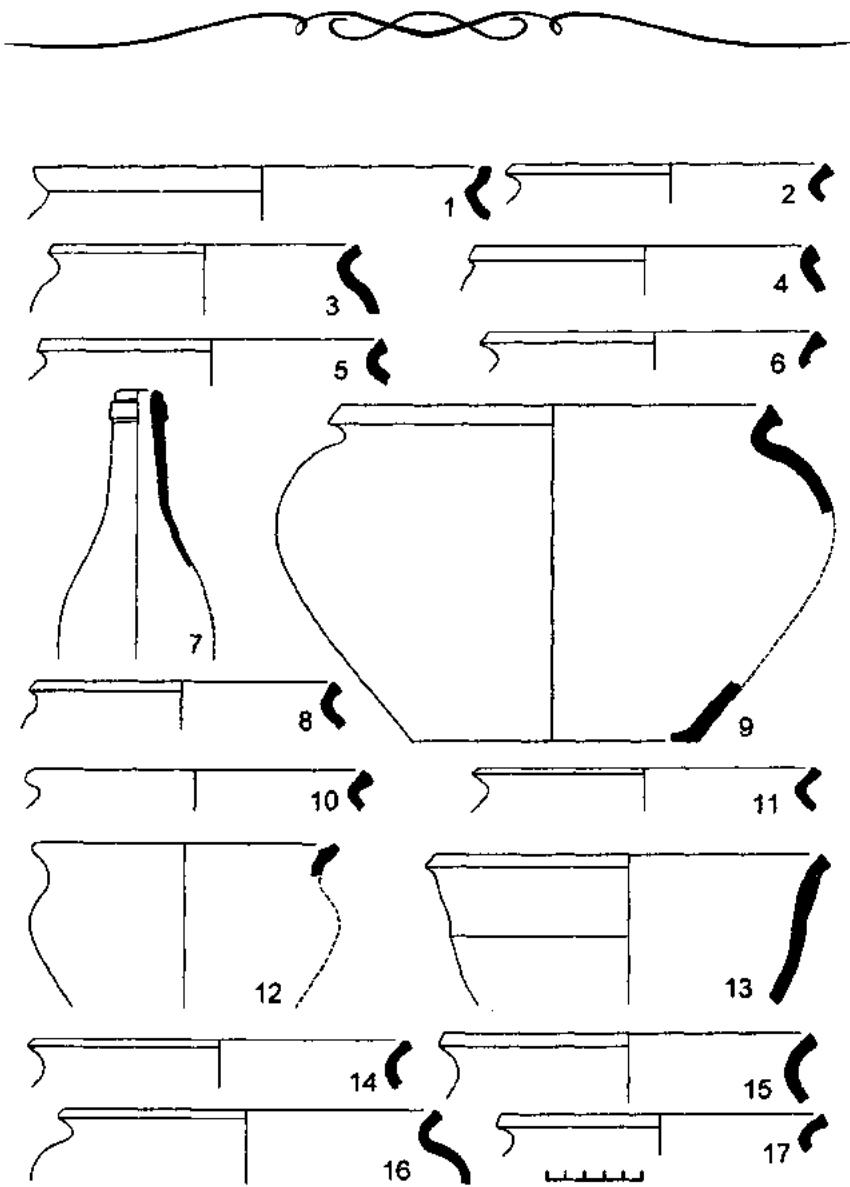

Рис.183. Городище Воронич. Раскол I, 2002 г. Фрагменты керамики (1-6, 8-17) и стеклянной бутылки (7) из кладбищенского слоя

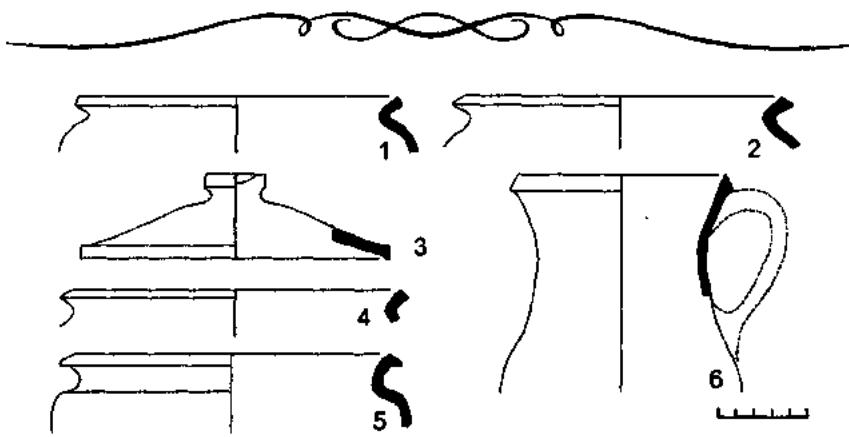

Рис. 184. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г.
Фрагменты керамики из кладбищенского слоя

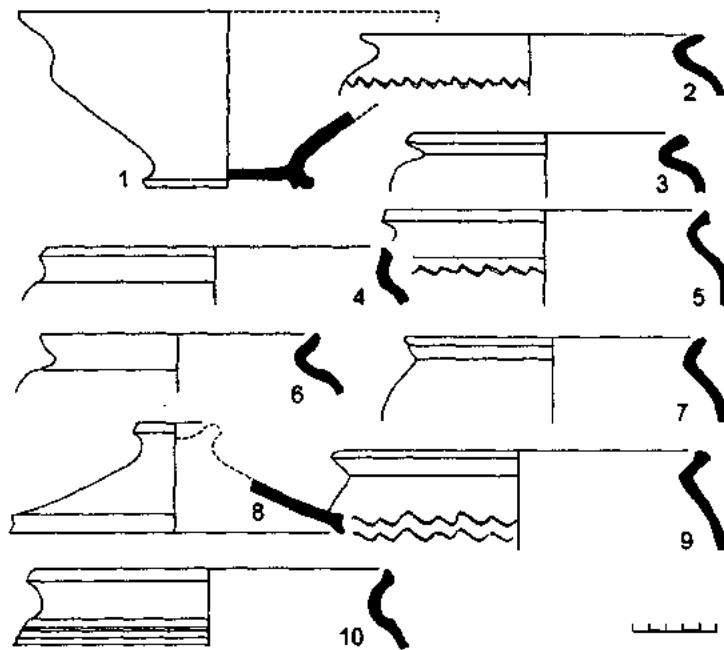

Рис. 185. Городище Воронич. Раскоп I. Фрагменты керамики из предматерикового слоя (1-2) и материковых ям (3-10)

Рис.186. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г. Погребение № 10.
Фото автора, 2002 г.

Рис. 187. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г. Погребения № 12-13.
Фото автора, 2002 г.

Рис.188. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г.
Расчистка погребений № 12-13. Фото автора, 2002 г.

Рис.189. Городище Воронич. Раскоп I, 2002 г.
Погребение № 15. Фото автора, 2002 г.

Рис.190. Городище Воронич. Раскоп I. 2002 г.
Погребения № 19, 19а, 20, 23. Фото автора, 2002 г.

Рис.191. Городище Воронец. Раскоп I, 2002 г.
Погребения № 27 и № 28. Фото автора, 2002 г.

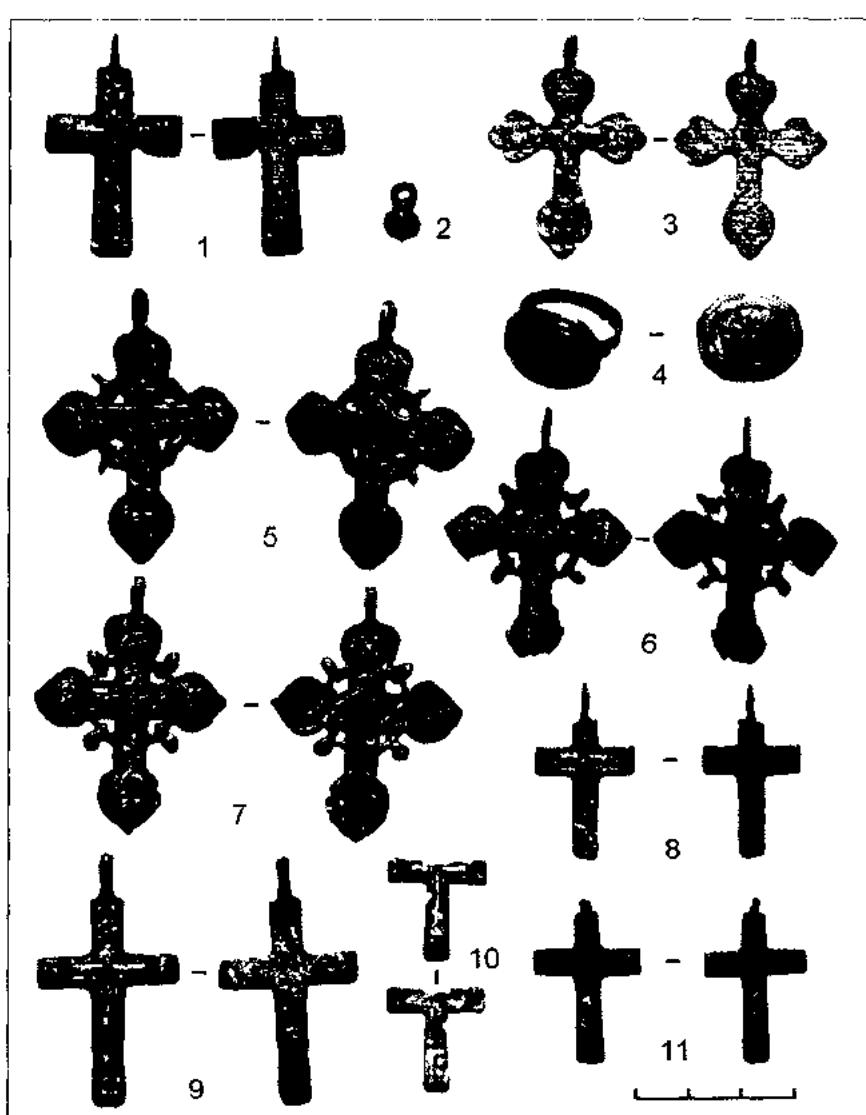

Рис.192. Городище Воронич. Раскоп I.
 Находки из погребений, открытых под притвором
 (1-2 - погр. № 18; 3-4 - погр. № 19; 5 - погр. № 13; 7 - погр. № 19а;
 8 - погр. № 22) и у стен (6 - погр. № 17а; 9 - погр. № 3; 10 - погр. № 15;
 11 - погр. № 17) Георгиевской церкви:
 1-3, 5-11 - медь, 4 - медь, стекло

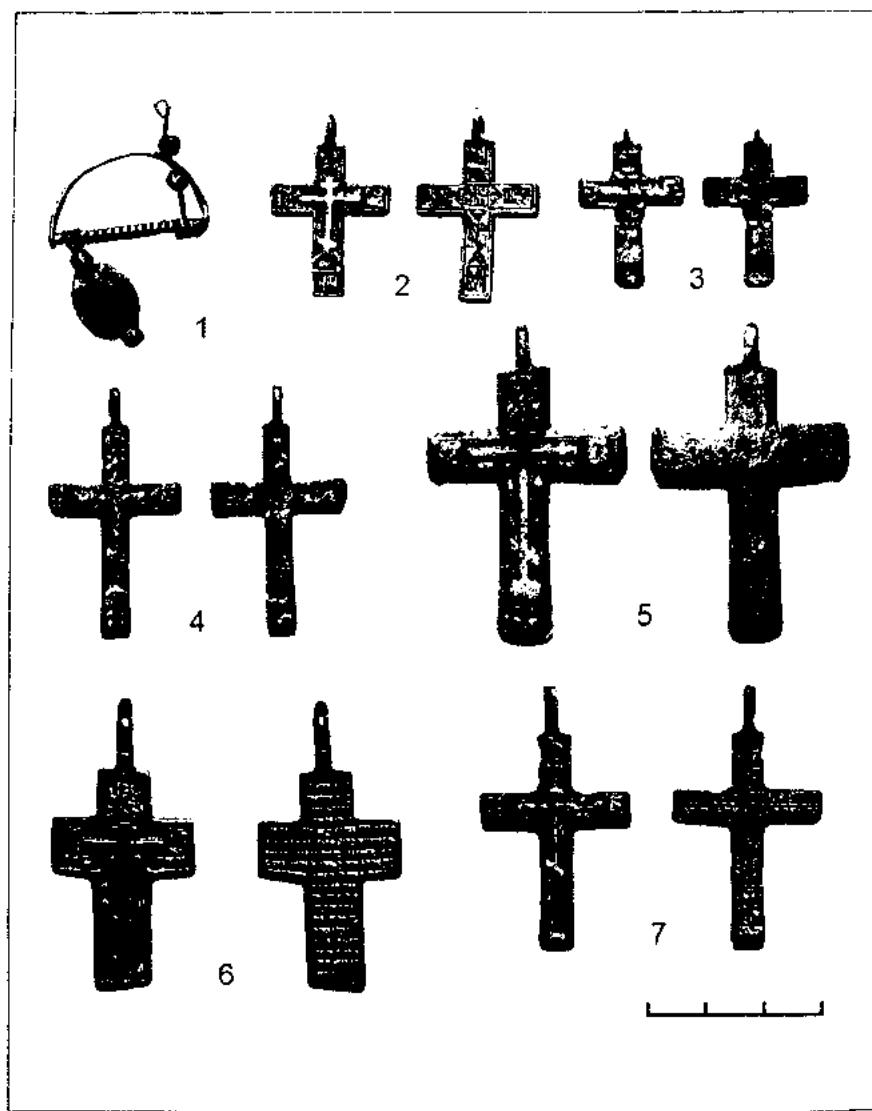

Рис.193. Городище Воронич. Раскоп I.
Найдены из кладбищенского слоя:
1 – серебро, стекло, 2–7 – медь

Рис.194. Тригорское (?). Рисунок А.С.Пушкина (по Э.Ф.Карловой)

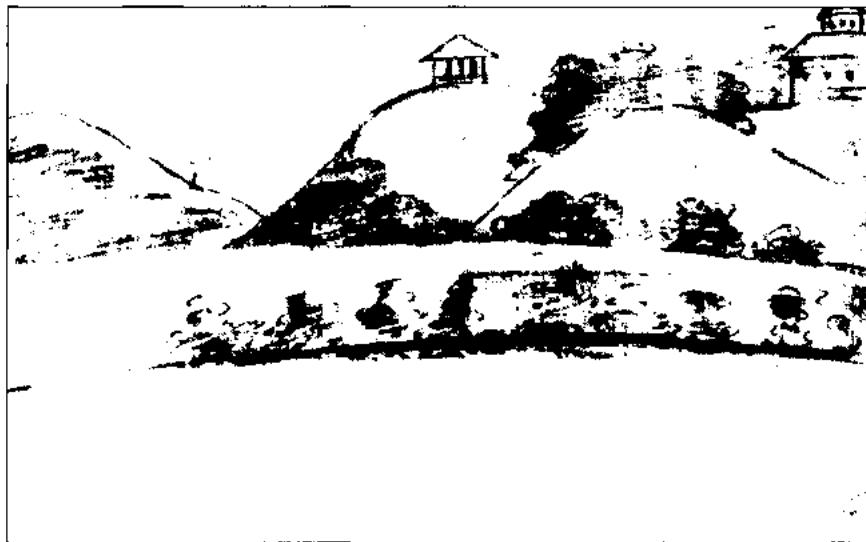

Рис.195. Тригорское (?). Рисунок А.С.Пушкина (по Э.Ф.Карловой)

Рис.196. Георгиевская церковь на городище Воронич.
Вид с северо-запада. Фото начала XX в. (по Л.Софийскому)

Рис.197. Господский дом усадьбы Тригорское.
На заднем плане - Георгиевская церковь на городище Воронич.
Вид с запада. Фото начала XX в. (фонда ГИЗ, инв. № ГИЗ-нег. 4096)

Рис.198. Братья Крестини среди гостей и родных последнего владельца усадьбы Тригорское М.И.Пальмова на крыльце «домика папы» в Михайловском.
Слева направо: Яков Иванович Крестин, Иван Михайлович Пальмов,
Елизавета Михайловна Пальмова (сидит), Алексей Иванович Крестин,
негр., негр., Анна Пальмова (жена М.И.Пальмова), Михаил Иванович
Пальмов, негр., негр., негр. Фото 1916 г. (по В.Е.Никифорову)

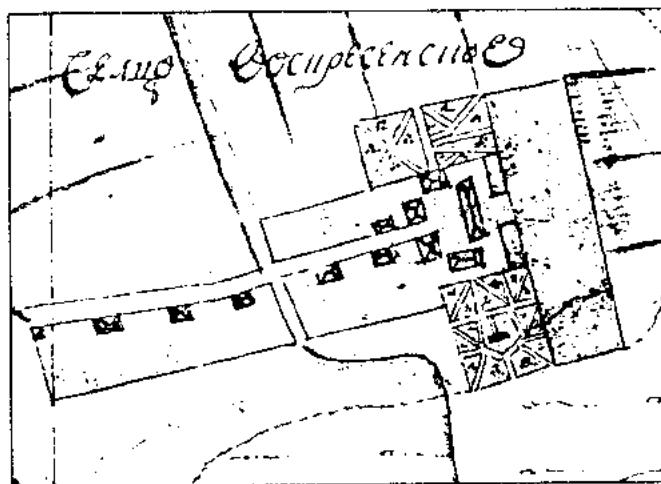

Рис.199. План сельца Воскресенское 1786 г. (по В.Е.Никифорову)

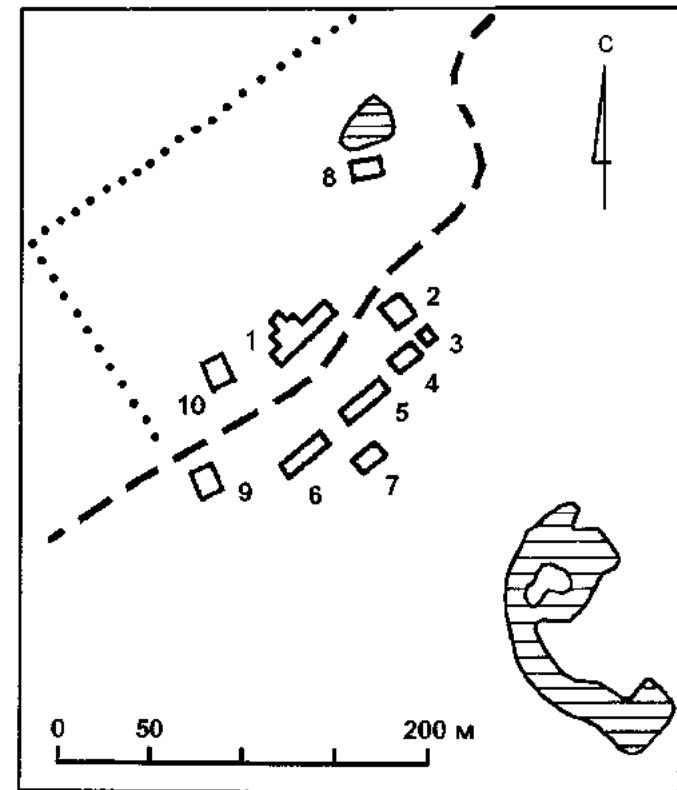

Рис.200. План-схема усадьбы Воскресенское
(по топосъемке 1998 г.)

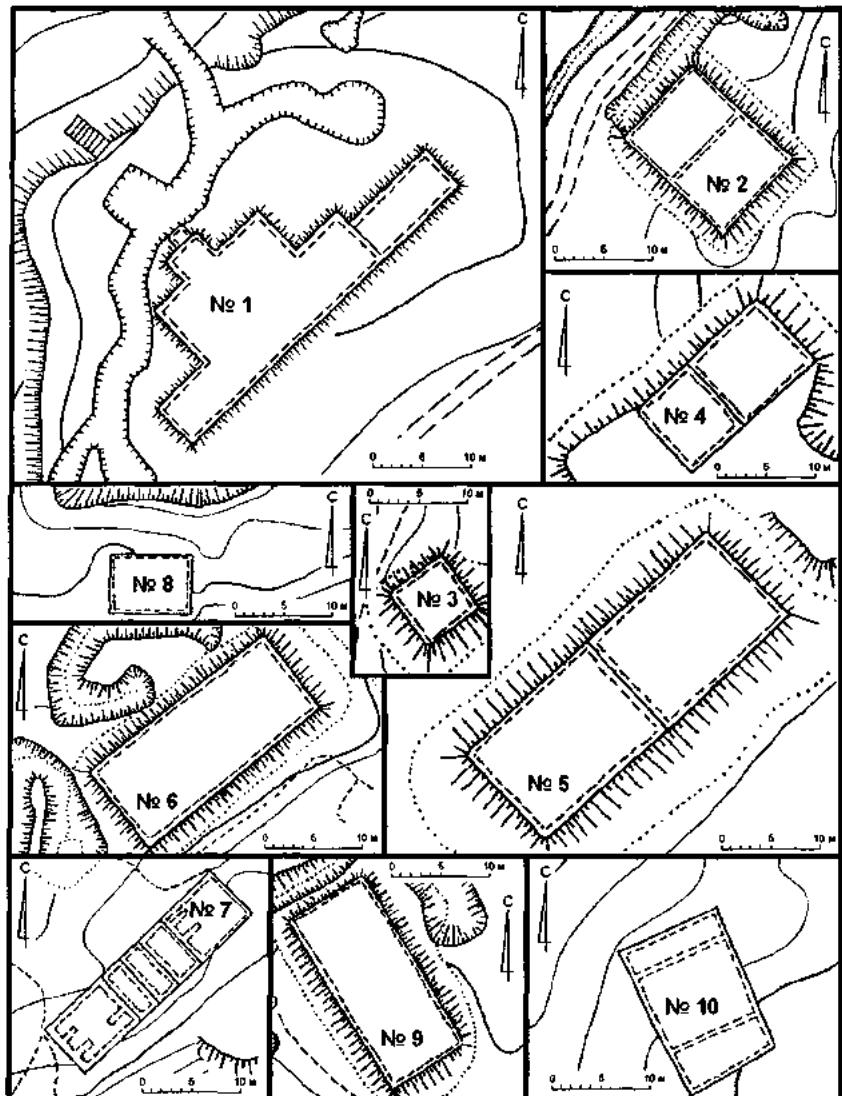

Рис.201. Усадьба Воскресенское.
Планы руинированных построек и фундаментов построек

Рис.202. Усадьба Воскресенское. Постройка № 5.
Фото Л.Чехович, 2000 г.

Рис.203. Усадьба Воскресенское. Постройка № 9.
Фото Л.Чехович, 2000 г.

Рис.204. Усадьба Воскресенское. Постройка № 1.
Фото Л.Чехович, 2000 г.

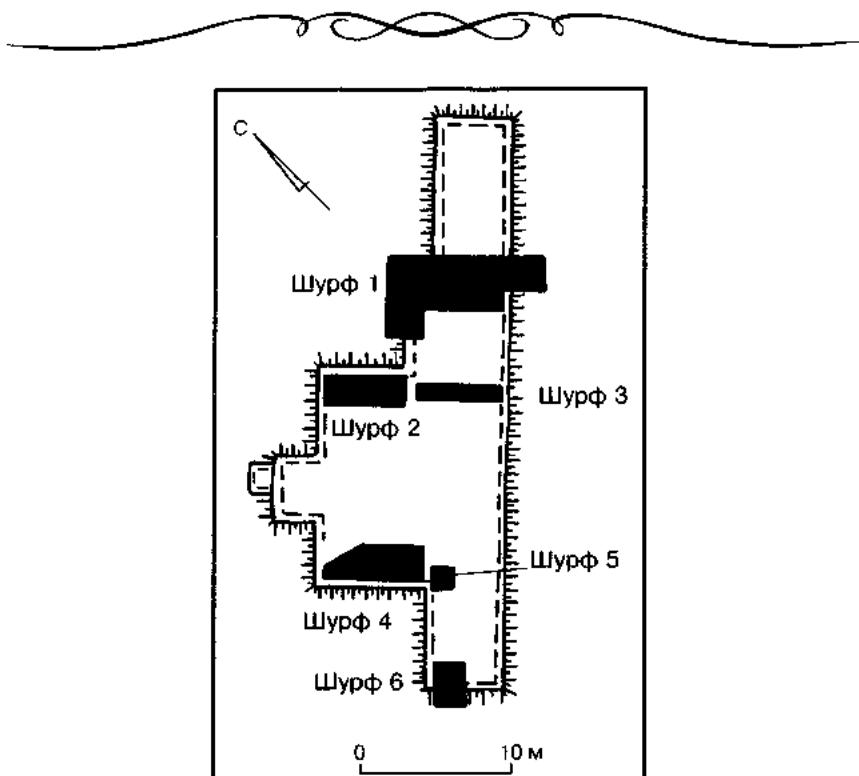

Рис.205. Усадьба Воскресенское. Постройка № 1.
Схема размещения шурфов 1999 г.

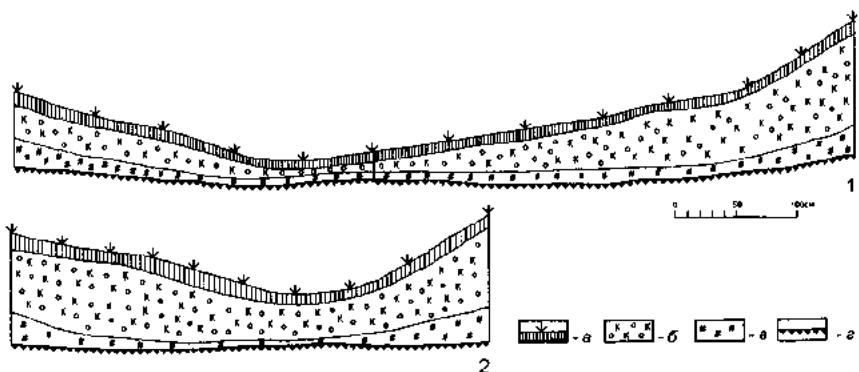

Рис.206. Усадьба Воскресенское. Стратиграфия:
1 — шурф № 4, северная стенка; 2 — шурф № 3, южная стенка;
а — дерн; б — слой битого кирпича и известкового раствора;
в — слой пожара; г — материал

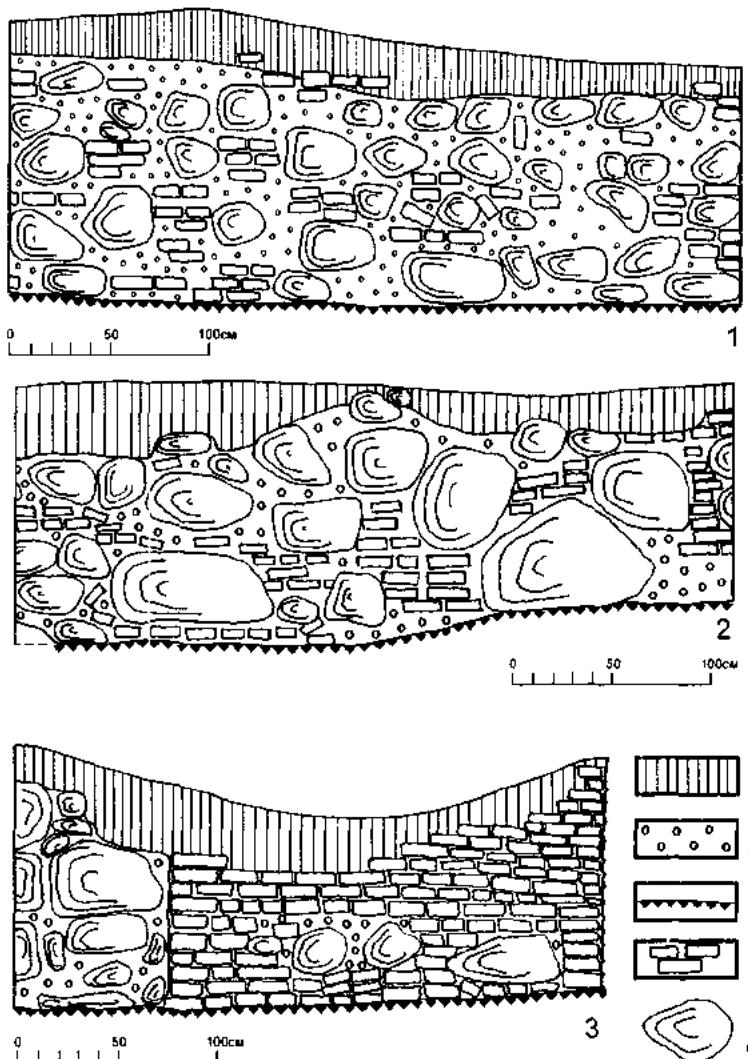

Рис.207. Усадьба Воскресенское. Фасады стен в постройке № 1:
 1 – шурф № 1, северная стена подвала; 2 – шурф № 4, южная стена подвала (фрагмент); 3 – шурф № 4, кирпичная стена, разделявшая
 помещения подвала (справа) и валунное основание печи;
 а – дерил; б – известковый раствор; в – материк; г – карничи; д – валуны

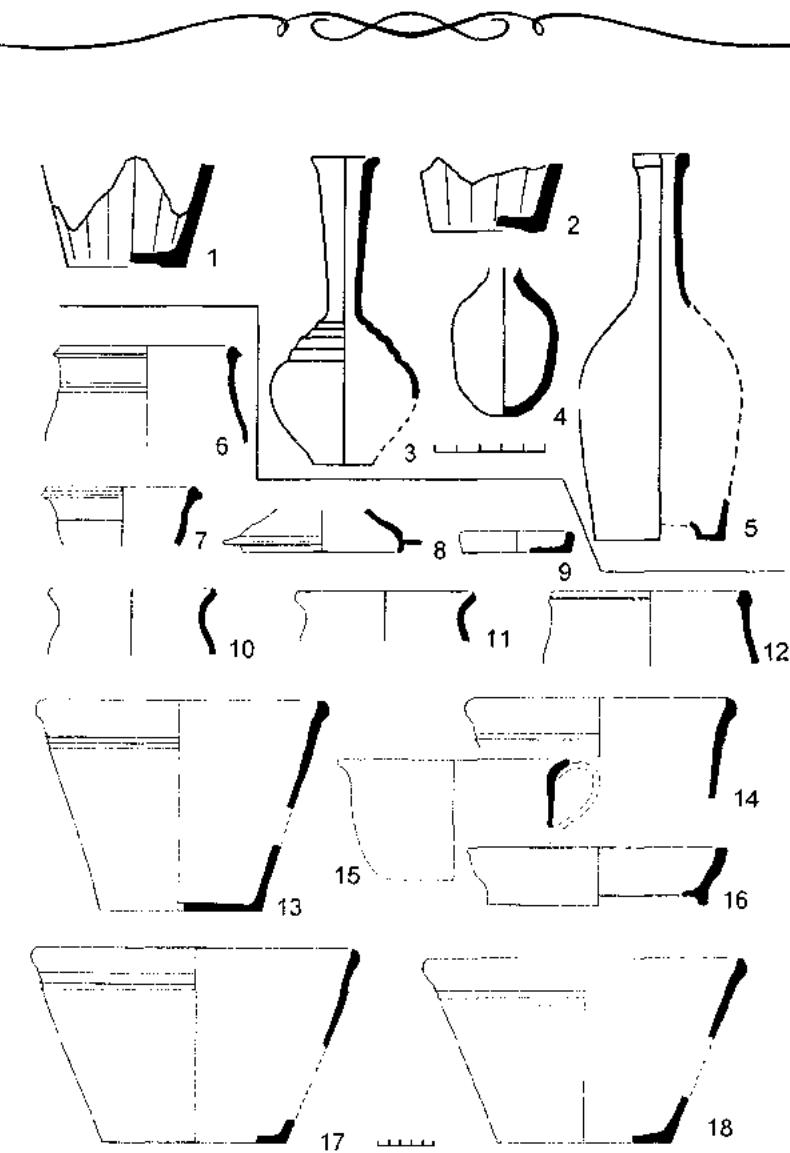

Рис.208. Усадьба Воскресенское. Постройка № 1. Найдены:
1-5 - стекло; 6-14, 16 - керамика (6, 7, 10, 11, 12 - сосуды, покрытые
глазурью; 7, 12 - фрагменты ошлакованных сосудов). 15 - фаянс

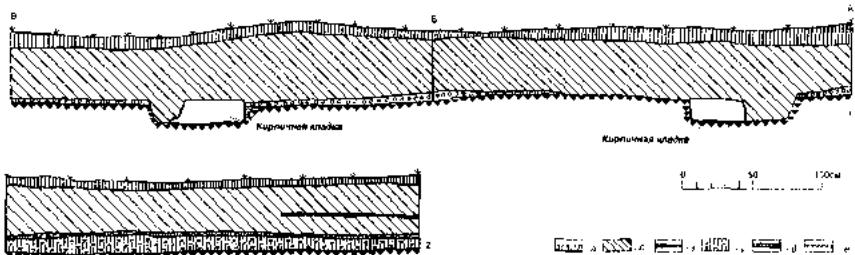

Рис.209. Усадьба Воскресенское. Стратиграфия:
1 – шурфы № 1а (а-б) и № 1д (б-в), западная стена; 2 – шурф № 1в, восточная стена:
а – дерн; б – коричневый слой; в – угольная прослойка;
2 – светло-серый слой погребенной почвы; д – прослойка известкового
раствора и кирпичного щебня; е – материк

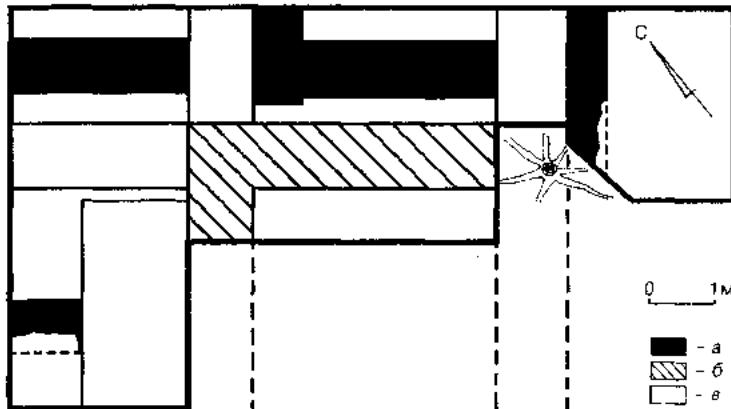
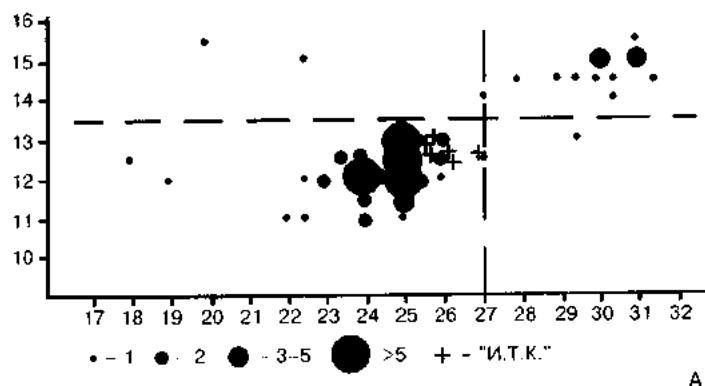
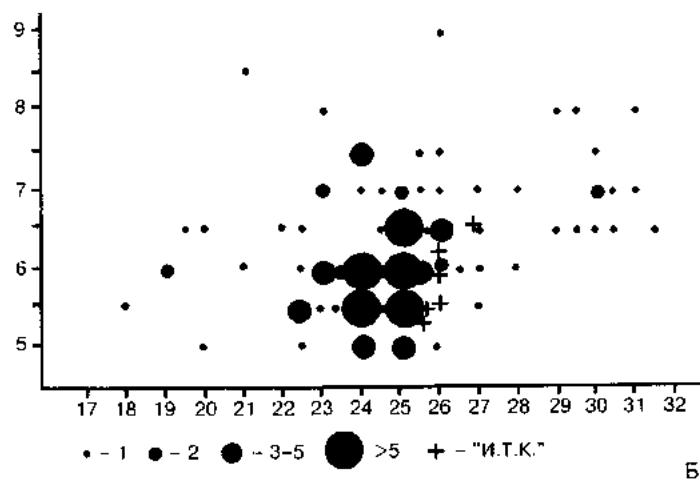

Рис.210. Усадьба Воскресенское. Шурф № 1, 1999 г.
Схема стратиграфии кладок в шурфе № 1:
а – кирпичная кладка на известковом растворе;
б – кладка из валунов и кирпичей на известковом растворе;
в – валунная кладка на цементном растворе

A

Б

Рис.211. Усадьба Воскресенское.
Параметры кирпичей из раскопок 1999 г.:
A – соотношение длины и ширины; Б – соотношение длины и толщины

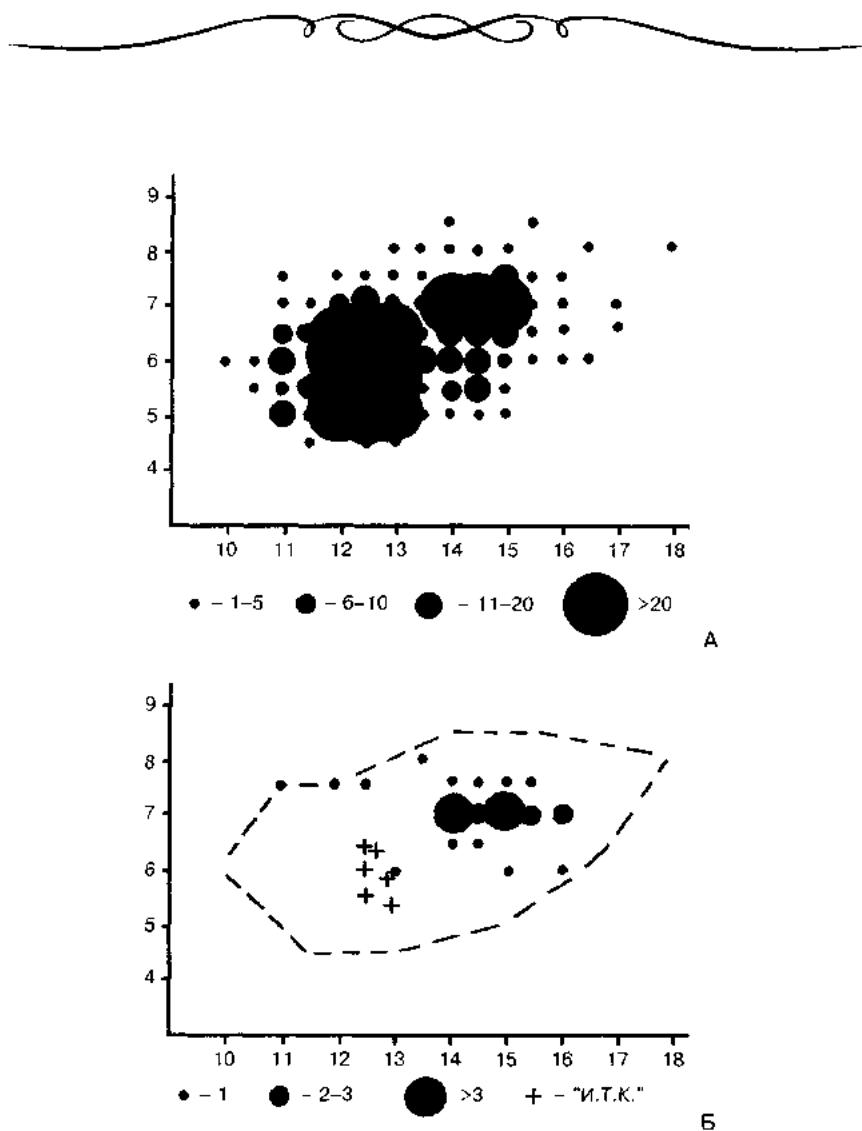

Рис.212. Усадьба Воскресенское. Параметры кирпичей из раскопок 1999 г.:
 А – соотношение ширины и толщины (по всем обмеренным кирпичам);
 Б – соотношение ширины и толщины кирпичей из кладки конца XVIII в.
 и с клеймом «И.Т.К.»

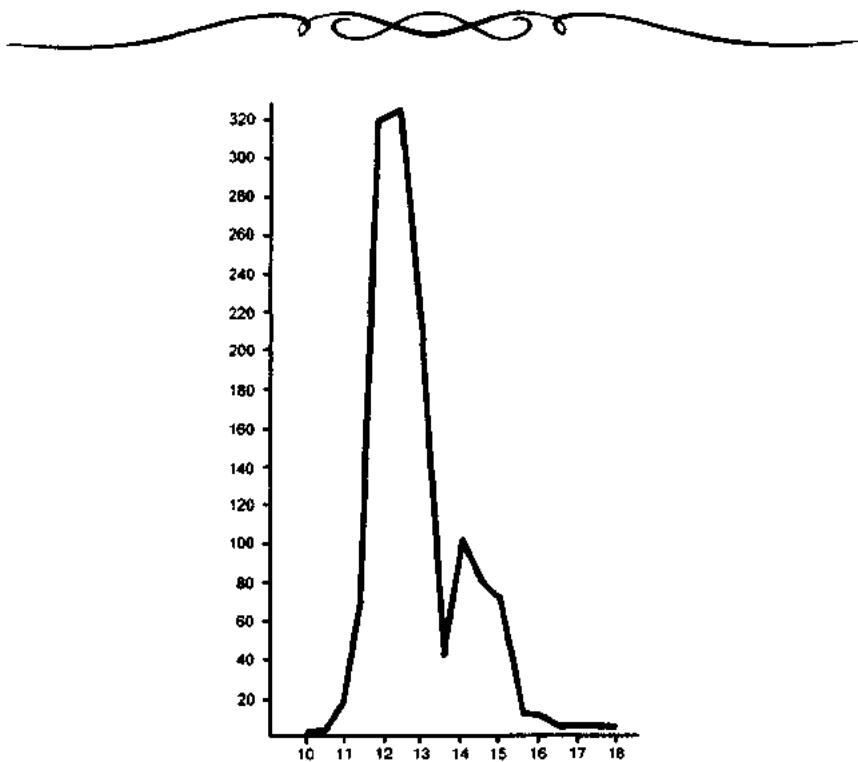

Рис.213. Усадьба Воскресенское.
Полигон распределения кирпичей из раскопок 1999 г. по ширине

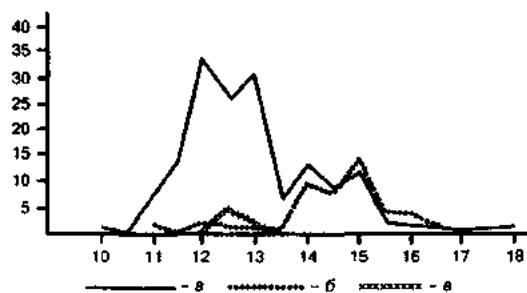

Рис.214. Усадьба Воскресенское.
Полигон распределения кирпичей из кладок, исследованных раскопками 1999 г.:
а — кладки построек XIX в.; б — кладки построек XVIII в.;
в — кирпичи с кирпичом «И.Т.К.»

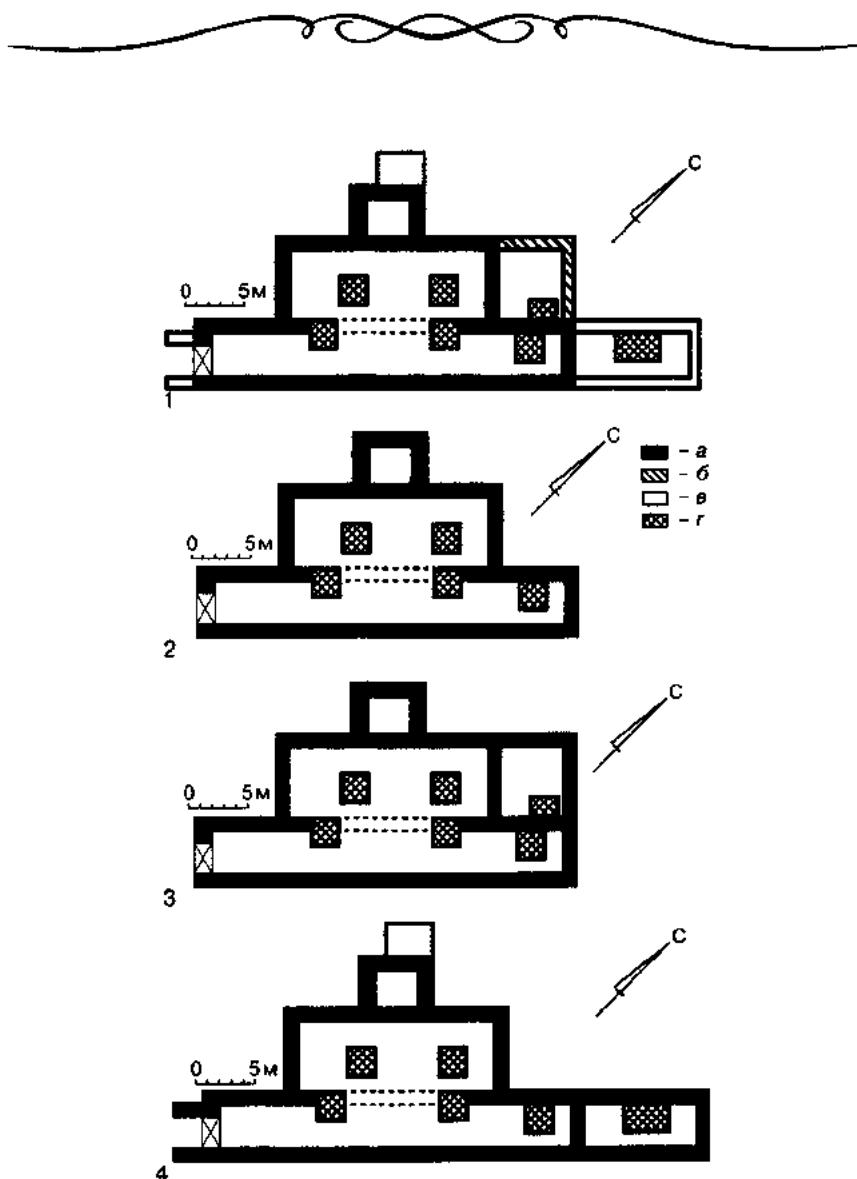

Рис.215. Строительная история постройки № 1:
 1 – стратиграфия кладок; 2 – первый строительный период;
 3 – второй строительный период; 4 – третий строительный период

ДОМ ГАННИБАЛА В ВОСКРЕСЕНСКОМ

Справочник по архитектуре
объектов культурного наследия
России в 1951 году

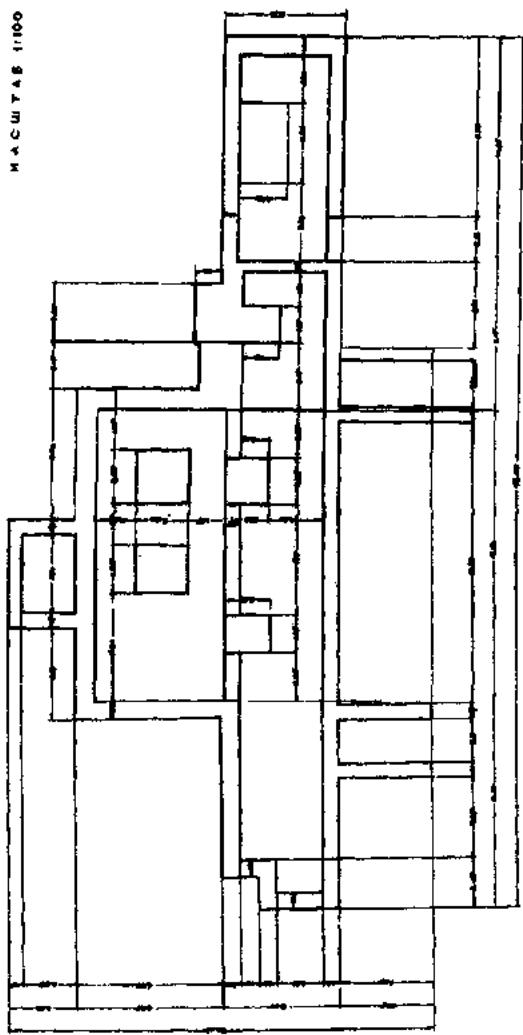

Рис.216. Обмерный чертеж «Дома Ганнибала в Воскресенском» 1951 г.
с пометками С.С.Гейченко

Рис.217. Профессор архитектуры И.А.Бартенев (в центре)
с группой преподавателей и выпускников Академии художеств.
Фото 1951 г. (фрагмент)

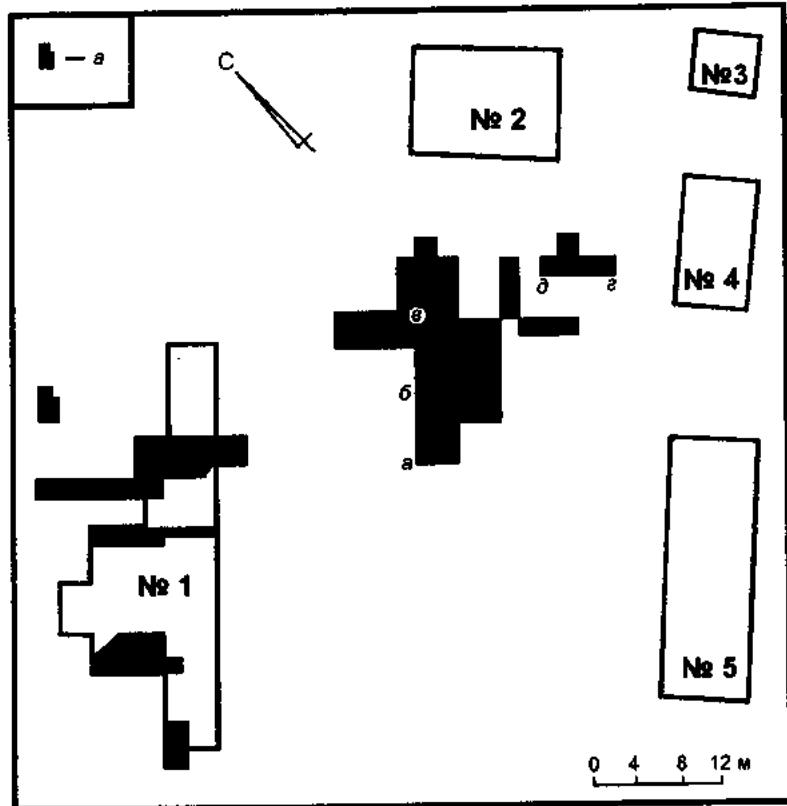

Рис.218. Усадьба Воскресенское.
Схема размещения раскопов (а) 1999–2001 гг.

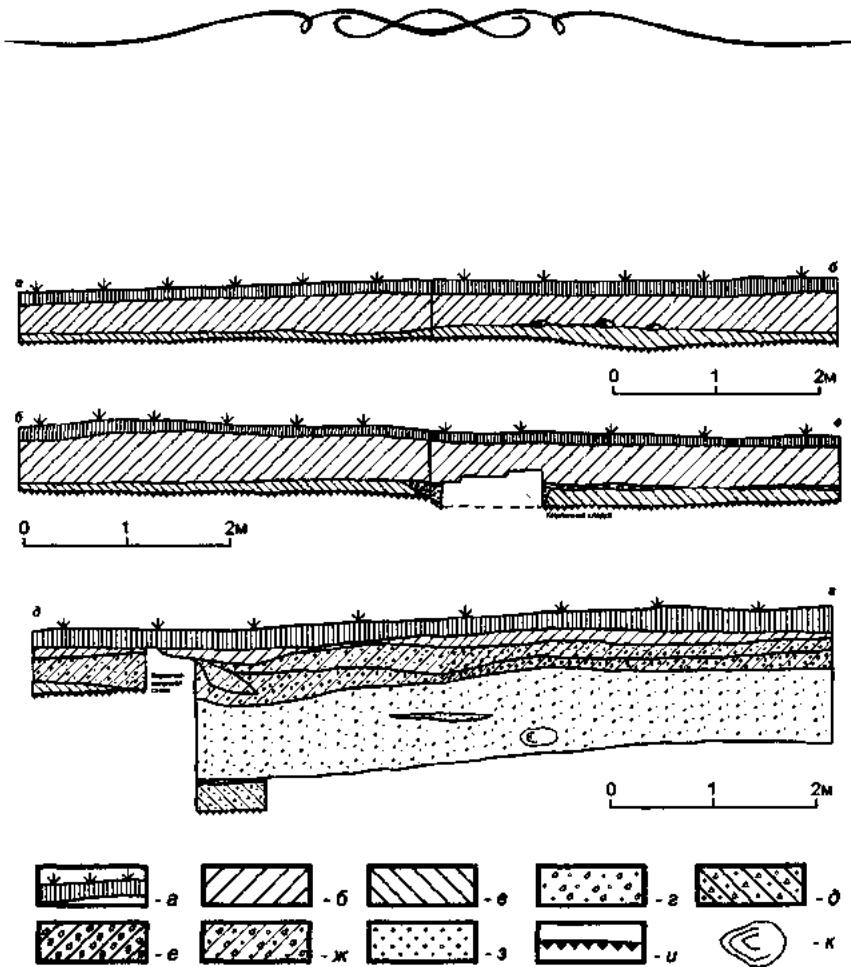

Рис.219. Усадьба Воскресенское. Стратиграфия:
 1-2 – кв.И₁₋₂₋₃₋₄, западная стена; 3 – кв.МН_{III}, южная стена.
 Обозначения «а–б–в» и «г–д» на стратиграфических разрезах
 указывают их местоположение на схеме раскопов (рис.210);
 а – дерн; б – серый слой; в – коричневый слой; г – слой битого кирпича
 и известкового раствора; д – серый слой со щебнем и известковым раствором;
 е – серо-коричневый слой с включениями кирпичного щебня и угля; к –
 известковый раствор; ж – серо-коричневый слой с включениями кирпичного щебня и
 известкового раствора; з – известковый раствор; и – материк; к – валуны

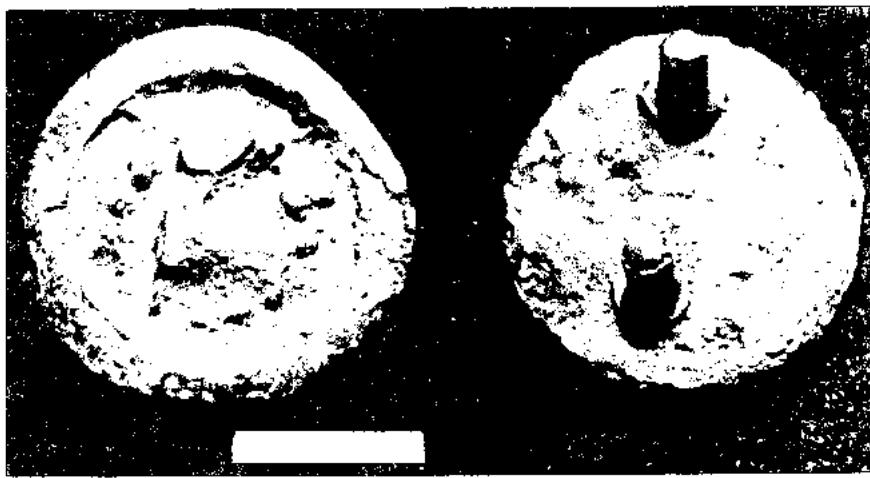

Рис.220. Усадьба Воскресенское.
Бронзовая бляшка из предматерикового слоя

Рис.221. Усадьба Воскресенское.
Расчистка фундаментов западного крыла «Господского дома»

Рис.222. Усадьба Воскресенское. Южная стена «гостиного дома», разрушенная дорогой второй половины XIX – начала XX в.

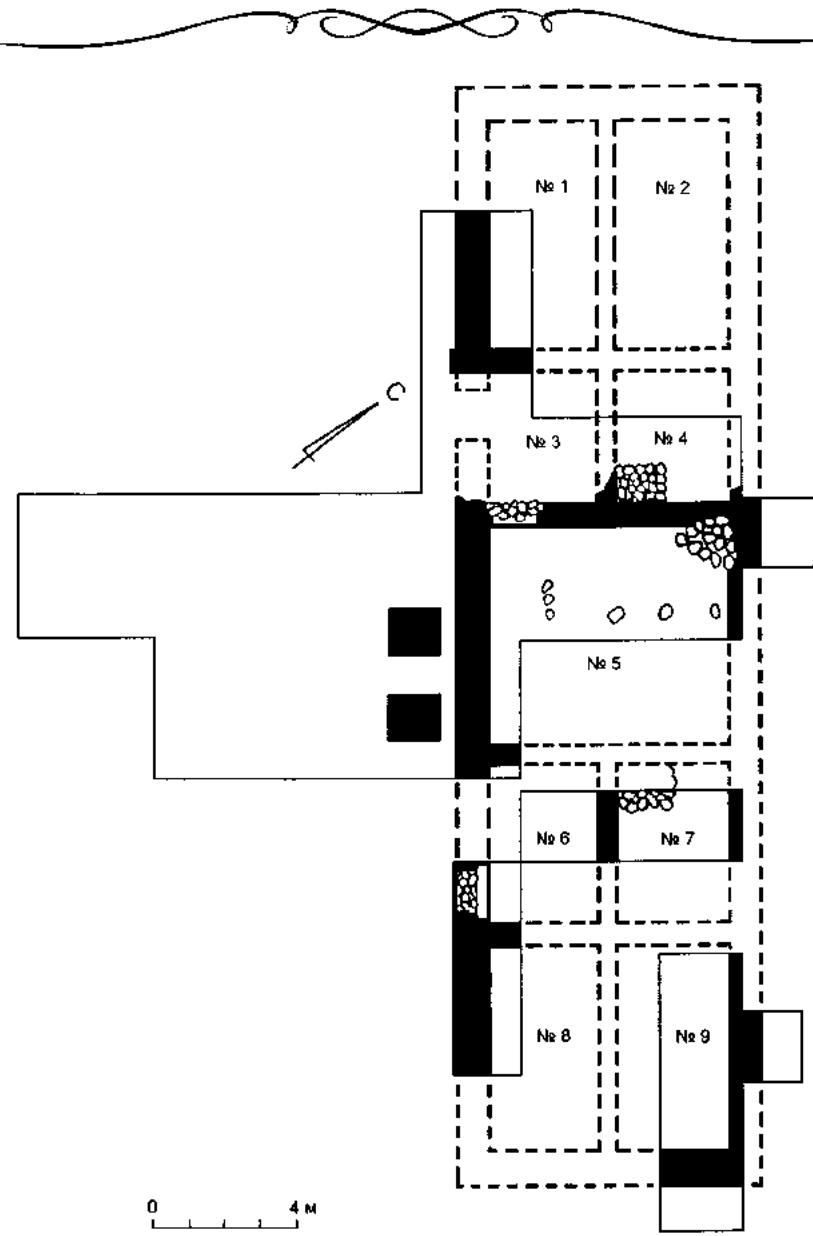

Рис.223. Усадьба Воскресенское. «Гостинский дом»
(реконструкция плана постройки по результатам раскопок 2000–2001 гг.)

Рис. 224. Усадьба Воскресенское. «Господский дом». Кирпичная стена, разделяющая помещения № 6 и № 7

Рис. 225. Усадьба Воскресенское. «Господский лом». Основание печи в помещении № 4

Рис.226. Усадьба Воскресенское. «Господский дом».
Основание камина в помещении № 5

Рис.227. Усадьба Воскресенское. «Господский дом».
Северо-восточный угол подвала

Рис.228. Усадьба Воскресенское.
Фрагмент печного кафеля из слоя разрушения построек

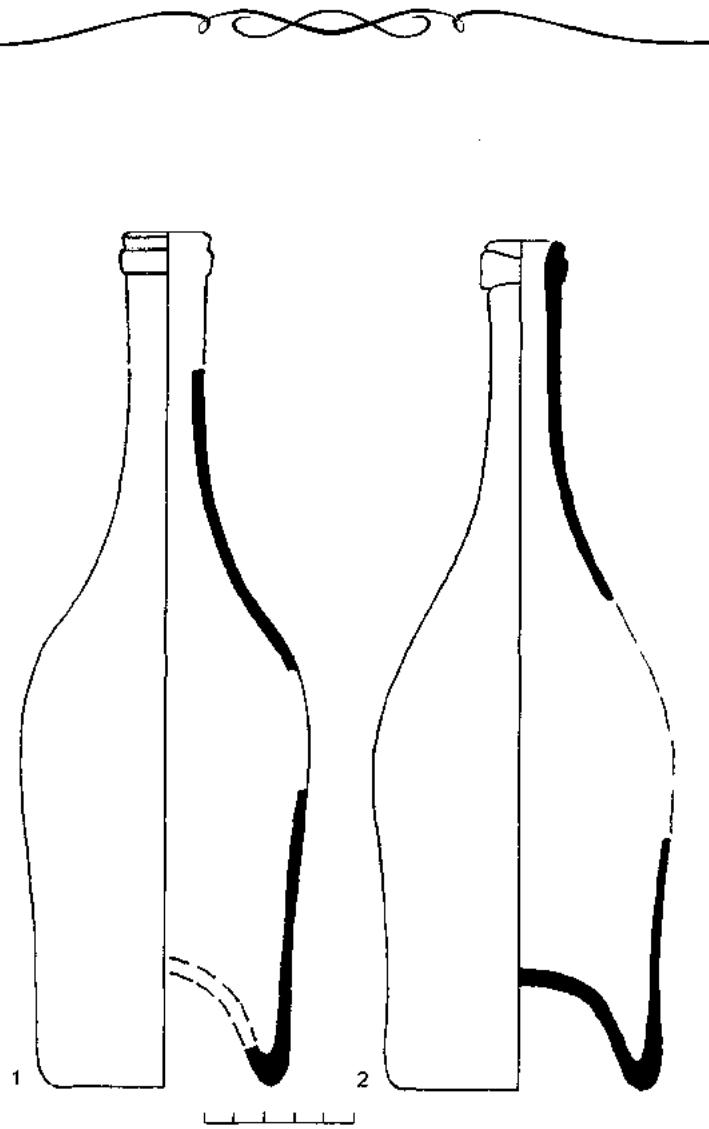

Рис.229. Усадьба Воскресенское, «Гостинский дом».
Бутылки из заполнения подвала

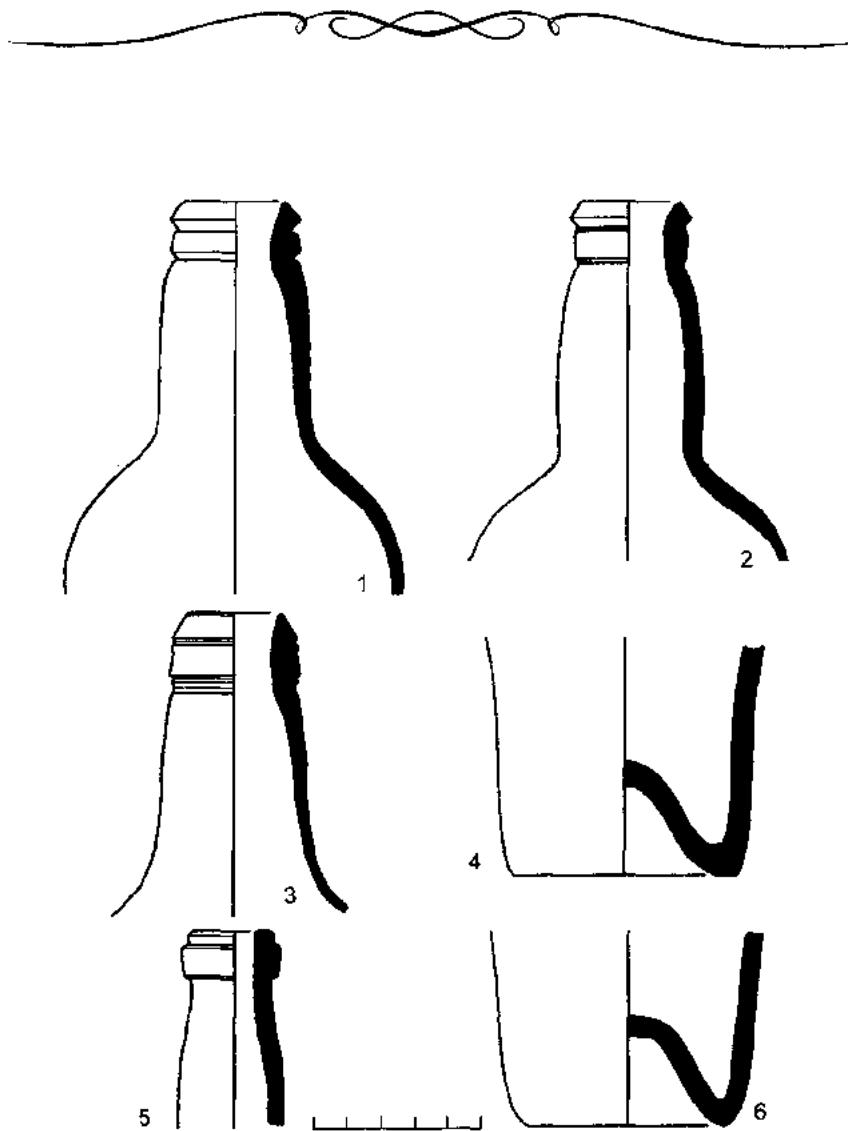

Рис.230. Усадьба Воскресенское. «Господский дом».
Бутылки из заполнения подвала

Рис.231. Усадьба Воскресенское.
Валунный фундамент флигеля

Рис.232. Усадьба Воскресенское.
Кирпичная кладка флигеля

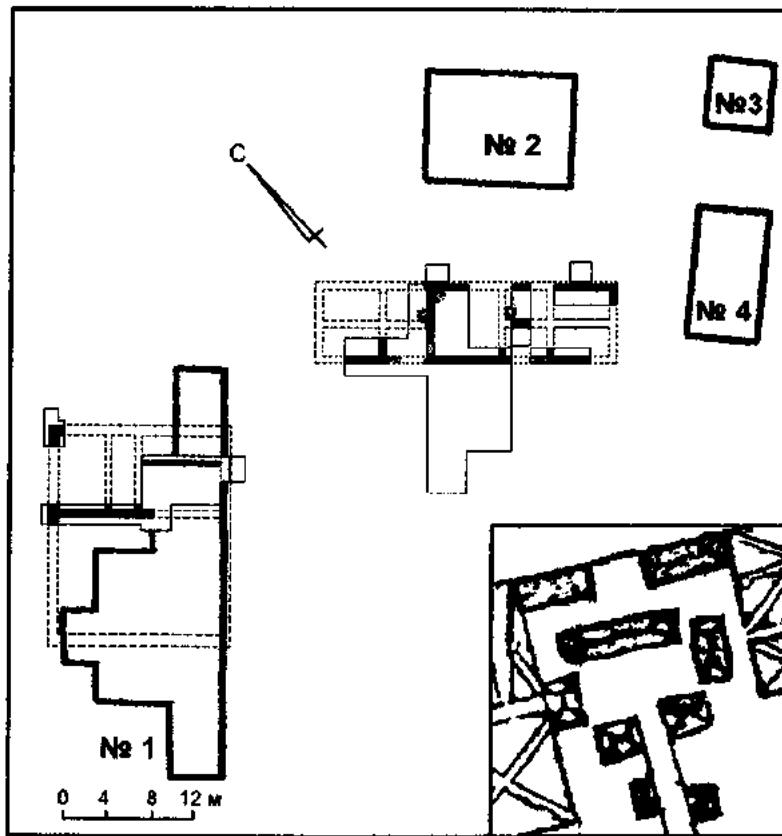

Рис.233. Усадьба Воскресенское.
Схема застройки центрального двора
(по результатам раскопок 1999–2001 гг.).
На врезке: фрагмент плана 1786 г.

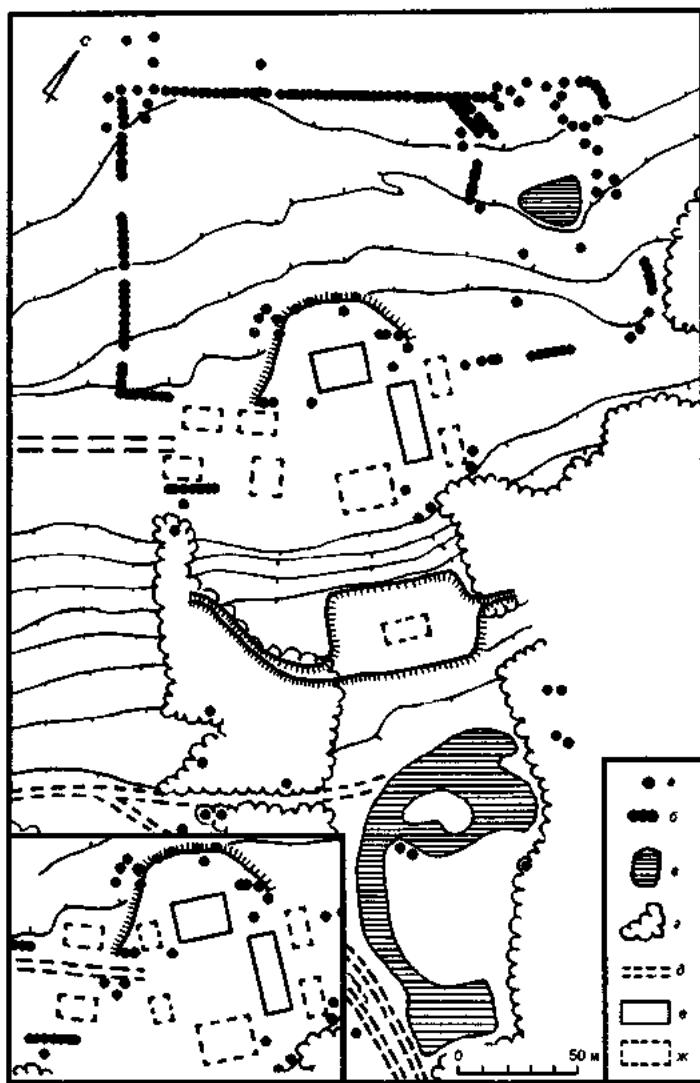

Рис.234. План-схема усадьбы Воскресенское:
 а — места расположения старых деревьев; б — следы старой обсадки парка;
 в — пруды; г — лес; д — дороги; е — местоположение построек XVIII в.,
 обследованных раскопками; ж — местоположение построек XVIII в.,
 зафиксированных на плане 1786 г. На врезке: альтернативная реконструкция
 топографии построек XVIII в., размещенных вдоль подъездной аллеи

Рис.235. Профессор архитектуры К.К.Романов.
Фото 1926 г. (по Г.В.Длужневской)

Рис.236. Усадьба Михайловское. Раскопки господского дома.
Фото 1934–1935 гг. (по Г.В.Длужневской)

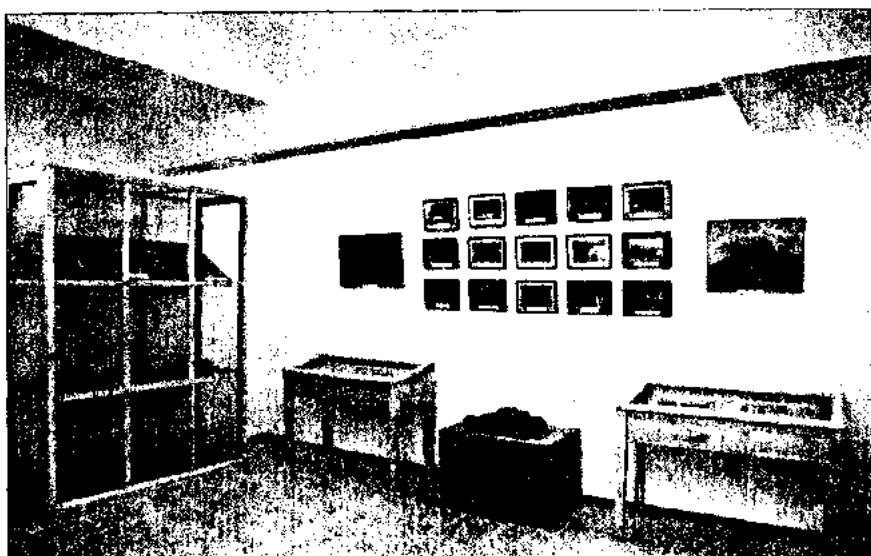

Рис.237. Выставка «Усадьба Воскресенское.
Археологические исследования 1999–2001 гг.»
в Государственном музее-заповеднике А.С.Пушкина «Михайловское»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГОРОД ВОРОНОЧ	14
Письменные источники	14
Археологические исследования города Вороноча	16
Раскопки на городище Воронич	17
Исследование посадов Воронича	24
ОКРУГА ВОРОНОЧА	32
Памятники археологии в окрестностях Вороноча	32
Заселение Нижнего Посоротья по данным археологии	43
ГЕОРГИЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА ГОРОДИЩЕ ВОРОНИЧ	
(по результатам раскопок 2002 г.)	49
Из истории ц. Св. Георгия на Ворониче	49
Раскопки Георгиевской церкви	51
Топография и стратиграфия раскопа I	51
Строительная история храма	52
Погребения в раскопе 2002 г.	54
Монеты в раскопе 2002 г.	57
Пушкин и ц. Св. Георгия на Ворониче	63
УСАДЬБА ВОСКРЕСЕНСКОЕ	
(по результатам раскопок 1999–2001 гг.)	73
Из истории усадьбы Воскресенское	73

План Воскресенского конца XVIII в. и сохранившиеся следы застройки	74
Раскопки постройки № 1	77
Археологические исследования усадьбы Воскресенское XVIII – первой половины XIX в.	84
План 1786 г. и результаты археологических раскопок	87
Усадебная археология	90
НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО АРХЕОЛОГИИ ПУШКИНОГОРЬЯ	101
ПОСЛЕСЛОВИЕ	108
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	112
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	113

**НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ
МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА**

Выпуск 31

С.В.Белецкий

**ПУШКИНОГОРЬЕ ДО ПУШКИНА
Историко-археологические очерки**

Редактор Е.Б.Егорова

Технический редактор И.Г.Кочнева

Корректор О.Н.Крендисова

Компьютерная верстка и макет Т.В.Иванникова

**Издательская лицензия № 00663 от 5.01.2000
181370, Псковская обл., Пушкиногорский район, с. Михайловское
Тел.: (81146)-217-62, 223-19, 234-90**

**Макет изготовлен ООО «Профинтер»
125445, Москва, Валдайский пр., д. 8, стр. 1**

**Сдано в набор 19.01.2004. Подписано в печать 20.02.2004
Формат 60×90 1/16. Гарнитура Петербург.
Объем 20 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз.**

**Типография ООО «Галлея-Принт». Заказ №
111024, Москва, 5-я Кабельная улица, д. 2Б**

ISBN 5-94595-039-4

9 785945 950399 >